А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

8

А.Н.ОСТРОВСКИЙ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ 8

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ**

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией
Г. И. Владыкина
И. В. Ильинского
В. Я. Лакшина
В. И. Маликова
П. А. Маркова
А. Д. Салынского
Е. Г. Холодова

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1977

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

8

ПЬЕСЫ,
НАПИСАННЫЕ
В СОАВТОРСТВЕ
(1876—1882)

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1977

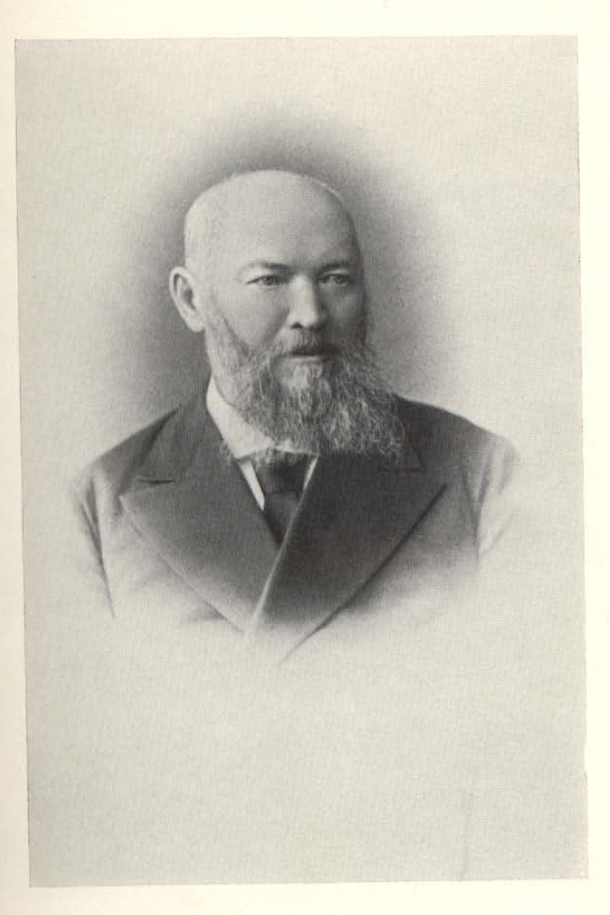
Р1
О-77

Подготовка текста
Л. Даниловой

Комментарий
Л. Даниловой
Ю. Чирвы

Редактор тома
В. Лакшин

О $\frac{70600\text{-}032}{025(01)\text{-}77}$ подписное

А. Н. Островский
80-е годы

ПЬЕСЫ,
НАПИСАННЫЕ В СОАВТОРСТВЕ С Н. Я. СОЛОВЬЕВЫМ

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Сцены из жизни уездного захолустья в трех действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ИВАН ЗАХАРЫЧ САНДЫРЕВ
почтмейстер уездного города, 50 лет, занимается более чтением газет, чем службой.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА САНДЫРЕВА
его жена, свежая и расторопная женщина, лет 45.

ЛИПОЧКА, НАСТЯ — их дочери.

ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ НИВИН
уездный врач, лет 35, задумчивый, исхудалый, речь и движения вялые.

МИХАЛЕНКО
почтальон.

СОЛДАТКА, МЕЩАНИН — соседи Сандыревых.

Действие происходит в уездном городе.

Небольшая гостиная в доме Сандыревых. Прямо — растворенная дверь в залу; на правой стороне (от актеров), в углу — дверь во внутренние комнаты; ближе к зрителям, у стены — диван, перед ним — круглый стол и несколько кресел; с левой стороны, в углу — дверь в канцелярию, на первом плане — окно, перед ним — ломберный стол. Мебель старая, разнокалиберная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сандырев, один, в старом халате, с длинным чубуком, сидит на диване, облокотясь на стол; на столе перед ним газета и географическая карта.

Сандырев *(шарит пальцем по карте)*. Малый Зворник, Малый Зворник... Как это затруднительно однако: и депеши читай, и на карту смотри: Малый Зворник... вот сейчас его под пальцем держал, провалился куда-то. Нет, вперед надо булавочками замечать: попрошу у жены булавочек. Вот оно что значит недостаток географических сведений! Вчера вдруг читаю телеграмму из Питсбурга, а где этот Питсбург, в каком государстве, в какой стране света? Вот тут и занимайся политикой! Малый Зворник, Малый Зворник.

Сандырева быстро входит в шляпке.

Сандырева. Ух, как устала.

Сандырев *(не глядя на жену)*. Новости, Олинька! Важные новости.

Сандырева *(с досадой)*. Какие такие новости? Где это?

Сандырев. В Европе, матушка, в Европе.

Сандырева *(опускаясь в кресло и снимая шляпку)*. Господи! Что это за человек! Да что нам до Европы! Вы взгляните около себя-то, обратите внимание на свое семейство! А то, извольте подумать, какой европеец! Европа его занимает, видите ли!

Сандырев. Да турки, матушка, турки.

Сандырева. Злодеи ведь они, варвары, да? Не правда ли? Ну, так знайте же, что вы хуже всякого турка! Тем все-таки простительно: они — нехристи; а вы... вы — изверг, тиран, мучитель жены и семейства... Ведь мы погибаем, завтра мы — нищие...

Сандырев. Да что, что такое?

Сандырева. И он еще спрашивает! Человек вы или истукан?

Сандырев. Да что за несчастье? Каша из горшка ушла, что ли?

Сандырева. Ваша голова — горшок! Жена мучается, бегает, а он политикой занимается. Я весь город облетала, везде была, всем визиты сделала; и все это для вас, для семьи... где слезами, где шуткой и любезностями выманивала подписи к одобрительному адресу о вас от жителей города. Сорок подписей готово, и, по приезде его превосходительства, адрес будет подан самим городским головою... Цените ли вы это?

Сандырев *(рассматривая карту)*. Ценю, ценю, душенька.

Сандырева *(качая головой)*. «Ценю»! Бесчувственный вы человек!.. А Михаленко, вы знаете, вернулся из губернии. Я слышала, что он донес обо всем: и поборы с мужиков, и обложение содержателей почт с хвоста лошади, и ваш чубук — все, все... И завтра сам генерал у нас на ревизии, и завтра мы — в отставке и нищие.

Сандырев *(не слушая)*. Ну, слава богу! Ну, очень рад, очень рад.

Сандырева. Вот это хорошо, он очень рад; да чему же?

Сандырев. Нашел! Нашел!
Сандырева. Что? Сто тысяч?
Сандырев. Нет, Малый Зворник.
Сандырева. Чудовище!

Входит Михаленко.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сандырев, Сандырева и Михаленко.

Михаленко *(вытягиваясь)*. Честь имею лепортоваться; я прибыл-с из губернии...
Сандырева. Вот он... и уж глазки залиты.
Михаленко. Никак нет-с, маковой росинки...

Сандырев откладывает газету, затягивается трубкой и смотрит на Михаленко.

Сандырева. Что же ты, злой человек, наговорил там на Ивана Захарыча перед его превосходительством?..
Михаленко. Ничего-с... а только что нет силы моей, возможности, говорю! Вся ваша воля... ежели меня в Сибирь, ваше превосходительство, говорю, готов, с удовольствием; но только что...
Сандырева. И давно бы тебя в Сибирь следовало, это правда! На что же ты жаловался, чем ты недоволен?
Михаленко. Чубук, говорю, ваше превосходительство; никакого спокойствия, говорю, я себе от чубука не вижу... Жестокое побиение чубуком, говорю, получаю от их высокоблагородия господина почтмейстера! Каждодневно эта битва...
Сандырев. А вот и сейчас будет то же самое. *(Снимает трубку с чубука.)*
Михаленко. Извольте-с, извольте, ваше высокородие... так чтоб уж вполне...
Сандырев *(вставая с дивана)*. Вполне, вполне получишь, что тебе по моему усмотрению следует.

Михаленко убегает в залу.

Сандырева. Оставьте, бросьте, Иван Захарыч!
Михаленко *(из зала)*. И про лошадиные хвосты-с, и про мужицкие грошики — все доложил их превосходительству. *(Убегает.)*

Сандырев *(хладнокровно)*. Ну, подожди! За мной не пропадет. *(Снова садится и углубляется в газету.)*

Сандырева. Что ж это? Опять за газеты? Ну, так слушайте! Я брошу вас и убегу куда глаза глядят; живите как знаете! Да скажите ж вы мне на милость, думаете вы хоть сколько-нибудь о доме-то, о семье-то?

Сандырев. Нет, матушка, ничего не думаю. Мы — черви, и жизнь наша—ничтожество, так и думать не стоит. *(Указывая на газету.)* Вот тут судьбы человечества, исторические задачи.

Сандырева. Да ведь не нам они задаются, эти задачи, так не нам их и решать. Наша задача — как бы не умереть с голоду. Вы только посудите, что у нас на руках: Настя и Липочка — невесты без женихов. Нивин таскался прежде, посматривал будто на Липочку, да теперь с ума сошел: какую-то диссертацию вздумал писать; два месяца и глаз не кажет. Я уж на штуку пошла: сегодня посылала за ним, велела сказать, что-де Липа больна. Какого-нибудь толку нужно добиться. Ну, Настя, положим, не пропадет: эта — в меня; а Липа, она только и умеет пироги делать да спать... Теперь дальше-с: Волю и Вику в гимназию нужно определять; Соню, Сашу и Любу в пансион везти; для остальной оравы — ну хотя бурсу какую-нибудь взять, а то ведь срам: только и дела у них, что соседние огороды пустошат да сады добрых людей обивают! От жалоб на них стон стоит по городу.

Входят солдатка и мещанин.

Да вот извольте послушать.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сандырев, Сандырева, солдатка и мещанин.

Солдатка. Будьте отцы-благодетели! Защитите хоть малость от деток-то от своих!.. Разорили; всю картошку на огороде выпололи дочиста, а огурчика и отведать не дали!..

Мещанин. И я тоже насчет этих самых делов... толь-

ко по яблочной части... У меня в саду тоже такую отделку произвели... в лучшем виде.

Сандырева. Слышите, Иван Захарыч, слышите-с? Как вам нравится?

Сандырев. Хм... да... ну, ловите... и к мировому их!

Сандырева. Вот это мило!

Мещанин *(хохочет)*. Очепно даже антересно... к мировому-то? Так и мешков тех не хватит: ведь, их, никак, деток-то ваших, до дюжины по огородам фуражируют, помилосердуйте!

Солдатка. Да и как еще ты их поймаешь, скажи! Гляди-ка, как они по огороду-то, точно ужи, вьются. И ведь какие озорники! Ты его догонять — ну, уж и бежал бы без оглядки; а он еще между гряд-то колесом катится да языком тебя дразнит.

Сандырев *(ударив кулаком по столу)*. Так вон же вы, невежество!

Мещанин. А ежели так, в таком случае я направлю стопы свои к господину исправнику. *(Раскланивается и уходит.)*

Солдатка. А я вдарюсь к инвалидному. *(Уходит.)*

Сандырев. Ну, и убирайтесь вы, куда знаете, только провалитесь с глаз моих! *(Углубляется в газеты.)*

Сандырева. Слышите вы, видите?

Сандырев. Минуточку, душенька, одну минуточку спокойствия прошу я у вас.

Сандырева. Да пень вы или человек?..

Сандырев. С вами, Ольга Николаевна, жить нет никакой возможности...

Сандырева. Скажите пожалуйста! Он же еще в претензии.

Сандырев. Целое утро я искал Малый Зворник... нашел...

Сандырева. Ну!

Сандырев. Малый Зворник нашел, так Великий Извор потерял тут с вами... Эх! *(Берет газету и карту, быстро уходит в канцелярию.)*

Сандырева. Старый башмак! Что б этот человек был без меня? И все-то, все должна нести на своих плечах слабая женщина.

Из залы входит Липочка, зевает и потягивается.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сандырева и Липочка.

Сандырева. Вот еще сокровище-то! Что ты зеваешь?

Липочка. Спать хочется.

Сандырева. Да давно ль ты встала? Хоть бы постыдилась. Будят, будят, насилу добудятся.

Липочка. Да зачем будить-то? Что делать-то? Ходить целый день взад да вперед по комнатам.

Сандырева. Так все и спать?

Липочка. Да, конечно, лучше: ничего не слышишь, не видишь — и отлично. *(Садится в кресло.)* И зачем это люди родятся на свет, коли такая жизнь!

Сандырева. Ну, философию ты оставь — не к лицу она нам с тобой. Прими болезненный вид: скоро Нивин придет.

Липочка. Да как же я его приму, когда я здорова?

Сандырева. Вот еще! Что ты, маленькая, что ли? Скажи, что боль под ложечкой, ну и голова, бок — мало ль что можно наговорить! Изнеможение этакое представь. А между тем поглядывай на него, бросай такие взгляды... ну, там... грусть... упрек...

Липочка. Ах, да ведь это — комедия...

Сандырева. Ну да, комедия; а ты думала, что же? Приданого-то нет у вас, так поневоле примешься за комедию. Хочешь ты камнем, что ли, повиснуть на шее у матери-то? Так, милая, я уж и так утопаю с вами.

Липочка. Обо мне не беспокойтесь... я в портнихи пойду!

Сандырева. Да и пойдешь, пойдешь... Ничего тут нет мудреного. Ну, а покуда, что бог даст, побудь барышней да слушайся матери. Ох! Пойти взглянуть, что у нас деется в канцелярии. *(Уходит в канцелярию.)*

Из залы входит Нивин.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Липочка и Нивин.

Нивин *(подает руку)*. Здравствуйте! Вы больны?

Липочка *(с улыбкой)*. Очень!

Нивин *(садясь)*. Чем же?

Л и п о ч к а. Здоровьем, должно быть.

Н и в и н. В таком случае, я хотел бы заразиться от вас; зачем же меня звали-то?

Л и п о ч к а. Я не знаю; мамаша говорит, что я больна... вот у нее и спросите чем?

Н и в и н. Интересная практика, нечего сказать... Где же ваша мамаша?

Л и п о ч к а. Сейчас придет... Василий Сергеич... отравите меня!

Н и в и н. Ого! То есть как же это?

Л и п о ч к а. Так, просто; пропишите яду — я приму и умру. Никто и не узнает, а если и узнают — жалеть меня некому... А мне уж как не хочется жить: скука замучила меня.

Н и в и н. Незаметно-с!

Л и п о ч к а. Вот то-то мне и досадно: умереть ужасно хочется, а я все расту да толстею... Отравите меня: как бы я была вам благодарна за это!

Н и в и н. Какие страсти вы говорите! Надо полагать, в меланхолии находитесь.

Л и п о ч к а. Все мне опостылело, а больше всего сама я себе надоела.

Н и в и н. «Не мил белый свет»? — Дадим снадобья, и пройдет, как рукой снимет, это — я с удовольствием, а насчет яду... нет, зачем же! Это предусмотрено в уложении о наказаниях; там такая статья, что за это в Сибирь-с! Хоть Сибирь — и малонаселенная страна, а все-таки я своей особой увеличивать ее населения не желаю.

Л и п о ч к а. Нет, яду, яду, Василий Сергеевич! Сделайте такую милость!

Н и в и н. Ведь уж сказал, что не дам! Расчету нет никакого, себе дороже... Погодите: «не все на небе будет ночь!»

Л и п о ч к а. Нет, для меня уж рассвету не будет. Ну, что за жизнь: ни цели, ни радости, ни надежды! Так идет изо дня в день, тянется, тащится что-то. Другие хоть мечтать могут, фантазии разные себе придумывают, а я и этого не умею, не могу себя даже и обмануть ничем. Хоть бы работать что-нибудь! Я в портинихи хочу идти.

Н и в и н. А дома-то кто ж вам мешает работать?

Л и п о ч к а. Да какая же у барышень работа? Шить что-нибудь нужное, полезное для дома — барышням

неприлично, а вышивать подушки да коврики по канве — ведь это уж очень глупо. Когда вперед знаешь, что работаешь только для виду, что твоя работа никому не нужна, что ее сейчас же бросят, так уж надо быть очень малодушной, чтобы прилежно заниматься этой работой... Нет, лучше в портнихи...

Н и в и н. Почему же в портнихи непременно?

Л и п о ч к а. Да я ничего не умею больше. Нет, виновата, умею хорошо пироги печь. Как это случилось, уж я и не знаю: никогда и не училась, и не желала отличаться этим мастерством, а вдруг как-то, по вдохновению.

Н и в и н. Так в портнихи задумали?

Л и п о ч к а. Там по крайней мере жизнь есть.

Н и в и н. Ну, не особенно привлекательная.

Л и п о ч к а. Все же лучше моей, разнообразие есть. Неделю работают до упаду, что-нибудь выработают, а праздник отдыхают,— а я постоянно отдыхаю. Как-то неловко смотреть на себя: такая я большая, сильная, а только и делаю, что хожу по комнатам. Люди желают, просят здоровья и сил, а мне они в тягость, для меня они лишние; ну, что я за человек? Окаменеть бы как-нибудь! Нет ли такого лекарства?

Н и в и н. Хоть в аптеке такой микстуры нет, да вы не беспокойтесь, ее и не нужно,— сама жизнь все это сделает. Вот эта скука-то, «изо дня в день-то одно и то же без цели и радости», помаленьку так оболванит человека, что уж никакие громы не разбудят, никакие гласы не воззовут.

Л и п о ч к а. «Помаленьку»! А каково ждать-то?

Н и в и н. Потерпите, и в скуке могут быть вариации.

Л и п о ч к а. Какие?

Н и в и н. Можно скучать на разные манеры, в разной обстановке: можно скучать в одиночку, а найдется еще скучающий человек — придется скучать сам-друг.

Л и п о ч к а. Вы говорите загадками.

Н и в и н *(взглянув на часы)*. В другой раз, как-нибудь на досуге, поясней скажу.

Входит С а н д ы р е в а.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Липочка, Нивин и Сандырева.

Сандырева. Василий Сергеевич! Сколько лет, сколько зим!

Нивин раскланивается.

Забыли, совсем забыли нас, Василий Сергеевич.

Нивин. Дома хочется сидеть, Ольга Николаевна.

Сандырева. Мы беспокоим вас своими немочами, а вы, кажется, сами не так здоровы? Как вы похудели!

Нивин. Да-с, я не совсем-таки...

Сандырева. Вы много занимаетесь; я слышала, вы пишете диссертацию.

Нивин. Хм... Через какое это агенство вы такие сведения получаете?

Сандырева. Слышали, Василий Сергеевич, слухом земля полнится; мы от души порадовались.

Нивин. Да-с, пишу, да и казнюсь. Я люблю медицину, верю в великую будущность этой науки; но, вместе с тем, сознаю, что я-то — уже отставной, мертвый ее член! Не мне, уездному врачу, двигать науку; мне остается неуклонно посещать по утрам купчиху Соловую по случаю ее «вдаров в голову и рези во чреве», а по вечерам — постоянно одержимого белой горячкой ротмистра Кадыкова. *(Встает.)* Я из числа тех людей, которые, после более или менее продолжительной борьбы, отдаются течению, и в эту минуту я, вместе со всеми обывателями, плыву туда, куда влечет нас наш жалкий жребий.

Сандырева. Как вы критикуете нашу провинцию!

Нивин. Помилуйте, я себя не отделяю от провинции; я сам — провинция!.. Чем же больна ваша дочь?

Сандырева *(Липочке)*. Липочка, говори!

Липочка. Я не знаю, мама.

Сандырева *(вспыхнув)*. Ах, мой друг! Целую ночь не спала, Василий Сергеевич, головная боль и под ложечкой...

Нивин. Может быть, дурно пищеварение? Это пройдет.

Сандырева. И бред, Василий Сергеевич, мучительный бред прошлую ночь был... уж так бредила... Вообще она у меня последнее время — бог ее знает что! *(Вздох.)* И скрывает от меня: дни ходит, как тень: ни дела, ни места ей... ночи не спит, бредит просто наяву... Мое сердце болит, глядя, Василий Сергеевич!

И как часто в бреду она называет вас; уж что ей представляется!

Липочка *(смеется)*. Мама, ну что ты выдумываешь.

Сандырева. Ты очень еще глупа, мой ангел! Ты не знаешь, что часто так начинаются очень серьезные и даже неизлечимые болезни!

Нивин. Так вы хотите лечить ее?

Сандырева. Ах, как же! Непременно, непременно.

Нивин. Ну, если непременно, так мы постараемся обойтись без аптеки — зачем даром деньги платить! Нет ли у вас какого-нибудь снадобья: бузины, смородинного листа, магнезии?

Сандырева. Как не быть, Василий Сергеевич! Все это есть.

Нивин. Так дайте что-нибудь.

Сандырева. Чего же?

Нивин. Это решительно все равно, только немного: как рукой снимет. *(Откланивается.)* До свиданья!

Сандырева. Куда же вы, Василий Сергеевич? Не хотите и посидеть с нами? Кофейку не прикажете ли? Уделите нам еще четверть часика!

Нивин. Нет-с, мне в больницу нужно. Честь имею кланяться!

Сандырева *(провожая его, дочери)*. Злодейка ты для своей матери. *(Уходит.)*

Липочка. Вот еще положение-то! Представлять собой негодный товар, который с рук нейдет и который насильно навязывают покупщику. Эка жизнь! Ах, да пусть что хотят, то и делают со мной! *(Закрывает лицо рукой.)*

За сценой слышен свежий голос: «Когда я был аркадским принцем, когда я был аркадским принцем! Тра-ла, тра-ла...» Входит Настя.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Липочка и Настя.

Настя. Тра-ла-ла-ла-ла-ла... Покойной ночи, сестрица, что во сне видишь? Нивина, что ли? *(Смотрит в окно.)* Господи! Да когда же меня, несчастную, кто-нибудь подцепит? Вот бы ухватилась! Хоть бы уж плохонького какого!.. Ну, вот идет мимо Сопелкин, Каптелкин, как его? бухгалтер управы... Ну, отчего бы ему не влюбиться и не жениться на мне?.. Голубчик.

влюбись и женись!.. *(Подходит к сестре.)* Сестрица, послушай, уступи мне Нивина! Я бы живо его скрутила; а ведь ты упустишь — где тебе!

Липочка. Оставь меня в покое... Вешайся на шею кому хочешь.

Входит Сандырева.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Липочка, Настя и Сандырева.

Сандырева. Нет, Настя, Нивин, видно, сорвался у нас.

Настя. А может быть, не совсем еще... погоди, не печалься! Не она, так я, мама, ловить буду его.

Сандырева. Ох, я и вздумать не могу без ужаса, что ты покинешь меня. Ты ведь у меня одна: и помощница, и друг! Нет, Настя, погоди, ты еще молода. А теперь у нас с тобой дело есть.

Липочка встает и идет к двери.

Настя. Сестрица! Не почивать ли?

Липочка *(лениво и зевая)*. Может быть... Лучше спать, чем пустяки болтать. *(Уходит.)*

Сандырева. Ну, с богом. Что в ней проку-то! А ты вот мне с генералом-то что-нибудь придумай, как бы замазать да затуманить наши дела-то. Остановится ли у нас, не остановится ль, а уж обедать-то во всяком случае будет — вот тут-то ему десерт и нужен. Он ведь великий лакомка... понимаешь?

Настя. Еще бы!

Сандырева. Глазки, улыбочки... Ваше превосходительство! Ну, то да се...

Настя. Три года назад он приезжал; я, мама, тогда такой маленький прыщик была, а и то он по головке поглаживал. А теперь мы смастерим кой-что... И как интересно его превосходительству глазки строить! Да он и остановится у нас, где ему остановиться... на постоялом дворе, что ли?

Сандырева. А вот увидим... Пронеси, господи, грозу!

Настя. А я, мама, умею глазки делать, уж выучилась. Вот так если? *(Принимает кокетливое положение, с вызывающей улыбкой.)*

Сандырева. Ах, прелесть! И умница, и хорошенькая ты у меня. *(Целует ее.)* Нет, дешево я тебя не отдам...

А в канцелярии-то у нас черт ногу сломит! Почтальоны все пьяны, сортировщик совсем не явился. Помоги уж ты мне, а то я, кажется, умру, не дождавшись и генерала.

Настя. Не бойся, пойдем — все рассортируем!

Слышен за сценой быстро приближающийся колокольчик.

Сандырева *(всплеснув руками)*. Батюшки светы!

Настя. Это он, мама! *(Убегает направо.)*

Входит Михаленко.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Сандырева, Михаленко и Сандырев.

Михаленко. Их превосходительство! Сам генерал-с! *(Исчезает.)*

Сандырева бежит налево и в дверях сталкивается с мужем.

Сандырева *(с ужасом)*. В халате! Вылезьте из халата-то, вылезьте! Да бросьте ваш проклятый чубук! О, несчастный! Несчастный! *(Уходит.)*

Сандырев остается окаменев.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

САНДЫРЕВ.

САНДЫРЕВА.

ЛИПОЧКА.

НАСТЯ.

ШУРГИН
гражданский генерал, губернский начальник в том ведомстве, в котором служит Сандырев, лет под 50, средней важности, в золотых очках.

ПЕТР СТЕПАНОВИЧ ИВАНОВ
чиновник при Шургине, чистенький, приглаженный молодой человек, в разговоре постоянно конфузливо улыбается и не знает, куда деть глаза.

ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА
корявая личность, неопределенных лет, силится поднять голову повыше, руки опущены, немного растопырены, в мундире.

МИХАЛЕНКО.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сандырева, парадно одетая, потом Липочка.

Сандырева *(подкрадывается к затворенной двери в зале и прислушивается)*. Шагов не слышно, почивает! *(Отходит.)* Не ждать нам добра: сердит, ни с кем и не говорил, только и слов было: «Я хочу часа два отдохнуть!» Мое сокровище даже и встретить не успел. Быть нам нищими, чует мое сердце. Каков чиновник с генералом: новый какой-то, лицо — ничего, доброе; ни злобы, ни ядовитости незаметно, как у этих столичных умников! Он чуть ли не из семинаристов... манеры-то как будто... Что они там с моим дражайшим в канцелярии? Ведь мое золото в состоянии сам на свою голову нагородить с политикой-то своей.

В дверях направо показывается Липочка.

Куда ты, куда ты! Ты и не показывайся, знай свои пироги, да смотри, чтобы миндальное не подгорело.

Липочка. Да ведь это — скучно...

Сандырева. Пироги... пироги!.. Так и умирай над ними!

Липочка уходит, из канцелярии выходят Иванов, с делами, Сандырев с книгами.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иванов, Сандырев и Сандырева.

Сандырева. Пожалуйте! Здесь вам будет отлично. Канцелярия у нас грязна, и посетители там беспокоят; а здесь вы можете вполне углубиться.

Иванов. Да... здесь-с лучше...

Сандырева *(указывая на ломберный стол)*. Вот на этом столе очень удобно; прошу вас.

Иванов усаживается. Сандырев кладет книги, закладывает руки за спину и безмолвно начинает шагать. Иванов разбирает дела и книги.

(Указывая.) Это — входящий, это — исходящий журнал, здесь приходо-расходная, а вот страховой корреспонденции... У нас порядок во всем удивительный! Иван Захарыч сил своих не щадит для службы. *(Сквозь слезы.)* Это — подвижник. А что касается доносов на него его превосходительству, говорю

вам по совести — одна клевета, низкая, гнусная клевета человека недостойного, презренного!

Иванов *(углубляясь в бумаги)*. Я не знаю-с.

Сандырева *(дергая мужа)*. А вы, как будто и не вас касается... Да что вы, опомнитесь! Ведь нищета грозит.

Сандырев. Я, матушка, тридцать лет прослужил, и финтить мне не приходится! В отставку — так в отставку. А Михаленка я нынче вздую лучшим манером... *(Уходит направо.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Иванов и Сандырева.

Сандырева *(про себя)*. Вот чадушко-то! *(Подходит к Иванову.)* Вы рассматриваете страховую?

Иванов. Да-с, здесь нужно кое-что.

Сандырева. Ах, все страховое для Ивана Захарыча — святыня! Он, я не знаю... он меня даже близко не допускает к этим пакетам! Ах, позвольте ваше имя.

Иванов. Петр Степанович-с.

Сандырева. Петр Степаныч, не прикажете ли вам чаю, кофе или покушать что-нибудь?

Иванов. Нет-с, уж я сначала займусь.

Сандырева. Петр Степаныч, а генерал, кажется, не совсем здоров?

Иванов. Нет-с, он ничего...

Сандырева. Или он не в духе?

Иванов *(погружаясь в бумаги)*. Да-с, дорога... беспокойна...

Сандырева. Ах, извините, я вас отрываю от дела.

Иванов. Ничего-с.

Сандырева. Я вам мешать не буду.

Входит Настя, кокетливо одетая. Иванов разбирает бумаги, не замечая ее.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Иванов, Сандырева и Настя.

Сандырева *(Насте)*. Порассей его! Страховую смотрит. Ох!

Настя *(кивнув головой)*. Я свое дело знаю.

Сандырева *(Иванову)*. Я ухожу, вам никто не помешает. *(Уходит.)*

Иванов *(взглянув на Настю)*. Какая хорошенькая! *(Углубляясь в бумаги, несколько раз оглядывается, потом привстает, кланяется и опять нагибается над столом.)*

Настя *(подходя)*. Неужели вам не надоели эти дела, бумаги? От них так пахнет гнилью!

Иванов. Нельзя-с, служба. Их превосходительство требует.

Настя. А вы его очень боитесь?

Иванов. Как же-с, помилуйте, начальник.

Настя. Он добрый или сердитый генерал?

Иванов. Нет-с, они очень даже снисходительны к нам.

Настя. К кому к нам?

Иванов. К чиновникам.

Настя. Ну, а к прочим смертным?

Иванов. Я не знаю-с, должно быть, тоже-с.

Настя. А генеральша ваша какая?

Иванов. У нас нет генеральши: они — холостые-с.

Настя. Кто ж у него, мать... сестра?

Иванов. Никого нет-с.

Настя. Так один и живет, ни одой женщины?

Иванов. У них только экономка-с, Амалия Карловна!

Настя. О, немка!.. Старая, в чепце?

Иванов. Нет-с, еще довольно молодая.

Настя. И хорошенькая?

Иванов. Нельзя сказать-с... а ничего-с.

Настя. А вы влюблены в нее?

Иванов. Нет, помилуйте-с, как возможно-с?

Настя. В кого же вы влюблены?

Иванов. Я ни в кого-с... я еще... *(Нагибается над бумагами.)*

Настя. Как! Еще совсем не были влюблены?

Иванов. Да-с. *(Старается заняться делом.)*

Настя. Отчего же? Не находили по своему вкусу или, может быть, у вас сердце каменное?

Иванов. Нет, не каменное-с, а не приходилось, еще не было случая-с.

Настя. Неужели вы еще ни в кого не влюблялись? Так-таки ни в кого?

Иванов. Хм... нет-с... еще я... я... не приходилось, не было случая-с.

Настя. И я еще ни в кого не влюблена, тоже не приходилось, да здесь и не в кого... А мне ужасно хочется

полюбить кого-нибудь: это, должно быть, очень интересно. А так, без любви, скучно жить.

Иванов. Да-с, это конечно, вы еще так молоды... и здесь, в глуши...

Настя. А музыку, театр, общество вы любите?

Иванов. Да-с, в свободное от службы время очень приятно.

Настя. Как я танцевать люблю... Ах, до упаду! А у нас и танцоров нет; если пойдешь с кем, так измучаешься, поворачивая своего кавалера! Давайте танцевать сейчас!

Иванов. Ах, как же можно-с! Мне надо дело делать...

Настя. Ничего... Давайте, пожалуйста, ну немножко!

Иванов. А ну как генерал услышит, мне как же тогда? Это ведь неприлично... чиновнику-с...

Настя. Мы тихонько... Да вы, может быть, не умеете?

Иванов *(вставая)*. Нет-с, я умею, и если вам угодно-с... только что могут быть неприятности.

Настя напевает; они танцуют польку.

(Останавливаясь.) Позвольте — довольно-с. *(Садится к столу.)*

Настя. Ух, как хорошо! Вот наслажденье-то! Вот и представьте мое положение! Ну хоть бы раза два-три в год потанцевать как следует! А то ведь это ужас что за кавалеры!

Иванов *(нагнувшись)*. Да-с, такой барышне, можно сказать... такому *(шепотом)* ангелу.

Настя *(с притворной строгостью)*. Что, что? Что вы сказали? Кто вам позволил? Разве это можно?

Иванов. Я ничего-с: это вам так послышалось.

Настя. Не отпирайтесь! Нет, я слышала. Извольте сейчас же писать стихи мне в свое оправдание.

Иванов. Я бы с удовольствием, да мне некогда-с; сейчас генерал спросит, а у меня еще ничего-с...

Настя. Пишите, пишите стихи, а то не прощу.

Звонок, входит Сандырева.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Иванов, Настя и Сандырева.

Сандырева. Кажется, звонок?

Иванов. Да-с, генерал...

Сандырева. Ах, скорей прислугу, Настя!

Н а с т я. Как мы мило время провели; как мы танцевали, мама, сейчас здесь с ними... *(Убегает.)*

С а н д ы р е в а. Извините, она — шалунья у меня; она вас обеспокоила?

И в а н о в. Нет, напротив, очень приятно-с...

С а н д ы р е в а. Ребенок она у меня, чистый ребенок! *(Уходит.)*

И в а н о в. Какая прелесть!.. Талия, ножка... да вся, что уж! И в губернском у нас еще поищешь!.. *(Разбирает дела.)* Все из головы выскочило теперь... Где-то тут что-то нужно было поверить! Ах ты, пропасть! Ничего не помню. Даже в озноб и жар бросает! А сейчас генерал... беда.

Двери из залы распахиваются, входит Ш у р г и н; Иванов привстает и, снова уткнувшись, садится.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

И в а н о в и Ш у р г и н.

Ш у р г и н *(ходит и чистит ногти)*. Что канцелярские книги?

И в а н о в *(привстав)*. Не очень-с... порядок не совсем... а все-таки нельзя сказать, ваше превосходительство!

Ш у р г и н. Ничего не понимаю.... говорите коротко и ясно.

И в а н о в. Страховая-с, ваше превосходительство, вот что-то... Впрочем...

Ш у р г и н *(останавливаясь)*. Я вас не узнаю! Вы всегда отвечали мне отчетливо и понятно!..

И в а н о в. У меня-с голова, ваше превосходительство... Что-то у меня в голове-с...

Ш у р г и н. Так отдохните немного или возьмите холодный душ и потом займитесь. Впрочем, кажется, безошибочно можно заключить, что здесь порядка никакого, упущений тьма... Не говоря уже о злоупотреблениях и разных разностях, лошадиные хвосты там, поборы с мужиков...

Входит С а н д ы р е в.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ш у р г и н, И в а н о в и С а н д ы р е в.

С а н д ы р е в *(вытягиваясь)*. Имею честь представиться... Не имел счастья лично встретить ваше превосходительство.

Ш у р г и н *(кивает)*. Здравствуйте, здравствуйте! Вы давно служите? Я забыл. *(Ходит.)*

С а н д ы р е в. Тридцать лет беспорочной службы, ваше превосходительство.

Ш у р г и н. Странно! И терпелся такой порядок, такие злоупотребления, такая распущенность!

С а н д ы р е в. Злоупотреблений никаких, ваше превосходительство. Если что, так это по обоюдному соглашению, за мои одолжения и неусыпный труд!

Ш у р г и н *(останавливаясь, возвышает голос)*. Что вы мне говорите! Служба не терпит никаких обоюдных соглашений. Вся ваша служебная деятельность определена законом; там нет обоюдных соглашений. Входить в соглашение с частным лицами вы можете только в ущерб службе, в ущерб заведенному порядку. И, вдобавок, какой-то чубук — черт знает что!

С а н д ы р е в. Чубук-с! Это — мое человеколюбие, ваше превосходительство.

Ш у р г и н. Как — человеколюбие? Вот не ожидал!

С а н д ы р е в. Двадцать лет стараюсь от гнусного порока исправить человека.

Ш у р г и н. Чубуком?

С а н д ы р е в. Точно так, ваше превосходительство.

Ш у р г и н. Странная филантропия.

За сценой голос Насти: «Ведь лебедь был моим папашей».

Поет!.. кто это?

С а н д ы р е в. Моя дочка-с, Настенька; если беспокоит ваше превосходительство, то я прикажу...

Ш у р г и н. Нет, пожалуйста!.. Вы пока мне не нужны, мне предстоит подумать. Можете идти и снять ваш мундир.

С а н д ы р е в раскланивается и уходит. Шургин ходит, вынимает сигару; Иванов, вскочив, подает ему огня; Шургин закуривает и садится в кресло.

(Как бы про себя.) Да, в отставку, и нечего толковать, и оставаться здесь больше незачем. Нет, этих древних порядков терпеть нельзя.

Входит Н а с т я с корзиной печенья и г о р н и ч н а я с подносом, на котором кофе.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Шургин, Иванов, Настя и горничная.

Настя. Ваше превосходительство, кофе... не угодно ли?

Горничная ставит кофе на стол и уходит.

Шургин *(с улыбкой)*. Благодарю-с, благодарю...

Иванов быстро забирает дела и уходит в канцелярию.

Если не ошибаюсь, это вы пели сейчас?

Настя. Да, я...

Шургин. А у вас хорошенький голосок.

Настя. Я ведь не училась; я так пою, как попало.

Шургин. Тембр хорош, свежий, звучный. *(Пьет кофе.)*

Настя. Может быть. Я ничего не слыхала, не видала в жизни, так сама судить не могу. Ваше превосходительство, я к вам с просьбой.

Шургин. Что прикажете, весь — внимание...

Настя *(садясь)*. Я хочу служить, ваше превосходительство!

Шургин. Служить? То есть как?

Настя. Так, как чиновники; ведь теперь, говорят, женщины служат, им разрешено...

Шургин. Ха, ха, ха... Какая мысль! Прекрасно... Где же вы желаете служить?

Настя. Под вашим начальством, не иначе... Вы такой снисходительный к подчиненным, я слышала, а то есть ужасно сердитые генералы. Ах, тех я боюсь...

Шургин. Ха, ха, ха... да, женщины служат... но частно... не нося мундира!

Настя *(кокетливо)*. И я буду частно.

Шургин. Вам ведь большое жалованье нужно дать, ха, ха! А у меня нет.

Настя. На первый раз я буду довольна и небольшим.

Шургин. За какой же стол, к каким делам мы вас поместим?

Настя. Я на все годна понемножку: я ведь письмоводителем у папа́; я все бумаги знаю!

Шургин. Так вот что! А! Так вот кого мне распекать-то за беспорядок.

Настя. Беспорядок! Какие пустяки! Кто это вам сказал? Вы не верьте, ваше превосходительство. Я ночей не спала, готовясь к вашей ревизии, и все отлично! Я жду награды; неужели вы оставите меня без внимания? *(Кокетничает и делает глазки.)*

Шургин. Оставить вас без внимания — для меня не-

возможно; это выше сил моих. *(Целует ее руки.)* Я взял бы вас в личные секретари.

Н а с т я. Возьмите, и вы не будете жалеть; я постараюсь изучить ваш характер, привычки...

Ш у р г и н. Послушайте, вы — очаровательны! *(Страсто хватает ее за руку.)* Но это... это... *(Вставая.)* Наконец, что я делаю? Я должен здесь выходить из себя, должен сердиться *(проходит)*, должен нанести в некотором роде удар, может быть, неожиданный...

Н а с т я *(встает)*. Удар? Кому?

Ш у р г и н. Я должен... Вашему отцу грозит отставка.

Н а с т я. В таком случае отставка и мне... его письмоводителю. Нет, вы этого не сделаете! Ну, генерал, скажите! И вам не жаль меня... я так ждала вас, ждала радости, награды, а не казни!

Ш у р г и н *(останавливаясь)*. Да, конечно, это бесхарактерно, но... но я обезоружен. *(Хватает ее за руку.)* И вы... вы... виновница! Ребенок и волшебница в одно и то же время. *(Осыпает ее руку поцелуями.)* Во что бы то ни стало я сделаю вас своим секретарем! Вы даете мне право действовать? *(Не выпускает ее рук.)*

Н а с т я. Да, но как это будет?

Ш у р г и н. Это — уж мое дело; только знайте, что все, что сейчас последует, будет истекать от меня и клониться к тому, чтобы вы были моим секретарем. Вы не заупрямитесь?

Н а с т я. Я — подчиненный; я исполню без возражений все, что будет угодно приказать вашему превосходительству.

Ш у р г и н. О! Какой у меня секретарь! Какой секретарь!

Н а с т я. Значит, по ревизии все благополучно, да?

Ш у р г и н. Ну, уж пусть будет так.

Н а с т я. Милый, добрый генерал! Вот — за это! *(Целует его в лоб и убегает.)*

Ш у р г и н *(один)*. Поцелуй! Обожгла! Я дрожу... что со мной? Голова кружится. *(Хватаясь за голову.)* Огонь во всем! Удивительно, удивительно! Ребенок, и какая сила, какая прелесть женщина!.. *(Ходит.)* Эта головка! Нет, расстаться с ней невозможно! О, женщины! Есть ли жертва, которой бы я не принес для вас! *(Отворяет дверь в канцелярию.)* Господин Иванов, господин Иванов! Пожалуйте сюда!

И в а н о в входит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Шургин и Иванов.

Шургин. Послушайте... вы уж там не очень... конечно, порядки неважные, но все-таки довольно сносно, удовлетворительно и злоупотреблений особенных нет.

Иванов. Слушаю-с, ваше превосходительство.

Шургин. Понимаете, рука не поднимается. Мне жаль, большая семья! *(Садится.)*

Иванов. Совершенно справедливо, ваше превосходительство, очень большая.

Шургин. Да? И вы согласны? Ну, очень рад! Садитесь! Мне с вами нужно переговорить...

Иванов. Что прикажете, ваше превосходительство? *(Садится на конце стула.)*

Шургин. Вы знаете, как я внимателен ко всем моим подчиненным, а к вам особенно?

Иванов *(привскакивая)*. Вы — мне второй отец, ваше превосходительство.

Шургин. Да! Вот по окончании нашей поездки, вы получите некоторое повышение... там я увижу.

Иванов *(раскланиваясь)*. Из ничтожества поднимаете, ваше превосходительство, и делаете человеком.

Шургин. Но-о... внимание мое к вам, собственно, идет еще далее, именно до отеческой заботы. Я хотел бы видеть вас женатым, семейным, вполне счастливым человеком. Вам уже пора об этом подумать! Садитесь!

Иванов *(садится)*. Я думал-с и много раз уже думал-с, ваше превосходительство, но не встречал еще в жизни такого предмета...

Шургин. Не встречали? Ах, мой милый, да счастье около вас, оно «близко» и «возможно». Вы видели здесь девушку... дочь... ну, она пела еще?

Иванов. Видел-с, ваше превосходительство.

Шургин. Вот вам! Берите, берите, не задумывайтесь. Не правда ли, прелестная девушка?

Иванов. Да-с, она, ваше превосходительство, действительно...

Шургин. Необыкновенно живая, умница! А какое грациозное создание?

Иванов. Действительно, ваше превосходительство, не в этой бы ей глуши...

Шургин. Приданого, конечно, нет; но, сожалея об их бедности, обещаю вам навсегда мое покровительство.

И в а н о в *(вскакивая)*. Ваше превосходительство, чем я мог заслужить?.. *(Стоит.)*

Ш у р г и н. Вашею скромностью, любезнейший, и преданностью мне и делу службы! Еще вот что я вам скажу: всякая длинная история с ухаживанием, с продолжительным сватовством не годится для человека в вашем положении; это мешает службе; а вот так вдруг! Встреча, неожиданное сближение — поверьте, что здесь больше залога для тихого счастья!

И в а н о в. Но... но... она, ваше превосходительство, она, пожалуй, не пожелает... может быть, я не понравлюсь?

Ш у р г и н. Ручаюсь вам за успех! Верьте, что эта девушка лучше нас с вами смотрит на жизнь. Действуйте же немедленно! Я сегодня же уезжаю, а вы останьтесь и сделайте предложение. Завтра вы меня в соседнем городе догоните.

И в а н о в *(млеет от восторга)*. Ваше превосходительство, нет слов для выражения...

Входит Н а с т я.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Ш у р г и н, И в а н о в и Н а с т я.

Ш у р г и н *(указывая глазами Насте на Иванова)*. Вот этот молодой человек имеет до вас великую просьбу и сегодня заявит ее вам... Я буду рад очень, если вы не отвергнете ее — я ему протежирую!

Настя улыбается. И в а н о в, вспыхнув, бросается вон. Входят С а н д ы р е в и С а н д ы р е в а.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Ш у р г и н, Н а с т я, С а н д ы р е в и С а н д ы р е в а.

С а н д ы р е в а. Осчастливьте, ваше превосходительство, не откажите нашего хлеба-соли откушать.

С а н д ы р е в. Осчастливьте, ваше превосходительство!

Ш у р г и н. Очень благодарен, мне приятно. *(К Сандыревой.)* Но ваша дочка прелестна, она очаровательна.

С а н д ы р е в а. Страшная шалунья, ваше превосходительство! Такой резвый ребенок!

Входит М и х а л е н к о, едва держась на ногах.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Ш у р г и н, С а н д ы р е в, С а н д ы р е в а и М и х а л е н к о.

М и х а л е н к о *(простирая руки)*. Притекаю к тебе, праведный судия! *(Падает в ноги.)* Ваше превосходительство, явите милосердие.

Ш у р г и н. Он, кажется, мертвецки?

М и х а л е н к о. Нин-ни-ни... Мои уста... ни-ни, окромя, помимо святой воды, чтоб, значит, с чистым сердцем.

С а н д ы р е в. Я вот сейчас с ним... *(Хватает из угла чубук.)*

Ш у р г и н. Опять чубук!

Сандырев останавливается с чубуком.

С а н д ы р е в. Нет никакой возможности, ваше превосходительство, по-человечески!

Ш у р г и н. Пожалейте вы, если не его, хоть ваши чубуки.

М и х а л е н к о. Правда и милость...

С а н д ы р е в. Не могу, ваше превосходительство. *(Выталкивает Михаленко в канцелярию.)*

Из залы выходят г о р о д с к о й г о л о в а и Н а с т я.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Ш у р г и н, С а н д ы р е в, С а н д ы р е в а, Н а с т я и г о р о д с к о й г о л о в а.

Г о р о д с к о й г о л о в а *(раскланивается)*. Честь имеем явиться к вашему превосходительству, как есть я градской голова здешнего города... Да-с.

Ш у р г и н. Очень рад, благодарю.

Г о р о д с к о й г о л о в а. И позвольте, ваше превосходительство, преподнести вашему превосходительству! *(Подает бумагу.)*

Ш у р г и н *(берет)*. Что такое?

Г о р о д с к о й г о л о в а. Насчет их высокоблагородия, прописано все, как есть. Вот что! Да-с.

Ш у р г и н *(читает)*. Ах, это вы одобрение от общества относительно господина почтмейстера!

Г о р о д с к о й г о л о в а. Так точно-с, от обчества-с. Все мы оченно чувствуем удоблетворение, ваше превосходительство, и никаких, к примеру, притензиев нам от них, окромя что как господин почтмейстер, Иван Захарыч, хороший они у нас человек. Вот и все-с.

Ш у р г и н. Хотя я уже видел сам на деле... ноо... мне очень приятно и это подтверждение! Я остаюсь с глубокою признательностью к обществу, которое так ценит ревность моего чиновника! Общество — лучший судья!

Г о р о д с к о й г о л о в а. В таком случае и мы, ваше превосходительство, оченно этому делу рады. И больше ничего.

Ш у р г и н *(оглядывает всех)*. Теперь, кажется, все кончено?

С а н д ы р е в а. Милости прошу, ваше превосходительство, в залу!

Ш у р г и н. Благодарю-с! *(Подставляя Насте руку.)* Позвольте.

Идут. Шургин тихо говорит Насте, она смеется; Сандырева подлетает с поклоном к голове; Сандырев берет его под руку, и все уходят в залу.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

САНДЫРЕВ.

САНДЫРЕВА.

ЛИПОЧКА.

НАСТЯ.

НИВИН.

ИВАНОВ.

Декорация та же.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

С а н д ы р е в, в старом форменном сюртуке с газетой и трубкой, ходит взад и вперед. С а н д ы р е в а.

С а н д ы р е в а. Скажите же мне, что это значит?

С а н д ы р е в. Не знаю, матушка, не знаю.

С а н д ы р е в а. Сам генерал уехал...

С а н д ы р е в. Не знаю, матушка.

С а н д ы р е в а. Да не перебивайте! Сам генерал уехал, а чиновник его остался.

Сандырев. Не знаю, матушка, и отстань ты от меня! Тут такие известия! А она пристает с глупостями.

Сандырева. С глупостями, а! Скажите! Да отец вы или нет?

Сандырев. Надо думать, что отец, коли дети есть.

Сандырева. Дети есть! Много детей, очень много! *(Утирая слезы.)* Ну, так я вам объясню, что это значит: генерал с нами штуку сыграл; он всегда так делает, я слышала. Вот он отъедет станцию или две, да оттуда и пришлет вам отставку, а чиновнику этому предписание: принять от вас должность! Вот оно-с!

Сандырев *(читая)*. Ну, и на здоровье.

Сандырева. Что ж тогда? Шарманку на плечи?

Сандырев. Ну, что ж я могу? Ведь уж дела не поправишь. Сокрушаться прикажете, плакать, рвать на себе последние волосы? Так я — человек благоразумный... Ахайте уж вы, а мне не мешайте! Тут, матушка, государство разваливается, а она... Там поминутно султанов меняют, а не то что почтмейстеров. Нет, лучше уйти от вас, покойнее будет. *(Уходит направо.)*

Сандырева *(вслед мужу)*. Урод, урод! Нет больше сил моих, погибаю! Несчастная я женщина.

Из залы входит Настя.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сандырева и Настя.

Сандырева. Куда он пошел-то, Иванов этот?

Настя *(весело)*. Завернул на большую улицу.

Сандырева. А Палашка следит?

Настя *(смеясь)*. Она — по другой стороне, не отставая!

Сандырева. Не смейся, мой друг: скоро мы, скоро заплачем.

Настя. Нет, мама, нам будет весело — вот посмотри.

Сандырева. Откуда веселье? Где его взять! Волком взвоешь с вами.

Настя. Уж будет веселье.

Сандырева. Ах, не расстраивай ты меня!

Настя. Я на картах гадала...

Сандырева. На картах-то только о пустяках гадают; а тут до серьезного дошло. Ложись да умирай!

Настя *(у окна)*. Вот Иванов возвращается. Как он скоро!

С а н д ы р е в а. Вон и Палашка из-за угла. *(Уходя направо.)* Не заходил ли куда, спросить. *(Уходит.)*

Н а с т я. Ну вот, идет. Генерал сказал: «он имеет великое дело до вас»; ну какое же может быть дело иначе, и зачем бы Иванов остался? Он, кажется, будет такой послушный... И весело мне, и все-таки страшно.

Входит И в а н о в.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Н а с т я и И в а н о в, в одной руке изящный альбом, в другой — портфель с бумагами.

И в а н о в *(поднося альбом)*. Генерал приказали-с вручить вам...

Н а с т я *(приседая)*. Merci... Какой хорошенький! Чудо! Ваш генерал — милый.

И в а н о в. Да-с, они очень... очень... *(Теряется, отходит к ломберному столу и начинает выбирать бумаги из портфеля.)*

Н а с т я *(читает в альбоме надпись)*. «Моему очаровательному секретарю на память первого знакомства»! Merci, merci. *(Садится на кресло вдали от Иванова и рассматривает альбом.)* А дело, какое это великое дело у вас?

И в а н о в *(не оборачиваясь)*. Да-с, это — дело-с... может быть, тут нужно выражение, а я никогда-с...

Н а с т я. Это дело, оно там у вас в бумагах?

И в а н о в *(не оборачиваясь)*. Нет-с, оно у меня в сердце-с!

Н а с т я. В сердце?

И в а н о в. Я никогда еще не имел такого объяснения-с; это — первый раз в жизни-с. Все чувства мои в беспорядке. *(Прячется совсем в бумагу.)*

Н а с т я. А голова?

И в а н о в. И голова-с... я влюблен-с.

Н а с т я. В кого?

И в а н о в. Да я не смею, я никогда...

Н а с т я. Не бойтесь, говорите, мы здесь одни.

И в а н о в. Да я в вас и влюблен-с! *(Уткнувшись в бумагу.)* Только я чувствую, что недостоин... и боюсь...

Н а с т я. Так скоро!

И в а н о в *(оборачиваясь и скрывая лицо)*. Да-с, вдруг-с, и не успел опомниться, и сам не знаю что-с! *(Привстав.)* Настасья Ивановна, если я не противен-с, я

прошу... моя душа... навеки!.. *(Садится и снова скрывается в бумаге.)*

Входит Сандырева и смотрит подозрительно на Иванова, не замечая Насти.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Иванов, Настя и Сандырева.

Иванов *(привстав и выглядывая из-за бумаги)*. Я-с... генерал-с... Его превосходительство, они мне-с...

Сандырева. Ах. Я предчувствую, что вы скажете — какое для нас несчастье!..

Иванов *(все более теряясь)*. Нет-с; я хотел, я... имею-с...

Сандырева. Сердце мое говорит мне! Заступница моя. *(Сквозь слезы.)* Но за что же, за что же?.. Я догоню генерала, я брошусь ему в ноги, буду просить, молить выслушать меня и пощадить нас!.. Это — ужасно!

Иванов. Да я-с... я вовсе... я-с.

Сандырева *(со слезами)*. Знаю, знаю, вы, конечно, только исполняете приказание; но, Петр Степаныч, войдите в наше положение и помогите! Я умоляю вас, посоветуйте нам, попросите генерала с своей стороны, вы к нему близки! *(Хватая его за руки.)* Едемте, едемте сейчас!

Иванов. Нет-с, ведь я, ведь совсем... позвольте мне.

Настя *(подбегает к матери, хватает ее за руку и освобождает Иванова)*. Совсем не то, мама!

Сандырева. Что же, что же? Господи!..

Иванов. Я... я-с делаю предложение дочке вашей, то есть вам-с, то есть дочке-с, Настасье Ивановне, и прошу их руки.

Сандырева. Ах! Настя! Господи!

Настя *(показывает альбом)*. Подарок мне.

Сандырева *(вскрикивает)*. Ах!

Настя. Это — от генерала.

Сандырева. Ах, не могу опомниться, не могу прийти в себя! Что это? Жива ли я? Настя! Настя! *(Обнимает дочь.)* Если бы вы знали, Петр Степаныч, мою любовь к ней! Жемчужинка моя. *(Хватая Иванова за руку.)* Простите меня, что я... что я... ведь я совсем обезумела... я вообразила... Ох! Так неожиданно... благодарю вас за честь, Петр Степаныч... Сов-

сем растерялась... Пожалуйте к нам в сад, Петр Степаныч, там мы будем пить чай, по-семейному. Там у нас чудесно.

Иванов. С большим удовольствием.

Сандырева *(уходя направо)*. Я сейчас распоряжусь. *(Уходит.)*

Иванов *(ободрившись)*. Настасья Ивановна, я нетерпеливо жду-с, во мне ужасное мучение-с.

Настя. Да вы в самом деле влюблены в меня?

Иванов. Без ума-с! Уж так-с, что и не знаю!

Настя. Да, может быть, вам генерал приказал?

Иванов. Они мне только советовали, как отец.

Настя. Ну, в сад! В сад! Бежим! *(Хватает его за руку, убегают в дверь залы.)*

Входит из двери справа Сандырев с газетой, Сандырева тащит его за руку.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сандырев и Сандырева.

Сандырева. Оставьте вашу газету, оставьте вашу Европу! Что у нас-то совершается!

Сандырев. Ну, что такое? Ну, что такое?

Сандырева. Эх, ты — премудрость! Ну, угадай что.

Сандырев. Пожар, что ли! Землетрясение?

Сандырева. Вашей дочери Насте делают предложение...

Сандырев. Предложение, да какое же? Насчет чего?

Сандырева. Он не понимает! Просят ее руки.

Сандырев. Да!.. Ну да, ну и хорошо. *(Смотрит в газету.)*

Сандырева. Да вы хоть полюбопытствуйте, кто...

Сандырев. Да, да, как же, это надо!.. Ну кто же, кто?

Сандырева. Чиновник-с, этот самый чиновник.

Сандырев. Чиновник? Это хорошо. Какой чиновник?

Сандырева. Генеральский.

Сандырев. Генеральский? Генерал, генеральский...

Сандырева. Да вы проснитесь! Он уж не помнит, что у нас было сегодня.

Сандырев *(трет лоб)*. Да, ну да, теперь я... да...

Сандырева. Петр Степаныч Иванов, чиновник его превосходительства, что у нас на ревизии... понимаете?

Сандырев. Ах... да... да... Так он это вот как?

Сандырева. Да-с! Вот как! А генерал подарил ей альбом.

Сандырев. Кому альбом? Да, да, так, чиновник подарил альбом, а генерал предложение!..

Сандырева. Эх, Иван Захарыч, вот до чего довела вас политика!

Сандырев. То есть да, чиновник — предложение, а генерал — альбом! Понял я. Ну, что тут мудреного!

Сандырева. Насилу-то, ах, тюленюшка! *(Поднося ему свою руку.)* Целуйте ручку и благодарите... за что вам бог послал такую жену-то.

Сандырев. Ты, да... благодарю, благодарю...

Сандырева. То-то! Ценить-то вы только не умеете... Отправляйтесь в сад, к жениху! Да, бросьте хоть теперь-то. *(Вырывает газету и кладет на стол.)* Ступайте, будьте любезны и веселы. *(Выталкивает.)* Идите, идите... и я сейчас.

Сандырев. Иду, иду... *(Уходит.)*

Сандырева. Думано ли, гадано ли, чтобы такая развязка! *(Подходит к окну.)* Нивин идет! *(В окно.)* Василий Сергеевич, Василий Сергеевич! На минутку. У нас — радость! *(Бежит к дверям в зал и встречается с Нивиным.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сандырева и Нивин.

Сандырева. Когда же это было прежде, чтобы мимо шли и к нам не зашли?

Нивин. Я, право, и не заметил, что мимо вас прохожу.

Сандырева. Вот как углублены! Прошу же вас, присядьте на минутку.

Садятся.

Наша ревизия чудесно сошла, Василий Сергеевич! Генерал был очень любезен!

Нивин. Очень рад.

Сандырева. И радостная новость у нас!

Нивин. Что такое?

Сандырева. Чиновник его превосходительства сделал предложение Настеньке, Иванов по фамилии; прекрасный молодой человек.

Нивин. Как это скоро у вас делается.

Сандырева. Бог нас устрояет, Василий Сергеевич.

Нивин. Хм... ревизия, сватовство — интересно...

Сандырева. Именно, что — чудеса! Ах! Гляжу я все на вас, Василий Сергеевич, как изменились.

Нивин. Старость подкрадывается.

Сандырева. Ох, что вы! Вам только еще жить да наслаждаться, Василий Сергеевич! Наука, ох, наука вас сушит! Довольно бы, право, довольно бы!

Нивин. А что пословица-то говорит, Ольга Николаевна? Век живи, век учись!

Сандырева. Да чему вам, помилуйте! Уж вам ли чего не знать! Вы все знаете; вам кажется, что еще что-то осталось. Конечно, слава! Прославиться человеку хочется, показать всему свету свой ум.

Нивин. Показывать свету свой ум, да еще всему! Ольга Николаевна, что вы! Далеко очень.

Сандырева. Ох, слава! Исстрадается, измучается человек так, что сам себя не понимает, ну, и — стреляются. А вы думаете отчего? Все от этого.

Нивин. Так-с, именно, святая ваша речь, Ольга Николаевна.

Сандырева. Нет, глупая, дурацкая моя речь, Василий Сергеевич, простите меня; но от души, от нашего расположения к вам, не могу удержаться! И думаю я еще: не все же слава; а разве такое счастье хуже? Вести добродетельную, семейную жизнь, делать людям добро там, где судьба поселила; много добра! Ах, много за такого доброго человека проливается горячих молитв! И какая любовь, какая забота окружает его; он родной, дорогой становится для людей окружающих! И так ему хорошо, и ничего уже не хочется, не рвется он к этой громкой, страшной славе!

Нивин. Просто плыву; плыву по какой-то волшебной реке, под тихими, сладкими звуками сирен.

Сандырева *(встает)*. Смеетесь вы над дурой-бабой! ну, бог с вами! Дай бог только вам здоровья да сил! А каким я вас чайком угощу, мы только что получили, свеженький! Ведь я знаю, что вы любите! Я сию минуту! *(Уходит.)*

Нивин. Какова женщина!.. Да-с, дама с соображением. *(Помолчав.)* Вот так-то и плывешь, и плывешь, да как задремал под эту тишину-то — ну, и прощай. Очнешься вдруг, разбудит тебя что-нибудь — ни силы

уж в тебе, ни мысли, и так и тянет, так и затягивает тебя плыть дальше это тихое море покоя и сна. Вчера изорвал я, в сознании своего бессилия, начатую диссертацию, а сегодня... *(увидав входящую Липочку)* поплывем!

Входит Липочка со стаканом чаю.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Нивин и Липочка.

Нивин. Как вы сегодня интересны, позвольте вам сказать.

Липочка *(поставив стакан)*. Это что же значит?

Нивин *(прихлебывая чай)*. То, что вы очень милы!

Липочка. Вы уж за комплименты взялись, от скуки, что ли?

Нивин. Невольно-с, невольно! Ваш вид вызывает.

Липочка. Или насмехаетесь? Вас не разберешь.

Нивин. Ничуть-с! Вы такая славная, сдобная, мягкая, свежая... Так можно выражаться?

Липочка *(надувается)*. В булочной можно.

Нивин. Так извините нашу невежественность по части излияния нежных чувств! Груб! Груб... Нет, право, вы мне начинаете очень нравиться. В вас так полно выражается идея ненарушимого жизненного покоя; каким здоровьем веет от вас!

Липочка *(смеется)*. Вы, кажется, в поэзию ударились?

Нивин. Да-с, я сегодня в удивительном ударе; я сегодня так хорошо настроен.

Липочка. Что же это значит?

Нивин. А значит, что человек разрешил свою задачу... К тихому пристанищу притек.

Липочка. Слышали вы нашу новость?

Нивин. Как же-с, как же!

Липочка. Я теперь буду шить приданое сестре, а потом в портнихи уйду; надоело и мне дома, и я всем надоела.

Нивин. В портнихи — дело хорошее... А если замуж, как вы думаете, не лучше ли будет?

Липочка. За кого это?

Нивин. Ну, за человека солидного, благонамеренного, не пьющего... то есть «запоем»... и желающего вку-

сить сладостей тихой семейной жизни... Ну, вот хоть за меня?

Липочка. Вы все шутите!..

Нивин. Ни капли шутки... А? Ну, думайте, что ли! И сейчас повергнемся к стопам родительским! Оно и расходу меньше — две свадьбы зараз... А уж какое ликованье для Ольги-то Николаевны будет!

Липочка *(надувшись)*. Ну, что вы врете.

Нивин. Серьезно-с, серьезно.

Липочка. Да это я не знаю, что такое...

Нивин. Помните, я говорил, что и в скуке могут быть вариации? То вы скучали одни, а теперь будем скучать вдвоем.

Липочка. Но что вы чувствуете ко мне... и что я?.. Я не разберу ничего.

Нивин. Разберем и почувствуем это мы уже после.

Липочка. А теперь надо поверить вам?

Нивин. Полагаю, что надо.

Липочка *(серьезно)*. Ну, хорошо. Вы — честный человек?

Нивин. Да-с, и красоту телесную ценить умею.

Липочка *(несколько обидясь, сквозь слезы)*. Кроме телесного, я думаю, у меня и умишко есть, хоть небольшой, и сердце...

Нивин *(горячо пожимая ей руку)*. Разве я не замечаю, разве я не замечаю!

Липочка *(с улыбкой)*. А заметили — так и слава богу.

Входит Сандырева.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Липочка, Нивин и Сандырева.

Нивин. Ольга Николаевна, благословите нас!

Сандырева пятится назад, ничего не понимая.

Я хочу жениться, и ваша дочь согласна.

Сандырева *(всплеснув руками)*. Боже мой, да как же это случилось?

Нивин. Очень просто: вздумали, да и женимся.

Сандырева. Василий Сергеевич, какая честь! Липочка, ангел мой! *(Обнимает дочь.)*

Из залы входит Сандырев.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Липочка, Нивин, Сандырева и Сандырев.

Сандырева. Иван Захарыч, пиши, пиши... записывай.

Сандырев. Что, что, что писать, что записывать?

Сандырева. Счастливый день — вот что. *(Указывая.)* Вот — еще жених.

Сандырев. Позвольте, позвольте! Что такое?

Сандырева. Василий Сергеевич просит руки.

Сандырев. Да, вот что; а я было хотел спросить вас...

Нивин. Что вам угодно?

Сандырев. Где город Питсбург?

Нивин. Далеко, Иван Захарыч.

Сандырева. Ах, да опомнись ты.

Сандырев. Погоди, матушка! То-то я и говорю; без знания географии никак не догадаешься, где какой город. Вот Питсбург.

Сандырева. Да послушай ты, Василий Сергеевич делает нам честь. просит руки Липочки.

Сандырев. Ха, ха, ха! Это что-то уж того... как в сказке, две свадьбы. Не ожидал, право, не ожидал. *(Жмет руку Нивину.)* Такая честь... мне приятно, благодарю вас.

Сандырева. А ты все с Европой.

Нивин. Зачем вам новости из Европы, когда у вас дома такие внутренние известия!

Входят Настя и Иванов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Сандырев, Сандырева, Липоча, Нивин, Настя и Иванов.

Сандырева. Теперь уж я и не знаю, право, кому кого поздравлять! Настя, обними сестру: она — тоже невеста! Вот Василий Сергеевич...

Настя. Липочка! Неужели?

Объятия.

Василий Сергеевич! Поздравляем.

Рукопожатие.

А это — мой жених, рекомендую.

Нивин и Иванов раскланиваются.

С а н д ы р е в а. Счастливый, счастливый день в нашей жизни!

Н а с т я. Мы, мама, с Петром Степанычем за музыкой послали.

С а н д ы р е в а. Веселитесь, дети, веселитесь!

Сандырев берет со стола газету.

(Мужу). Целуйте ручку, благодарите жену!

С а н д ы р е в *(целует)*. Благодарю, благодарю. Господа, это не жена, это — сокровище; особенно в нынешнее-то время. *(Тычет пальцем в газету.)*

С а н д ы р е в а. А! Поняли наконец?

С а н д ы р е в. Понял, матушка, понял. Как хорошо, покойно мужу-то! Ни об чем не тужи! Как ему свободно заниматься политикой-то! *(Раскрывает газету и идет в дверь направо.)*

С а н д ы р е в а. Иван Захарыч! Иван Захарыч!

В с е. Куда вы, куда вы?

С а н д ы р е в. Веселитесь, веселитесь! А я пойду дочитаю.

Комедия
в пяти
действиях

ЖЕНИТЬБА БЕЛУГИНА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ГАВРИЛА ПАНТЕЛЕИЧ БЕЛУГИН
богатый купец, фабрикант, лет 55; живет постоянно на фабрике, верстах в 60 от Москвы, изредка приезжает в Москву к сыну.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА
жена его, полная женщина; одевается по-русски; темное шелковое платье, большой шелковый платок, голова повязана.

АНДРЕЙ ГАВРИЛЫЧ
их сын, лет 27; одет современно, но с некоторым оттенком франтовства; живет постоянно в Москве, занимается делами отца и имеет свои обороты.

ВАСИЛИЙ СЫРОМЯТОВ
молодой, богатый фабрикант, сосед старика Белугина по фабрикам, приятель Андрея; одет небрежно, панталоны в сапоги; немного щеголяет простонародностью в словах и манерах.

ТАНЯ
сестра Сыромятова, молодая девушка; одета богато.

НИКОЛАЙ ЕГОРОВИЧ АГИШИН
человек без определенного положения, с ограниченными средствами; личность поизносившаяся, но еще интересная; по костюму и манерам — джентльмен.

Приемная комната; в глубине входная дверь; по стенам тяжелые стулья хорошей, дорогой работы; по обе стороны, ближе к авансцене, боковые двери; налево от актеров, подле двери, большое конторское бюро и высокий табурет; направо, на стене, два фамильные портрета плохой, дешевой работы, в больших золоченых рамах; посредине большой стол, покрытый дорогой, тяжелой салфеткой; на столе модная дамская шляпка и новая, приглаженная мужская шляпа.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Андрей Белугин (выходит из боковой двери слева и становится подле бюро), потом Агишин.

ндрей *(с неудовольствием)*. Кто там еще?.. Эх!..

Из средней двери входит Агишин.

А, Николай Егорыч... мое почтенье... здравствуй! *(Подает руку.)* Вернулся из Питера?

гишин. Да, вчера... и вот заехал на тебя поглядеть, мой милый... Но, кажется, я не вовремя... так говори прямо... Я после могу!..

Андрей. Родители с фабрики приехали...

Агишин (*указывая на шляпу*). А это что?.. Этих вещей твои родители, я думаю, не носят, да и прародители не носили!..

Андрей. А это знакомые с ними вместе... тоже один фабрикант с сестрой...

Агишин. Ну, я тебя не задержу... я на десять слов... Мне только нужны кой-какие сведения... Бывал ты без меня у Карминых?..

Андрей. Заезжал иногда...

Агишин (*с притворным участием*). Ну, что ж, Андрюша, мой милый, как дела твои?..

Андрей (*строго*). Какие такие дела?

Агишин. Ну, твое ухаживание, любовь, обожание, что ли?.. Кто ж тебя знает!.. Тронул ты ее сердце или уж совсем покорил?..

Андрей. Это уж мое дело! Ты разговоры эти лучше предоставь!..

Агишин (*с улыбкой*). Не предоставь, а оставь! Ты хочешь сказать: оставь? Тут есть небольшая разница.

Андрей. Ну, там оставь или предоставь — это все одно... а только я тебя прошу, чтоб этих разговоров не было, потому я не люблю!..

Агишин. А, вон оно куда пошло!

Андрей. Да, потому что над чем я сам не шучу, над тем и другим не позволю!..

Агишин. Значит, это — святыня... к которой прикасаться нельзя?

Андрей. Ну, да уж как хочешь, так и понимай!..

Агишин. Как они поживают? Здоровы?

Андрей. Ничего... слава богу!..

Агишин. Ты когда у них был в последний раз?

Андрей. Вчера.

Агишин. А когда опять собираешься? Сегодня, я думаю!

Андрей. Мудреного нет, что и сегодня!..

Агишин. Ежедневно, значит...

Андрей. А хотя бы и так, хоть бы на дню пять раз. У тебя, что ли, позволенья мне спрашивать?..

Агишин. Да что ты сердишься? Для меня совсем не лишнее знать твои намерения в этом деле. Ведь и я тоже живой человек, и я могу чувствовать красоту Елены. Ты имеешь ли это в виду?

Андрей. Ну, так что ж? Торговаться ты, что ль, хочешь, отступного просишь?

Агишин. Нет, за что брать отступное! Да ты и не дашь: шансы у нас неравны. Где уж мне соперничать с тобою! И если ты...

Андрей. Да... если я!.. Потом что ж будет?

Агишин. Зачем же я буду мешать тебе без всякой пользы для себя? Умнее и честнее с моей стороны отступиться; будем действовать заодно!

Андрей. Да что за заговоры, что за стачка!.. Это дело чистое.

Агишин. Ну, как знаешь... Вот что: коли ты приедешь сегодня раньше меня, так не говори, что меня видел.

Андрей *(с досадой)*. А какая мне надобность разговаривать про тебя?..

Агишин. А если и спросят, так, сделай милость, скажи, что не видал: мне хочется сюрпризом явиться!..

Андрей. Да ладно... что об этом толковать-то! *(С улыбкой.)* Сюрприз! Какой же это сюприз? По-нашему, привезти из Питера подарок тысячи в три — вот это сюрприз!

Агишин. Ишь, у тебя замашки-то какие! Вот и поди соперничай с тобой! Нет, видно, вашему брату без бою уступать нужно!.. *(Подавая руку.)* Ну, я тебя задерживать не хочу... Поручения твои я исполнил, об этом после... До свиданья сегодня вечером! Поди к своим гостям, занимай их... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Андрей (один).

Андрей. Занимать гостей... Вот пытка-то!.. *(Смотрит в дверь направо.)* Прощай, Таня!.. Какую я сейчас с тобою подлость сделаю, так, кажется, убить меня... убить!.. Думал: будем век с тобою друг на друга радоваться!.. Ведь вон она сидит: такая веселая, смеется чему-то, лицо такое доброе... и не ожидает! Злодей я, злодей!.. Да что ж делать-то, коли другая взяла за сердце, да и вырвала его?.. От своей судьбы не уйдешь!.. И стал я ничем, ничем не лучше всякого разбойника и всякого бесчестного!.. *(Садится к столу и опускает голову на руки.)*

Входит Сыромятов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Андрей и Сыромятов.

Сыромятов. Что ты ушел от нас? Аль куревом занимаешься, не хотел чадить при гостях?..

Андрей. Нет.

Сыромятов. Так что ж с тобой... Уж здоров ли ты?..

Андрей. Ничего, здоров!.. *(Как бы про себя.)* А еще людей браним, людей судим, а сами хуже, может быть, тех, что в Сибирь ссылают...

Сыромятов. Ты уж, я вижу, заговариваться стал... Да что ты, рехнулся, что ли, в самом деле?.. Ты лучше за доктором пошли.

Андрей. Не вылечит меня никакой доктор! *(Встает.)* Изменник я своему слову и, значит, бесчестный человек!

Сыромятов. Да ты в загадки-то не играй!..

Андрей. А вот, брат Вася, и разгадка всему этому: полюбил я твою сестру, и по рукам мы ударили — так ведь?..

Сыромятов. Так, не перетакивать стать!..

Андрей. А теперь не могу!.. Простите вы меня... простите!..

Сыромятов. Да ты полно шутить-то... не к месту!

Андрей *(горячо)*. Да я и не шучу... С чего ты взял, что я шучу?.. Не до шуток мне!..

Сыромятов. Однако суприз важный!

Андрей. Ну, да вот хоть убей, я не скрываюсь. Ты думаешь, легко мне... легко мне будет твоей сестре в глаза взглянуть?..

Сыромятов. Гм... история, братец ты мой!.. По-приятельски, нечего сказать, по-приятельски!.. Удружил! Ты знаешь ли, как это, по-нашему, по-русски, называется?.. Ведь этот твой пассаж для сестры и для всей нашей фамилии бесчестье и мараль!.. Ты подумал ли об этом?

Андрей. Без тебя все это я давно знаю. Да что ж мне делать, коль я другую полюбил!.. Рассказать тебе вдруг мои чувства — я не могу... да и слов таких не знаю... а вот возьми ты, разорви грудь мою, да и погляди сам, что там делается!.. Вот не уйдешь никуда от этого... не спрячешься... Судьба, одно слово — судьба!..

Сыромятов. Стало быть, богаче или лучше невесту нашел?

Андрей. Да не то, Вася, совсем не то!..

Сыромятов. А коли не то, так какие ж с твоей стороны оправдания?.. Как же ты, братец ты мой... хорошего семейства девушка и по нашей стороне, можно сказать, первая невеста по капиталу и по всему... какие ж у тебя резоны, что ты позоришь ее для какой-нибудь?..

Андрей *(грозя пальцем)*. Шшш... осторожно!.. не заикайся!..

Сыромятов *(зло)*. Не заикаться?.. Не приказываете?.. Но, однако, между прочим, интересно знать этот самый сюжет!..

Андрей. Что тут знать?.. Красота — ума помраченье! вот и знай!..

Сыромятов. А из каких оне будут?..

Андрей. Да из каких бы то ни было!.. Ну, просто тебе сказать: семейство хорошее... живет девушка, барышня с маменькой, живут, признаться, небогато... Познакомил меня с ними Агишин... Но только уж насчет образования... ума!..

Сыромятов. С романсами, значит? Вот как!..

Андрей. Сразу может погубить человека... за один взгляд, за одну улыбку куда хочешь и на что хочешь готов!.. Ах, Вася, такая это красота, такая красота!..

Сыромятов. Нас никаким товаром не удивишь... знавали мы и атласных, и бархатных.

Андрей. Не то, говорю тебе, не то!..

Сыромятов. Значит, уж самых высших сортов!..

Андрей. Да что тебе говорить!.. Ты таких и не знал никогда, и не видывал!..

Сыромятов. Познакомь, так увидим... не ударим лицом в грязь... обращение понимаем... Можем карманом тряхнуть; чай, сам знаешь, мы цыганкам за песни по триста рублей бросали!..

Андрей *(с гневом)*. Оставь... оставь... я тебя честью прошу!.. Эти твои слова глупые... и больше ничего!..

Сыромятов. Какое дело, такие и слова... глупое дело, так и слова глупые, потому серьезного я тут ничего не вижу!..

Андрей. Нет, уж так-то серьезно, что хоть в петлю полезай... Прежде-то я бывал у них не часто... так, думал, для времяпровождения, а теперь каждый день тянет, хоть взглянуть только!.. А она... она-то как будто шутит надо мной: то задумается, да так

глядит, так глядит!.. а мне так подошло... ну, прямо тебе скажу: не жить без нее... хоть руки на себя накладывай!.. Либо она... либо...

Сыромятов. А коли так круто пришло, так что ж ты зеваешь-то, голова?.. Приглашай кататься хоть сегодня... ямскую тройку с набором... маменьку ублаготворить, а с дочкой, как потемнее станет... куда-нибудь подальше!

Андрей *(хватая его за плечи)*. Не будь ты Василий Сыромятов, задушил бы тебя за эти слова!..

Сыромятов *(отстраняясь)*. Не горячо ли будет!.. Остыньте маленько!..

Андрей. Это семейство честное, благородное, и любовь моя честная, и дело, коли бог даст, будет честное.

Сыромятов. Честное! А с нами твое дело честное? Стало быть, мы хуже других, с нами можно все... дескать, не взыщут, таковские... Нет, ты ошибся, и у нас тоже своя амбиция есть, да еще побольше, чем у других прочих... за себя постоять можем!..

Андрей. Ну, мсти; ну, делай, что хочешь, я не бегу, не прячусь, я сам отдаюсь... А что ее обидеть или чувства мои душевные трогать, я никому... отцу родному не позволю!

Сыромятов. Вот тебе сказ короткий: не будь ты мне друг, все одно, что брат, я б с тобою жив не расстался; уж то ли, се ли, а по крайности расстрамил бы тебя на весь свет!.. А теперь хоть и обидно, а больше-то мне тебя жалко! Оплели!.. Да и что ж не оплести, коли сам в петлю лезет... затянуть только покрепче!..

Андрей. Нет, Вася, нет, я сам!..

Сыромятов. Ты одурел, так и не видишь; а у меня разум при себе... хоть ты мне образ сними, все-таки скажу, что ловушка!.. Да и все то же скажут, кого ни спроси!..

Андрей. Вася, последняя у меня просьба к тебе...

Сыромятов. Что еще?

Андрей. Пошли-ко мне сестру на минутку!

Сыромятов. Для чего это? Она теперь тебе чужая!..

Андрей. Надо сказать ей...

Сыромятов. Скажем и без тебя!

Андрей. Уж все-таки честней самому-то.

Сыромятов. Амбиция не велит, вот что я тебе скажу!..

Андрей. Да ведь не на радость себе я ее видеть хочу, а на муку!.. Перед ней виноват, ей и винитъся дол-

жен... простить — где уж!.. А хоть и бранить будет, все же в глаза, все легче!.. А может, и пожалеет... у нее душа добрая!..

Сыромятов. На минуту, пожалуй, а потом и прощай, брат Андрей, прощай!.. Мы ведь тужить долго не будем; у нас женихи и сейчас готовы... Такие невесты не засиживаются!.. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Андрей (один).

Андрей. Ведь вот только десять слов сказать, а там и легче будет, как гора с плеч свалится; да как их, эти слова-то, выговоришь?.. Готовы они, на губах вертятся, а изнутри-то совесть как огнем жжет!.. *(Садится к столу и снимает с пальца кольцо.)* Уж решено, кончено, обдумано, а точно что живое отрываю от себя!.. Да и та мысль в голову лезет... не отдать бы мне своего счастья с этим кольцом!..

Входит Таня.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Андрей и Таня.

Таня *(тихо и доверчиво)*. А?.. что?.. Что тебе?..

Андрей. Присядь на минуточку...

Таня садится к столу.

Ежели теперь человек своего слова не оправдывает, так не всегда же это от подлости, потому другой раз сам в себе не волен!..

Таня. Да про что ты?..

Андрей. Ежели человек не в себе...

Таня. Разлюбил, что ли?..

Андрей. Конечно, уж мне против тебя оправдания нет...

Таня. Я уж давно угадываю... давно ждала!

Андрей. Я кругом виноват перед тобой!

Таня. Ну, что же? Что я могу? Ведь насильно любить не заставишь?

Андрей. Ну так вот об чем я тебя прошу... *(Машинально подвигает кольцо к Тане, она отталкивает кольцо рукой.)* Позабудь ты меня!

Таня *(со слезами)*. Забуду я тебя или нет — тебе что?

Тебе одно, чтобы помехи не было... Ты, может, боишься? Так напрасно!..

А н д р е й. Чего мне бояться?.. Я тебя знаю... твою душу...

Т а н я. Коли ты лучше меня нашел, как тебя удержишь?.. Уж мы завсегда такие несчастные!..

А н д р е й. Нет, ежели ты сердиться или бранить, так уж ты брани меня одного, а ее, Таня, не проклинай!..

Т а н я. Да и тебя бранить что пользы? Бог с тобой!..

А н д р е й *(со слезами)*. Так прощаешь? Прощаешь?..

Т а н я. Что ж мне тебе сказать? Обидно мне, горько мне!.. Да ты сам-то уж не плачь — это мое дело! Что ж тебе сказать? Ну — бог с тобой!.. вот одно... что ж еще?..

А н д р е й. Ну, спасибо тебе, спасибо!.. Ангельская ты душа — вот что!.. А я... ну, прощай!.. *(Быстро уходит в дверь направо.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т а н я, потом С ы р о м я т о в.

Т а н я *(вслед Андрею, качая головой)*. «Ангельская душа»! На языке-то у тебя мед, а под языком-то лед!.. Говорит: не брани ее,— а кого ж мне бранить-то, как не ее? Она мое счастье-то отняла.

Входит С ы р о м я т о в.

Кто она такая, скажи ты мне?

С ы р о м я т о в. Ну как же! Очень нужно тебе знать!.. Наблюдай свою амбицию... амбицию наблюдай!.. Смеяться тебе надо ему в глаза, а не плакать!..

Т а н я. Не шутка ведь это... не засмеешься... ведь я любила его!..

С ы р о м я т о в. Любила, так и плачь себе дома, а при людях ронять себя нам нейдет! Надо так из себя доказывать, что люди за нами гоняются, а мы ни за кем не погонимся!.. Сбирайся... пойдем!..

Т а н я. Да уж пойдем, чего дожидать?.. *(Надевает шляпку.)*

С ы р о м я т о в. Высоко, брат Андрей, заносишься, но, однако, не ошибись! Как бы голова не закружилась!.. Дерево-то по себе рубят, чтоб под силу было!..

Входят Н а с т а с ь я П е т р о в н а и Г а в р и л а П а н т е л е и ч.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сыромятов, Таня, Настасья Петровна и Гаврила Пантелеич.

Настасья Петровна. Батюшки, что это?! Куда вы поднялись?

Сыромятов. Завсегда так бывает-с, что гости посидят, посидят, да и пойдут!..

Гаврила Пантелеич. И вправду, куда вы? Не гоним, кажется...

Сыромятов. Покуда не гонят... а ждать этого самого не желаем!.. *(Раскланиваясь.)* Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна, чувствительно вами благодарны за вашу ласку... на угощенье много довольны... Ну, и, кажется, при всем том мы увидимся не скоро...

Гаврила Пантелеич *(взглянув на жену)*. Настасья?..

Настасья Петровна. Не придумаю, что за оказия такая!..

Гаврила Пантелеич. Да ты не комедию ль ломаешь?..

Сыромятов. Наша комедия сейчас кончается, а будет у вас своя, новая... так и ожидайте... Прощенья просим!..

Таня. Прощайте!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гаврила Пантелеич и Настасья Петровна.

Гаврила Пантелеич *(помолчав)*. Настасья, говори, что у нас такое?

Настасья Петровна. Не знаю, Гаврила Пантелеич, не придумаю!

Гаврила Пантелеич. Да что ж, черт возьми, затмение на нас нашло, что ли?.. Где Андрей?

Настасья Петровна. Не знаю, батюшка, Гаврила Пантелеич!..

Гаврила Пантелеич. Кто белены-то объелся: мы или они?.. Я, кажется, ничего, в полном разуме, не бросаюсь по стенам и вижу всех как есть... Ты кусаться не стала ли?

Настасья Петровна. Да и я в здравом рассудке. С чего мне?

Гаврила Пантелеич. Говори, выкладывай! Прячешь что-нибудь... от вас ведь сыры-боры возгораются!..

Настасья Петровна. Не греши, Гаврила Пантелеич! Я, видит бог, ничем не причинна... и сама с мыслями не сберусь, откуда взялось такое!..

Входит Андрей.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Андрей.

Андрей. Батюшка, и вы, матушка, должен я вам открыть свою душу, и уж судите меня, как вам бог на сердце пошлет!..

Гаврила Пантелеич. Ну вот, постой, что такое?..

Настасья Петровна. Ох, оборвалось сердечко-то, оборвалось!

Андрей. Сыромятова Таня — моя невеста; мы по любви сошлись и с вашего благословения, но только теперь мои чувства совсем другие...

Гаврила Пантелеич *(про себя)*. Вот у кого горячка-то, вот оно что!..

Андрей. Теперь мои чувства совсем другие, которые даже невозможно преодолеть...

Настасья Петровна. Что ты, бог с тобой, что ты?.. Опомнись!..

Гаврила Пантелеич. Парня лечить надо, а мы с тобой смотрим!.. На ногах человек, с виду-то как и быть следует, а какой бред у него!..

Андрей. Ежели вы считаете, что эти мои слова — бред, так уж этот бред мне на всю жизнь... с ним мне и умирать надо!.. А я считаю, что я в полном разуме и даже прошу вашего родительского благословенья!..

Настасья Петровна. А как же Таня-то?.. Нешто можно?.. Что ты. что ты?..

Андрей. С Таней у меня объяснение было... я ей во всем по душе открылся... Сколько я теперь за Таню страдаю, да, может, и вперед буду страдать — это только грудь моя знает... Но дело это промеж нас кончено, нарушено и повороту нет-с!

Гаврила Пантелеич, пощипывая бороду, косится на сына.

Настасья Петровна. Ах, срам какой!.. и откуда это... каким ветром нанесло?.. *(С любопытством.)* Андрюша, кто ж она такая? Где нашел? Из каких?..

Андрей. Семейство хорошее, честное-с, состояние средственное, сирота, родитель помер... живет с маменькой... и такое мое к ней чувство!

Настасья Петровна. Ах, ай, ай!.. Ах, беда какая, беда какая!..

Гаврила Пантелеич. Полоумная!.. Вас обоих вместе на цепь-то посадить!.. Тут видимое дело: человека надо скорей водой... ушата два вылить, а она его расспрашивает... бобы с ним разводит!..

Андрей. Вся ваша воля... но я не в горячке, не сумасшедший... я в памяти...

Гаврила Пантелеич. Да когда ж эдакие одержимые сами понимают, что они с ума сошли!.. Их и уговаривать нечего... а просто вязать...

Андрей. Не сумасшедший я, очень даже далеко от этого.

Гаврила Пантелеич. А коли так, разговор у нас с тобой короткий будет: выкинь ты сейчас все это из головы — и брось!.. Невеста у тебя есть, и другой не будет. А этих твоих променадов я и знать не хочу, ты бы стыдился про них и говорить родителям!.. А чтоб поскорей конец всему этому сделать — на будущей неделе у нас свадьба будет! Вот тебе и сказ!

Андрей. Там уж как вам угодно, а только той свадьбе не бывать-с!

Гаврила Пантелеич. Как так? Воле родительской противиться, закон попирать!.. Или уж нынче власть родительская ничего не значит?..

Андрей. Я вам завсегда покорялся и завсегда буду покоряться, а это не такое дело-с: это дело сердечное. Если у вас есть власть приказать моему сердцу разлюбить, так я сам прошу вас, прикажите!.. Коли оно вас послушает, я очень рад буду.

Гаврила Пантелеич. Да я твоего сердца и знать-то не хочу! Сердце!.. Ишь, что выдумал!.. Нешто так родителям отвечают?.. *(Жене.)* Говори ты с ним, образумь его... а мне вас и видеть-то противно!.. *(Махнув руками, уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Андрей и Настасья Петровна.

Настасья Петровна *(садясь к столу)*. Ах, Андрюша, что ты затеял?..

Андрей *(садясь с другой стороны)*. Маменька, да коли счастье мое, коли жизнь моя от того зависит, так не мешайте хоть вы-то!

Настасья Петровна. А Таня-то... какая девушка... какая жена-то была бы тебе!

Андрей. Значит, не судьба! Что ж делать-то!

Настасья Петровна. А эту-то ты знаешь ли? Какой характер у нее? Да еще будет ли любить-то тебя?.. *(Скороговоркой.)* А как зовут-то ее?..

Андрей. Еленой.

Настасья Петровна. Что ж? Ничего, имя хорошее! Да подумай, Андрюша, дело большое, вековое!..

Андрей. Да уж думано и передумано!.. Я сегодня хочу ехать руки просить...

Настасья Петровна. Сегодня! Ах, батюшки!

Андрей. И если будет от нее согласие, так поверьте, что счастливей меня вы человека в мире не найдете! Хотите вы моего счастия?..

Настасья Петровна. Ну, буди воля господня!..

Входит Гаврила Пантелеич. Настасья Петровна и Андрей встают.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Гаврила Пантелеич.

Гаврила Пантелеич. Ну, урезонила хоть малость?

Настасья Петровна. Да уж, видно, Гаврила Пантелеич...

Гаврила Пантелеич. Что видно?.. Что видно-то?.. Я ничего покамест не вижу...

Настасья Петровна. Видно, что кому на роду написано, так уж... нынче хочет ехать руки просить...

Гаврила Пантелеич. Руки просить? Что ж нам теперь, родителям-то; как быть?.. Что делать нам подобает, на его безумие глядя?..

Настасья Петровна. Не знаю, батюшка, Гаврила Пантелеич!..

Гаврила Пантелеич. Не знаешь? Так я тебя научу. Вот первое: не умела ты своим бабьим, сорочьим языком вразумить свое детище, так прикуси твой язык — и молчать тебе навеки!..

Настасья Петровна. Слушаю, Гаврила Пантелеич!..

Гаврила Пантелеич. И не единого чтоб слова!

Настасья Петровна. Молчу, молчу!

Гаврила Пантелеич. А второе...

Настасья Петровна. Что второе-то?..

Гаврила Пантелеич. Второе-то: бери икону...

Андрей покорно опускает голову.

Настасья Петровна. Ах, батюшка, Гаврила Пантелеич! Ах, Андрюша, родной!..

Гаврила Пантелеич. Будь над ним господне и наше благословение!.. Пущай по крайности, коли он будет после плакаться, так на себя, а не на нас!.. Давай икону!..

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА КАРМИНА
пожилая дама с расстроенными нервами.

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА
ее дочь, девушка немного за 20 лет, в полном цвете красоты и здоровья; в манерах видна избалованность и привычка повелевать.

АНДРЕЙ ГАВРИЛЫЧ БЕЛУГИН.

НИКОЛАЙ ЕГОРЫЧ АГИШИН.

ЧЕЛОВЕК
Карминых.

Гостиная в квартире Карминой. Небольшая комната, небогато, но чисто меблированная; в глубине отворенная дверь в залу; направо, в углу, боковая дверь; на левой стороне два окна.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Е л е н а, одна, сидит в кресле и перелистывает книгу, потом кладет книгу на стол и подходит к окну.

Е л е н а. Какая тоска невыносимая! Ни дела, ни места не найду. Дни идут, тянутся какие-то мертвые, как будто жизнь моя остановилась! Хотел вернуться через две недели, а вот уж скоро два месяца, как его нет! Где он пропадает? Как разлука развивает и укрепляет страсть!.. Пока он был подле меня, я не замечала, как сильна привязанность, я не замечала, что он мне необходим!.. Но ведь мы и воздуха не замечаем кругом себя, а между тем без него жить нельзя — дышать нечем! Но что же он? Зачем он медлит? Робость в нем предполагать нельзя... то в его словах страстность, то холодность и самое обыкновенное дешевое благоразумие! Или это расчет, тактика?.. Столько времени мы знакомы, и он для меня все-таки остается загадкой!.. Надо его вызвать, заставить объясниться!.. Да, нужно кончить это мучительное для меня недоразумение... *(Смотрит в окно.)* Ах, милый Андрюша Белугин!.. Вот это душа простая... ха, ха, ха! И что-то в руках держит! А какой у него рысак... вот прокатиться бы!.. *(Садится к столу и берет книгу.)*

Входит А н д р е й Б е л у г и н, во фраке, в руках большой букет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Е л е н а и А н д р е й Б е л у г и н.

Е л е н а *(шутя)*. И без доклада?

А н д р е й *(сконфузясь)*. Виноват-с!.. я... вот какое невежество!

Е л е н а *(смеется)*. Ну, да беда небольшая! *(Встает и подает руку.)* Здравствуйте!

А н д р е й. Ваше здоровье, Елена Васильевна?

Е л е н а. Как нельзя лучше! *(Указывая на цветы.)* А это что такое?

А н д р е й *(подавая цветы)*. Позвольте вам поднести, Елена Васильевна!

Е л е н а. Что вам за фантазия пришла?

А н д р е й. Так, желательно было-с... Не откажите принять...

Е л е н а *(берет)*. Mercі!.. Прелесть какой букет! *(Садится и нюхает.)* Где вы достали?

А н д р е й. Да помилуйте... да где угодно-с! Нешто редкость какая!

Е л е н а. Да, конечно, для вас всё не редкость... садитесь же!

А н д р е й. Нет-с, ни сидеть... ни стоять!.. а бежать бы куда-нибудь без оглядки!..

Е л е н а. Вот странное настроение! Вы не знаете, Агишин... он не приехал еще из Петербурга?..

А н д р е й. Нет-с... Что мне?.. Я не знаю-с...

Е л е н а. Ну, а с вами что такое случилось?..

А н д р е й. Так, вдруг-с... такое расположение бывает, что все мысли перепутаны и точно в тумане!..

Е л е н а. А можно спросить о причине? «Так вдруг»... Да ведь от чего-нибудь это нашло на вас!

А н д р е й. Пущай же цветы вам это скажут!..

Е л е н а. Цветы? Они молчат... только хорошо пахнут... свежие!

А н д р е й. Нет-с... они говорят...

Е л е н а. Очень тихо, значит... я не слышу!..

А н д р е й. Они говорят-с, говорят про любовь того человека, который, может, самый несчастный!..

Е л е н а. Не понимаю!..

А н д р е й. И нельзя вам понять-с: у вас все будто как шутка, вы всё смеетесь... но вам шутить можно, а мне нельзя-с: пришло то самое время, когда надо эту шутку кончить!..

Е л е н а. Ах, говорите ясней!..

А н д р е й. Елена Васильевна, всего два слова: моя любовь — не шутка... не шутка-с: тут вся моя жизнь в ней-с! Елена Васильевна, у меня все решено-с, и теперь я вашей руки прошу-с... Отвечайте мне, Елена Васильевна... прямо от души... и прошу вас сию минуту-с... ждать мне, по моим чувствам, никак невозможно-с! *(Смотрит в окно.)*

Елена наклоняется к букету.

Е л е н а *(как бы про себя)*. Вот неожиданность!

А н д р е й. Ежели я сказал глупость, оскорбил вас, так прямо и говорите... и больше вы меня не увидите!..

Е л е н а *(помолчав)*. А давно вам это в голову пришло?

А н д р е й. А с той самой минуты, как я вас увидел-с!..

У меня была и невеста, но это дело я покончил; теперь только ваш ответ-с...

Елена. Но вы зависимы... вы принадлежите своему кругу... у вас свой особый мир, а я выросла и образовалась совершенно в другой сфере; у меня свои привычки, вкусы, стремления, и переделаться не могу!

Андрей. Зависимости у меня нет-с: я имею собственный капитал от бабушки и живу совсем отдельно от родителей; а в отношении того, что вы говорите, я принадлежу чему-то... так этого нет-с... а я буду принадлежать только той особе... кого я люблю-с!..

Елена. Но послушайте... у меня дурной характер: я капризна, иногда просто зла и никому и ничего не уступаю, если вздумают меня стеснять! И мало ли какие мне могут прийти фантазии: вдруг мне все надоест... я захочу себе свободы... полной свободы...

Андрей. Ну и что же-с?.. И все это как вам угодно-с, я на все готов... Мне ничего не нужно-с... окромя... ну, чтобы вы, чтобы я мог назвать вас-с!..

Елена задумчиво нагибается к цветам и вдруг громко смеется.

Елена. Простите, я совсем о другом: мне пришла в голову одна такая смешная вещь!..

Андрей *(со вздохом)*. Да-с, я так и понимаю, что это не ко мне, потому смеяться теперь надо мною... грех!.. Уже это надо совсем никакой души не иметь!..

Елена. Нет, право же нет! Я не такая дурная, а, право, совсем другое мне пришло... Ну, хорошо! Дайте мне одной немного подумать, и я скажу вам!.. А вы ступайте, ну, прокатитесь... Через час вы узнаете!..

Андрей. Только как мне этот час долог покажется!..

Елена. А вы съездите в кондитерскую, привезите мне конфект... вот вы и не увидите, как время пройдет!.. Да не будьте так серьезны... я не люблю серьезных!..

Андрей. Так до свиданья-с! Со всем трепетом!.. *(Идет.)*

Елена *(провожая его до двери)*. Ах, без трепета, пожалуйста!

Андрей уходит.

Ха, ха, ха! Я купчиха Белугина! Ха, ха, ха... пышная, разряженная, с своим Андреем Гаврилычем

рядом, в роскошной коляске, на рысаках... Ха, ха, ха... молодые Белугины!.. Помните Элен Кармину? Это она! Ха, ха, ха... И разговоры... злые насмешки, из-под которых так и сквозит зависть!.. Вот новость, вот событие!..

Входит Нина Александровна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Елена и Нина Александровна.

Нина Александровна *(заметя цветы)*. Какой букет! Кто это?..

Елена. Жених!

Нина Александровна. Что ты говоришь? Какой жених?..

Елена *(смеется)*. Право, мама!..

Нина Александровна. Лена, что тебе за охота мучить меня?

Елена. André Béloughin сделал сейчас мне предложение.

Нина Александровна. Лена, неужели? Да нет, ты шутишь?!..

Елена. Не веришь? Ха, ха, ха... что ж тут удивительного?

Нина Александровна. Ну, конечно, ты шутишь, и больше ничего!

Елена. Нет, нисколько! Я — невеста, мама... я приняла предложение.

Нина Александровна. Лена, перестань: пожалей мои нервы.

Елена. Поверь же наконец! *(Обнимает мать.)* Мама, а разве плохо жить на свете купчихе Белугиной?

Нина Александровна. Да, может быть, ей и очень хорошо жить, но ты — не купчиха Белугина, ты не должна была, ты не могла принять этого предложения!.. Фи!..

Елена. Ну, разумеется, я не пойду за него ни за что на свете! Но позвольте же мне хоть помечтать о богатстве и посмеяться... Этого смеха, мама, нам надолго хватит. *(Уходит.)*

Нина Александровна. Какие, право, нынче эти люди смелые стали! Ну, как это возможно!..

Входит Агишин.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Нина Александровна и Агишин.

Нина Александровна. Ах, Николай Егорыч! Ах, как неожиданно! Ну, слава богу! А уж мы надумались о вас... здравствуйте, здравствуйте, наконец-то! Ну, как вы съездили, благополучно?

Агишин. Очень благополучно. Как ваше здоровье?

Нина Александровна. Да все нервы, по обыкновению... решительно покоя не дают!

Агишин. Здоровье Елены Васильевны?

Нина Александровна. Она у меня цветет! А я, поверите ли, вот увидала вас вдруг, ну, и вся как разбитая! Да садитесь же!

Агишин *(садясь)*. Нехорошо, Нина Александровна.

Нина Александровна. Да уж что хорошего...

Агишин. А знаете ли вы, отчего это у вас? От дурного воспитания.

Нина Александровна. Ах, что вы, что вы!.. Мое воспитание было отличное!

Агишин. Нет, дурное, сентиментальное! Излишнее развитие возвышенных чувств в ущерб рассудку, страстные порывы к идеальному. А так как в жизни-то все реальное, идеального ничего нет — вот и пойдут разочарования, расстройство нервов; да этого еще мало: семейные драмы, разбитые жизни! Вот где источник-то мигреней, Нина Александровна, в возвышенных чувствах!..

Нина Александровна. Вас слушай только, так вы наскажете!

Агишин. Если б в девушках развивали побольше рассудок и трезвый взгляд на вещи, так поверьте, что они были бы счастливее и уж наверное здоровее!

Нина Александровна. Со мною-то вы что хотите говорите, только уж дочери, пожалуйста, этих мыслей...

Агишин. Нина Александровна, если вы желаете счастья Елене Васильевне, так учите ее брать от жизни только то, что она дает, и не мечтать об идеалах.

Нина Александровна. Как привяжется мигрень! Да вот Лена идет, а я уж, извините, отдохну пойду. *(Уходит.)*

Входит Елена.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Агишин и Елена.

Елена. Боже! Вы здесь, а я и не знаю, маменька и не скажет!

Агишин *(горячее рукопожатие)*. Да, я давно уже...

Елена. Когда вы из Петербурга?

Агишин. Вчера утром.

Елена. Как же вы смели так долго не являться?

Агишин. Не притворяйтесь строгою; ведь я не поверю, чтобы мое отсутствие было очень заметно для вас!

Елена. Нет, в самом деле, я ужасно хандрила все это время, не с кем слова сказать! Что вы там делали?

Агишин. У меня умерла там какая-то тетушка... Что-то оставила, нужно было получить... но, к моему сожалению, вышло очень немного!..

Елена. Я думала, что вы где-нибудь за океаном!

Агишин. Как здоровье ваше?

Елена. Я говорю вам, что хандрю!

Агишин. Без причины?

Елена. Я сама не знаю, что со мною... тоска, чем-то недовольна, куда-то рвусь!

Агишин. Полнота, избыток сил! Вы, как роскошная весенняя природа, которая после ясной погоды вдруг хмуриться начинает; нужна гроза, хоть небольшая, чтобы разрядить накопившееся электричество.

Елена. Вы думаете?

Агишин. Ах, что мой Андрюша? Бывает он у вас?

Елена. Очень часто... он смешит... он меня ужасно смешит!

Агишин. Влюблен, я думаю, да еще как влюблен! Не то, что мы!..

Елена. А как же?

Агишин. А как влюбляются люди необразованные: от всей души, то есть от всей своей первобытной дикости! А кстати, как вы смотрите на него?

Елена. Он — ничего, так себе, русский молодец... кажется, добрый и нежный человек. Я ведь сужу его по его же словам; он мне всю свою душу открывает.

Агишин. Да-с, и вот этот Андрюша — миллионер: по завещанию бабушки имеет свой огромный капитал, да к тому ж еще единственное и любимое чадо у своих

богатых родителей. А какая нежность, какая деликатность чувств! Явление замечательное в настоящее время.

Елена. Я его не разберу — что он: глуп или юн еще очень?

Агишин. Пороху он, конечно, не выдумает, а поразовьется, так будет человек как следует, для домашнего обихода, разумеется! Вообще, этот Андрюша — драгоценность; он очень удобен.

Елена. Для кого?

Агишин. Для жены, для женщины, которая сумеет понять, как дорога, при полном довольстве, полная свобода и независимость! Благоразумная девушка едва ли оттолкнет его!

Елена. Знаете ли, ведь он, голубчик, влюблен в меня без ума, без памяти!

Агишин. Иначе и быть не могло! Если его страсть шла crescendo[1], она должна дойти до геркулесовых столбов. С первого раза, как он увидал вас, так и обомлел!

Елена. Ну, так я вам еще новость скажу: он сделал мне предложение сегодня, не более получаса тому назад!..

Агишин. Браво, Андрюша, браво! Что же вы ему?

Елена. Я от хохота говорить не могла.

Агишин. Каков Андрюша? Молодец, право, молодец!..

Елена. Вообразите, перед вами купчиха Белугина! Ха, ха, ха!

Агишин. Я в этом ничего не нахожу смешного; да я думаю, и всякий тоже, кто желает вам добра. Но с чем же он ушел от вас?

Елена. Ему сказано, что подумают, как обыкновенно говорят в таких случаях. Но довольно об этом! Расскажите что-нибудь о себе: что вы там видели в Петербурге? Там, говорят, очень много хорошеньких женщин... там у вас есть и знакомые; помните вы говорили о каких-то двух дамах, которыми вы интересовались?

Агишин. Видел и их; но одна из них непомерно толстеет, много спит и начинает очень сладко поглядывать на своего супруга, а другая худеет до невозможности...

---

[1] С возрастающей силой *(итал.)*.

Е л е н а. Значит, вам было не очень весело?..

А г и ш и н. За кого ж вы меня принимаете? Неужели вы думаете, что у меня в жизни, кроме забавы, ничего нет? Что я порхаю, как мотылек, и ни в груди, ни в голове не таю́, не берегу ничего серьезного?

Е л е н а. Я ведь вас не знаю, я сужу по вашим же словам.

А г и ш и н. Да я и не спорю с вами; прежде, может быть, я и был таков, но не теперь!

Е л е н а. А теперь что же?

А г и ш и н. В эту поездку я убедился, что у меня на душе что-то неладно! Поверите ли, я в первый раз в жизни мучительно ощутил чье-то отсутствие и страдал! Чувство странное, тревожное... Передо мной носился, меня преследовал женский образ; он занял мой мозг, всю мою душу!..

Е л е н а. Но позвольте спросить, кто же она: женщина или девушка?

А г и ш и н. Она? Да, она — девушка...

Е л е н а. Так ведь она может быть вашей!..

А г и ш и н. Боже мой! Да смею ли я, нищий, нищий, мечтать о таком счастье! Что я могу? Втиснуть ее в жалкую, будничную рамку жизни, сделать женой, нянькой, экономкой и загубить, загубить созданье, в котором все прелестно, все изящно, все музыка... и переселить ее в кухню!.. Да и я, я сам, люблю изящество во всем! Я сам артист! Обладание обожаемой женщиной я не могу себе иначе и представить, как в роскошной обстановке, как...

Е л е н а *(тихо)*. Продолжайте...

А г и ш и н. Ах! Есть голубой Неаполитанский залив, есть Сорренто...

Там голубые небеса
И фиолетовые горы.

Там жизнь, там рай; недаром Италию так любят поэты...

Е л е н а. Значит, у вас надежды нет?

А г и ш и н. Надежда? Какая во мне надежда!.. Во мне — бешенство! Я готов на все, на всякие жертвы, чтобы только вырвать эту страсть из души! Но уже невозможно, уж поздно!.. *(Молчание.)* Одну, одну мечту могу еще я лелеять в душе своей...

Е л е н а *(почти шепотом)*. Какую, какую?
А г и ш и н. Пусть она принадлежит другому!
Е л е н а *(как уколотая)*. Ай!..
А г и ш и н. Да, пусть она принадлежит другому, но пусть она оставит в душе своей хоть маленький уголок, где бы я, страдалец, мог найти для себя отдых, примирение с жизнью, освежение! Эта интрига потребует от нее, конечно, маленькой борьбы с предрассудком, маленькой сделки с своей совестью...
Е л е н а. Но если сделка с совестью, так уж это не маленький уголок!
А г и ш и н. Но и эта мечта моя разлетается, как дым! Нет, она еще слишком идеальна; для нее обыкновенная житейская история, которую мы видим на каждом шагу, может показаться чем-то ужасным, чудовищным; самая сладость, изящество утонченного наслаждения может ей показаться даже преступным... ей представятся фурии, эвмениды, которые будут преследовать ее до конца жизни!..
Е л е н а. Но кто же она?
А г и ш и н. И вы спрашиваете? Вы не знаете? Неужели вы ждете от меня, чтобы я назвал по имени? Нужно ли?
Е л е н а. Нет, не нужно!..
А г и ш и н. И вот чтобы заморить, задушить эту страсть, я еду в провинцию, поступлю где-нибудь на службу, куда-нибудь подальше!
Е л е н а. И надолго?
А г и ш и н. На два, на три года, почем я знаю? Пока уляжется все, успокоится в душе, пока овладею собой!.. Однако прощайте! Вам нужно подумать над роковым для человека ответом, ведь и Андрей — тоже человек!.. А мне... у меня горит голова, мне нужен воздух!..
Е л е н а *(решительно)*. Приезжайте сегодня, приезжайте! Я вас прошу, я вам приказываю!
А г и ш и н. Хорошо; если вам угодно, заеду; я сделаю один визит неподалеку. До свиданья! *(Подает руку Елене.)* Какая рука... какое теплое, энергическое пожатие! Не бегайте от счастья... бросьте предрассудки, берите от жизни все, что она может дать вам!.. Не бегайте от счастья!.. *(Уходит.)*
Е л е н а. Ой, как сердце бьется! Что за день для меня! И сейчас приедет Андрей... *(Молчание.)* Значит,

сделка с совестью?.. Так, что ли? Ах! *(Садится.)* Но что ж это со мной? Я в первый раз в жизни как будто начинаю двоиться. Я сильна и смела, я готова на эту обольстительную сделку с совестью; но и совесть вступает в свои права, я ощущаю в себе нравственное падение и немножко презираю себя!.. Но ведь это слабость, слабость! Он называет это слабостью; он, единственный авторитет для меня, он... называл это слабостью! Так это слабость и есть! Нет, решено! кончено. Надо брать от жизни то, что она дает... а то после жалеть, плакать будешь!.. Ах, как неясно, как темно все в голове! Ну, так пускаться... а там уж что выйдет, решит сама жизнь!..

Входит Н и н а А л е к с а н д р о в н а.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Е л е н а и Н и н а А л е к с а н д р о в н а.

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Лена, ну что же ты... ты только все смеялась?! Нужно же ему ответ какой-нибудь дать!

Е л е н а. Мама... я иду... иду за него.

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Лена, боже!.. Что ты!..

Е л е н а. Что же, мама... это для меня партия хорошая. Чего ж ждать-то? Мы живем на последнее, изо дня в день, а впереди нам грозит нищета. Ни к физическому, ни к умственному труду я не способна — я не так выросла, не так воспитана. *(Со слезами.)* Я хочу жить, мама, жить, наслаждаться! Так лучше ведь идти за Андрюшу, чем весь свой век сидеть в бедном углу с бессильной злобой на людей.

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Не наша сфера, мой друг; их дикая жизнь, дикие нравы... Что заговорят!..

Е л е н а. Да что нам за дело до разговоров? Будем выше предрассудков! Зато жизнь можно устроить, как хочется, средств будет много!

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Можешь ли ты хоть когда-нибудь полюбить его?

Е л е н а. Я, мама, постараюсь привыкнуть к нему!

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Лена, Лена! И ты решаешься! Твой ум, красота — и кому?..

Е л е н а *(обнимает и целует мать)*. Что ты, мама! Не плачь! Да теперь-то мой ум и красота и найдут себе место! Посмотри, как я заживу богато, а сколько у меня будет блестящих поклонников! Какой выбор будет!..

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Я могу только молиться, горячо молиться за твое счастье!..

Е л е н а. Ну, полно же, мама, прочь эти слезы!..

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Вот до чего доводят обстоятельства! В другом положении я не допустила бы и мысли, чтобы ты... моя Лена... мое бесценное сокровище...

Е л е н а. Ну, пойдем, пойдем, успокойся.

Уходят.
Входит А н д р е й.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

А н д р е й (один).

А н д р е й. Однако никого нет. Я, кажется, мешаться в уме начинаю помаленьку... потому песня какая-то лезет в голову совсем не к месту! *(Подходит к окну.)* Вон Илья сидит на козлах, кулек шампанского держит; вон Серый что-то вздрагивает, ушами поводит. Эх, Серый, куда-то ты помчишь меня отсюда!

Входят Н и н а А л е к с а н д р о в н а и Е л е н а.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

А н д р е й, Н и н а А л е к с а н д р о в н а и Е л е н а.

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Здравствуйте, Андрей Гаврилыч! *(Садится.)*

Елена останавливается, прислонясь к стене.

Садитесь, прошу вас!

А н д р е й. Нет-с, я уж... я так-с!

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Вы сделали предложение моей дочери?

А н д р е й. Так точно-с, потому любовь моя к Елене Васильевне...

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Она так еще молода; но я — не такая мать, чтобы принуждать. Воля ее... я люблю Лену, она одна только привязывает

меня к жизни... *(Слезы.)* Она, ее счастье... Я прошу небо!..

Андрей. Нина Александровна, желательно слышать ваше слово-с.

Нина Александровна. Пусть она сама!

Елена. Я согласна...

Андрей *(делает шаг, вскрикивая)*. Елена Васильевна, верить ли-с?

Елена *(с улыбкой)*. Я согласна!

Андрей *(бросается и целует руку Нины Александровны)*. Нина Александровна! Такое для меня счастье!..

Нина Александровна. Я отдаю вам все, что имею дорогого!

Андрей. Дорогого-с!.. Так и блюсти будем, как самое дорогое. Кто теперь счастливей-то меня на свете?

Елена *(шутливо)*. Найдется кто-нибудь!

Андрей *(целует руку Елены)*. Невозможно-с! Брошусь, право брошусь с колокольни с какой-нибудь!

Елена. Ну, тогда и свадьба наша не состоится.

Андрей. Цел останусь, невредим, не беспокойтесь! Нина Александровна, позвольте же по-русски, с бокалами-с.

Нина Александровна. Да у нас ничего нет, так неожиданно!

Андрей. У нас есть в запасе очень достаточно. *(Бросается в залу.)*

Нина Александровна. Лена, а ты меня оставишь одну?..

Елена. Тебя, мама, никогда! Ты со мной, это будет первое условие!

Нина Александровна *(целует дочь)*. Дитя мое, дорогая моя!

Андрей возвращается и за ним человек с подносом, на котором бутылка шампанского и бокалы.

Андрей. Нина Александровна, прошу вас, за наше будущее! *(Берет бокал.)*

Нина Александровна *(встает и берет бокал)*. Будьте счастливы! Берегите ее!..

Андрей. Об этом уж не извольте беспокоиться!

Чокаются. Нина Александровна немного отпивает, ставит бокал и садится.

А н д р е й. Елена Васильевна, теперь наш-с!..

Елена берет, чокаются и пьют.

Е л е н а. Хорошее вино.

А н д р е й. Ничего-с: вино как вино! А только как будто это одна шутка, все мне кажется.

Е л е н а. Да и вся жизнь — шутка! Шутя люди живут и умирают.

Входит А г и ш и н.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Т е ж е и А г и ш и н.

А н д р е й. Вот он, как раз! *(Бросается и хватает Агишина в объятия.)* Николай Егорыч, голубчик, чудеса! Поздравь, выпей!

А г и ш и н *(берет бокал)*. Выпить я выпью, а с чем и кого поздравить прикажете?

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Поздравьте жениха и невесту.

А г и ш и н *(холодно)*. Поздравляю вас, Елена Васильевна и Андрей Гаврилыч! *(Пьет и ставит бокал.)*

Ч е л о в е к уходит в залу.

А н д р е й. Да, вот как, Николай Егорыч! *(Обнимает Агишина.)* Друг ты мне, друг единственный и навеки. Ты всему моему счастью главная причина: ты мне первый указал Елену Васильевну, ты же меня и познакомил с ними! Я этого век не забуду! А вот мы с тобой сейчас за здоровье Елены Васильевны снова выпьем. Для такого случая и новое вино нужно, свежее; а это уж выдохлось. *(Уходит в залу.)*

А г и ш и н *(с презрительной улыбкой)*. Он счастлив, как глупый школьник.

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Николай Егорыч, не осуждайте нас.

А г и ш и н. Как я смею осуждать вас? И за что? Вы становитесь выше общественных предрассудков, вы, для счастья дочери, смело идете навстречу пересудам и осужденьям! Я должен только удивляться вашему уму и геройству Елены Васильевны...

Е л е н а. Это не геройство!

А г и ш и н. Так что же?

Е л е н а *(тихо)*. Это сделка с совестью, о которой вы говорили! Я не хочу пропускать случая и хочу взять от жизни все, что она может дать мне.

А г и ш и н *(тихо)*. И отворить двери рая тому, кто так долго томится у их порога!

Входит А н д р е й, за ним ч е л о в е к с бутылкой шампанского и двумя стаканами на подносе.

А н д р е й *(Агишину)*. Теперь мы с тобой выпьем, по душе... без фальши, как друзья, как братья, за дорогое, бесценное здоровье Елены Васильевны!

А г и ш и н *(берет стакан)*. Пусть золотая жизнь ваша, Елена Васильевна, всегда играет, как это вино! *(Пьет.)*

А н д р е й *(берет стакан)*. Я говорить не умею; но пусть жизнь моя вам докажет, сколь душевно я люблю вас, и что нет того на свете...

А г и ш и н. Сбился, Андрюша.

А н д р е й *(сквозь слезы)*. Постой! И нет того в мире, как бог свят, что б я не сделал, чтобы хоть малость заслужить любовь вашу...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

ЕЛЕНА.

АНДРЕЙ.

АГИШИН.

ГАВРИЛА ПАНТЕЛЕИЧ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

ЧЕЛОВЕК
Карминых.

Небольшая семейная комната в квартире Карминых. Две боковые двери: одна, налево от актеров, в гостиную, другая, направо, во внутренние комнаты; мебель мягкая, обитая французским ситцем; с правой стороны такой же маленький диванчик и круглый стол.
Вечер, на столе свечи.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Нина Александровна сидит в задумчивости и нюхает спирт. Елена в длинной батистовой юбке, в кружевной кофте, уже совсем причесанная, лицо осыпано пудрой, входит из двери справа.

Елена. Что ты, мама? Что с тобой? Опять нервы?

Нина Александровна. Ах, я себя браню, я очень глупо поступила.

Елена. Как, что такое?

Нина Александровна. Ах, Лена назвала гостей, и старики Белугины будут... Уж коли звать гостей, так надо было хоть занять денег, да...

Елена. Да бал задать?..

Нина Александровна. Бал не бал, а все же надо было приличный вечер сделать... Наговорили всем, что выдаю дочь за миллионера, все приедут в ожидании чего-то особенного... А что у нас?

Елена. Ну, вот мы им этого миллионера и покажем. Чего ж еще?

Нина Александровна. У тебя все шутки, а мне, право, так неприятно, так неприятно!..

Входит Андрей Белугин, во фраке, в руках шляпа, в которой два бархатные футляра.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Нина Александровна, Елена и Андрей.

Елена. Скажите, пожалуйста!.. Он без церемонии, прямо...

Андрей. Ничего-с...

Елена. Куда вы? Подите вон! Сюда без спроса не ходят!

Андрей. Ничего-с...

Елена. Рано, рано еще, видите, я не одета!

Андрей. Это для нас ничего-с.

Елена. Для вас ничего, да для меня...

Андрей. И для вас ничего, потому я в другую сторону смотреть буду.

Нина Александровна. Ах, какой он милый!..

Елена. Ну, что вам надо?

Андрей. Дело есть спешное; я вчера забыл-с. *(Ставит шляпу на стол.)*

Нина Александровна с любопытством заглядывает в нее.

Может, деньги нужны-с?..

Нина Александровна. Нет, нельзя сказать, чтоб особенно нужны были...

Андрей. Вы извините, я не с тем, чтобы-с... Всяко бывает-с... Там особенно или не особенно!.. Ну, там фрукты, али вино, али что другое-с, только чтоб самое редкое-с, чего на свете не бывает!.. Вот две теневых.

Нина Александровна подходит к нему, он дает ей две сторублевые ассигнации.

И, пожалуйста, не жалейте-с... Если еще что понадобится, так только одно слово!

Елена. Мама, ну вот.

Нина Александровна. Taisez-vous! [1]

Елена. Faites vos préparatifs sans tarder! [2]

Нина Александровна. A l'instant!.. [3] Какой он милый!.. *(Андрею.)* Напрасно вы беспокоитесь; но все-таки это не лишнее, и я вам очень благодарна. Какой он милый, Лена!.. *(Уходит, заглянув еще в шляпу.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Елена и Андрей.

Елена. Ну, уходите же! Мне стыдно.

Андрей. Нет, как уходить-с! *(Вынимает бумажник и достает из него билеты.)* Это вот вам, Елена Васильевна, приданое-с, чтобы не сказали... *(Подает билеты Елене.)*

Елена. Что такое?

Андрей. Билеты, именные, ваши-с!

Елена. На что мне они, что мне с ними делать?

Андрей. Да что вам угодно. Тут семьдесят пять тысяч.

Елена. Так много!.. Нет, нет, я не возьму!

Андрей. Что за много-с!.. Вы меня обижаете-с!.. Неужели я семидесяти пяти тысяч не стою? Да мне давали за невестами по сту тысяч и больше, да я не брал, а у вас только семьдесят пять-с!

Елена. Нет, мне страшно, я боюсь.

---

[1] Молчите! *(франц.)*.
[2] Устраивайте все скорей! *(франц.)*.
[3] В миг! *(франц.)*.

Андрей. Это от непривычки обращаться с этим товаром; а мы так их пошвыриваем довольно равнодушно. *(Берет руку Елены и вкладывает билеты.)* Чего их бояться-то? Положите их: они будут лежать смирно, ни шуметь, ни бунтоваться не будут, а в случае надобности сослужат вам службу, какую прикажете... Не лишнее-с...

Елена. Мне кажется, что я отнимаю у вас, лишаю вас чего-то, обижаю вас!

Андрей. Не сумлевайтесь, не обидите! У нас, купцов, все расчет, и обидеть нас-таки довольно мудрено. Это только мой годовой доход, барыш, прибыль, значит-с; а капитал — он в неприкосновенности.

Елена. Какой вы добрый и благородный человек!

Андрей. Да что такое, помилуйте-с! *(Достает из шляпы футляр и подает Елене.)* Деньги — это само собой-с, то ваше собственное, про то и говорить нечего, а это прошу принять как подарок от жениха-с!

Елена *(раскрыв футляр)*. Ах, браслет, звезды, бриллианты!

Андрей. Вот извольте надеть сегодня, при свечах-то они и заиграют.

Елена. Но зачем так много бриллиантов! Ведь это очень дорого.

Андрей. А себя-то вы что ж дешево цените! По-моему, так для вас дорогого ничего нет-с! Ведь и бриллианту место нужно. Ну, что он значит в магазине, в футляре? Да другая и наденет, так ни красы, ни радости, только на бриллианты и смотреть, а не на нее; а коли на вас бриллианты, так они сами радуются; не они вас красят, а вы им цены придаете.

Елена. Merci, merci!.. Как хорошо! Кто выбрал?

Андрей. Сам, у Фульда-с!

Елена. У вас и вкус есть! *(Кладет футляр на стол.)*

Андрей. Уж по невесте можно судить, что у меня вкус есть-с.

Елена. И остроумие! Поминутно новые достоинства открываются!

Андрей. Теперь, я думаю, скоро наши будут.

Елена. А я еще не одета!

Андрей. Поспеете... Только они не надолго, уж вы не обидьтесь и не удерживайте их; и то насилу

уговорил, они только взглянуть... на вас! Так уж вы им во всем блеске!.. Уж я вас прошу-с!..

Елена. Уж не беспокойтесь!.. Это не ваше дело! *(Взглянув на Андрея.)* Ай, завит!

Андрей. А что же-с?

Елена. Да нехорошо. Ну что за баран!.. Извольте все это уничтожить!

Андрей. Так я, пожалуй, хоть под гребенку-с!

Елена *(гладит ему волосы рукой)*. Волосы такие хорошие!

Андрей *(ловит ее руку и целует)*. Очень я вам благодарен, что интересуетесь! Так а ля дьябль-с или прикажете а ля капуль? Нынче в моде-с!

Елена. Да ни à la diable, ни à la капуль — никак, а просто, натурально!

Андрей. Так точно и будет-с! Сейчас к парикмахеру! А какие вы в этом наряде... Уж очень-с!.. Смертушка моя приходит-с.

Елена. А кто сказал, что смотреть не буду?

Андрей. Да никакой возможности нет утерпеть-с! Вот плечико просвечивает... ведь уж это что такое! Если бы только осмелиться!..

Елена. Что?

Андрей. Устами.

Елена *(оглядываясь, подставляет плечо)*. Ну, целуй и убирайся!

Андрей *(поцеловав в плечо)*. Лечу-с! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Елена, потом Нина Александровна.

Елена. Я богата!.. Это совсем что-то новое, только хорошее! Это как-то поднимает меня, делает солиднее, устойчивее, и немножко... вот мне самой смешно... немножко как будто умнее!

Входит Нина Александровна.

Нина Александровна. Покажи-ка, покажи, что он подарил тебе?

Елена *(задумчиво)*. Вон посмотри, мама!

Нина Александровна *(открыв футляр)*. Ах, ах, какая прелесть! И как ведь это дорого, должно быть.

Елена. Конечно, дорого; но вот это дороже.

Нина Александровна. Что же, что еще?

Елена *(подавая билеты)*. Вот на, сочти!

Нина Александровна. Билеты купеческого банка!.. По десяти тысяч!.. Боже мой!.. Лена!.. Пять, шесть, семь!.. *(Рассматривает последний билет.)* Семьдесят пять тысяч! Ведь это целое состояние!

Елена. Ну, не очень большое, а все-таки состояние. Да, по нынешнему времени, когда деньги так дороги и так нужны, интересны всем, получить такую сумму нам... нам, когда у нас ничего, то есть почти ничего...

Нина Александровна. Ах, Лена, я в себя прийти не могу! Это такая неожиданная радость... радость за тебя, дитя мое!

Елена. Значит, главное сделано. Теперь что бы впереди ни было, что бы с нами ни случилось, мы с тобой покойны, мы обеспечены! Возьми, убери их; пригодятся на черный день! Видишь, я недаром пожертвовала собой!

Нина Александровна *(целуя дочь)*. Чудесная, золотая головка! Я так рада, так рада... *(Взглянув на дочь.)* Лена! Видно, я малодушнее тебя: я чуть не прыгаю от радости при виде такого богатства, а ты и не улыбнешься!

Елена. Эти деньги — не всё для меня; мне этого мало; я еще молода, мама, я не жила, меня манит жизнь!

Нина Александровна. Конечно, ты все-таки жертва.

Елена. Не то, мама, не то...

Нина Александровна. А что же, друг мой?

Елена. Мама, мы сделаем уговор...

Нина Александровна. Изволь, какой тебе угодно.

Елена. Мама, я скоро буду богатой, независимой женщиной; твои заботы, твоя опека надо мной кончились; но я хочу, чтобы мы с тобой любили друг друга по-прежнему... ну, по-прежнему, как тогда, когда я была еще ребенком! И потому я прошу тебя, чтоб ни одного упрека, ни одного косого взгляда, если...

Нина Александровна. Что «если»?

Елена. За одну только богатую жизнь я бы никогда не отдала себя: я хочу быть свободна!

Нина Александровна. Лена, мне одно только нужно, чтобы ты была счастлива!.. Сумей только быть счастливой!

Елена. Постараюсь. *(Обнимает мать.)* Мама! Я могла бы ведь этого и не говорить тебе, так цени же мою любовь и детскую преданность. Теперь пора одеваться; я невеста и хочу быть красавицей! *(Уходит.)*

Нина Александровна. Как нынче девушки-то, как посмотрю я, смелы стали, как решительно переступают они этот порог!.. А мы-то, бывало... и себя я помню, и других... сколько дум, сколько гаданий! сколько слез!.. Жизни-то ничего не понимали; выйдешь замуж, муж-то тебя балует, рядит, как куклу, да и вертит, как куклой... Кто-то приехал, кажется. Хорошо, коли кто из близких. *(Отворяет дверь в гостиную.)* А, это Николай Егорыч, свой человек! Пожалуйте, пожалуйте сюда! У нас еще никого нет!

Входит Агишин.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Нина Александровна и Агишин.

Нина Александровна. Милости просим! Побеседуйте, пока гостей нет, да и Лена еще одевается.

Агишин. Здравствуйте, Нина Александровна! Захлопотались? У вас теперь большая забота!

Нина Александровна. Ну, уж теперь заботы у меня почти нет!

Агишин. Что же так?

Нина Александровна. Благодаря щедрости и благородству милого Андрея Гаврилыча... Он целое состояние, он семьдесят пять тысяч подарил Лене!

Агишин. Еще бы! Иначе и быть не могло. Да то ли еще от него будет! Только умеючи повести себя с ним.

Нина Александровна. Как это умеючи?

Агишин. С достоинством. Не радоваться, не удивляться его подаркам, а принимать их равнодушно, с холодностью, как должную дань. Надо ему дать почувствовать, что все его дары — ничто в сравнении с тем счастьем, которое вы ему дали. Одним словом, надо его так выдержать, чтобы он с удовольствием возил воду, когда его запрягут. Да, вы создали

себе блаженную будущность, Нина Александровна, хотя, надо признаться, вы и не дешево за это заплатили.

Нина Александровна. Я искала блаженной будущности не для себя, а для дочери.

Агишин. Об ней не беспокойтесь: она умна и, вероятно, устроит свое счастье. В ее положении только нужно...

Нина Александровна. Что нужно?

Агишин. Отказаться от идеальных взглядов и полегче глядеть на разные долги и обязанности...

Нина Александровна. Какой вы опасный человек!

Агишин. Слишком много чести для меня. Все, что я могу, краснея, признать за собой,— это небольшой практический ум.

Входит Елена.

Нина Александровна. Но вот и Лена готова, а я уж пойду займусь хозяйством. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Агишин, Елена и потом Нина Александровна.

Агишин. Честь имею кланяться! Самый ранний гость.

Елена. Как я рада, что еще никого нет. Мы можем поговорить свободно.

Агишин. Вы сегодня обворожительны.

Елена. Да, я постаралась немножко украсить себя, но сегодня не для вас. Я сегодня дебютирую в очень трудной роли и еще робею, еще не уверена в своих силах.

Агишин. Очень естественно: все дебютанты робеют. Это пройдет скоро. Поживете, и сами увидите всю пошлость жизни, тогда будете, поверьте, смелее! Жизнь не стоит того, чтобы над ней задумываться: вся она — не что иное, как комедия.

Елена. Неужли только комедия?

Агишин. И очень, очень несерьезная. Что у вас сегодня?

Елена. Во-первых, будет появление родителей Белугиных, потом наедут наши добрые знакомые. Белугины, разумеется, будут исследовать меня, а наши знакомые — Андрея Гавриловича. Каждому будет

интересно подглядеть на лице моем какое-нибудь движение, следы душевной муки или тому подобное; но никто ничего не увидит: я останусь загадкой!

Агишин. Браво!

Елена. Чтобы иметь поболее свободных минут, я распорядилась насчет музыки, будем танцевать с вами. Но, признаюсь, меня все эти церемонии, все эти представления очень утомляют; мне бы хотелось, чтобы эта комедия поскорей кончилась. А для отдыха я сейчас после свадьбы хочу ехать за границу... Как вы находите мой замысел?

Агишин. Бесподобно!

Елена. Я уж говорила вчера André: он согласен. Но он, по своим делам, не может уехать надолго; он только проводит меня и пробудет недели две со мной, потом вернется в Москву, а я останусь с maman[1].

Агишин. Я рад за вас, что вам пришло это в голову: это очень счастливая мысль!

Елена *(с волнением)*. Не угодно ли и вам с нами? Я вас приглашаю.

Агишин. Благодарю вас! Я и сам давно мечтал о такой прогулке. Маменька будет при вас, или вы при маменьке?

Елена. Чему же это мешает? Мама меня никогда не стесняла и вперед стеснять не будет.

Агишин. Это хорошо, что Андрюша едет с вами.

Елена. Почему же?

Агишин. Надо его помаленьку приучать к той роли, которую он... то есть которую вы заставите его играть впоследствии...

Елена. Как жёстки эти слова!

Агишин. Vous l'avez voulu, vous l'avez voulu, George Dandin!..[2]

Нина Александровна *(в дверях)*. Лена, Белугины приехали. *(Уходит.)*

Елена. Пройдите вперед или останьтесь здесь. Мама их, вероятно, приведет сюда.

Агишин. Ступайте одни; я пройду здесь и явлюсь в залу. Я ход знаю...

Елена уходит.

---

[1] С мамой *(франц.)*.
[2] Вы этого хотели, вы этого хотели, Жорж Данден! *(франц.)*.

Агишин. Пока дело идет хорошо, а дальше, конечно, пойдет еще лучше. То только и хорошо, то только и удается, что умно задумано. Главное дело составить план, а строить уж не хитро. *(Уходит направо.)*

Слева выходят Нина Александровна, Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна, Елена и Андрей.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Нина Александровна, Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна, Елена и Андрей, потом человек.

Нина Александровна. Пожалуйте, пожалуйте, здесь у нас уютная семейная комната, мы уж будем, как свои. Я так давно желала познакомиться... так рада...

Гаврила Пантелеич. Н-да-с, хоть нежданно, негаданно, а приходится познакомиться, уж нельзя без этого.

Настасья Петровна. Привел господь!

Гаврила Пантелеич *(Елене)*. Ну-с, любите да жалуйте, уж какие есть, не взыщите!

Нина Александровна *(указывая на диван)*. Прошу вас!

Белугины садятся на диван; Нина Александровна в кресле рядом с Гаврилой Пантелеичем; Елена и Андрей стоят подле Настасьи Петровны. Гаврила Пантелеич, не обращая ни на кого внимания и громко отпыхиваясь, оглядывает потолок комнаты. Человек подает на подносе чай Белугиным и уходит.

Еще не зная и не видя вас, я уже вас полюбила.

Гаврила Пантелеич. За что ж бы это, к примеру, вам полюбить нас?

Нина Александровна. Ах! Ваш сын, моя Лена — это так близко и нам... я так люблю мою Лену!..

Гаврила Пантелеич. Ну, то они, а то мы. Конечно, давай бог ладу и нам, а им совет да любовь!

Нина Александровна. Я надеюсь... у Лены такой прекрасный характер... такое доброе сердце.

Елена. Мама, ты приписываешь мне такие добродетели, которых у меня нет,

Нина Александровна. Ах, друг мой, ты еще не знаешь себя, ты так молода!

Настасья Петровна *(Елене)*. Да, коли вышло у вас такое согласие с Андрюшей, так уж полюбите его... Он у нас такой хороший, добрый. А нам бы глядеть на вас да радоваться... Уж позвольте. *(Целует Елену.)*

Гаврила Пантелеич. Без любви да без согласия, мол, что уж! А чтоб надо по закону: да боится и да любит жена мужа своего! К примеру, вот мы с Настасьей Петровной тридцать лет прожили, а этой музыки, чтоб караул кричать, не бывало. Выругаешь ее когда под горячую руку — смолчит; после уж разве выговорит, если не по резонту обида. Ну, и измены какой друг другу — это уж избави и храни заступница! — Я — топор, она — пила на этот счет, если б что!

Нина Александровна. Ах, если б вы знали мою жизнь с мужем... Я схоронила его три года назад... Ах, это было дружество с первого дня и до конца! Я неутешна после моей потери, и вот только она одна привязывает меня к жизни.

Елена. Мама, кто-то приехал.

Нина Александровна. Поди, Лена, встреть.

Елена уходит, за ней Андрей.

Гаврила Пантелеич *(посматривая на потолок и указывая рукой)*. А в этом месте протекает!

Нина Александровна. Ах, уж и не смотрите: наша квартира такая дурная; мы очень недовольны!

Гаврила Пантелеич. А, к примеру, как плата от вас?

Нина Александровна. Мы платим очень дорого... восемьсот рублей в год.

Гаврила Пантелеич. Н-да, за такие хоромы дороговько!.. Ну, да и за восемьсот царских палат не наймешь.

Человек *(в дверях)*. Софья Николаевна приехали-с.

Нина Александровна. Ах, простите, мои дорогие, я вас оставлю на одну минуту, на одну только минуту! Мы никого не ждали, но наши добрые знакомые...

Гаврила Пантелеич. Что ж?.. Ничего-с, мы и одни посидим!

Настасья Петровна. Вы, пожалуйста, без церемонии... не стесняйте себя...

Нина Александровна. Я сию минуту! Мне так много еще хочется говорить с вами. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гаврила Пантелеич и Настасья Петровна.

Гаврила Пантелеич *(вслед Нине Александровне)*. Об чем это, не слыхать ли? Кажется, все переговорили, все ненужное-то, а нужного-то у нас... не бывало. Стало быть, и говорить... больше не о чем!..

Настасья Петровна. Кажется, она дама простая и обходительная.

Гаврила Пантелеич. Ахи да охи! Как словно ее кто поджаривает!

Настасья Петровна. Ну, как, Гаврила Пантелеич, на твои глаза?

Гаврила Пантелеич. Это чего?

Настасья Петровна. Нареченная-то дочка наша?..

Гаврила Пантелеич. Пышность, форс! Ну, а что там дальше-то — неизвестно.

Настасья Петровна. Уж очень, Гаврила Пантелеич, в ней эта великолепность! И словно как не девушка, а дама какая высокая... как смело матери отвечает! Так и отрезала.

Гаврила Пантелеич. Потому что ты — дура! Нынче в том и образование, чтоб за словом в карман не лезть.

Настасья Петровна. Любить-то она его будет ли?

Гаврила Пантелеич. Ну, это старуха надвое сказала... ничего... гонку она ему даст!

Настасья Петровна. Как же это?

Гаврила Пантелеич. По всей видимости, я так думаю, друга себе заведет она, а друг этот самый после сзади мужа будет рожки ему строить, носы наставлять... Чертушка, мол, ты, чертушка, спасибо тебе! Поишь, кормишь жену-то для чужих.

Настасья Петровна *(в слезах)*. Как же это Андрюша Таню-то сменял?

Гаврила Пантелеич *(грозно)*. Настасья, аль ты приказ забыла?

Настасья Петровна *(отирая глаза)*. Молчу, молчу, Гаврила Пантелеич, только что сердце мое надрывается.

Гаврила Пантелеич. Опять?

Настасья Петровна. Нет, нет, батюшка!

Гаврила Пантелеич. А вот что: не пора ли гостям ко дворам?..

Настасья Петровна. Что ты, что ты, Гаврила Пантелеич! Посидим хоть немножко — обидятся.

Гаврила Пантелеич. А коли нам здесь делать нечего, коли мне не по душе! Чего еще, угощенья, что ли, ждать хочешь? Не видывала!..

Настасья Петровна *(закачав головой)*. Ах, конфуз ведь это!

Гаврила Пантелеич. Опять ты язык свой!..

Настасья Петровна. Ох, молчу.

Гаврила Пантелеич. Ну!

Входят Нина Александровна, Елена и Андрей.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна, Елена, Андрей и Нина Александровна.

Нина Александровна. Тысячу раз простите, мои дорогие; мне так совестно... я вас оставила!

Гаврила Пантелеич. Ничего-с... Нам, однако, и время... часы поздние...

Нина Александровна. Ах, что вы, что вы! Не обижайте нас!..

Настасья Петровна. Он ведь у меня — сырой человек, Гаврила Пантелеич, они не могут никак долго, не привычка-с!..

Гаврила Пантелеич *(кланяясь)*. Просим прощенья!.. Уж извините-с!

Нина Александровна. Как вам угодно; я стеснять вас не смею. Но позвольте мне сожалеть и надеяться, что в будущий раз... Ах, я и сама к вам!..

Гаврила Пантелеич. Милости просим!..

Нина Александровна *(обнимая Настасью Петровну)*. Как я жалею, как я жалею!

Настасья Петровна. Вы, пожалуйста, себя не беспокойте. А только что Гаврила Пантелеич, они у нас — такие люди, что им никак невозможно: им стеснительно. Уж позвольте... *(Целует Елену.)*

Андрей *(подходя к отцу)*. Сами изволите видеть... Что же вы скажете?

Гаврила Пантелеич *(у двери)*. Ну, что уж! Ослепли, братец, вот как! Настасья Петровна...

Настасья Петровна. Иду, иду, Гаврила Пантелеич... *(Обнимаясь с Ниной Александровной.)* Им, знаете, Гавриле Пантелеичу, часик посидеть — и довольно. А то уж снять сюртук да отдохнуть требовается. *(Идет.)*

Нина Александровна, Елена и Андрей за нею.

Куда же вы, зачем беспокоитесь?

Нина Александровна. Нет, уж я вас провожу... Ах, как мне больно, как мне больно!..

Настасья Петровна. Ну, так уж Андрюша-то с Еленой Васильевной пущай останутся, пущай забавляются...

Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна и Нина Александровна уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Елена и Андрей.

Андрей. Вы думаете, Елена Васильевна, что я не понимаю, что я вас не стою, что это одно только счастье мне необыкновенное-с?

Елена. Ну, это как знать, кто кого стоит!

Андрей. А и во мне есть-с *(ударяя себя в грудь)*, много есть-с... разве только не захотите обратить внимания!

Елена. Поживем, так узнаем друг друга!

Андрей. А только теперь я очень конфужусь, провалиться, кажется б, сквозь землю! Все на меня смотрят, а я ни повернуться, ни слова сказать... Стакан чуть не уронил, чай на какую-то даму на платье пролил!

Е л е н а *(смеется)*. Это ничего... Конечно, лучше стаканов не ронять и платьев не обливать! А конфузиться нечего: как умеете, так и держите себя!

А н д р е й. Я это понимаю-с!

Е л е н а. Приободритесь, имейте побольше достоинства, ведите себя просто, как всегда! Ведь все это страшная пустота: болтают, сплетничают, говорят пошлые любезности или пускают шпильки друг в друга...

А н д р е й. Уж я теперь вооружусь! А вот я сейчас для куража стакан шампанского выпью. *(Целует руку Елены.)* Поддержали вы меня-с.

Е л е н а. А вот много поцелуев и вообще нежностей я не люблю! Да еще вам приказ: не извольте гоняться за мною, держитесь подальше!..

А н д р е й. И не подойду теперь! *(У двери.)* Человек! Дай-ка, братец, сюда бутылочку шампанского.

Е л е н а. Когда будем танцевать, можете только кадриль...

А н д р е й. Слушаю-с...

Елена, кокетливо ударив его по плечу веером, идет быстро в гостиную.

(Ловит ее и целует ее руку.) Не могу! Последний раз!

Е л е н а уходит.

Эх, вся эта канитель — и к чему! Тоска здесь смертная... Взять бы в саночки, да в Стрельну на своих серых!.. Эх, мороз-морозец, аленькие щечки!..

Входит А г и ш и н.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

А н д р е й, А г и ш и н и ч е л о в е к с бутылкой шампанского.

А н д р е й. А, вот он! Поди-ка сюда! *(Горячо схватывает Агишина в объятья.)*

А г и ш и н *(освобождаясь)*. Стой, стой, задавишь!

А н д р е й *(ударяя его по плечу)*. Эх вы, слабость, хилость!.. Ха, ха, ха!..

А г и ш и н *(пожимаясь)*. Эка сила и свежесть у них, у чертей, завидная!

Андрей. Садись, выпьем. *(Сажает на диван. Человеку.)* Ну-ка, послужи; налей нам, да и убирайся, а бутылку оставь!

Человек наливает и уходит.

Ну-ка, давай по душе.

Чокаются и пьют.

Скажи-ка ты мне... ты, человек разумный, образованный: любит она меня или нет?

Агишин. Если теперь еще не любит, то потом уж полюбит непременно!..

Андрей. Почему так?

Агишин. Потому что свежесть, сила — чего же еще! Уж как там ни финти перед женщиной, а коли натуры мало, так не много возьмешь! А у вас этой здоровой любви...

Андрей. Да уж, брат, душу ли за нее положить, в охапку ли взять покрепче — уж этого у нас так-то много, что и девать не знаем куда.

Агишин. Все это хорошо, а совесть-то у тебя есть? Когда же мы?..

Андрей. Что же это? Насчет чего?

Агишин. А прощанье с холостой жизнью — холостая пирушка? У невест бывает девишник, а мы мальчишник сделаем!

Андрей. И разотлично! Так распорядись. Хочешь — у меня дома, а то так за Крестовскую! Только, чтобы уж вприсядку с тобой танцевать. *(Ударяет его рукой по плечу.)*

Агишин. Ой, ой! Уж ты выражай чувства как-нибудь иначе, а не дерись!

Андрей. Ну, теперь пойду приглашу танцевать какую-нибудь барышню, куражу довольно! Только всё кислота какая!.. *(Уходит.)*

Агишин. Мил, мил! Ну, что за Андрюша у меня! Только какие у них длани!.. Вот этак, сохрани бог, попадешься! Нет, тут подумаешь!

Входит Елена.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Агишин и Елена.

Елена *(опускается на диван)*. Я бешусь... Я просто зарыдать готова!..

А г и ш и н *(садится рядом)*. Что с вами?

Е л е н а. Я совсем не выдерживаю своей роли: я или раздражительно весела, или не слышу, что говорят мне!

А г и ш и н. Что за ажитация! Я от вас не ожидал. Будьте благоразумны.

Е л е н а. Но из чего же я бьюсь, из чего же я бьюсь, скажите?

А г и ш и н. Из того, чтобы приготовить себе приятную жизнь в будущем.

Е л е н а. Я вас возненавижу!.. Ведь все это фразы, холодные фразы. Я еще не так пала, чтобы притворяться по холодному расчету!.. Где же мне поддержка? Где же та страсть, ради которой я играю комедию? Где же она... моя опора? Ведь иначе я должна презирать себя!

А г и ш и н *(берет ее руку)*. Чего же, чего же вам нужно? *(Целует ее руки.)* Я люблю вас, люблю больше своей жизни, но разве здесь место, здесь время...

Е л е н а. Ну, вот только мне и нужно, только мне и нужно!.. А то я изнемогаю! *(Шепотом.)* Давно бы, давно...

А г и ш и н *(целуя ее руки)*. О, целая жизнь не стоит этой минуты!

А н д р е й показывается в дверях и уходит.

Е л е н а *(заметив Андрея, встает)*. Он видел!

А г и ш и н. Ничего, пусть привыкает... Приласкать немножко — вот и все! *(Уходит.)*

Е л е н а. Но все-таки надо поправлять дела... Теперь у меня опять силы, и вот сейчас проба! *(Отходит к стороне.)*

Входит А н д р е й.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

А н д р е й и Е л е н а

А н д р е й *(не замечая Елены)*. Мне почудилось, мне почудилось! *(Хватает себя за голову.)* Нет, я видел здесь, здесь... Господи! Или в самом деле почудилось, что ли! *(Стоит в задумчивости.)*

Елена подходит к нему сзади.

Е л е н а. Об чем, об чем? Разве женихи задумываются?

Андрей молча смотрит на нее.

Что за грозная туча на челе вашем?

А н д р е й. Так, мне что-то почудилось или померещилось!

Е л е н а *(хохочет)*. Ха, ха, ха! Не то ли, что у меня Агишин руки целовал? Ха, ха, ха! Извольте сейчас его вызвать на дуэль! Хотя я еще и не ваша, хоть он, как старый знакомый, мог горячо пожелать мне счастья и целовать мои руки, но вы вызовите его на дуэль и убейте, убейте непременно!

А н д р е й. Коли так-с, извините!

Е л е н а. Ах, как это мило! Он ревнив, он... Отелло! *(Смеется.)* Это мне нравится. Значит, он и вперед будет ревновать, а кто ревнует, тот любит!

А н д р е й. Вот все и свалилось! Вы все можете — и погубить, и осчастливить человека! *(Берет руку и целует.)* Эта ручка-с... ну, одно слово, ваш-с — что хотите, то со мною и делайте!

За сценой музыка.

Е л е н а. Пойдемте танцевать.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

ГАВРИЛА ПАНТЕЛЕИЧ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

АНДРЕЙ ГАВРИЛЫЧ.

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

АГИШИН.

ПРОХОР,
слуга Андрея Белугина.

Декорация первого действия. Та же комната, но богаче отделанная и обставленная. Фамильные портреты стоят на полу, а вместо них висит дорогая картина.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Прохор один, обметает мебель.

Прохор. Старики с фабрики приехали; два раза присылали узнать, дома ли. Ну, где, мол, скоро ль их дождешься? За город кататься поехали! Авось, хоть при стариках-то угомонятся немножко, а то ведь это наказанье сущее: каждый день либо с утра до поздней ночи, либо с вечера на всю ночь, а ты до четырех утра не спи, дожидайся их! *(Подходя к портретам.)* Что эти идолы-то тут стоят! Прибрать бы их, да не знаю, куда повесить.

Входит Настасья Петровна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Прохор и Настасья Петровна.

Прохор. Сами пожаловали...

Настасья Петровна *(садясь)*. Ждала, ждала, да уж моченьки моей нет... Часа четыре, как с железной дороги приехали; сижу у окна, да гляжу, как сыч.

Прохор. Теперь, чай, скоро будут; потому если на вечер куда, так переодеться домой заедут.

Настасья Петровна. Как тебя звать-то?

Прохор. Прохором, сударыня.

Настасья Петровна. Ты, что ли, Прохорушка, Андрюшу-то одеваешь?

Прохор. Нет, у них свой камердинер есть; а мое дело — передняя, да вот комнаты убрать, ну, опять у стола — мало ли дела!

Настасья Петровна. А почивают-то они где?

Прохор. Андрей Гаврилыч *(показывая налево)* вот здесь, на своей половине, а Елена Васильевна *(указывая направо)* — у себя, на своей-с.

Настасья Петровна. Как, врозь?

Прохор. Так точно. Как следует.

Настасья Петровна. Неужели и всё так?

Прохор. Всё так-с, как следует, как завсегда у господ бывает — на две половины.

Настасья Петровна. Да ведь муж-то и жена — одно, какие ж тут две половины? Коли бог сочетал воедино, на что же пополам-то делить?

П р о х о р. Уж это не нашего ума дело. Стало быть, так следует. Надо полагать, что так лучше, либо мода такая, а то кто б им велел!

Н а с т а с ь я П е т р о в н а. Что это ты, уж не врешь ли, Прохорушка?

П р о х о р. Что мне, помилуйте! Обыкновенно две половины: и гости, ежели к Андрею Гаврилычу или по делам, так они у себя принимают; а ежели к Елене Васильевне — так оне на своей половине принимают.

Н а с т а с ь я П е т р о в н а. И гости-то разные?

П р о х о р. Разные-с.

Н а с т а с ь я П е т р о в н а. Ну, а чай как поутру?

П р о х о р. Завсегда врозь: потому Андрей Гаврилыч раньше встают и чай пьют, а Елена Васильевна позже — и кофе кушают.

Н а с т а с ь я П е т р о в н а. А обедают?

П р о х о р. Кушают вместе, уж это везде так.

Н а с т а с ь я П е т р о в н а. Ну, то-то уж, а то ведь это все одно, что чужие. А согласно живут-то?

П р о х о р. А этого мы знать не можем, потому редко их и видишь: только что за столом-с. Когда Андрей Гаврилыч вечером покойной ночи желают, так ему ручку дают поцеловать; поутру тоже, когда с добрым утром — опять ручку дают.

Н а с т а с ь я П е т р о в н а. Все ручку да ручку. *(Качает головой.)*

П р о х о р *(прислушивается)*. А вот, должно быть, и приехали: что-то задвигали в передней, и дверями хлопают, и разговор слышно.

Н а с т а с ь я П е т р о в н а. Так я в Андрюшины комнаты пойду. Коли это мой старик, так ты не сказывай, что я здесь. *(Уходит в дверь налево.)*

П р о х о р уходит в переднюю. За сценой голос Елены Васильевны: «Пустите, что за глупости! Пустите, говорю я!» Вбегает Е л е н а, за ней входит А н д р е й.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Е л е н а и А н д р е й.

Е л е н а. Сумасшедший, что вы делаете?

А н д р е й. А что такое? Ничего-с!..

Е л е н а. Я ведь не ребенок; можно ль носить на руках, да еще на лестницу?

А н д р е й. Ничего-с, своя ноша не тянет. Я вас и дальше хотел нести, да кабы не вырвались, и дотащил...

Е л е н а. Куда это дальше?

А н д р е й. До самого до места...

Е л е н а. До какого?

А н д р е й. Да ведь устали, отдохнуть захотите — так уж я прямо в спальню и хотел доставить.

Е л е н а. Вот как! Это очень мило.

А н д р е й. Так я сию минуту-с!

Е л е н а. Ну, нет, не трудитесь! Я и сама дойду, настолько-то сил у меня хватит. До свиданья!

А н д р е й. Куда же вы?

Е л е н а. Я пойду переоденусь. *(Идет к двери, Андрей за ней.)* Нет, нет, отправляйтесь на свою половину.

А н д р е й. Только и всего-с?

Е л е н а. Чего же вам еще?

А н д р е й. Не много-с...

Е л е н а. Ах, нет! Вы очень нынче умно вели себя, вас следует наградить. *(Гладит по голове Андрея и целует.)*

А н д р е й. Что же это, насмешка-с? Нет-с, уж лучше не дразните меня и не играйте со мною. У меня натура горячая и силы довольно-с. Другой раз заиграете, так, пожалуй, и не отыграетесь от меня.

Е л е н а. А, вот как! Ну, так я буду осторожнее. Прощайте!

А н д р е й. Однако что ж это за тиранство, Елена Васильевна?

Е л е н а. Какое тиранство? Ах, оставьте, пожалуйста!

А н д р е й. Как оставить? Поговорить надо, я желаю-с!

Е л е н а. После как-нибудь. *(Хочет идти.)*

А н д р е й *(берет ее за руку)*. Нет, уж извините. Откладывать зачем же — очень накипело. Вот почти месяц вы моей женой считаетесь, а жена ли вы мне? Какая моя жизнь? Забрался было в мечтах-то выше облака, да вот и свалился. Ведь я вас любил, выше всего на свете ставил... Вы думаете, легко мне говорить теперь в глаза, что вы меня обманули?

Е л е н а. Чем обманула? Как?

А н д р е й. Да так, хуже чего не бывает; и обманывали нас и грабили — это с нами за нашу глупость случалось, а такой обиды и во сне не снилось, и врагу не пожелаем. Что я для вас сделал — об этом я говорить не стану, потому что вы за попрек сочтете,

но я вам душу, душу отдал-с... Понимаете ли, душу отдал...

Е л е н а. Ах, тише, пожалуйста.

А н д р е й. Да что мне тише? Я у себя дома. Я со всем трепетом просил руки вашей, вы изволили согласиться; какие же мысли вы тогда в голове держали? Опять же в церкви вы очень веселым духом объявили ваше желание. Значит: стоя-то под венцом, обещаясь перед богом быть мне женой, вы задумывали из меня, на потеху своим приятелям, сделать шута...

Е л е н а. Какой вздор вы говорите!

А н д р е й. Не вздор, а все так точно-с. Ваши приятели меня поздравляют, счастливцем зовут, а вы на эти их слова подсмеиваетесь. Разве я не вижу?

Е л е н а. К чему этот разговор?

А н д р е й. А вот к чему-с: целый месяц я делал для вашего удовольствия все, что вам было угодно; дела свои бросил и чуть не молился на вас; но только из этого хорошего ничего для меня не вышло, окромя стыда и конфуза... Но я имею свою гордость — довольно дурака-то корчить! Я теперь займусь своим купеческим делом, а вы живите как знаете, я вам мешать не буду. Уж на вашу половину я проситься больше не стану, а если вы, паче чаяния, почувствуете ко мне расположение, так милости просим ко мне, на мою-с.

Е л е н а. Вы нынче не в духе...

А н д р е й. Нет, я довольно равнодушен, а если меня что за сердце возьмет, так я с вами не так заговорю, да не дай бог нам с вами этого дождаться!

Е л е н а, с удивлением взглянув на Андрея, уходит в дверь направо.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

А н д р е й, потом Н а с т а с ь я П е т р о в н а.

А н д р е й *(подумав)*. Думай, не думай, а дело — дрянь. Пойти счетами заняться. *(Идет к двери налево.)*

Н а с т а с ь я П е т р о в н а выходит ему навстречу.

Маменька!.. *(Целует мать.)* Ну, слава богу, насилу-то вы собрались!

Настасья Петровна. Слышала твой голос, да боялась войти: думала, с кем чужим разговариваешь. С самим, Андрюша, приехала, с самим: все хворал, да вот собрался, с тобой об делах потолковать хочет.

Андрей. Ну, уж обрадовали, маменька! Чайку не угодно ли?

Настасья Петровна. Мы давно с машины-то; уж два раза напилась от скуки, ожидамши вас.

Андрей. Да присядьте, потолкуем.

Настасья Петровна. Ох, нет, нет! *(Садясь.)* Разве на минутку... Ведь гроза надо мной: украдкой, Андрюша, к вам взошла-то, а то не велел: строго-настрого приказывал, чтоб не смела. Теперь отдохнуть лег — так я сюда: сердце-то уж очень рвалось. *(Встает и обнимает Андрея.)* Дай же мне хоть посмотреть на тебя хорошенько.

Андрей. Все такой же, маменька.

Настасья Петровна. Ох, Андрюша, нет, и следа твоей прежней красоты не осталось! Что ты это, Андрюша, как худ-то стал, голубчик?

Андрей. Что вы, маменька? Так вам показалось!

Настасья Петровна *(садясь)*. Нет, Андрюша, совсем цвету в тебе не стало. Ну, скажи же ты мне про ваше житье-бытье!

Андрей. Живем... ничего-с... веселимся...

Настасья Петровна. Конечно, нельзя же! Спервоначала надо ее потешить; ну, а потом пора и к дому приучать. Что она, с тобой-то как?

Андрей. Да она ничего-с... ласкова, шутит...

Настасья Петровна. Да как же это все шутит? Что уж весело ей, что ли, очень?

Андрей *(с горькой улыбкой)*. Живем да радуемся-с... Вчера в маскарад, сегодня в театр, завтра на бал куда-нибудь либо за город — так тебя и носит! От веселья да от музыки голова кругом пошла, а новых друзей, новых приятелей и не сочтешь. Все тебе руки жмут, поздравляют, «счастливец, говорят, ты, счастливец!» Ну, если люди счастливцем называют, так, стало быть, счастливец и есть!

Настасья Петровна. Так-то так, да что-то речи-то твои не хороши! Ты бы толком поговорил со мной.

Андрей. А вот к вам вниз сойду, тогда и потолкуем.

Настасья Петровна. И из-под венца-то видеть вас бог не привел: сам прихворнул, меня не пускает, плакала, обливалась. И хворает-то, да и сердится; недели две как туча черная бродил, подступу не было. А потом, как фабрику-то распустил, дела порасстроились, хороших приказчиков да мастеров своим характером поразогнал, так и поотмяк и об тебе вспомнил. Стал жаловаться, что ты его забыл да бросил. А твоя ли вина? Он не то что тебя видеть, и слышать про тебя не хотел... Ох, Андрюша, и не след бы мне, а уж скажу: не родительское в нем чувство говорит, а за карман он боится...

Андрей. Нешто я не понимаю? Да это все одно-с. Из меня лаской тятенька все могут сделать, потому что мы к родительской ласке не приучены и никогда ее не видим. Да и не от кого-с; лаской из нашего брата хоть веревки вей. Как Сыромятовы поживают? Что Таня?

Настасья Петровна. Видно, помнишь? Житов, мучник, за нее сватается.

Андрей. Да, слышал и я. Житов — человек хороший, с душой: уж пусть бы хоть ей-то бог счастья дал!

Настасья Петровна *(вдруг встает)*. Батюшки, никак сам?

Андрей *(прислушиваясь)*. Да, надо быть, что он-с.

Настасья Петровна. Вынеси, заступница!

Андрей. Пожалуйте сюда. *(Провожает ее в дверь налево.)* Там коридором пройдете. *(Идет в переднюю, навстречу ему выходит Гаврила Пантелеич.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Андрей и Гаврила Пантелеич.

Андрей. Пожалуйте, батюшка, пожалуйте!

Гаврила Пантелеич. Да, вот задумал побывать в Москву, поглядеть, как вы тут.

Андрей. Мы слава богу-с! *(Подвигая кресло.)* Милости прошу, пожалуйте-с! Чайку не прикажете ли?

Гаврила Пантелеич. Присесть присяду, а чаю не надо. *(Садится.)* А я вот, брат, призадумываться стал.

Андрей. Что же такое, насчет чего-с?

Гаврила Пантелеич. Хворость, брат, одолевает, да и дух не тот, не прежний. Зачем? Для чего?

Думаю: суета сует все это! Хочу, брат, о душе подумать, а то пристигнет час воли господней — и покаяться путем не успеешь.

Андрей. С чего же такие мрачности у вас в голове-с?

Гаврила Пантелеич. Да веселиться-то мне нечего. Коли сил нет, так без помощника плохо.

Андрей. А я то-с?

Гаврила Пантелеич. На приказчиков какая уж надежда! Воровать друг перед другом взапуски — вот на это их взять!

Андрей. Да я-то на что же-с?

Гаврила Пантелеич. Ну, где уж тебе? Нет, не туда дело поехало!

Андрей. Почему же так? Я при деле быть могу.

Гаврила Пантелеич. Ты-то, пожалуй, да прынцесса-то твоя — не низко ли ей покажется?

Андрей. Это дело до нее не касающее.

Гаврила Пантелеич. Ну, как, братец! Она, к примеру, такое пирожное, сидит и на фортепьяне играет, а ты из красильни, как шут какой, в кубовой краске в залу-то ввалился! Так одно к другому не подходит.

Андрей. Ничего-с! Коли им не угодно, я один уеду; а оне могут в Москве остаться.

Гаврила Пантелеич. В конторе беспорядки, книги позапущены, приказчиков поразогнал, получения плохи!

Андрей. Это уж на что хуже-с!

Гаврила Пантелеич. Пока ты наблюдал, так дело шло в лучшем виде, а теперь не скоро и распутаешь. До того дошло, что хоть прикончить фабрику-то, так в ту ж пору.

Андрей. Нет, как можно-с, дело миллионное! Для вас все суета, а я — человек молодой, я жить хочу.

Гаврила Пантелеич. Убытков боюсь. Фабрика — такая машина, что коли она в порядке, так барыш, а коли порядку нет, так она года в два все твое состояние съест. Так вот я затем в Москву-то: поговорить с тобой. Приходи вниз завтра пораньше, потолкуем, на чем-нибудь надо решить. Я думаю здесь в Москве пожить: захвораешь, так дохтура близко; помолиться когда, так святыни много.

Андрей. Милости просим: я низ отделал, там для вас всякое спокойствие будет.

Гаврила Пантелеич. Уж видел, что отделал — швыряй деньги-то! *(Заметя портреты.)* Эге! Вот ты их куда разжаловал, стариков-то!

Андрей. Я хотел их туда вниз-с...

Гаврила Пантелеич. Ну да, подальше куда-нибудь, чтоб с глаз долой, на чердак или в сарай их, чтоб не зазорно было, что у нас, мол, деды — не князья, не бояре...

Андрей. Нет-с, не потому-с...

Гаврила Пантелеич. А кто, Андрей, нам с тобой деньги-то дал? Откуда все эти шелки да бархаты, и кто нам эти палаты выстроил?

Андрей. Все это я понимаю-с...

Гаврила Пантелеич. А каково было наживать-то ему? Ведь он в лапотках в Москву-то пришел, на себе воду возил, недоедал, недосыпал, и под дождем, и на морозе...

Андрей. Все это при нем и останется-с.

Гаврила Пантелеич. Коли ты труды его ни во что ставишь, так хоть за ум-то почти! Ума-то в этой голове было не то, что у нас с тобой!

Андрей. Да я за все его почитаю и уважаю-с.

Гаврила Пантелеич. Поглядывай на него почаще, так сам умней будешь. *(Строго.)* Подай мне их, я им место найду!

Андрей. Извольте-с. Я давно Прохору говорю, чтоб он их вниз снес. Вы напрасно в сердце приходить изволите.

Гаврила Пантелеич. Не напрасно! Погляди на себя хорошенько, то ли ты делаешь-то? Ты, может, думаешь, что родители-то — звери, что они к детям всё с сердцем да с грозой; так нет, брат, и тоскуют по вас иногда, бывает, что и до слез... *(Утирает глаза и, махнув рукой, идет к двери.)*

Андрей *(останавливая отца)*. Позвольте-с! Что же так со слезами уходить, будто я вас обидел? Ведь я ваш сын-то; нужды нет, что я хожу во фраке, а и во мне тоже этой дикости довольно, достаточно. Вы меня за самое сердце задели, а я — русский человек: в таком разе могу все, что для меня дорогого, сейчас пополам да надвое. Скажите одно ласковое слово, так все брошу и не то что конторщиком или машинистом — кочегаром у вас на фабрике буду.

Г а в р и л а П а н т е л е и ч. Ну, ну, бог с тобой! Родня мы, родня, вижу.

А н д р е й. Крутое сердце у меня, тятенька.

Г а в р и л а П а н т е л е и ч. Да вижу, вижу...

А н д р е й. Но и не дурак притом...

Г а в р и л а П а н т е л е и ч. Заходи завтра утром, столкуемся. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

А н д р е й, потом П р о х о р.

А н д р е й *(берется за голову)*. В самом деле, на дедушку-то посматривать: не поумнею ли? Нет, кончено, надо приставать куда-нибудь, к одному берегу. Барином мне не быть, так хоть купцом-то остаться порядочным. Довольно, разыграл дурака; пора за ум взяться. Вот когда думать-то моей глупой голове, да думать так, чтоб лоб трещал; а что обдумаю — хорошо ли, дурно ли — так уж завинтить накрепко. Прохор!

Входит П р о х о р.

Не пущай ко мне никого.

П р о х о р. Слушаю-с.

А н д р е й. Ни единого человека. *(Уходит в дверь налево.)*

Входит Е л е н а.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Е л е н а и П р о х о р.

Е л е н а. Кто был здесь?

П р о х о р. Гаврила Пантелеич и Настасья Петровна приехали с фабрики, так приходили к Андрею Гаврилычу.

Е л е н а. А где он, Андрей Гаврилыч?

П р о х о р. У себя в кабинете. Не приказали беспокоить: делом заняты.

Е л е н а. Ко мне, кроме Агишина, никого не принимать.

П р о х о р. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Н и н а А л е к с а н д р о в н а входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Елена, Нина Александровна, потом Прохор.

Елена. Мама, что ты такая кислая?

Нина Александровна. Я совсем умираю от мигреней; да и ты сегодня что-то не в духе.

Елена. Мне скучно, мне тяжело, мне надоела моя жизнь!

Нина Александровна. Ах, Лена, как я страдаю за тебя! Ты начинаешь раскаиваться? Это ужасно. Я предчувствовала, что между вами ничего не будет общего; ты до сих пор нисколько, кажется, не сошлась с ним.

Елена. Да, он мне чужой, совершенно чужой. Я замечаю, что он гораздо лучше, серьезнее, умнее, чем я прежде о нем думала; в нем есть решительность, отвага. Я его уважаю и даже нельзя сказать, чтобы я была к нему совсем равнодушна: какое-то довольно теплое, как бы родственное чувство есть к нему.

Нина Александровна. Что же тебе еще?

Елена. Но, мама, в нем нет этого «чего-то», что нравится женщинам, что их покоряет. Такой недостаток уничтожает все в мужчине. Мне иногда очень жаль его, особенно когда я вижу его отчаяние; но чтоб оказать ему ничтожную ласку, мне надо сделать над собой большое насилие.

Нина Александровна. Ты его уважаешь — этого, кажется, довольно бы...

Елена. Для меня мало.

Нина Александровна. Но чем же все это кончится?

Елена. Не знаю; но, кроме того, есть еще помеха... Мама, я тебя обманывать не стану: сегодня или очень скоро должна решиться моя участь. Может быть, я поступлю дурно, но не проклинай меня, а прости и пожалей...

Нина Александровна *(вслух)*. Лена, боже мой! Дитя мое, что у тебя в голове?..

Входит Прохор.

Прохор. Господин Агишин.

Елена. Просить.

Прохор уходит.

Ничего, ничего, мама; это я так, я сильно выразилась. Иди приляг, успокойся! Мы после поговорим.

Нина Александровна. Ну, хорошо; ну, бог с тобой! Я знаю, что ты меня пожалеешь. *(Целует дочь и уходит.)*

Входит Агишин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Елена и Агишин.

Агишин. Ваше здоровье?

Елена. Как всегда.

Агишин. Пощадите, Елена Васильевна, половина моих приятелей готовы в сумасшедший дом! Только и речей, только и вопросов, что о вас.

Елена. Я не очень малодушна, меня это не радует нисколько. Напротив, я страдаю, очень страдаю.

Агишин. Что с вами? Это меня пугает.

Елена. Я сгоряча, не одумавшись, сделала самый важный шаг в жизни, я поторопилась выйти замуж. С первого же дня замужества я почувствовала раскаяние: я сделала дурное дело.

Агишин. Мне кажется, вы просто хандрить начинаете.

Елена. Я чувствовала и чувствую раскаяние, только я стараюсь заглушить его в себе — но не в силах! Когда я кинулась в эту жизнь, я увидала, что задача, которую я взяла на себя, мне невыносима, что я не та, какой я себя представляла, что я лучше! А уж дурное дело сделано, и его уж не воротишь.

Агишин. Вам надо отдохнуть, вам надо отдохнуть! Успокойтесь немного, а потом... скоро мы с вами за границу, под другое небо! Вернетесь вы оттуда веселая и бодрая...

Елена. Но я притворяться не могу и не стану.

Агишин. Посмотрите на других женщин: как легко они...

Елена. Не говорите мне, не говорите мне о других женщинах! Я не хочу их ни судить, ни брать с них примера. Я чувствую, чувствую всем моим существом, что могу принадлежать только одному, иначе... иначе гадко, отвратительно! Мое нравственное чувство возмущается при одной только мысли...

Агишин. Все нравственность, все еще идеалы!..

Елена. Нет, какое идеалы? Это просто отвращение! Я не знаю, какое это чувство: нравственное или физи-

ческое; но знаю, что без этого чувства человек не человек.

А г и ш и н. Или вы существо особенное, или я совсем не понимаю женщин! По-моему, что за любовь, что за страсть без интриги, без проступка!

Е л е н а. Проступок уже сделан, да не проступок, а преступление. Разве не преступление то, что я сделала с Андреем? Я умышленно обманула его, любя другого, и для другого я сделалась его женой, хотя по имени только; но ведь это имя — чужое, и состояние, которым я пользуюсь,— чужое! Ведь это воровство!

А г и ш и н. Но чего же вы хотите?

Е л е н а. Чего я хочу? Я скажу вам, и скажу решительно: я хочу открыто разойтись с мужем.

А г и ш и н. Что вы, что вы! Ведь это позор!

Е л е н а. Да, позор! Я хочу, чтоб все знали, что я такое! Я хочу перенести должное, заслуженное, и затем жить, как сердце хочет. Позором, одним позором только могу я теперь частью искупить мое преступление и добыть вновь свободу, которой я лишилась.

А г и ш и н. Но... но... я не понимаю, что же делать?

Е л е н а. Очень просто! Ну, хотя бы так: завтра, послезавтра мы с вами вдвоем за границу!

А г и ш и н. Гм... да... И это у вас решено?

Е л е н а. Да, решено! Что же? Вы поражены, вы, кажется, просто испуганы? Или мне только кажется так?

А г и ш и н. Нет, нет, а только такой шаг!

Е л е н а. Да какой же еще шаг? Всякий другой хуже, безнравственнее!

А г и ш и н. Нужно приготовиться, нужно обдумать: последствия слишком серьезны.

Е л е н а *(с гневом)*. Так вот что! Вы не готовы, вам нужно еще обдумать!

А г и ш и н. Не за себя! Боже мой, поймите, за вас! Такие вещи под минутной вспышкой не делаются, тут нужно всё...

Е л е н а. Минутная вспышка! Чувство такое созревшее и сильное, что я не подорожила ничем, пошла на преступление,— и вы осмелились назвать его минутной вспышкой!

А г и ш и н. Извините, простите! Нет, вот что! За себя я на все, на все готов, умереть на плахе готов за вас; но, любя вас, я дорожу вами и трепещу за каждый

ваш шаг; я думаю над каждым вашим движеньем! Я хочу видеть самое отдаленное будущее, знать самые крайние последствия.

Елена. Довольно, довольно!.. Я верю вам; да, я вижу теперь, что и мне нужно подумать. *(Отворачивается в сторону.)*

Входит Андрей.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Елена, Агишин и Андрей.

Агишин. Здравствуй, друг!

Андрей *(холодно)*. Наше вам почтение!

Агишин. Что с тобой? Ты еще от маскарадов не очнулся?

Андрей. Нет, очнулся, от всех маскарадов очнулся... А много я их видел — и вчера, и сегодня, и в маскараде маскарад, и дома маскарад!

Агишин. Что за разговор, мой друг? Ты чем-нибудь взволнован, огорчен?

Андрей *(сухо)*. Это уж мое дело! *(Елене.)* Я хотел с вами, Елена Васильевна,— собственно с вами,— побеседовать; но ведь мы еще успеем, завсегда можем... *(С горькой улыбкой.)* Свои люди!.. Извините, что помешал! Извольте продолжать ваш разговор-с. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Елена и Агишин.

Агишин. Что с ним? Он зверем смотрит! Минута, кажется, не совсем удобная, чтобы нам с вами продолжать начатый разговор. *(Подходит и берет ее за руку.)* Завтра или на днях мы возобновим его.

Елена. Не поздно ли будет?

Агишин. Нет, нет, куда торопиться! Вы успокойтесь! А теперь до свиданья! Так, так, так, отлично! Смелый, решительный шаг в жизни — это очень хорошо! Мы поедем, мы с вами поедем. До свиданья! *(Уходит.)*

Елена *(вслед ему)*. Не поедешь ты, не поедешь: вижу я теперь тебя! И для него-то столько жертв и такие страдания! Но что же я? Где я? Зачем я здесь? *(В слезах закрывает лицо руками.)* Какое я жалкое создание, какое ничтожное!

Входит Андрей.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Елена и Андрей.

Андрей. Не плачьте, я вас сейчас утешу.

Елена *(с грустью)*. Ах, это вы! Что вы?

Андрей. Вы плачете, может быть, оттого, что себе стеснение чувствуете, так я вам свободу дам-с! Да и мне она нужна. Как бы вы меня ни ценили — шутом ли, дураком ли,— это ваше дело-с; только ведь и шуту отдохнуть надо! А если все его поминутно дразнить, так он озлобится и зверем станет! И давайте мы с вами начистоту, от чистого сердца, значит! И слов будет немного — к чему они-с? Все дело как ясный день видно! Все наружу вышло: и тайны ваши, и любовь ваша. А к кому — об этом говорить не нужно-с... А зачем вы меня к этому делу припутали и над сердцем моим надругались — это мы разбирать не будем; это уж после пусть бог рассудит! А теперь надо одно: чтобы каждому по своей дороге, чтоб друг другу не мешать! И отличное будет дело-с: вы уж поезжайте с ним за границу, как вы изволили сбираться; денег у вас довольно-с... Извините-с, я вас деньгами не попрекаю... я вам даже вот что скажу: коли мало будет, еще возьмите-с! Души не жалел для вас, пожалею ли денег-с! Так вот и извольте ехать. А я уж... ну, уж я там свой предел найду-с, а вам и не интересно, да и знать обо мне не для чего-с!.. Только, любя вас, я вам признаюсь, хоть и не надо бы, что мне будет не так уж больно весело, как вам!.. *(Сквозь слезы.)* И что погибели на свою бездольную голову я буду очень рад-с.

Елена *(с рыданием)*. Да хоть не плачьте, это невыносимо!

Андрей. Да-с, об чем плакать? Это точно-с: плакать уже нечего, поздно!.. Только вот что-с, вы уезжайте скорей, скорей, говорю вам!.. И ради бога, ради самого бога, чтобы ничего промеж вами на глазах моих!.. Потому я еще люблю вас, с собою не совладаю и могу быть страшен. Я убью вас, его — ко мне уж давно к горлу подступает и грудь давит! Я дом зажгу и сам в огонь брошусь!.. Ради бога, пожалейте вы меня и себя... Собирайтесь — и бог с вами! Прощайте! *(Быстро уходит в среднюю дверь.)*

Елена, рыдая, падает в кресло.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

ГАВРИЛА ПАНТЕЛЕИЧ.

НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА.

АНДРЕЙ ГАВРИЛЫЧ.

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА.

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА.

СЫРОМЯТОВ.

ТАНЯ.

АГИШИН.

ПРОХОР.

Декорация четвертого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Нина Александровна, Елена (выходят из боковой двери справа), потом Прохор.

Нина Александровна. Как это неприятно, как это неприятно! Вот какие дурные замашки у этих людей! Как ты расстроена, бедная Лена!

Елена заглядывает в дверь налево.

Что, нет его там?

Елена. Нет.

Нина Александровна. Не умеют они вести себя, никакой в них порядочности нет, никакого снисхождения к женским нервам.

Елена. Где он, что с ним? Убежал вчера, как сумасшедший, и вот до сих пор его нет.

Нина Александровна. Кто ж его знает! Ведь это уж такие люди: они свои чувства умерять не умеют, у них все через край — и хорошее и дурное, и радость и горе. От радости они готовы плясать и обнимать всякого встречного, а горе или в вине топят, или что-нибудь еще хуже.

Елена. Мама, ты меня пугаешь...

Нина Александровна. Кажется, тебе его жалко немножко?

Е л е н а. Очень естественно: у него горя не было — откуда оно перешло к нему, от кого?

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Разумеется, как его не жалеть! И мне его жалко, уж давно жалко...

Е л е н а. Надо будет успокоить его; страшно видеть людей, которые собой владеть не умеют.

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Да, да. А ведь я думала, что ты, после вчерашнего, сердишься на него.

Е л е н а. За что? Он был прав по-своему, совершенно прав. Я должна была ждать этой выходки: ведь он не кукла же наконец! Да в его словах и не было ничего обидного, в них было гораздо больше любви, чем упреков. Неизвестно, кто сильнее в это время страдал: я или он.

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Все-таки не мешало ему быть деликатнее и не доводить тебя до обморока. Ты расстроилась и не спала всю ночь, бедная моя Лена!

Е л е н а. Я привыкла не спать по ночам, а поутру — я сама не знаю зачем — я все слушала, не будет ли звонка в передней. Меня сначала удивило, а потом испугало, что он совсем не явился домой. Ах, как он меня любит, как сильны страсти у этих простых людей!

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Тем лучше: значит, тебе только приласкать его немного, и он опять — твой покорный раб.

Е л е н а. Без сомнения, я об этом и не беспокоюсь нисколько. Но у меня еще как-то не все ясно в голове; мне чего-то не достает, не хватает решительности и что-то мешает.

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Я была бы очень рада, Лена, если б ты освободилась от дурных влияний.

Е л е н а. Да, мама, я, кажется, освобожусь. Я много передумала и перечувствовала в эту ночь.

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Слушайся более голоса сердца, Лена! Совесть, долг — не пустые слова. Кто думает их заглушить в себе, тот ни покоен, ни счастлив быть не может.

Е л е н а *(подумав)*. Да, да, правда твоя.

Входит П р о х о р из средней двери с чемоданом.

Андрей Гаврилыч еще не бывал?

П р о х о р. Никак нет-с; они внизу, у Гаврилы Пантелеича, там и чай кушали.

Е л е н а. А когда же он домой приехал?

П р о х о р. Да они вчера не поздно-с; только прошли другим ходом: не хотели звонить, чтобы вас не беспокоить.

Е л е н а. Мама, мы ошиблись: он имеет снисхождение к женским нервам.

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Их не скоро поймешь, мой друг.

Е л е н а. Зачем же ты чемодан несешь?

П р о х о р. Да хочу укладываться: на фабрику едут — только позавтракают. Сейчас приказали здесь у них закуску накрывать. *(Уходит в дверь налево.)*

Е л е н а. На фабрику... он мне об этом ничего не говорил.

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Вероятно, отец посылает; он сам не знал. Ну, теперь твои волнения кончились. Ах, у меня там кофе стынет. *(Уходит направо.)*

Входит А н д р е й; на нем теплый кафтан с меховой опушкой, подпоясан ремнем, в русских высоких сапогах.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Е л е н а и А н д р е й.

А н д р е й. С добрым утром-с! *(Кланяется и почтительно целует руку Елены.)*

Е л е н а. Где вы были?

А н д р е й. Где я был-то-с? А вам на что же? У тятеньки был.

Е л е н а. Нет, где вы вчера были?

А н д р е й. Приятеля встретил, Сыромятова. У него и был-с. Да это уж мое дело.

Е л е н а. Да, конечно, извините. Я совсем не то хотела спросить. Вы здоровы?

А н д р е й. Что ж это вам вдруг такая особенная печаль обо мне пришла?

Е л е н а *(строго)*. Отвечайте на вопрос! Вы здоровы?

А н д р е й. Слава богу-с!

Е л е н а. С меня и довольно. Я желала знать о вашем здоровье, потому что беспокоилась за вас. Вы вчера были так расстроены...

А н д р е й. Это с нами случается-с, пошумим... Так неужто с этого хворать? Это уж много будет!

Е л е н а *(осматривая его)*. Что вы, в маскарад собрались?

А н д р е й. Нет, на фабрику-с. Извините, что в таком виде! Теперь не до моды: надо за работу приниматься.

Е л е н а. Да ничего, это к вам идет.

А н д р е й. Идет ли, нейдет ли — уж на это мы не смотрим. Теперь время зимнее, у нас на фабрике и немцы, и англичане в таких тулупчиках ходят. Потому — бегать по корпусам то в ткацкую, то в лоботорию...

Е л е н а. В лабораторию...

А н д р е й. Так точно-с. Мудреное слово-то, не скоро выговоришь. Да и в красильне, промежду чанами, вертеться во фраке-то — оно не очень способно.

Е л е н а. И вы надолго едете?

А н д р е й. Не знаю-с. Месяца три пробуду, а может, и больше. Да что и в Москве-то делать? Какая тут радость особенная?

Е л е н а. Да, вот как!

А н д р е й *(прислушиваясь)*. Кажется, наши идут-с, ко мне на закуску-с. Так уж вы меня не конфузьте! А как будто между нами ничего не было. Разъедемся с миром: я на фабрику, вы — за границу.

Входят С ы р о м я т о в и Т а н я.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

А н д р е й, Е л е н а, С ы р о м я т о в и Т а н я.

А н д р е й *(Елене)*. Это мой старый приятель-с...

С ы р о м я т о в. Уж извините-с. Сыромятов по фамилии, Василий Иванов-с.

А н д р е й *(Елене)*. А это его сестра-с, Татьяна Ивановна Сыромятова. *(Тане.)* Супруга моя, Елена Васильевна.

Т а н я *(подавая руку Елене)*. Очень приятно познакомиться.

С ы р о м я т о в. Ну уж! Где нам знакомство такое? *(Елене.)* Не важная-с особа: за мучника выходит.

А н д р е й. Да капитал-то у этого мучника больно здоров; он всех нас купит. *(Тане.)* Видно, у вас на фабрике воздух очень здоров.

Т а н я. Почему так?

А н д р е й. По красоте вашей сужу. Вы еще лучше прежнего стали, много превосходнее.

Т а н я. Так мне и надобно: ведь я — невеста.

А н д р е й *(Тане)*. А если я опять, по-старому, начну вам свою любовь выражать, ваш муж меня на дуэль не вызовет?

Т а н я. Не знаю.

С ы р о м я т о в. Что за дуэль! У нас так не водится. По-нашему, поленом — вот и все...

А н д р е й. Хорошее обыкновение у вас, и другим перенять его не мешает.

Т а н я. Я-то поправилась, а вы-то на что похожи? Что вы, нездоровы были, или что с вами?

А н д р е й. Я ничего-с, я здоров и всем доволен.

Т а н я *(Елене)*. Уж вы, Елена Васильевна, берегите его, чтоб он здоровый был, веселый — вот как я.

Е л е н а. Я очень бы рада была, если б он был здоров и весел.

Т а н я. Любить его надо хорошенько, вот он и весел будет.

Е л е н а. Хорошо, я последую вашему совету. А скажите, пожалуйста: у вас там, на фабрике, я думаю, тоска невыносимая...

Т а н я. Нет, отчего же? У нас знакомство большое, иностранцев много, англичан; у них жены — такие музыкантши. Все газеты получаем, журналы.

Е л е н а. Но ведь там ничего достать нельзя. Вот, например, приданое: неужели за всякою малостью в Москву ездить?

Т а н я. Кто и в Москву ездит, далеко ли тут? А мы мало за чем сюда ездим.

Е л е н а. Неужели там покупаете?

Т а н я. Нет, мы из Парижа выписываем. От нас туда постоянно ездят, редкий месяц оказии не бывает; как что новое, сейчас и получаем. Мне одних шляпок с дюжину привезли — любую надевай.

Е л е н а. Вот как! Вам позавидуешь.

А н д р е й *(Сыромятову и Тане)*. Пожалуйте ко мне, пожалуйте закусить!

Т а н я *(Елене)*. А вы что же?

Е л е н а. Я не хочу.

А н д р е й. Им еще рано, оне только что встали. *(Провожает Сыромятовых в дверь налево.)* А вот и тятенька с маменькой!

Входят Г а в р и л а П а н т е л е и ч и Н а с т а с ь я П е т р о в н а.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Андрей, Елена, Гаврила Пантелеич и Настасья Петровна.

Андрей. Пожалуйте-с! С женой прощался-с.

Гаврила Пантелеич *(кланяясь)*. Нельзя же. Честь честью!

Андрей. Ведь кто знает, скоро ль увидимся.

Настасья Петровна. Ах, Елена Васильевна, здравствуйте!

Андрей. Пожалуйте, маменька.

Гаврила Пантелеич *(жене)*. Иди, иди!

Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна и Андрей уходят в дверь налево. Входит Нина Александровна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Елена и Нина Александровна.

Елена. Мама, что ж это такое?

Нина Александровна. Что, что?

Елена. Он меня совсем знать не хочет! Он не обращает на меня никакого внимания.

Нина Александровна. Тебе так показалось, Лена.

Елена. Нет. Он на несколько месяцев уезжает на фабрику и объявляет мне об этом совершенно равнодушно, как посторонней женщине. Где ж его обожание?

Нина Александровна. А ты давеча говорила, что он тебя очень любит...

Елена. А вы давеча говорили, что стоит только приласкать его немножко.

Нина Александровна. Кто ж их разберет? Мы обе ошиблись!

Елена. Ни малейшей даже теплоты, ни малейшего участия ко мне...

Нина Александровна. Да на что тебе его участие? Слава богу, что не сердится, из себя не выходит. Он уезжает на фабрику — ну, и бог с ним! Ты сама желала свободы.

Елена. Конечно, свобода для женщины — дело дорогое; но что же он думает обо мне? Я не могу допускать, чтоб меня подозревали в чем-нибудь дурном. Разве легко сносить презрительное обращение? Да

и от кого же еще? От человека, которого я считала гораздо ниже себя... Что за преступление я сделала? Если я несколько виновата, так и он не прав; в нем нет ни ловкости, ни хороших манер... Я не обнаруживаю большой любви к нему... и все-таки он не имеет права, я не подала ему никакого повода презирать меня. Я хочу, я требую, чтоб он простился со мной, как следует порядочному человеку, почтительно, нежно...

Нина Александровна. Все это ты ему скажи, Лена.

Елена. Ах, мама, могу ли я? Я вся разбита, я теряю голову, ум... Я не могу управлять, владеть собой. Поговори, мама, ты с ним!

Нина Александровна. Хорошо, поговорю. Но как я его увижу? У него теперь гости.

Елена. Вероятно, он выйдет, придет же он хоть поклониться нам.

Нина Александровна. Да, конечно. Пойдем, отдохни, успокойся. Ты не спала, вот и расстроилась!

Уходят направо. Входят Андрей и Прохор.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Андрей, Прохор, потом Агишин.

Андрей. Какой там дурак накрывал? Шампанского нет. Скажи, чтоб подали бутылки две-три. Нешто проводы без шампанского бывают?

Прохор. Слушаю-с. *(Идет к двери и встречается с Агишиным.)*

Андрей идет к двери налево, но, увидав Агишина, останавливается у двери.

Агишин *(не видя Андрея)*. Кто дома?

Прохор. Елена Васильевна и Андрей Гаврилыч!

Агишин. А!.. Он дома?

Прохор. Дома-с, да и родители его здесь.

Агишин. Семейная картина! Ну, так я после зайду. Ты не говори, что я был.

Андрей *(подходит к Агишину и берет его за руку)*. Нет, что ж, куда же бежать? Уж это зачем же?

Агишин. Новый способ иметь гостей! Тащить их силой, за ворот! Но я, друг мой, зашел мимоходом... мне очень нужно тут, недалеко, по одному делу...

Андрей. Ну, да полно городить-то! Сюда шел, здесь твои все и мысли, и всё — здесь и ждут тебя. А меня и сунуло тебе навстречу. Ну, да ничего, я сейчас еду на фабрику.

Агишин. Ты говоришь какую-то дичь! И вообще я замечаю с некоторых пор, что ты ко мне странно относишься. Ты что-нибудь имеешь против меня? Если мы с тобой не объяснимся и если мы не станем по-старому приятелями, то я должен буду расстаться с тобой навсегда, как мне ни приятно знакомство с вашим домом.

Андрей. «Что-то» да «как-то» — это все канитель! Ну какого еще черта! А по-нашему — на чистоту! Коли заговорил, так давай договаривать. Ты думаешь, я ваших штук не вижу? А если вы хотели меня дурачить, так ошиблись!

Агишин. Но я не понимаю... я все-таки не понимаю... Для меня ново, неожиданно...

Андрей. Полно, Николай Егорыч, полно! Что тень-то наводить — дело ясное. На дуэли мы с тобой драться не будем: коли дело плохо, ты его стрельбой не поправишь; сколько ни пали, а черное белым не сделать! А если у вас дальше пойдет и шашни свои ты не оставишь, так, пожалуй, ноги я тебе переломаю; за это я не ручаюсь, от меня станется. Вот теперь разговаривай с женой. Прохор, доложи Елене Васильевне, что господин Агишин желает их видеть.

Прохор уходит в дверь направо.

А со мною говорить больше не об чем; я все сказал, что тебе знать нужно. *(Уходит в дверь налево.)*

Агишин. Нет ничего хуже, как иметь дело с этими дикими. Какой дурацкий апломб! Какая уверенность в своих супружеских правах! То ли дело — развитые, современные мужья! Они как будто конфузятся, стыдятся своего привилегированного положения и уж нисколько не верят в неприкосновенность своих прав. Порядочный муж, коли заметит что-нибудь такое, он сейчас устранит себя... Как-нибудь да устранит... ну, там застрелится, что ли... А этот говорит: «ноги переломаю»... Да он и сделает... Вот так и гляди теперь по всем сторонам, так и поглядывай.

Входят Елена и Прохор, который проходит в среднюю дверь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Агишин, Елена, потом Нина Александровна.

Елена. А, Николай Егорыч, как кстати! Я вас ждала. Ну, что же, мы едем за границу? Вы обдумали, решили, готовы?

Агишин *(оглядываясь)*. Что вам угодно? Что вам угодно? *(Тихо.)* Да, я готов.

Елена. Ну, так пойдемте и объявим об этом открыто мужу. Надо ж его, бедного, развязать и дать ему право совсем освободиться от меня.

Агишин *(улыбаясь)*. «Бедному»! А вы, кажется, начинаете чувствовать нежность к вашему мужу?

Елена. Что бы я ни чувствовала, а иначе поступить не могу! Вы готовы? Говорите: готовы?

Агишин. Что вы меня так строго допрашиваете? Да вы сами-то готовы ли? Какие у вас средства бросить мужа и жить самостоятельно?

Елена. У меня семьдесят пять тысяч... то есть нет, меньше: мама, по своей доброте, раздала взаймы больше половины своим знакомым, с которых никогда не получишь.

Агишин. Так ведь это нищенство! Вас замучает только одно сожаление о покинутой роскоши, о кружевах, о бархате. Уж до любви ли тут! Вот если б вы успели в этот месяц, пользуясь его безумной, дикой любовью, заручиться состоянием тысяч в триста, тогда бы вы могли жить самостоятельно и счастливо, как душе угодно.

Елена. Значит, по-вашему, чтобы быть счастливым, надо прежде ограбить кого-нибудь?

Агишин. Ну, да как хотите, рассуждайте, а вы сделали ошибку большую! Задумали-то хорошо, а исполнить — характера не хватило. Вот плоды сентиментального воспитания.

Елена. Да, то есть ум-то вы успели во мне развратить, а волю-то не умели — вот вы о чем жалеете! Помешали вам мои хорошие природные инстинкты. А я этому очень рада...

Агишин. Так об чем же нам еще разговаривать, madame Белугина?

Елена. Да я и не желаю с вами разговаривать никогда и ни о чем, monsieur Агишин.

Агишин. И прекрасно. Желаю вам всякого благополучия.

Входит Нина Александровна. Агишин раскланивается и уходит.

Елена. Мама, я прогнала Агишина.

Нина Александровна. Я тебя за это бранить не стану, моя Лена. Мне он давно не нравился, я только боялась сказать тебе.

Андрей выглядывает из двери.

Елена. Сделай же то, о чем я тебя просила: поговори с ним. *(Уходит в дверь направо.)*

Андрей выходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Нина Александровна и Андрей.

Андрей. Где же Агишин?

Нина Александровна. Лена его прогнала.

Андрей. Что же так-с: чем не кавалер? За что же гнать хорошего человека? А я было, признаться, хотел ему стакан шампанского предложить.

Нина Александровна. Андрей Гаврилыч!

Андрей. Что прикажете?

Нина Александровна. Я с вами хочу поговорить о Лене...

Андрей. Насчет чего-с?

Нина Александровна. Вы обижаете жену.

Андрей. Помилуйте, что вы! Могу ли я?

Нина Александровна. Вы ее вините.

Андрей. В чем это? И не думал-с!

Нина Александровна. А вы сами не правы...

Андрей. Чем же-с?

Нина Александровна. Знаете, в вас нет этого «чего-то...»

Андрей. Да чего — «чего-то»?

Нина Александровна. Вот этого, что нравится женщинам, что покоряет их. Ах, в вас совсем нет...

Андрей. Да уж сколько ни ахайте: коли нет, так где же мне взять?

Нина Александровна. Если бы вы были несколько образованнее...

Андрей. Да бог с вами! Когда мне теперь для вас обра-

зовываться! До того ли мне? У меня фабрика остановилась! Нет, это пустой разговор-с.

Нина Александровна. Она, конечно, чувствует и сама, что не совсем права перед вами...

Андрей. Да-с.

Нина Александровна. Она действительно доставила вам много огорчения...

Андрей. Ну, так что же-с? Пусть и покается!

Нина Александровна. Ах, разве вы не знаете, как всякой женщине трудно сознаться перед мужчиной в своей вине? А тем более моей Лене, потому что она не знает, не уверена, как будут ее слова приняты вами: достаточно вы деликатны, чтобы не вышло какой-нибудь сцены, унизительной для нее?

Андрей. Так кому ж нужно: нешто кто их заставляет?

Нина Александровна. Ах, ей самой нужно. Она не хочет, чтоб у вас оставалось неудовольствие на нее; она не может быть покойна, ей будет больно, очень больно.

Андрей. Стало быть, я же виноват. Этого никак понять невозможно, да и не до того мне теперь: серьезные дела в голове. Чего же им нужно еще от меня?

Нина Александровна. Ах, очень просто! Чтоб вы не сердились на нее, не жаловались; чтоб вы пощадили ее: у ней натура нежная, деликатная — она вся в меня.

Андрей. Все же это не дело и не в порядке-с. Между мужем и женой — какие посредники! Ваши слова для меня — ровно ничего-с: может, она совсем и не думает того, что вы говорите, а одна только это ваша фантазия. Нешто такие дела через послов делаются? Да уж если вам это очень нужно, так скажите, что я их прощаю, прощаю — вот и все!..

Нина Александровна. Как, неужели только?

Андрей. Вот еще-с. *(Подает записку.)* Оне хотят ехать за границу, так чтоб своих денег не тратили: по этой записке им выдадут из конторы сколько нужно, на расходы. Здесь обозначено-с. Вот теперь все-с. Я сейчас уезжаю на фабрику месяца на три; видеться нам незачем-с: дальние проводы — лишние слезы. Да и некстати: меня старики провожают, так пристойно ли им будет глядеть на нас? Затем прощайте. *(Уходит.)*

Входит Елена.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Нина Александровна и Елена.

Елена. Ну, что он, что?

Нина Александровна *(со слезами)*. Ах, Лена, ах, Лена!

Елена. Что с тобой, мама?

Нина Александровна. Он ужасный человек, он не желает тебя видеть! Я это предчувствовала, предчувствовала...

Елена. Да что? Говори, мама!

Нина Александровна. Вот, возьми! *(Подает записку.)* Он дает тебе денег на поездку за границу.

Елена. Да что он говорит-то?

Нина Александровна. Ах, Лена, он велел сказать, что прощает тебя.

Елена. «Прощает»!.. Как, что ты говоришь, мама?

Нина Александровна. «Да скажите ей, что я ее прощаю». И видеться с тобой не хочет.

Елена. Он меня прощает! Скажите! Да он мужик, невежа. Я в себя прийти не могу.

Нина Александровна. Ах, Лена, как трудно говорить с ним! Точно тяжесть какую поворачиваешь. У меня от него мигрень расходилась.

Елена. Нет, я не могу... я не могу стерпеть такой обиды. Я должна ему высказать.

Нина Александровна. Но что же, что, Лена?

Елена. А то, что он, при своем ничтожестве, не смеет так презрительно относиться к людям, которые...

Нина Александровна. Оставь, Лена!..

Елена. Нет, нет! Позови его, мама, сейчас позови!..

Нина Александровна *(в дверь налево)*. Андрей Гаврилыч, подите сюда: Лена вас просит!

Входит Андрей.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Нина Александровна, Елена и Андрей.

Андрей. Что за дела-с?

Елена. Кто же вам дал право так третировать меня?

Андрей. Что такое-с? И не слыхивал таких слов.

Е л е н а *(со слезами)*. Вы меня прощаете? Какую же вину вы мне прощаете? Что вы думаете обо мне?

А н д р е й. А не виноваты, так об чем толковать?

Е л е н а. Но ведь вы меня оскорбили! Как вы смели так грубо обойтись со мной?

А н д р е й. Значит, смел-с.

Е л е н а. Да по какому праву?

А н д р е й. Потому — муж-с.

Е л е н а. Значит, муж имеет право и напрасно обижать жену?

А н д р е й. А хоть и напрасно, да ежели любя, так беда невелика: не в суд на мужа идти!

Е л е н а *(со слезами)*. Но что ж, по-вашему, должна делать жена, если ее напрасно обидят?

А н д р е й. Да разное бывает-с: дурные да злые сердятся да бранятся.

Е л е н а. А хорошие, честные?

А н д р е й. Сами догадайтесь...

Е л е н а *(сделав движение)*. Неужели же?..

А н д р е й. Не знаю-с...

Е л е н а *(бросаясь ему на шею)*. Так, что ли?..

А н д р е й *(отирая слезы)*. Само собой, что так-то лучше.

Е л е н а *(прилегая к нему)*. Да, хорошо мне здесь, хорошо!

А н д р е й. Давно бы вам-с!

Е л е н а. Но зачем же ты так грубо обходился со мной?

А н д р е й. Я-то грубо? Да я нынче раз десять заплакать сбирался, только удерживался, притворялся...

Е л е н а. Разве ты притворялся?

А н д р е й. Да-с. Эта мысль мне вчера в голову пришла. Думаю себе: пробовал и ласками, и слезами — не выходит; дай, я свой форс на себя возьму. Вот и вышло.

Е л е н а. Маменька, мы опять в нем ошиблись.

Н и н а А л е к с а н д р о в н а. Ах, Лена! Я в себя не могу прийти; только одно могу сказать, что я очень рада, очень рада!

Е л е н а. Мама, как этот форс к нему идет! Какая энергия. Теперь он настоящий мужчина!

А н д р е й. Да я и всегда такой, только перед вами мокрой курицей был, потому— очень обожал! А теперь я по-другому буду: вот как-с. *(Обнимает Елену и целует.)*

Входят Г а в р и л а П а н т е л е и ч, Н а с т а с ь я П е т р о в н а, С ы р о м я т о в и Т а н я.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Нина Александровна, Елена, Андрей, Гаврила Пантелеич, Настасья Петровна, Сыромятов и Таня.

Андрей *(не выпуская Елены)*. Уж извините-с, с женой заигрался. Плачет, на фабрику со мной просится. *(Елене.)* Так, что ли, говори!

Елена *(потупясь)*. Так, так.

Андрей. Говорит, что ты там один, бобылем, будешь жить! Ни уходить за тобой, ни приласкать тебя некому. *(Елене.)* Так, что ли?

Елена. Да, хорошо, так, так.

Андрей. И в гости, и прокатиться все-таки с хорошей-то женой лучше. *(Елене.)* Так ведь?

Елена. Так, так.

Андрей. Там все, говорит, с женами; что ж тебе на чужое счастье смотреть? Еще что-нибудь в голову придет...

Елена. Нет, уж я этого не говорила.

Андрей. Так взять, что ли?

Настасья Петровна. Бери, Андрюша, бери!

Гаврила Пантелеич. Молчи! Забыла, что тебе сказано!

Настасья Петровна. Молчу, батюшка, молчу!

Андрей. Уж, видно, взять...

Сыромятов. Вот и чудесно. Семейное отделение займем, шампанского прихватим, чтоб веселей ехать было!..

Нина Александровна. Поезжай, Лена! А я соберусь, да завтра же к вам приеду.

Настасья Петровна. Батюшка, Гаврила Пантелеич, плакать-то можно?

Гаврила Пантелеич. Плачь себе на здоровье!

Таня *(Елене)*. Это очень приятно, что вы к нам едете.

Елена. Я у вас все шляпки пересмотрю; я и себе из Парижа выписывать буду.

Настасья Петровна. Да как же вам там жить-то будет? Ведь у нас в доме двух половин нету...

Елена. Ах, не беспокойтесь, и не нужно совсем!

Андрей. Ну, уж я для приезда такой бал задам, что в Москве нашу музыку слышно будет!..

ДИКАРКА

Комедия
в четырех
действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

АННА СТЕПАНОВНА АШМЕТЬЕВА
старуха, богатая помещица.

АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ АШМЕТЬЕВ
ее сын, почти постоянно проживающий за границей и в Петербурге, представительный, но заметно израсходовавшийся господин; костюм и манеры парижанина лучшего тона.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА
жена его, молодая женщина.

КИРИЛЛ МАКСИМЫЧ ЗУБАРЕВ
старик из крупных землевладельцев, близкий сосед Ашметьевых, управляет их имением; одет в платье старого покроя, из дешевого материала; седые усы подстрижены.

ВАРЯ
его дочь, молодая девушка.

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ ВЕРШИНСКИЙ
значительный чиновник из Петербурга, молодой человек.

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ МАЛЬКОВ
помещик, молодой человек.

МИХАИЛ ТАРАСЫЧ БОЕВ
сосед Ашметьевых и Зубарева, 45 лет, холостяк.

МАВРА ДЕНИСОВНА
нянька Вари, старуха.

ГАВРИЛО ПАВЛЫЧ
камердинер Ашметьева.

СЫСОЙ ПАНКРАТЬЕВИЧ
старый слуга Ашметьевых.

В усадьбе Ашметьевых, вблизи губернского города. Густой парк, в углу развалины каменной беседки, в глубине живописная местность за рекой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гаврило с саквояжем; входит Сысой, в руках складное кресло.

Сысой. Гаврило Павлыч! Куда направление имеете?

Гаврило. Барина дожидаюсь... Приказано... Купаться идем... А вы?

Сысой. Барыня гуляют по парку, так кресло ношу... По преклонности ихней, оне не могут, чтобы без отдыха...

Г а в р и л о *(осматривая местность)*. Ну, и местоположение... я вам скажу!

С ы с о й. Как находите?

Г а в р и л о. Что уж!.. Чего еще превосходнее!

С ы с о й. На редкость, истинно на редкость... которые ежели понимающие... Конечно, простой человек... так ему все равно. Это место по древности, от старых людей — Кокуй называется. Когда покойный барин, царство небесное, это рощу под парк оборотили, так и беседка тут была построена, и строгий был приказ от барина всем, чтоб это самое место «Миловида» прозывалось; а барыня, напротив того, желали, чтоб беспременно «Бельвю». Почитай, что до ссоры у них доходило... Ну, а мужики, помилуйте!.. им не вобьешь в башку-то, разве с ними возможно. Они и теперь всё Кокуй да Кокуй. Было времечко, да прошло: в те поры в этой беседке танцы были, ужины, без малого вся губерния съезжалась, по всем дорожкам цветные фонари горели; за рекой феверки пущали; а теперь заглохло все.

Г а в р и л о. Заглохло?

С ы с о й. Ну, что уж!

Г а в р и л о. Да оно точно, по вашей стороне промежду господ настоящей жизни, как им следует, что-то мало заметно.

С ы с о й. Где уж, какая жизнь!

Г а в р и л о. А наместо того так даже и дикость какая-то... как будто...

С ы с о й. Есть, есть, всего есть... Вы давно служите у барина-то?

Г а в р и л о. Пятый месяц; как в Петербург из-за границы приехал, так я и поступил.

С ы с о й. А я так понимаю, что вы с барином у нас недолго прогостите...

Г а в р и л о. А почему вы заключаете?

С ы с о й. Посвистывать начал.

Г а в р и л о. Разве это означает?

С ы с о й. Уж это верно. Коли коротко́ свищет, ну, еще ничего, а коли продолжительные арии, так уж припасай чемоданы. Я с ним и в Петербурге бывал: поначалу с приезда веселый такой, каждый день во фраке, все больше по дамам... а там, глядишь, и засвистал; ну, значит, на чужую сторону потянуло... И закатится — поминай, как звали!

Г а в р и л о. Когда еще скучать-то, мы всего пятый день здесь; с месяц-то можно прогостить; разве что общество...

С ы с о й. Тут не общество, тут главная причина: привязки ему нет.

Г а в р и л о. Какая привязка, коли он женатый человек.

С ы с о й. Это он ни во что считает, этого ему мало.

Г а в р и л о. А я долго и не знал, что он женат-то. Пять месяцев жил, а все думал, что барин у меня холостой; потому ни из разговора, ни из чего приметить этого нельзя у них — холостой, да и все тут.

С ы с о й. Да он и похож на холостого; а, не солгать бы, уж седьмой год женат. Барыня на удивленье!

Г а в р и л о. Насчет доброты?

С ы с о й. Насчет доброты, и обходительности, и всего.

Г а в р и л о. Но при всем том, я замечаю, словно как они друг другу не в масть; музыку эту тянут, а ладу не выходит.

С ы с о й. Потому — не ро́вня; роду она, пожалуй, и дворянского, да воспитание невысокое получила.

Г а в р и л о. То-то и по моему замечанию, тут что-то такое подобное...

С ы с о й. Папенька у них были офицер, молодец собой и красавец писаный, только женился он на купчихе на здешней и на ее деньги купил имение. Да недолго пожил, ушибся на охоте об дерево, расскакался очень, огневой был. Барышня-то наша, Марья Петровна, так промежду купечества и выросла; барственного-то ничего в ней и не стало; потому заняться было не от кого. От маменьки было перенять нечего, окромя что как была она очень добрая женщина и редкостная хозяйка,— так наша Марья Петровна вышла вся в нее. Только по возрасту лет стала в ней обозначаться красота; начали слетаться женихи. Ну, а нашему уж этого перенести никак невозможно, чтобы была в уезде красавица, да не ему досталась. Сейчас познакомился, Марья Петровна в него до страсти влюбилась, женихи все прочь, он и женился. И с полгода так, как в раю был.

Г а в р и л о. А потом?

С ы с о й. А потом и засвистал. Прикинул жену-то маменьке, а сам за границу. Так три года мы его и не видали, как в воду канул. В Петербург из-за границы наезжает часто, а к нам и не заглянет. Через

три года приехал и, смешно таково, опять в жену влюбился, да не надолго; месяца через полтора и...

Г а в р и л о. И засвистал?

С ы с о й. Засвистал. Опять в Петербург, а там за какой-то барыней за границу, да по сю пору мы его и не видали.

Г а в р и л о. Уж для заграничных господ в деревне, известное дело... знаете — скука... томительность какая-то...

С ы с о й. Нет, кабы привязка нашлась, он бы ничего — пожил. Ведь вот уж теперь и стар стал, и тяжеленек, а все глаза-то завистливы. Вы посмотрите, ровно он глазами то все чего ищет; так уж они у него с молодости наиграны.

Г а в р и л о. Человеком выходит, не всякому тоже это дается.

С ы с о й. Какой был по этим делам старательный, беда! Что из благородных, что из простых, это для него все одно. Как где наметит глазом, и начнутся у него хлопоты, такой проворный сделается, так уже и не расстается. И все словами улещает да уговаривает; то шепотом, то стихи читает. Начнется у него эта суета, так и не скучает. Только накоротке, подолгу не продолжается. Вот и теперь бы ему такое занятие, так погостил бы: и заграницу забыл.

Г а в р и л о. Нет уж, кто ей подвержен, да коли деньги есть, так не забудет, все его поманивает.

С ы с о й. Само собой; хоть с нашего брата возьмите или из мастеровых; который человек ежели по трактирам избалуется, уж ему дома не сидится.

Входят А н н а С т е п а н о в н а и М а р ь я П е т р о в н а. Сысой и Гаврило отходят к стороне.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

А н н а С т е п а н о в н а, М а р ь я П е т р о в н а.

А н н а С т е п а н о в н а. Да, мой друг, твоя это вина, твоя, что Александр здесь скучает. Ты и не спорь со мной!

М а р ь я П е т р о в н а. Я с вами и не спорю; только я решительно не понимаю, как и чем еще, кроме любви моей, могу я привязать его.

А н н а С т е п а н о в н а. Да разве ты не видишь, что он художник, он поэт? Это натура в высшей степени

деликатная. Его душа соткана из самых тончайших нитей, к ней надо прикасаться умеючи, с осторожностью. Он только что вернулся из-за границы, он еще весь под впечатлением изящного... ну, галерей там, музеев и прочего; у него еще в ушах звуки итальянской музыки, в глазах аристократические салоны... а ты его прямо в коровник!

Марья Петровна. Я не думала, что это дурно... я думала, что это моя обязанность — рассказать мужу откровенно, как я жила без него и что делала. Женщине в мои годы нужно же какое-нибудь занятие. Мужа я не вижу, детей у меня нет, ведь жизнь опротивеет, если не иметь никакого интереса. Я извелась с тоски.

Анна Степановна. Извелась! Фи, мой друг! Как ты вульгарно выражаешься.

Марья Петровна. Все так говорят.

Анна Степановна. Мещанство, матушка, мещанство!

Марья Петровна. Дело по мне, не мудреное, много ума не нужно: нужен только порядок да чистота. Мне даже хотелось похвастаться перед мужем моими успехами. Из маленькой молочной фермы теперь у меня большое заведение. Я завела сыроварню, выписала мастериц из Тверской губернии, принимаю крестьянских девушек, они у меня учатся, потом поступают на место, хорошее жалованье получают. У меня разведены отличные племенные коровы; от моей фермы скотоводство во всей губернии улучшается; за сто верст приезжают покупать моих телят, бычков. Что в этом дурного, что за преступление?

Анна Степановна. Кто тебе говорит, что твой коровник — преступление? Молоко необходимо, оно идет в пищу, значит, необходимы и коровы, и коровницы; да не твое это дело. Ты улучшаешь скотоводство в губернии! Ведь это смешные фантазии! Об губернии без тебя есть кому заботиться. Для тебя выше всего на свете должен быть муж! Ты говоришь, что скучаешь без работы, да кто ж тебе мешает работать? Мало ли есть женского рукоделья, приличного, чистого! А потом — арфа, ты ее забросила совсем. Нет, скажи лучше, что мещанская кровь сказывается, — вот это вернее.

Марья Петровна. Но, живя в деревне, так естественно заняться хозяйством.

Анна Степановна. «Естественно»— вот еще слово! Ты думаешь, что естественно, то и хорошо? Животные ведут себя естественно, да много ли найдется охотников подражать им. Наши прически, костюмы разве естественны? Был век, когда мужчины носили огромные пудреные парики, а женщины фижмы, под которые пять человек спрятаться могут; уж, конечно, это не естественно, и все-таки благороднее, умней, изящнее этого века не было и не будет в истории. Ну, да что об естественности толковать! Для тебя всего естественнее — стараться нравиться мужу!

Марья Петровна. Я думала, что ему будет приятно, что я занимаюсь делом.

Анна Степановна. Очень нужно ему: делаешь ты что-нибудь или нет. Ты не забывай, что прежде всего Александр — художник, он поэт; для него главное во всем — изящная форма. Я не могу поверить, чтобы женщина не могла удержать его подле себя на месяц, на два. А ведь это стыдно в люди сказать: муж не видал тебя три года, приехал погостить, и уж через пять дней уезжать собирается. С мужем и кокетство позволительно, а с такими даже и необходимо. Он почти не живет в России, но я по его письмам знаю, что иногда он среди самой роскошной природы скучает по родине, что он любит Россию и все русское. Вот бы ты надела сарафан, он так идет к тебе, спела бы ему русскую песню,— у тебя прекрасный голос. А ты его тащишь на свою ферму: согласись, что там поэзии не много. И с кем ты его знакомишь? Что такое Мальков? Ведь это мастеровой какой-то. Он едва ли что-нибудь знает, кроме своей химии. Благородный человек, а пачкается с каким-то дрянным заводом. Что он там, купорос, что ли, делает? Прекрасное занятие для дворянина; носит какой-то мещанский картуз, ездит в тележке в одну лошадь.

Марья Петровна. У него нет состояния, чтобы четверкой ездить.

Анна Степановна. Нет состояния, так поди служить; а купорос, кому нужно, найдут и без него. Интересное знакомство для Александра! Ну, понятное дело, что ему с вами скучно. Он всю жизнь провел с художниками, с артистами, а ты его с мастеро-

выми знакомишь. Нет, как ты хочешь, ты обязана удержать Александра еще хоть недели на две; если он уедет теперь, это будет твоя вина, это меня очень огорчит.

Марья Петровна. Я постараюсь, я готова употребить все возможное...

Анна Степановна. Только, пожалуйста, не слезы! Это самое верное средство прогнать от себя мужчину.

Марья Петровна. Я знаю, нет — слез не будет; это было да прошло.

Анна Степановна. Разве ты уж разлюбила его?

Марья Петровна. Не разлюбила, но я стала покойней, со многим примирилась.

Анна Степановна *(шарит)*. Где же это мой бинокль? Ах, я его там забыла, на лавочке.

Марья Петровна. Я его вам принесу.

Анна Степановна. Зачем? не трудись! Я пошлю человека.

Марья Петровна. Да что за труд. *(Уходит.)*

Сысой показывается из-за кустов.

Анна Степановна. Добрая женщина, а простовата, простовата... Сысой, подай мне кресло.

Сысой подает кресло и отходит за кусты. Входит Ашметьев, насвистывая арию.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анна Степановна и Ашметьев.

Ашметьев. Об чем задумалась, старушка моя?

Анна Степановна. О прошлом, друг мой; о настоящем мне уже нечего думать. Прошел день, и слава богу.

Ашметьев. Да, я понимаю... скучно тебе?

Анна Степановна. У меня теперь только и радости, что ты.

Ашметьев. Благодарю. *(Целует руку у матери.)* Но я что же?.. Может быть, оттого я тебе и мил, что ты меня редко видишь.

Анна Степановна. Что за вздор ты говоришь.

Ашметьев. Нет, правду. Я, что называется, непосед, бездомовщина. Если мне остаться подольше на одном месте, я и сам от скуки завою по-волчьи, и все окру-

жающие взвоют, на меня глядя, я — скучающий россиянин. Как нескладно я устроил свою жизнь! Уж если кому не следовало жениться, так это мне. Странное существо—человек: в молодости даны ему страсти для того собственно, чтоб наделать глупостей на всю жизнь; потом, в зрелых летах, дается ему ум, чтобы раскаиваться всю жизнь. Приятное существование! Ну, зачем я женился? Это вопрос; а ответ следующий: затем только, чтоб мучить жену. *(Ходит.)* Ах, да мне и родиться-то не следовало, чтоб не мучить мать. И это была глупость с моей стороны.

Анна Степановна. Уж ты сделай милость, не хандри!

Ашметьев. За что я, в самом деле, заставляю страдать двух женщин?

Анна Степановна. Ну что ты уж очень сокрушаешься! Я старуха, видела в свою жизнь и радости немало, будет с меня; Маша тоже по-своему счастлива.

Ашметьев. Какое счастье! Полгода она действительно была со мной счастлива; а потом — семь лет живет только воспоминанием этого счастья. Ведь попадаются же нам такие кроткие, безропотные натуры! Гораздо легче выносить бури упреков, брани и оскорблений, чем это тихое страдание без жалобы.

Анна Степановна. Ты уж слишком преувеличиваешь: у нее все-таки есть занятие, есть общество.

Ашметьев. А у тебя и того нет; это новое общество уж чуждо тебе.

Анна Степановна. Чуждо — этого мало: оно неприятно, оно враждебно мне. Да, мой друг, разговоры их для меня невыносимы: я не слышу от них ни протеста против нынешних порядков, ни сожаления о прошлой нашей жизни. Нет, они и знать не хотят, и говорить-то не хотят об этой реформе, они очень спокойно к ней относятся, как будто так и надо. Заводят фермы да ремесленные школы, учат чему-то крестьянских девчонок и мальчишек. Можно было заботиться о крестьянах, когда они были наши, а когда у нас их отняли, так что нам до них за дело? Они теперь свободны, ну и пусть пьянствуют. Посмотришь, другой помещичишка разорен совсем, а тоже тянет со всеми в одну ноту, восхваляет реформу. А у самого на душе-то, чай, кошки скребут.

Ашметьев. Ну, нам, кажется, очень жаловаться нельзя, мы не очень много потеряли.

Анна Степановна. Так ведь это исключение, это особое счастье. Что бы мы были с тобой, если бы не он!

Ашметьев. Кто это он?

Анна Степановна. Да вот идет! *(Указывая направо.)* Кирилл Максимыч тогда был мировым посредником и составил нам уставные грамоты с крестьянами. Он так их обрезал, что им курицу выгнать некуда. Благодаря ему я хорошо устроилась: у меня крестьяне так же и столько же работают, как и крепостные,— никакой разницы.

Ашметьев. Я и не знал.

Входит Зубарев, раскланиваясь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Анна Степановна, Ашметьев и Зубарев.

Анна Степановна *(сыну)*. Хорош помещик! Он не знает, что у него крестьяне делают. А иначе где же бы мы взяли денег тебе на твою артистическую жизнь за границей? Что же ты думал, что нам деньги-то с неба сваливаются?

Ашметьев. Но я мог бы сократить свои расходы. Ведь Кирилл Максимыч на все способен, он человек без сердца. Так ведь, Кирилл Максимыч? Жалости в вас нет, вы этого чувства не знаете?

Анна Степановна. Ах, пожалуйста!.. Жалей о чем хочешь, только не о моих крестьянах.

Зубарев. Будешь безжалостен, коли вы, Александр Львович, поминутно изволите деньгами нудить.

Анна Степановна *(сыну)*. Твоя совесть может быть покойна, это мое дело; а я считаю свое дело и законным, и справедливым. И кончен разговор.

Зубарев. Вы изволите говорить, что сократите расходы... Дождемся ль мы этого, Александр Львович? Покуда все еще увеличиваете, а не сокращаете.

Ашметьев. Не знаю; я всегда проживал около семидесяти тысяч франков в год — и теперь тоже...

Зубарев. А курсы-то, благодетель мой, а курсы-то, помилуйте! Вы, Александр Львович, изволите пошвыривать франками-то, вы думаете, что все еще

франк-то четвертак? А оно вон куда пошло, вон куда пошло: франк-то прежде в ла́потках ходил, а теперь в сапожках щеголяет.

Ашметьев. Франк все франк; а что ваш рубль подешевел, так уж мы там, в Париже, не виноваты. Скоро ли вы лес-то продадите?

Анна Степановна. Разве тебе деньги скоро нужны?

Ашметьев. Скоро не скоро, а все-таки я желаю знать немедленно, чего он стоит?

Зубарев. Теперь покупать надо, покупать, а не продавать. Как продавать, когда цены нет! «Что стоит?» Семьдесят рублей за десятину, вот что он стоит! Да что! За шестьдесят пять *(с возрастающим жаром)*, за пятьдесят, за сорок пять отдают; что ни дай, то и берут. Точно взбесились все, так и валят лес! У нас скоро пустыня будет, Аравия Счастливая! Вот Боев, Михайло Тарасыч, как нужны деньги, так и лес продавать; что дадут, то и берет. Вот он какой, вот он какой! Только цену сбивает... Покупать нужно, а не продавать.

Ашметьев. Я вас просил, Кирилл Максимыч, покупателя найти.

Зубарев. Нашел, нашел-с; да ведь семьдесят рублей... какая это цена?

Ашметьев. Продавайте, я на эту цену согласен.

Анна Степановна. Какой уж и ты скаред, Кирилл Максимыч, так даже противно смотреть, из-за копейки готов целый год торговаться.

Зубарев. Не скаред я, а экономный человек. Какие времена-то, помилуйте!

Анна Степановна. Нет, скаред. Как ты живешь, как ты одеваешься! А дочь! И не грех тебе? Воспитывала ее из жалости тетка лет до двенадцати, пока дочерей замуж не выдала, а с тех пор она дома болтается — без учителей, без гувернанток, так и выросла, да и теперь без всякого призору.

Зубарев. Да какого ей воспитания, какого призору? Умей шить, вязать, щи варить да почитай родителей — вот и весь женский курс!

Ашметьев. Я ее помню, но едва ли узнал бы теперь; что-то дикое было в этом милом ребенке.

Анна Степановна. А теперь еще больше одичала. В ребенке все мило, а она уж давно не ребенок.

Ни манер, ни приличия; не знает никакой сдержанности, делает, что в голову придет,— это для благородной девушки уж просто непозволительно.

Ашметьев. Отчего я не вижу ее здесь?

Анна Степановна. Не знаю, спроси у отца.

Зубарев. У тетки гостила-с...

Анна Степановна. Да уж ты все говори! Я коечто слышала.

Зубарев. Из особенного уважения к вам, Александр Львович, и к вам, Анна Степановна, и из любви к дому вашему не могу умолчать.

Анна Степановна. Замуж отдаешь?

Зубарев. Ну, еще это далеко, еще бог знает-с.

Анна Степановна. Да кто?

Зубарев. Виктор Васильич Вершинский-с.

Ашметьев. А! Это наш юный преобразователь?

Зубарев. Далеко пойдет, далеко-с... Приехал, оживил нас, поднял на ноги всю губернию, осветил... Во мраке ходили...

Ашметьев. Не понимаю, что ему за расчет жениться на девушке совершенно необразованной.

Зубарев. Любит-с, большое расположение чувствует к моей дурочке.

Анна Степановна. Ну полно, что любить-то? Любить-то в ней нечего! Расчет простой, Александр: именьишко у Вершинского здесь небольшое, а у Вари приданое порядочное, после матери десятин восемьсот. Чего ж ему? Вот он и значительный помещик. В Петербурге, вероятно, карьеру сделать не надеется, там и побойчее есть; а здесь, благо говорить мастер, пожалуй, и в предводители выберут. На безлюдье — и Фома дворянин.

Зубарев. Выберут, непременно выберут: ум, сила, быстрота соображения...

Анна Степановна. У Вершинского, по его краснобайству, большая партия, а ты и спишь и видишь председателем земской управы быть, ты любишь должности с жалованьем; вот вы и ухаживаете друг за другом. Да ты молись богу, что тебе такой жених попался, это для Вари большое счастье: кто ее, сумасшедшую, возьмет!

Зубарев. А она-с... она, можете представить, фыркает... что ты будешь тут!.. Господи!

Ашметьев. Может быть, он ей не нравится?

Анна Степановна. Полно! Разве она людей разбирать умеет? Что на нее смотреть-то?

Входит Марья Петровна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Анна Степановна, Ашметьев, Зубарев, Марья Петровна.

Ашметьев. Marie, я тебя и не видал еще сегодня. *(Целует ее в голову.)*

Марья Петровна *(Анне Степановне)*. Вот ваш бинокль. *(Подает бинокль.)*

Анна Степановна *(встает)*. Благодарю, я пойду еще где-нибудь посижу. Пойдем, Кирилло Максимыч, поболтаем. Сысой!

Является Сысой.

Неси за мной кресло.

Уходят: Анна Степановна, Зубарев и Сысой с креслом.

Ашметьев. Ты где была утром, Marie?

Марья Петровна. Я к обедне ездила.

Ашметьев. Вот как! И ты часто ездишь?

Марья Петровна. Каждый праздник. Я теперь выучилась молиться.

Ашметьев. А разве ты прежде не умела.

Марья Петровна. Нет, я умела и прежде, да не так: я теперь хорошо молюсь... Когда у меня горе или мне надо решиться на что-нибудь, я молюсь, Александр, и так мне покойно потом, и так у меня твердо, решительно выходит.

Ашметьев. Прекрасно, Marie, прекрасно! Как это хорошо, кто может. Ну, а песенки ты поешь по-прежнему?

Марья Петровна. Нет, теперь редко... А впрочем, иногда...

Ашметьев. Пой, Marie, пой для меня! Этого удовольствия уж нигде не встретишь. Какие-то особенные ощущения вызывают твои песни: может быть, они не совсем изящны, но приятны, очень приятны. Я там, далеко, особенно в Италии, часто вспоминаю о твоих песнях, стараюсь припомнить их; но выходит что-то... Аль-ля-ля-ля-ля — совсем не то. Ка-

кая прелесть! Когда горе есть, она молится, когда весело— поет. Какая ты хорошая женщина, Marie, как я люблю тебя.

Марья Петровна. Как у тебя холодно это слово «люблю». Мне кажется, ты хочешь сказать мне: «я тобой любуюсь иногда». А любить — ведь это не то, это другое... Вон крестьяне или крестьянки, если любят кого очень, так говорят: «я жалею его». И это правда: кого любишь, так жалеешь.

Ашметьев. «Жалею, жалею», как это хорошо, в самом деле, это надо записать. *(Вынимает книжку и записывает.)* Я отправлюсь купаться, скоро и обедать пора. У нас нынче никто не обедает?

Марья Петровна. Не знаю. Вероятно, Зубарев, а может быть, и Вершинский приедет.

Ашметьев. Очень рад буду. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Марья Петровна, потом Варя.

Марья Петровна *(всматриваясь)*. Кто-то подъехал к парку... или... мимо. Ах, нет, вон бежит... Да это, кажется, Варя.

За сценой голос:
Собирайтесь, девки красны,
Собирайтесь в хоровод!
Скоро день погаснет ясный,
Солнце красное зайдет.
Ай, калина! ай, малина!

Да, это она!

За сценой: «Ой ли, ой ли». Входит Варя в сарафане, голова повязана платочком.

Варя. Ох, жарко! Сгорю, сгорю! *(Снимает с головы платок и обмахивается.)*

Марья Петровна *(целует Варю)*. Варюша, милая.

Варя. Здравствуй! Уж я купалась, купалась сегодня утром, а все не помогает. Что это ты такая хорошенькая сегодня?

Марья Петровна. Ну, полно, все такая же.

Варя. Нет, я правду говорю. Если б я была мужчина, я бы тебя зацеловала. И какая ты нарядная!

Марья Петровна. Да разве ты не знаешь, ведь ко мне муж приехал, Александр Львович.

Варя. Ах, так вот что!

Марья Петровна. Тебе отец не сказывал?

Варя. Нет, он со мною другую неделю не говорит. Да меня и дома дня три не было, я у тети в городе гостила. Так прощай!

Марья Петровна. Нет, нет, ни за что не пущу.

Варя. Нельзя. Видишь, какая я растрепанная. Да я к тебе и так не надолго, меня тут дожидается...

Марья Петровна. Кто?

Варя. Провожатый. *(Смеется.)* Я ямщика наняла.

Марья Петровна. Так отпусти провожатого, ты мне нужна, очень нужна. Я тебя сама отвезу домой вечером.

Варя. Зачем я тебе? Ну, сказывай скорей.

Марья Петровна. После, после, теперь про себя мне говори. Как ты с Вершинским?

Варя. Ах, не говори, видеть его не могу.

Марья Петровна. Поссорились?

Варя. Никакой ссоры.

Марья Петровна. Так что же?

Варя *(хладнокровно)*. Я его возненавидела.

Марья Петровна. Это за что? Каким образом, когда?

Варя. В пошлое воскресенье. Он был у нас целый день, обедал, ну, и ничего.

Марья Петровна. Нравился тебе?

Варя. Не то что нравился, а так себе, не противен.

Марья Петровна. А вечером?

Варя. А вечером возненавидела.

Марья Петровна. Да за что?

Варя. Была у нас по́мочь, косили большой луг; потом хороводы водили, песни пели, и мы были на лугу. Мне так хорошо, так хорошо, так весело было, подбегаю я к нему: «Хорошо?» спрашиваю. А он сморщил свои губы, ухмыляется, очки свои вздергивает... «Недурно, говорит, однообразно немножко и диковато». Взглянула я на него — чистая птица какая-то: в своем сюртучке, на тоненьких ножках, эти очки... У! Птица! Убежала домой, спряталась, так он и уехал. Отец рассердился.

Марья Петровна. Чем же это кончится, Варя?

Варя. Отдадут меня за него, уговорят. Ведь если б он не жених, так ничего, мужчина как мужчина; а как подумаешь, что такому... А ведь начнут уговаривать — и уговорят, и живи с таким.

Марья Петровна. Велико это слово: уговорят.

Варя. Для нас с тобой очень велико. Ах, как мы глупы!

Марья Петровна. Правда твоя, правда.

Варя. Задумаем мы что-нибудь, и кажется хорошо, и сделать бы так надобно; начнут нас уговаривать, уговаривать — и уговорят. Ах, если б я умела говорить так, как Вершинский! А то мужчины говорят, спорят, а мы сидим с вытянутыми лицами. Ведь если со стороны посмотреть, скажут — дурочки.

Марья Петровна. Дурочки, Варя.

Варя. А знаешь что? Не надо дожидаться, надо сейчас сделать, пока не успели уговорить.

Марья Петровна. Что сделать?

Варя. А что задумала.

Марья Петровна. А ты разве задумала что?

Варя. Нет еще. А если задумаю что, то непременно сделаю. Ну, говори, зачем я тебе нужна?

Марья Петровна. Вот видишь ли, муж приехал всего пять дней и уж начинает скучать: мы боимся, что он уедет скоро.

Варя. Ну, так что же? Я тут при чем?

Марья Петровна. Он тебя увидит, постарайся заинтересовать его, он скучать и перестанет.

Варя. Ха-ха-ха! И это ты просишь — жена?

Марья Петровна. А что же такое! Мне уж его любви не возвратить, а ты представь положение матери! Через два, через три года он приезжает и неделю без скуки пробыть не может у ней.

Варя. Что же мне... как с ним?

Марья Петровна. Уж как умеешь.

Варя *(со смехом)*. Со мной еще таких оказий не бывало.

Марья Петровна. Будь такая, как ты есть, вот и все.

Варя. Погоди, дай подумать! *(Задумывается, потом хохочет.)*

Марья Петровна. Чему ты?

Варя. Погоди! Мысль пришла в голову, да не скоро она у меня там поворачивается. *(Подумав.)* Хорошо, так! Теперь обдумала. Мой отец слушается твоего мужа?

Марья Петровна. Сколько я заметила — во всем:

Александр — единственный человек, который имеет влияние на твоего упрямого старика.

Варя. А ты ревновать не будешь?

Марья Петровна. Нет, кажется, не буду; во всяком случае не зарежу — ни тебя, ни его; ну, а там, что я буду чувствовать, кому какое дело.

Варя. Ну, хорошо, я у тебя останусь сегодня. Я пойду только лошадь отпущу. *(Убегает.)*

Марья Петровна *(глядя ей вслед)*. Кто же это ее привез? Разговаривает с кем-то. А!.. Вот кто! Ну, уж никак бы не подумала. Об чем это она с таким жаром толкует? Влезает в тележку... Неужели же она уедет? Или, может быть, хочет передать что-нибудь. Ах, сумасшедшая! Она целует его. Ну, расстались. Вот новости! Или это так, баловство? Ах, сумасшедшая!

Входит Варя.

Послушай, что ты делаешь?

Варя. Ты видела?

Марья Петровна. Все видела. Что это значит, скажи мне, сделай милость!

Варя. Ничего не значит и ничего не скажу тебе. И не спрашивай, и чтоб ни слова об этом.

Марья Петровна. Но послушай, Варюшка...

Варя *(зажимая ей рот)*. Ни слова, а то сейчас убегу. *(Прислушиваясь.)* Кто-то идет.

Марья Петровна *(взглянув в сторону)*. Идет Александр и с ним Вершинский.

Варя. Не покажусь ни за что, ни за что, я спрячусь.

Марья Петровна. Ну, хорошо, мы после поймаем Александра Львовича одного.

Обе уходят направо; входят Ашметьев и Вершинский.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ашметьев и Вершинский.

Вершинский. Я к вам с приглашением, Александр Львович. На этой неделе назначен съезд сельских хозяев у Кирилла Максимыча, так мы вас просим приехать.

Ашметьев. Для чего этот съезд?

Вершинский. Для изыскания средств, как увеличить доходность наших имений.

А ш м е т ь е в *(со смехом)*. «Для увеличения доходности». Ну, так поверьте мне, что я на этом съезде буду лишний... Кроме того, я человек усталый, разбитый и приехал в деревню только за тем, чтоб отдыхать.

В е р ш и н с к и й. Мы вас особенно не затрудним, мы и рассчитывать не смеем, чтобы вы приняли участие в наших работах; мы только ждем от вас советов, указаний. Вы большую часть прожили за границей, видели многое, что там лучше, чем у нас.

А ш м е т ь е в. Да, я видел, но только не то, что вам нужно. Я человек дореформенный, я учился за границей только изящно проживать деньги.

В е р ш и н с к и й. Да, в таком случае, конечно...

А ш м е т ь е в. Впрочем, не думайте, чтоб была совершенно пуста моя жизнь, или, лучше сказать, наша жизнь, потому что я не один. Мы начинали жизнь горячо, рыцарями; все, что давалось идеализмом и романтизмом, переживали страстно.

В е р ш и н с к и й. Да, то есть вы, в промежутках между романтическими похождениями и приключениями, занимались эстетикой и философией.

А ш м е т ь е в. Это отчасти правда: были и увлечения, и просто глупости, и даже грехи.

В е р ш и н с к и й. Вы об себе довольно откровенно выражаетесь.

А ш м е т ь е в. К чему же маскироваться, да уж и поздно. Но не одна только философия и эстетика занимали нас; мы сочувствовали и политическому росту народов, и если не участвовали в истории Европы последних лет, то переживали ее довольно болезненно. И я не скажу, чтобы мы были совсем лишние в своем отечестве. Прямой же практической пользы, я признаюсь, от нас мало: мы не деятели. Мы начинали горячо, а теперь кончаем разочарованием, сомнениями и раскаянием. Мы начинали Шиллером, а кончаем Шопенгауэром.

В е р ш и н с к и й. Очень, очень грустно. Вы приезжайте хоть посмотреть на нас, увидите много оригиналов.

А ш м е т ь е в. Постараюсь, постараюсь приехать. Вы так хлопочете о хозяйстве, у вас значительное имение?

В е р ш и н с к и й. Очень незначительное; но это нисколько не мешает изучать хозяйство; притом же у

меня в виду невеста с имением, так я даже обязан быть хорошим хозяином.

Ашметьев. Вы женитесь? Любопытно знать, как вы, молодые люди, нынче женитесь.

Вершинский. Точно так же, как и вы, с тою только разницей: мы не так богаты нежными чувствиями. Жизнь коротка, задачи так велики; мы люди, призванные к общественной работе, или, лучше сказать, перестройке,— нам некогда млеть и утопать в личном счастии.

Ашметьев. Значит, вы смотрите на брак...

Вершинский. Как на физиологическую потребность. Вообще женщина с ее нервами, с ее ахами и охами представляется мне существом не очень высоким. Конечно, бывают из них и выродки, но они-то нам и не нужны. И потому-то я задумал жениться на девушке очень обыкновенной, не только без всяких высших вопросов в голове, но даже без образования, чтобы как можно менее тратить моего времени на женщину.

Ашметьев. Значит, вы нисколько не увлечены вашей невестой, нисколько ее не любите? Неужели вы так уж никогда не увлекались, не вздыхали?

Вершинский. Можете ли вы так думать? Я ведь не урод нравственный: будучи гимназистом, и я заплатил дань идеализму.

Ашметьев. Мы не только гимназистами, а и долго после с ума сходили.

Вершинский. Вот за это-то мы теперь и платимся: результатом ваших увлечений были: запущенность имений и расстройство сельского хозяйства.

Ашметьев. Значит, вы женитесь по расчету?

Вершинский. Не совсем по расчету, но я вам повторяю: класть всю душу в ухаживание за женщиной нам нельзя, наше призвание, наше служение тоже требует увлечения. Поправлять исторические ошибки нелегко.

Ашметьев. Да, конечно. Пойдемте, я вас передам жене; мне нужно отправить письмо на почту.

Вершинский. Не беспокойтесь обо мне, я погуляю по парку, это полезно перед обедом.

Уходят. Входят Марья Петровна и Варя.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Марья Петровна, Варя, потом Вершинский.

Марья Петровна. Подожди здесь, я догоню мужа и ворочу его,— мне хочется, чтобы при вашей встрече никого не было посторонних. *(Уходит направо.)*

Варя. Какой он теперь? Чай, постарел. Он меня знал девочкой, ласкал меня, кормил конфетами, целовал. Как он теперь будет со мной? Это любопытно. *(Взглянув налево.)* Ах, вот еще! У! птица противная *(Хочет идти направо.)*

Входит Вершинский.

Вершинский. Вы бежите от меня, прячетесь?

Варя. Нет, я только... я не ожидала вас встретить. Я так одета...

Вершинский. Вздор, вы одеты прекрасно, и очень кокетливо. Скажите, пожалуйста, зачем вы тогда от меня убежали и куда делись?

Варя. Так, взяла да убежала.

Вершинский. Но что же это значит?

Варя. Ничего не значит... убежала, и все тут. Пришло мне в голову: дай убегу, и убежала.

Вершинский *(пожимая плечами)*. Дико, дико... Извините за выражение... но я другого слова не нахожу.

Варя. А дико, так дико. И охота вам с дикими!.. Бросьте!

Вершинский *(берет ее за руки)*. Вы, кажется, рассердились на меня? Рассердились?

Варя. И не думала. На что сердиться? Это правда, я дикая: что в голову придет, то и делаю.

Вершинский. Ну, если вам придет фантазия в воду броситься?

Варя. И брошусь, так и кинусь — и никто не удержит.

Вершинский. Но вы за это можете дорого поплатиться. Надо же думать о последствиях.

Варя. Вот еще думать! Зачем думать? Поплачу́сь, так поплачу́сь. Вас плакать не заставлю. Туда мне и дорога.

Вершинский. Вы, кажется, задали себе задачу постоянно бесить меня...

Варя *(хохочет)*. Бесить!.. Ха-ха-ха! Бесить! Разве вы беситесь? Пустите меня.

Вершинский *(кусая губы)*. Ну, извините, я хотел сказать — сердить.

Варя. Вот что для меня удивительно: как это я не надоела вам до сих пор. Господи!

Вершинский. Да, это действительно удивительно.

Варя. А вот вы мне... смерть, смерть как надоели!

Вершинский. Это мило! Благодарю за откровенность!

Варя. Не стоит благодарности.

Вершинский *(берет ее руку)*. Я все-таки желаю думать, что это у вас детство, глупости; что вы станете, наконец, благоразумнее. Я жду, жду этой минуты и терплю, поймите меня — терплю, следовательно я неравнодушен к вам, я даже страдаю! Но верю, верю, что эта минута придет.

Варя *(вырывая руку)*. Пустите меня!

Вершинский. Мы с вами еще поговорим сегодня.

Варя. Хорошо, хорошо. Вот идет Марья Петровна, оставьте меня; мне с ней поговорить нужно, у нас секреты.

Вершинский. Хорошо, я вас слушаюсь. *(Уходит налево.)*

Варя *(вслед ему)*. Дальше, дальше уходите, еще дальше! *(Бежит направо; навстречу ей Ашметьев и Марья Петровна.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Варя, Ашметьев, Марья Петровна.

Ашметьев *(пораженный)*. Что это?.. Кто это?

Марья Петровна. Ты не узнал ее? Это наша Варя, дочь Кирилла Максимыча.

Ашметьев. Вы? Я не нахожу слов... вы очаровательны... да, именно очаровательны... другого ничего сказать нельзя. *(Протягивая руки.)* Ну, как же вас?.. Варвара... Варвара Кирилловна... ведь теперь уж нельзя по-старому... Нельзя ни обходиться с вами по-старому, ни называть вас по-старому.

Марья Петровна. Нет, пожалуйста, и обходись с ней по-старому, и называй ее по-старому: Варей, Варюшкой.

Ашметьев. Вы позволите?

Варя *(потупясь)*. Называйте!

А ш м е т ь е в *(Марье Петровне)*. Только с условием, чтоб уж всё по-старому, чтобы я был по-прежнему — милый, хороший, и чтобы она мне говорила «ты».

М а р ь я П е т р о в н а. Слышишь, Варя?

В а р я. Пожалуй.

А ш м е т ь е в. Не узнаю́, не узнаю́.

В а р я. Я только выросла, а я все такая же...

А ш м е т ь е в. Да, молодое растет, а старое стареется. Но у старости есть право, есть привилегия, и я ими воспользуюсь. *(Целует Варю.)*

М а р ь я П е т р о в н а. Пора обедать; я пойду поищу Анну Степановну, она сегодня что-то загулялась. *(Идет налево. Обернувшись и взглянув на Ашметьева и Варю, пожимает плечами.)* Уж растаял. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

А ш м е т ь е в и В а р я.

А ш м е т ь е в. Как расцвела, как пышно расцвела ты! Не нагляжусь, не надивлюсь!

В а р я. Да будет!.. Довольно уж хвалить меня! Мне стыдно.

А ш м е т ь е в. Ты волшебница! Ты способна зажечь, воспламенить даже и старое сердце... И женихи уж... Да как и не быть... еще бы... такая прелесть!

В а р я. И про жениха знаете?

А ш м е т ь е в. Знаю и видел.

В а р я. Нравится он вам?

А ш м е т ь е в. То есть как нравится, собой, что ли?.. Ничего, довольно представителен, молод...

В а р я *(надув губки, как бы про себя)*. Очки эти, сюртучок коротенький... Нет, зачем он такой сюртук носит, зачем он такой сюртук носит?

А ш м е т ь е в. Не знаю.

В а р я. Тоненькие ножки. Губы оттопырит... Какой он, а? Какой он?

А ш м е т ь е в. Я не понимаю тебя, что значит: «какой он?»

В а р я. Господи, вот какая глупая! Досадно даже на себя... и спросить не умею... Нет, какой он человек?

А ш м е т ь е в. Человек современный, и даже уже слишком современный, энергичный, общественный деятель.

Варя. Да не то, все не то... Вот вы, например...

Ашметьев. «Вы, вы» — а наше условие?

Варя. Да сразу как-то неловко. Ну, да хорошо, — ты, ты... Я ведь помню тебя, как мы гуляли, как катались в лодке... Как я рада, что ты приехал... Ты добрый, милый, милый, а он...

Ашметьев. Что ж он?

Варя *(подумав)*. Он — птица.

Ашметьев. Как она мила, как она мила!.. Птица! Это прелестно и очень метко! Птица! *(Смеется.)*

Варя. Вот мне с тобой и легко, и весело, и слушаю я тебя, и верю всему, что ты говоришь; а с ним вот все бы я спорила. И досада мне, что все только молчат да слушают его, никто не может с ним спорить; хоть бы иное что и так, да я бы сказала: не так! Господи! Зачем я такая дурочка, что не могу спорить! Ничего я не знаю: какие это люди есть, что это на свете... Зачем, что, как?

Ашметьев. И дай бог, чтоб ты как можно дольше ничего этого не знала. Узнаешь свет, людей, и исчезнет твоя резвость, твоя веселость! Твое неведение бесценно; это так редко, так ново, им налюбоваться нельзя.

Варя. Так ничего и не знать, ничего не понимать? Да ведь это страшно. Жить, как ночью.

Ашметьев. Не ночь это, не ночь; это весеннее майское утро, полное свежести и блеска.

Варя. Да, хорошо, как ничего не случается такого... особенного, а вот теперь я... вот и ничего не знаю, и понять не могу... Он... что он? Добрый, злой, дурной, хороший? Просто хоть плачь.

Ашметьев. Спроси у сердца своего, оно тебе скажет, оно иногда лучше ума.

Варя. Ну, скажет мне сердце,— да ведь должна же я уметь передать то, что сердце-то говорит.

Ашметьев. Кому?

Варя. Ну, хоть отцу. Он говорит, чтоб я привыкла к Вершинскому, а я чем дальше, тем все больше от него отвыкаю. Ну, что я скажу отцу? Что Вершинский мне не нравится? А он спросит: «чем?» «отчего?» Что же мне сказать? Что Вершинский — птица! Ведь я больше ничего не умею. Отец рассердится, скажет, что я глупа, что я вздор говорю, ну, и... и кончено, и мне идти за Вершинского.

А ш м е т ь е в. Нет, зачем же, дитя мое, коли он тебе не нравится. Ты ничего не делай, ни на что не решайся, не спросясь меня. Со мной ты можешь говорить обо всем, нисколько не стыдясь, совершенно откровенно. Ну, что такое я для тебя? Старый друг, старый дядя, я ведь тебе другой отец.

В а р я. Отец! *(Смеется.)* Я так тебя и буду звать «папка» — папка! папка! *(Хохочет; нежно.)* Папочка, папка!

А ш м е т ь е в. А я — моей дикаркой! Только будь откровенна со мной, все, все, что есть на душе, на сердце, все передавай мне. Какое наслаждение: проникнуть в такую юную, свежую душу! Я буду руководить тебя, оберегать, охранять.

В а р я. От кого охранять?

А ш м е т ь е в. Ото всех и от всего.

В а р я. А если отец обижать будет?

А ш м е т ь е в. Я — твой адвокат и защитник и перед отцом.

В а р я. Папка, золотой! Вот тебе за это! *(Обнимает и целует.)*

А ш м е т ь е в. Какой огонь, какой огонь! Вот счастье! А уж я думал, что для меня нет больше радостей!

В а р я. Ну, хорошо, папка, я буду с тобой откровенна, да только вот что!.. Я часто и сама не знаю, что со мной бывает, делается что-то, а что такое — не понимаю. Так как же сказать-то?

А ш м е т ь е в. Ничего, ты мне только намекни, одно словечко; а я уж пойму, я разберу, я человек опытный в этом деле.

Входят А н н а С т е п а н о в н а и М а р ь я П е т р о в н а.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

А ш м е т ь е в, В а р я, А н н а С т е п а н о в н а, М а р ь я П е т р о в н а.

М а р ь я П е т р о в н а *(подходя к Ашметьеву)*. Успокой маменьку, она расстроена; она думает, что ты у нас скучаешь и уехать собираешься.

А ш м е т ь е в. Что за вздор такой! *(Подходя к матери.)* Тебе показалось, что я скучаю? Нет, нисколько. Да разве я могу скучать подле тебя, моя милая старушка, подле моей Маши? Разве мне не рай с вами? Я прогощу у вас все лето.

Анна Степановна. Ну, вот благодарю тебя, друг мой! В самом деле, погости у нас! Чего тебе недостает? Мы все за тобой будем ухаживать, будем нежить тебя, на руках носить.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

АШМЕТЬЕВ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

ЗУБАРЕВ.

ВАРЯ.

ВЕРШИНСКИЙ.

МАЛЬКОВ.

БОЕВ.

МАВРА ДЕНИСОВНА.

Комната в доме Зубарева. Направо дверь; в глубине растворенная дверь на террасу, по сторонам ее два окна; мебель старинная, грубой работы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Марья Петровна и Варя.

Марья Петровна. Скоро ли этот ваш съезд кончится? Как там шумно.

Варя. Сейчас все разъедутся, останутся только наши милые Боев да Мальков.

Марья Петровна. Что с тобой сделалось? Три дня мы тебя не видали.

Варя. Ах, не говори! Варенье это противное... пачкайся с ним. Да и отец не пускает! Ходит, ворчит: «Сиди дома»... Жди жениха. А жених пропал, пятый день не является. Только и твердит мой батя: «Все это ваше фырканье, сударыня!» Уж я притихла, молчу.

Марья Петровна. А мы как скучали по тебе.

Варя. Кто «мы»?

Марья Петровна. Будто не знаешь!

Варя. Он?.. твой?

Марья Петровна. Кому же больше!.. Только и разговору: «Как она мила, как она мне нравится». Он просто влюблен в тебя без ума.

Варя *(хватается за голову)*. Ах!

Марья Петровна. Что с тобой?

Варя *(вздыхает)*. Не скажу я тебе, что со мной!

Марья Петровна. Да о чем ты вздыхаешь?

Варя. Решится... сегодня решится.

Марья Петровна. Что решится?

Варя. Так или так... судьба моя решится, Маруся.

Марья Петровна. Что ты задумала?

Варя. Тогда узнаешь.

Марья Петровна. «Судьба решится» — ведь это страшно, ты такая сумасшедшая.

Варя. Ты очень умна! Сама виновата, а меня же сумасшедшей называешь.

Марья Петровна. Варя, я виновата? Да в чем, в чем? Как! Неужели ты?..

Варя. Да что ж я — рыба, что ли! Эх! Ну, пропадать, так пропадать.

Марья Петровна. Ах, Варя, Варя! Я не думала, не ожидала...

Варя. Да не бойся, ничего страшного не будет. Погоди, сюда идут.

Входят Ашметьев, Зубарев, Вершинский, Боев, Мальков.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Варя, Марья Петровна, Ашметьев, Зубарев, Вершинский, Боев, Мальков.

Вершинский. Хороша ваша интеллигенция! Это не съезд, не дебаты цивилизованных людей: это мирская сходка у кабака.

Ашметьев *(Варе тихо)*. Строг!

Варя *(Малькову тихо)*. Поспорьте с ним.

Мальков. Боюсь,— засудит.

Зубарев. А какое равнодушие-то-с к общественным делам, Виктор Васильевич,— помилуйте! Им хоть трава не расти! Да вот вам, недалеко ходить, вот соседи наши: Михайло Тарасыч и Дмитрий Андреич! Ни в какую их службу не запряжешь. Вот Михайло Тарасыч, ученый человек-с, математик, астрономией

занимается, третье трехлетие в почетные мировые судьи выбираем,— отказывается.

Боев. Не могу против принципа. У меня принцип — не осуждать никого.

Вершинский *(пожимая плечами)*. Не осуждать пьяниц и воров! Странные принципы!

Боев. А как бы вы думали! Да и притом я очень жалостлив. Ну, представьте меня, красну-девку, судьей! Вызывается Глеб Архипов.— Вы Глеб Архипов? — Мы.— Украли вы топор у Егора Афанасьева? — Точно, батюшка, ваше высокоблагородие, Михайло Тарасыч, я его... топор этот взял. Как перед богом, так и перед тобой — все одно. Что уж, ежели...— И заложили в кабаке? — И заложили.— Как же вы это сделали? — Вот что, батюшка, ваше высокоблагородие, господин прокурон! Накануне-то мы праздновали, моленье, значит, у нас; ну, обыкновенно, очнулись на другой день; ну, она, душа-то, и горит... *(Зубареву.)* Скажи на милость, ну, как я его осужу! Ты только подумай, каково человеку, когда у него душа горит!

Зубарев. У тебя все шутки, Михайло Тарасыч; а нам не до шуток. Вот даже Дмитрий Андреич, человек образованный, и химию знает, а в гласные не хочет.

Мальков. Да не у чего гласным-то быть.

Вершинский. Как не у чего? Такие важные вопросы.

Мальков. Вопросы-то важные, да денег нет.

Зубарев. Вот Михайло Тарасыч и гласный, да что от него проку, коли он на земские собрания не ездит.

Боев. Ишь, чего захотели! Деньги вам плати по окладным листам да еще на собрания езди. Я не гласный, а согласный! Ведь я плачу деньги,— не спорю с вами, не отказываюсь, кушайте на здоровье! Чего ж вам еще? Вам хочется, чтоб я сам приехал рассуждать с вами, под каким соусом их приготовлять: под соусом ли народного образования, или здравия, или путей сообщения. Да вот кстати — о путях сообщения! Вы дайте прежде возможность приезжать к вам, да потом уж и приглашайте. Вот мы сейчас к вам ехали, так на Берендеевском мосту чуть было жисти своей не решились...

Зубарев. Да ведь и тарантас у тебя! Наполовину его уменьшить, так и то пятерых усадишь.

Боев. И ты тоже в реформаторы лезешь, тарантасы преобразовывать задумал? Нет, уж останься лучше исполнителем при заготовке лесных матерьялов да с подрядчиками — оно теплее.

Зубарев. Вон он какой, вон он какой зловредный!

Боев. Нет, уж вы или дороги почините, или сделайте мне на земский счет такой тарантас, в котором бы можно было ездить по вашим дорогам. Да вот кстати об лесных-то матерьялах... *(Ашметьеву.)* Я вам лес сосватал, завтра мы вам деньги привезем.

Ашметьев. Благодарю вас.

Боев. Мне, красной девке, словесной благодарности мало.

Ашметьев. Что же вам?

Боев. Магарыч.

Ашметьев. Какого рода?

Боев. Завтрак хороший.

Ашметьев. С удовольствием.

Мальков. Что бы вам, Александр Львович, ту рощу продать, которая за парком.

Ашметьев. Что вы, помилуйте! Такой старый лес.

Мальков. Молодые-то леса красивее старых.

Ашметьев. Вот странно, в первый раз слышу. Почему же это?

Мальков. Во-первых, потому, что все молодое лучше старого, а во-вторых, в молодых лесах большой прирост, много процентов приростом дают; а старые уж не растут.

Ашметьев. Особенный взгляд на природу, новая теория ландшафта.

Мальков. Ландшафты-то хороши, да убыточны: не по деньгам нам; мы, по глупости, больше со стороны доходности смотрим... Мекаем да по пальцам рассчитываем.

Ашметьев. Как ни смотрите, а прекрасное все-таки останется прекрасным; законы изящного неизменны.

Мальков. Ну, виноват! Вперед не буду. Нет, я к тому, что доходные-то имения прочней!

Боев. Да, они долго хозяев не меняют.

Мальков. А ландшафтами-то любуются, любуются, ан глядишь — и сукцион.

Боев. А с укциону-то купит купец; через полгода, вместо ландшафтов, всё полусажёнки стоят.

Вершинский. Нет, господа, не доросли мы, далеко нам! Где нам общественные вопросы, экономические задачи решать: съедемся об деле говорить, а начнем об ландшафтах. Ведь нельзя ж мне одному все взвалить на плечи! Шилом моря не нагреешь. Ведь если мы хотим себе добра, мы должны всю свою энергию употребить,— нам придется все вновь, с самого начала начинать. Один мой знакомый говорит, что в России, чтоб завести что-нибудь порядочное, нужно прежде — все урочища, все деревни назвать иначе, хоть по-немецки, а старые названия строго приказать забыть.

Ашметьев. Довольно радикальная мера.

Вершинский. Оригинально — это правда, но тут есть смысл. Чтобы сеять новое, нужно старое вырвать с корнем и сравнять местность. Что такое все эти урочища, все российские обыкновения и обычаи? Стоит ли их жалеть? Они продукт нашей милой старины, а русская старина и невежество — синонимы. А у нас апатия, лень или расчет на наживу, а зачастую и просто враждебное отношение к делу и всяческие тормозы. Один шутит, другой отдыхает.

Ашметьев *(Варе тихо)*. Это на мой счет.

Варя *(Малькову серьезно)*. Что лучше: отдыхать или новое сеять?

Мальков. Отдыхать.

Варя. Почему?

Мальков. Во-первых, покойнее, а во-вторых, меньше глупостей наделаешь.

Боев. Про меня грех сказать, чтоб я никакой пользы не приносил земству. Я составляю нейтральную почву; всех я — и отсталых, и передовых — обнимаю и лобызаю, как друзей и братьев. И отсталые и передовые без разбору милы моему сердцу; да нынче и разобрать-то нет никакой возможности, кто отсталый, кто передовой. У меня перевязочный пункт; я после ожесточенных битв врачую их раны наливками и настойками... А вот у меня аптекарь. *(Указывая на Малькова.)* Такие специи знает...

Вершинский. Да, действительно между вами много общего.

Боев. Как вы проницательны! Не только много общего, но полное сходство. Он дело делает с утра до ночи, а я баклуши бью; он наживает, а я проживаю;

у него свои деньги в кармане, а у меня чужие; он больше молчит, а я болтаю безумолку; он скоро богат будет, а у меня скоро только один тарантас останется.

З у б а р е в. Ах, Михайло Тарасыч, все-то тебе весело, и когда-то ты над чем-нибудь задумаешься?

Б о е в. Сейчас задумывался, душа моя! Денег нет, а нужны дозарезу; хорошо, что твои как раз попались, я и взял.

З у б а р е в. Какие у меня деньги, откуда! Где ты их нашел?

Б о е в. Не веришь? *(Вынимает бумажник.)* Вот смотри: три радужные! Это мое «хрестьянство православное» платит тебе за аренду Кривого луга. Понял? Ты с них очень дорого берешь: ну, вот за это я оставляю деньги у себя, на некоторое неопределенное время; они мне нужны очень. *(Прячет бумажник.)*

З у б а р е в. Нет, этого нельзя, Михайло Тарасыч, этого нельзя. Отдай, пожалуйста! Мне самому нужно.

Б о е в. Поди ты! Господа! Вот в какой форме возможно только в наше время заключение займа! Это называется «самопомощь»!

В е р ш и н с к и й *(Зубареву)*. Кирилл Максимыч, на два слова.

З у б а р е в. К вашим услугам.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

А ш м е т ь е в, М а р ь я П е т р о в н а, В а р я, Б о е в, М а л ь к о в.

В а р я *(Малькову)*. Что ж вы не спорите с Вершинским? А еще мужчина!

М а л ь к о в. Что мне за охота беспокоиться! Себе дороже.

Б о е в. Да, пожалуй, и не сговоришь.

М а л ь к о в. Да и то не сговоришь: они разговаривать-то учились, особенно о высоких предметах.

В а р я. А вы чему учились?

М а л ь к о в. А мы учились маленькое дело делать.

В а р я. Что же лучше: разговаривать о высоких предметах или маленькое дело делать?

М а л ь к о в. Разговаривать лучше.

В а р я. Почему?

Мальков. Благороднее.

Боев. Да и чище; от купоросного масла — ногти желтеют. *(Малькову.)* А как ты думаешь, не покупаться ли нам с тобой?

Мальков. Пойдем пополощемся малым делом.

Боев. Зима хоть два года продолжайся, я и «ох» не молвлю, а уж летом нет несчастней девушки меня.

Боев и Мальков уходят.

Марья Петровна. Варя, пойдем гулять! *(Берет мужа за руку.)*

Варя. Мне надо подождать отца. Идите, я после.

Ашметьев и Марья Петровна уходят.

(Подбегает к двери и прислушивается.) Идут, идут! Ну, была не была!

Входят Вершинский и Зубарев.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Варя, Вершинский и Зубарев.

Зубарев. Так соскучилась, так соскучилась, Виктор Васильич, не поверите! Три дня не изволили быть; мы думаем, уж не гневаетесь ли за что на нас.

Вершинский. Что вы, помилуйте! За что мне гневаться, какое право я имею?

Зубарев *(указывая на Варю)*. Вот-с, очень желала вас видеть.

Вершинский. Значит — к лучшему, что я не был: явилось желание видеть меня. Это всегда так бывает.

Зубарев. Вы ее хорошенько, Виктор Васильич, коли она в чем провинилась. А она должна понимать и чувствовать, благодарить должна за внимание. *(Варе.)* А ты ребячество-то в сторону! Конечно, тебе, по необразованию твоему, прощают, а уж пора и поумней быть! *(Вершинскому.)* А я на луг сбегаю: косят под самым домом. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Вершинский и Варя.

Вершинский. Вы обо мне соскучились?

Варя. Не очень.

Вершинский. Однако хотели меня видеть?

Варя. Да, хотела.

В е р ш и н с к и й. Значит, вы имеете что-нибудь сказать мне?

В а р я. Да.

В е р ш и н с к и й. Я жду, давно жду и, признаюсь, мне это ожидание порядочно надоело; выходит что-то глупое в моем положении.

В а р я. Ну, вот теперь это положение кончится. Я хотела сказать, что я не пойду за вас.

В е р ш и н с к и й *(отшатнувшись, изменившимся голосом)*. Как вы сказали?

В а р я. Так: «Не пойду за вас».

В е р ш и н с к и й *(подумав)*. Гм! Что же вы медлили, чего вы дожидались, чтоб сообщить мне такую приятную новость?

В а р я. Думала.

В е р ш и н с к и й. Думала, ого! Интересно бы знать тот умственный процесс, который вы принимаете за думанье.

В а р я *(обидясь, сквозь слезы)*. Нет, я думала, много думала.

В е р ш и н с к и й. Мне кажется, что барышни в таких случаях жизни всего меньше думают, а только верят в какую-то судьбу, которая где-то написана.

В а р я *(с сердцем)*. А я вот думала.

В е р ш и н с к и й. И что же вы думали? Любопытно.

В а р я. Я нашла, что я очень проста и глупа... не гожусь вам.

В е р ш и н с к и й. Такое сознание делает вам честь, но я, в свою очередь, подумал именно об этом еще прежде вас. И странно было бы мне не подумать! Вам в ваших недостатках признаваться незачем,— они не тайна для меня. Если я взглянул на них, может быть, слишком снисходительно, так уж это мой проигрыш.

В а р я. Я не хочу ни проигрыша, ни выигрыша, я не хочу никакой игры; я хочу жить... Я не хочу снисхождения... *(Сквозь слезы.)* Мне обидно... Я думаю, что я найду у людей другое что-нибудь, а не снисхождение... Слышите! Вот я о чем думала.

В е р ш и н с к и й. Не ожидал, не ожидал... Это делает вам честь.

В а р я. И вот что! Я вас буду просить — пожалуйста, сделайте, пожалуйста, так, что будто вы сами отказались от меня. Так будет лучше и вам, и мне!

Мало ли что... я глупа, без образования, деревенщина; я капризная; а вы... вы совсем другое.

Вершинский. Мне все равно; да мне кажется, что дело еще не получило огласки и не стоит заботиться об этих тонкостях!

Варя. Нет, все-таки... а главное, мой отец: он будет сердиться на меня, что я отказалась от такой, как это говорят-то? *(Старается припомнить.)* Да... от такой блестящей партии.

Вершинский. Блеску тут никакого нет. А если вам угодно, извольте. Я собирался в Петербург, я только ускорю мой отъезд и пробуду там месяца два, а потом вернусь сюда просто вашим знакомым, искренно желающим вам всего лучшего...

Варя. Отлично.

Вершинский. Помилуйте, что тут...

Варя *(подает ему руку)*. Благодарю! Ей-богу, благодарю от души... Вы не подумайте. *(Уходит.)*

Вершинский. Каково, а! Не ожидал, вот уж не ожидал. Она — думала! У ней является что-то похожее на мысль и на чувство собственного достоинства... она приходит к заключениям, к выводам. Хм! Эта дикая деревенская девочка... непонятно! Нет, быть не может, тут постороннее влияние, непременно. Уж не он ли? Не этот ли старый поэт, этот кающийся идеалист и отдыхающий грешник... Он, как видно, намеревается отдыхать с комфортом и каяться не вдруг; а все-таки я взбешен... Главное, совершенно неожиданно. И с внешней стороны она мила очень, и огня много. Фу ты, подлость какая!.. Мне отказ, и от кого же! Я уеду лучше. *(Уходит в дверь.)*

Варя входит с террасы.

Варя. Ушел... *(Отворяет дверь в другую комнату.)* И там нет... Да вон он уехал... Отлично! Какой умник!

Входит с террасы Ашметьев.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Варя, Ашметьев.

Варя. Папка, откуда ты?

Ашметьев. Все на лугу, я к тебе, моя милая дикарка! Им там весело, а мне скучно без тебя; да по

дороге встретился с твоим отцом, он просил меня вразумить тебя насчет жениха.

Варя. Поздно, уж все кончено.

Ашметьев *(взволнованным голосом)*. Что же?

Варя. Я иду за него. Что ты так смотришь? Ты испугался?

Ашметьев. Нет, только... непонятно мне.

Варя. Тебе жаль меня, папка?

Ашметьев. Мне трудно поверить, это что-то не так, тут есть что-то невероятное.

Варя. Так ты меня любишь?

Ашметьев. Да, признаюсь, мне было бы жаль так скоро расстаться с тобой!

Варя. Золотой, золотой мой папка!

Ашметьев. Да что же, что же? Говори!

Варя. Поздравь меня, я теперь ничья, я своя; что хочу, то с собой и делаю; а то мне все представлялось, что я чужая, точно связанная, точно камень на шее был. Я ему прямо: «Я такая дурочка, я, мол, не гожа для вашей милости».

Ашметьев. Как это мило: «Не гожа для вашей милости». Действительно, не гожа; да и он для тебя не гож.

Варя. Ты доволен, папка?

Ашметьев. Я доволен за тебя; он не живой человек, у него никакого чутья, он не способен оценить такое сокровище, как ты, моя дикарка.

Варя. Как это нехорошо, тяжело быть чужой; вот я теперь, как птичка,— кажется, выше облака залетела бы.

Ашметьев. Ну, это высоко очень: садись-ка ты, птичка, со мной, щебечи мне о своих золотых снах, о своих мечтах и грезах девичьих.

Варя *(садясь)*. Я снов почти не вижу, я коли усну, так сплю крепко и просыпаюсь веселая; а иногда бессонница, сердце бьется; я оденусь да в сад уйду... Что со мной случилось!.. Я никогда не плачу, всегда весела; а ночью в саду вдруг один раз как зарыдаю... с чего — сама не знаю...

Ашметьев. Это внутренний огонек: он теплится, теплится тихо, да вдруг и вспыхнет, и вскипятит всю кровь, и брызнут слезы. Только ты этих слез не бойся; это не слезы даже, а гроза весенняя, жемчужные брызги, золотой дождь.

Варя *(прилегая к плечу)*. Папка, а ведь хороша жизнь? Много в ней радости и веселья?

Ашметьев. Для тебя хороша; все радости, все наслаждения — только умей пользоваться, брать то, что нужно. А для меня уж все сладкое кончено, остается горькое, остается расплата с старыми долгами.

Варя. Ну, что это! Зачем такие слова говоришь! Ты со мной, ведь ты со мной, папка. Посмотри, как все хорошо: солнце светит... сад... луг... Вон посмотри — сено косят, парни с девками играют... вон один погнался за девушкой... догоняет, ай, ай! Схватил *(смеется)*, как целует! Ну, разве не хорошо это, папка, а? Хорошо ведь?

Ашметьев. Да, хорошо... Какой воздух из саду, как легко дышится, я давно не чувствовал такой отрады... и с тобой, милая дикарка.

Варя. Ты ведь, папка, только притворяешься, а ты совсем не старик: ты хитрый! «Я старичок, старичок», да и подыгрался; а сам еще молод... Ну, что ж... мне так лучше.

Ашметьев. То есть с молодым лучше?

Варя. Не с молодым, а вот с таким, как ты, с тобой мне лучше.

Ашметьев. Да, вот теперь, в эту минуту, я не старик, я молод, мне даже страшно, что я молод.

Варя. Да нет, зачем, отчего страшно? Нет, отлично! Я рада, я очень рада!

Ашметьев *(с волненьем)*. «Очень рада, очень рада». Да понимаешь ли ты, что говоришь? Я могу забыться... Для меня на свете теперь нет ничего, только ты одна... одна ты.

На террасе показывается Марья Петровна.

Варя. Ах, как хорошо это, как хорошо! Вот оно, я никогда еще... Ах, как хорошо!

Ашметьев *(страстно обнимая Варю и осыпая поцелуями)*. Варя, дикарка, бесенок! *(Освобождаясь.)* Уйди, уйди скорей от меня!

Варя. Нет, я не пойду от тебя; чего мне бояться, мне так хорошо с тобой, отлично! *(Испуганно.)* Папка, что ты? Как ты побледнел! Что это?

Ашметьев. У меня закружилась голова; я пойду, я пройдусь по саду.

В а р я. Ах, а я сама-то вся горю, и сердце... ах, как бьется! Я сейчас велю подать тебе воды.

А ш м е т ь е в. Нет, я сам пойду спрошу. Иди туда, к гостям... я догоню...

В а р я *(уходя)*. Приходи скорей, папка!

А ш м е т ь е в. Что это? Или внезапный прилив сильного чувства, или года сказываются! И как я изнемог, я едва стою на ногах. *(Уходит в дверь направо.)*

Входит с террасы Марья Петровна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

М а р ь я П е т р о в н а, потом М а в р а Д е н и с о в н а.

М а р ь я П е т р о в н а *(садится у стола и опускает голову на руку)*. Что это, как женщина-то нехороша! Ну что мне в нем? А внутри закипело, не успокоюсь никак. Ломаешь, ломаешь себя; думаешь, как бы умнее жить да покойнее, а все не выломаешь... Сколько дряни в душе у человека от природы-то! А все оттого, что ничего не делаешь, так живешь, точно в шутку, негде душе выправиться-то... Все лжешь, вот и душа-то фальшивит. Ну, какая я любовница, а ревную; ну, какая я жена, а женой числюсь; ну, какая я барыня, а живу в палатах.

Входит М а в р а Д е н и с о в н а.

Мавра Денисовна, поди-ка сядь со мной.

М а в р а Д е н и с о в н а. Что, матушка, угодно?

М а р ь я П е т р о в н а. Присядь, присядь! Мне хочется поговорить с тобой: больно люблю я ваш разговор.

М а в р а Д е н и с о в н а. Какой наш разговор, самый дурацкий.

М а р ь я П е т р о в н а. Вот такого-то мне и нужно; умного-то уж я много наслушалась.

М а в р а Д е н и с о в н а. Какого ж вам, матушка, от меня разговору нужно?

М а р ь я П е т р о в н а. Знаешь ты, что такое ревность?

М а в р а Д е н и с о в н а. Что вы, матушка! Бог с вами! Да пропадай она пропадом.

М а р ь я П е т р о в н а. Да не пропадает, Мавра Де-

нисовна, не пропадает. Вот я с мужем и врозь живу, а все-таки ревную.

Мавра Денисовна. Хоть и врозь, а все-таки в законе... Да ужли что-нибудь... Кажись, барин степенный...

Марья Петровна. Конечно, не серьезно; а вот увидела, что он вашу Варю очень ласкает, ну и защемило сердце.

Мавра Денисовна. Ах, вертушка, ах, вертушка! Зародится ж этакая озорница!

Марья Петровна. Да вертушка-то еще молода очень, ей простительно, а тому, кто в законе-то живет,— пятьдесят лет.

Мавра Денисовна. С мужчины взыску нет, они несудимые, уж это ты извини. Мужчина, он все одно как конь на воле: кто его обуздать может? А почему они так воюют? Потому, что слабо живем. Кабы наша сестра себя наблюдала, так им бы повадки-то и не было. А распустишь себя, так уж нечего... он конь.

Марья Петровна. Да неужели ты никогда не ревновала?

Мавра Денисовна. Да когда ревновать-то было? Я и замужем-то жила без году неделю.

Марья Петровна. Ну, а если б случилось?

Мавра Денисовна. Убила б до смерти, так бы и расказнила на части.

Марья Петровна. А коли сила не возьмет?

Мавра Денисовна. Так меня убей! Коли бы уж очень я любила мужа-то.

Марья Петровна. А коли не очень?

Мавра Денисовна. Так плюнула бы. А то неужто ж мне, ни в чем-то не повинной, да за чужие грехи, за чужие глупости, себя мучить! Как же, была оказия! Плюнула бы, да и все тут.

Марья Петровна. Вот спасибо; только мне от тебя и нужно было.

Мавра Денисовна. Ну, уж, матушка, не взыщите, говорим не по-ученому, а что в голову придет, то и болтаем.

Марья Петровна. Я поеду домой. Скажи мужу, что я уехала.

Мавра Денисовна. Хорошо, матушка. *(Уходит.)*

Входит Варя.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Марья Петровна и Варя.

Марья Петровна. Прощай, Варя, я поеду домой!

Варя. Что с тобой? Тебе нездоровится?

Марья Петровна. Нет, так,— немножко будто озябла: это пройдет.

Варя. Останься, Маруся; мы сейчас едем в рощу чай пить,— все едем; мне так весело, так весело.

Марья Петровна. Ты давеча не то говорила, давно ли тебе весело стало?

Варя. Недавно. Теперь уж все кончено,— я отказала Вершинскому.

Марья Петровна. Вот как?

Варя. Моя судьба решилась,— теперь я ничья...

Марья Петровна. Ну, и моя скоро решится. Прощай!

Варя. Я провожу тебя.

Уходят. Входит Ашметьев.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Ашметьев, потом Варя.

Ашметьев. Счастливая, неожиданно счастливая встреча! Опять счастье манит меня... Неужели бежать от него или разыграть моралиста? Нет, уж это будет очень пошло. Да она и не послушает моей морали,— она оскорбится, расплачется и бросится к другому. Много на моей душе таких... погрешностей, так уж одна-то куда ни шла! Глупо отступать... всегда глупо, а особенно теперь, когда мне предстоит, вероятно, последняя и уж, наверное, самая приятная шалость в моей жизни.

Вбегает Варя.

Варя. Маруся уехала, а тебя не пущу,— до ночи не пущу, до утра не пущу. Мы сейчас все едем в рощу чай пить. Едем, папка!

Ашметьев. Едем, едем! *(Берет ее за руку.)*

Варя. Вот как сжал! Ой, какая у тебя сила-то! А говоришь — старик. Эх, папка! Обманщик! Я нынче так весела, так весела... так весела... я не знала прежде, а теперь знаю, что такое радость.

Ашметьев. А что ж такое радость?

В а р я. Ты хочешь, чтоб я сказала? Изволь, скажу. Когда одна, так нет радости; а когда двое, как мы с тобой, вот так *(обвивая руками шею Ашметьева и прилегая к нему на грудь)* — вот и радость. Так ведь, папка?

А ш м е т ь е в *(изнемогая от чувств)*. Так, так, Варя, так.

В а р я. Папка, давай поживем сегодня! Чтоб не думать ни о чем, чтоб никакой мысли! Как будто на всем свете только ты да я. *(Теребит Ашметьева.)* Да ну, папка! Так, так, папка?

А ш м е т ь е в. Так, так.

В а р я. Едем!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

АШМЕТЬЕВ.

ЗУБАРЕВ.

ВАРЯ.

МАЛЬКОВ.

БОЕВ.

МАВРА ДЕНИСОВНА.

Запущенный старый сад в усадьбе Зубарева. Площадка, на ней кругом несколько старых скамеек, в глубине — аллея. Ночь, полная луна.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

М а в р а Д е н и с о в н а, потом В а р я.

М а в р а Д е н и с о в н а *(громко)*. Варвара Кирилловна, Варя, Варенька, Варвара Кирилловна!

В а р я *(входя)*. Ну, что тебе? Что ты?

М а в р а Д е н и с о в н а. Где ты пропадаешь? Гостей одних оставила.

В а р я. Да я сейчас с ними была; мы только что вернулись из лесу, с прогулки.

Мавра Денисовна. Знаю, что приехала, да нешто гостей бросают? Какая ж ты хозяйка после этого!

Варя. Я мечтаю.

Мавра Денисовна. Какая такая еще мечта у тебя? Мечта-то грех, от мечты-то люди открещиваются; а ты, стыда на тебя нет, ночью в сад уходишь — мечты свои разводить. Папенька-то вон сердится.

Варя. За что еще?

Мавра Денисовна. Так уж и не за что? Во всем ты правая. Отчего Марья-то Петровна уехала?

Варя. Не совсем здорова.

Мавра Денисовна. Да, как же! Дуришь, дуришь, да уж и повесничать начала. На-ка! Вешается на шею женатому! У!! Повеса, право повеса!

Варя *(строго)*. Что ты сказала?

Мавра Денисовна. Да чего тут «сказала»?! Хорошего-то немного. Аль, по-твоему, хорошо?

Варя. Нет, что ты сказала?

Мавра Денисовна. «Что сказала, что сказала?» Сама напроказит, да к людям придирается.

Варя. Нет, что ты сказала?

Мавра Денисовна. Повеса, говорю, вот что сказала.

Варя. Что это за слово: «повеса»?

Мавра Денисовна. Какую женщину бесподобную ты огорчаешь! Ты подумала бы прежде.

Варя. Нет, что за слово: «повеса»?

Мавра Денисовна. Что ты против нее? Ничего, вот что.

Варя. Нет, ты говори, что за слово: «повеса»?

Мавра Денисовна. Слово как слово. Что пристала?

Варя. Бранное это слово.

Мавра Денисовна. Так неужто ж хорошее? Обыкновенно, бранное.

Варя. Как же ты смеешь браниться?..

Мавра Денисовна. Не за дело, что ли? По головке тебя, что ли, гладить?

Варя. Нет, как ты смеешь браниться?

Мавра Денисовна. С тобой и говорить-то свяжешься, так жизни не рад будешь.

Варя. Нет, как ты смеешь браниться?

Мавра Денисовна. Кому ж и бранить-то тебя, как не мне,— я тебя вынянчила, вырастила...

Варя. Что ты меня манной кашей кормила да пальцем мне рот утирала, так и думаешь, что вырастила.

Мавра Денисовна. А то кто же?

Варя. Ты воображаешь, что от твоей каши такая выросла?

Мавра Денисовна. А что ж, каша! Ты не брезгай! И каша — божий дар!

Варя. Меня природа вырастила.

Мавра Денисовна. Да какая такая твоя природа, чтоб тебе повесничать? Что ты — цыганка полевая, что ли? Не от цыган родилась, а от благородных родителев: папенька твой и маменька-покойница были дворяне как следует.

Варя. Погоди, погоди, еще заплачешь обо мне.

Мавра Денисовна. Да уж не раз плакала и об тебе, и от тебя — не редкость мне.

Варя. Еще не так заплачешь.

Мавра Денисовна. Что об тебе плакать-то? В солдаты тебя не возьмут.

Варя. Заплачешь, заплачешь.

Мавра Денисовна. А хоть и замуж отдадут, так, авось, не за тридевять земель, а здесь где-нибудь, по соседству.

Варя. Ух! Улечу далеко, далеко!

Мавра Денисовна. Ну, еще когда-то улетишь, а теперь ступай, папенька ищет, сердится.

Варя. За границу, в Париж, с Александр Львовичем.

Мавра Денисовна. С женатым-то? Ах, озорница, ах, озорница! Что это, батюшки, ни силы, ни власти нет над тобой. Да вот сам к тебе идет. Что уж мне тут! Я и руки врозь! Ну тебя! *(Уходит.)*

Входит Зубарев с письмом в руке.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Варя и Зубарев.

Зубарев *(потрясая письмом)*. Вот оно-с, вот оно-с, дождались, дофыркались! Вот, сударыня, и радуйтесь.

Варя. Да что такое?

Зубарев. Письмо от Виктора Васильича, письмо! Вот как громом, как громом! Пишет: уезжаю в

Петербург на два месяца, а может быть, и более, и желаю всего лучшего Варваре Кирилловне. Вот-с, получайте! Довольны вы?

Варя. Я его не гнала.

Зубарев. «Не гнала»! А я вам скажу, я вам все объясню, сударыня: все это ваше фырканье.

Варя. Да что такое фырканье? Я не знаю, я не фыркаю.

Зубарев. Нос кверху да ехидство — вот и фырканье! Отчего он три дня не был у нас, а сегодня повернулся, да и след простыл, почти не простясь уехал? Скажите мне, что это значит?

Варя. Почем же я знаю.

Зубарев. Ехидничать изволите. Уж я вас вызнал хорошо: как вы этакой невинностью, таким херувимчиком — уж это значит, в голове у вас непременно какое-нибудь ехидство. Уж и тут было... было,— так, без причины, он бы не уехал.

Варя. Я не знаю, я всегда одна и та же. Не могу же я чего-то показывать из себя, чего у меня нет.

Зубарев. «Не могу, не могу»! Что это такое: «не могу»? Позвольте вас спросить! Отчего ж ваш отец все может, все несет, все глотает! Кланяется, гнется, ломается на все лады и манеры! Ну да, конечно, вам как возможно... Вы принцесса... ассирийская! Вот и дофыркались!

Варя. Что ж! Так, значит, тому и быть.

Зубарев. «Так и быть» — а! «Так и быть»! Как разговаривает! Все, все погибло, а она: «так и быть»! Как чашечку чайку не очень сладко выкушать изволила, а другую, дескать, послаще можно.

Варя. Что ж, если б и вышла за него, да без любви, так какая это жизнь?

Зубарев. Любовь, любовь! Какая там еще любовь! Вышла замуж, вот тебе и любовь. Откуда тебе любовь знать?

Варя. Кто ж ее не знает? Да я и в книгах читала.

Зубарев. Да ведь книжки-то для увеселения пишутся; почитал, да и бросил. Не по книгам живут, а по наставлениям родительским. А от вас велико утешение! Вот и плачь отец-то!

Варя. Зачем же плакать?

Зубарев. С вами не то что заплачешь, а заревешь, белугой заревешь, сударыня. Нет, уж теперь, как найду жениха, так и выдам без разговору; а не то,

так крашенинный сарафанчик да на скотный двор — за коровами ходить не угодно ли, принцесса... ассирийская... Поди похлопочи об ужине; гости в карты играют, сейчас кончат.

Варя уходит.

Дофыркались! Что ушло-то, что рухнуло-то! А тут еще крестьянишки чужие в мой луг закосились и сено увезли,— теперь ищи с них! Там потрава — овес потравили; Боев деньги взял, просто отнял: когда с него их выцарапаешь! Беда за бедой...

Входит Боев.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Зубарев и Боев.

Боев. Ты вот где! Что ты тут философствуешь? Пойдем в карты играть! Александр Львович сыграл пульку, да больше не хочет; меня, красну-девку, обыграли. Пойдем; уж так и быть, проиграю и тебе, жиле, рублей пятнадцать в рамсик.

Зубарев. Да не пятнадцать, ты, сделай милость, мне триста отдай сегодня, крайне нужны.

Боев. Отстань! Какие триста? Я уж и забыл. А ты неужто все помнишь еще?

Зубарев. Помилуй, помилуй, при свидетелях... так взял.

Боев. То есть без расписки? Так ты боишься забыть, что ли? Ты запиши у себя где-нибудь для памяти. А ты вот что, ты мне еще рублей пятьсот приготовь, я к тебе завтра заеду.

Зубарев. Да что за шутки! У тебя все глупости на уме! Я так расстроен, а ты тут с деньгами... Отдай, убедительно тебя прошу... Сено украли, овес потравили... с дочерью все ссорюсь...

Боев. А ты, чтоб не ссориться с дочерью, отдай ее замуж поскорей!

Зубарев. За кого, за кого? Было, да сплыло.

Боев. Чем далеко ходить, отдавай за Малькова.

Зубарев. Не за тебя ли уж лучше! Эк вывез!

Боев. Как знаешь.

Зубарев. Да рассуди, рассуди милостиво, Михайло Тарасыч! У ней от матери есть приданое, так надо такого, такого человека, чтоб и отцу была польза,

чтоб он значил что-нибудь в губернии. От вас с Мальковым какой прок! На неутральной-то почве немного высидишь.

Б о е в. Уж это твои расчеты; а только ты не зевай, а то плохо дело! Я нынче на нее в роще-то посматривал: глазки горят, щеки пылают, в голосе воркованье какое-то... Ну, шабаш, приметы известные.

З у б а р е в. Влюблена? А? Влюблена?

Б о е в. Без ума, без памяти.

З у б а р е в. Ну, так и есть. Вот оно... вот оно... вот отчего фырканье! Так и есть, так и есть. А в кого, в кого? Отец родной, говори!

Б о е в. Соберись с умом и рассуждай таким образом: нас, кавалеров, перед ней трое: Ашметьев, я, красна-девка, и Мальков. Ашметьев ей в дедушки годится; я тоже на горячую любовь со стороны девственных сердец шансов немного имею; остается третий. Теперь призовем на помощь логику! Если она влюблена в кого-нибудь из трех, но ни в первого, ни во второго, значит...

З у б а р е в. В третьего.

Б о е в. Верно. Решили, слава богу; теперь пойдем в рамсик.

З у б а р е в. Я голову потерял, я несчастнейший человек! Всё на меня вдруг, всё вдруг: сено украли, овес потравили... Ступай! Я сейчас. Вон Александр Львович. Я с ним только два словечка, я сейчас.

Б о е в уходит, входит А ш м е т ь е в.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

З у б а р е в и А ш м е т ь е в.

З у б а р е в. Александр Львович, письмо-с, письмо-с.

А ш м е т ь е в. Какое письмо?

З у б а р е в. В Петербург уезжает-с.

А ш м е т ь е в. Да кто?

З у б а р е в. Виктор Васильич-с. Помилуйте, такой администратор! Дофыркались!

А ш м е т ь е в. Так вот что!

З у б а р е в. Помилуйте, помилуйте, какой человек-то! Сила, ум, быстрота, сообразительность... А она что? В лесу родилась, с пнями выросла...

А ш м е т ь е в. Ну, что ж! Не один Вершинский на свете!

З у б а р е в. А тут сено под носом воруют, потрава...

А ш м е т ь е в. Какая потрава?

З у б а р е в. Разоренье-с, разоренье сущее: так полдесятины ярового лоском и положили... курице взять нечего...

А ш м е т ь е в. Сочувствую вам, весьма сочувствую.

З у б а р е в. Истинно жалок, истинно жалок-с: что в руках-то было, какие мечты были! И все ушло... А тут еще... скажите на милость: ведь Михайло Тарасыч денег не отдает.

А ш м е т ь е в. Каких денег?

З у б а р е в. Мои триста рублей; в вашем присутствии... за луг-то мне следовало. Поговорите, Александр Львович: может, он вас посовестится; мне крайне нужны-с. Не поверите, Александр Львович, голова кругом. Тут хозяйство, убытки, нужда, там — эти огорчения. Побежишь туда, сунешься сюда, как оглашенный... Ну, собака гончая, и та, помилуйте... А ведь уж лета мои...

А ш м е т ь е в. Да вы об чем же собственно?

З у б а р е в *(разводя руками)*. Влюблена!

А ш м е т ь е в. Теперь уж ничего не пойму. Кто, в кого?

З у б а р е в. Мне сначала-то и невдомек, а потом уж и сам вижу. Будьте отцом-благодетелем.

А ш м е т ь е в. Да в кого, кто?

З у б а р е в. Дочь моя, дочь-с... Помилуйте, посторонние стали замечать... Да в кого!.. в Малькова-с!.. А Боев уж сватать готов. Слезно вас прошу, как отец.

А ш м е т ь е в. Да я-то тут что же могу?

З у б а р е в. Внушите! Она вас слушает, она вас уважает... внушите ей, чтоб она оставила эти глупости; почтение, послушание к отцу втолкуйте ей... в пустую-то голову!

А ш м е т ь е в. Хорошо, постараюсь.

З у б а р е в. Сейчас ее пришлю к вам... Уж вы извините, что беспокою вас такими глупостями... Плохой я отец, несчастный отец, сам вижу. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

А ш м е т ь е в (один).

А ш м е т ь е в. Нет, это вздор! Не может быть... Она меня обманывать не станет. А как меня кольнуло... Неужели опять серьезное увлечение? Опять муки

ревности? Да... кажется, что так... У меня соперник, здесь... Нет. это невозможно... А если?.. Я не отдам ее... я убью... застрелю его...

Входит Варя.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ашметьев и Варя.

Варя. Папка, ты здесь?

Ашметьев. Здесь.

Варя. Ты гуляешь?

Ашметьев. Тебя жду, Варя.

Варя. Ах, милый папка! Я сама так и рвалась к тебе.

Ашметьев. Я просил тебя, Варя, быть откровенной со мной, говорить мне все, что ты думаешь и чувствуешь.

Варя. Я и так говорю.

Ашметьев. Да все ли?

Варя. Все, папка, все.

Ашметьев. Ты от меня ничего не скрываешь?

Варя. Я не знаю... нет, я ничего не скрываю.

Ашметьев. Тебе, кроме меня, никто из мужчин не нравится, то есть особенного расположения ты ни к кому не имела и не имеешь?

Варя *(потупясь)*. Я не знаю... нет... кто же? Я ничего не чувствую.

Ашметьев. Ну, Мальков например.

Варя. Ах, папка, ты ревнуешь. Как я рада! Как весело!

Ашметьев. Отчего же тебе весело?

Варя. Да как же, папка! Кто ж меня здесь за человека считает! Ну, и сама я думала, что я просто девочка, которую одни по доброте ласкают, гладят по головке, как ребенка, а другие бранят да уму-разуму учат, как отец да Вершинский. А теперь меня ревнуют, как настоящую женщину, да еще кто ревнует-то — папка! Ну, как же не весело.

Ашметьев. Это нисколько не весело, по крайней мере — мне. Но ты не отвечаешь на мой вопрос. Мальков тебе нравится?

Варя. Ничего, что ж, он человек хороший.

Ашметьев. Хороший?

Варя. Очень хороший.

Ашметьев. А если б он за тебя посватался?

Варя. Ну, что ж за беда.

Ашметьев. И ты бы пошла за него?

Варя. Не знаю. Как ты скажешь, папка?

Ашметьев. И ты меня послушаешь?

Варя. Послушаю.

Ашметьев. Так я тебе скажу, что вообще тебе еще рано выходить замуж; а если уж выходить, так никак не за него, никак не за него.

Варя. Отчего же?

Ашметьев. Он не только любить тебя, он даже оценить тебя не может.

Варя. Да отчего же?

Ашметьев *(горячо)*. Он грубый материалист, человек бесчувственный.

Варя. Нет, он добрый человек.

Ашметьев. Вот ты споришь! Ты не знаешь жизни, не знаешь людей и споришь с человеком опытным. *(Ходит в волнении взад и вперед.)* Значит, ты действительно к нему неравнодушна?

Варя. Да он, папка, добрый.

Ашметьев *(подходя к ней)*. Друг мой, дитя мое, они притворяются, они нарочно притворяются добрыми, особенно перед простым народом, чтоб об них хорошо говорили, а в душе у них, о! Один расчет, один расчет.

Варя. Нет, он не притворяется, он хороший человек.

Ашметьев. Они грязные люди, и физически, и нравственно.

Варя. Ай, папка, что ты говоришь!

Ашметьев. Он ужасный человек, он развратит твою душу, он погубит в ней все благородное, все возвышенное, все святое.

Варя. Напрасно, папка, напрасно, он отличный человек.

Ашметьев. Так ты его любишь? Так бы ты и говорила, я бы не стал и толковать. Зачем говорить правду про любимого человека, зачем огорчать тебя! Я бы тебе лгал, я бы хвалил его.

Варя. Ах, папка, да я тебе верю, во всем верю; мне хотелось тебя помучить. Я вижу, что ты ревнуешь, вот я нарочно и говорю напротив.

Ашметьев. В таком случае извини, что я усомнился в твоей искренности. Ты мне так дорога, я так берегу, жалею тебя, что одна мысль расстаться с тобой навела на меня ужас. Я, может быть, не-

сколько даже преувеличил недостатки Малькова, может быть, он действительно не совсем дурной человек; но он не для тебя, не для тебя, прелестное дитя!

Варя. Я тебя послушаюсь; если он посватается, я прямо, наотрез скажу, что не пойду за него!

Ашметьев. Оставайся как можно дольше такой дикаркой! Жен, матерей, экономок много, а ты, милая дикарка, ты редкость, ты дивное создание, счастливая случайность в будничной жизни. Но надобно иметь очень чуткую душу и тонкие нервы, чтоб уметь понять тебя и наслаждаться тобой.

Варя *(обнимая Ашметьева)*. Ах, папка, милый папка!

Ашметьев. Мне страшно представить, что ты окунешься в прозу жизни, в это болото, которое опошляет и грязнит... Хороша бабочка, когда она порхает с цветка на цветок, а возьми ее в руки, изомни — куда денется ее красота. Варя, дикарка! Ты так мила, так очаровательна своей прелестью. Мне страшно подумать, что с тебя облетят и золотые блестки, и жемчужная пыль.

Варя. Я при первой встрече скажу ему, чтоб он не смел и думать. Да погоди, он в саду; поди в аллею, я сейчас с ним поговорю. Ты будешь доволен мной, золотой мой папка.

Ашметьев уходит в аллею. Выходит Мальков.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Варя и Мальков.

Мальков. Варвара Кирилловна, поди-ка сюда на минутку.

Варя. Что вам угодно?

Мальков. Учтивости пошли? Ну, ладно, будем по-учтивому разговаривать. Вершинский в Петербург уезжает?

Варя. Да, уезжает.

Мальков. Не солоно хлебал... Это не вредно.

Варя. Я сказала ему, что он мне не нравится.

Мальков. Чему тут нравиться! Мамай какой-то! Беспардонный совсем: сечет, и рубит, и в полон берет. Ну, как же теперь?

Варя. Что «как же»? Я не понимаю вас.

Мальков. Вот тебе раз! Понимать перестала! К Кириллу-то Максимычу идти мне?

Варя. Зачем?

Мальков. Миндальничать изволите. «Зачем идти»! Дочку просить в замужество, чтоб законным браком... Поняли теперь?

Варя. Прежде, я думаю, нужно меня спросить.

Мальков. Да ведь уж тебя-то я спрашивал, ты с полным удовольствием.

Варя. Прежде я глупа была...

Мальков. А теперь поумнела? Скажите, пожалуйста! Незаметно что-то!

Варя. Я прежде не знала, что вы — грубый материалист.

Мальков. Что за вздор такой! Да ты знаешь ли, что такое материалист?

Варя. Конечно, знаю.

Мальков. Ну, что же это: зверь, птица, рыба?

Варя. Совсем нет. Материалист значит — который всё грубости говорит.

Мальков. Вот так! Час от часу не легче!

Варя. Вы не только любить, вы не можете даже понять меня.

Мальков. Ну, будет же, уж довольно дурачиться.

Варя. Как вы смеете?

Мальков. Что, что я «смею»?

Варя. Так говорить со мной.

Мальков. Да как же разговаривать-то с тобой, по-латыни, что ли?

Варя. Я не девка деревенская, это неучтиво.

Мальков. Да, вот что!

Варя. Ведь все-таки я барышня.

Мальков. А коли ты хочешь барышней быть, так веди себя, как барышням подобает. Сиди сложа ручки, читай умные книжки, parlez français, tenez vous droit![1] Тогда уж я не только так, я и никак с тобой разговаривать не буду.

Варя. Да и не нужны мне ваши разговоры, не нуждаюсь я в них. Я мила своей простотой, я очаровательна — с меня и довольно. Кто меня любит, тот должен желать, чтоб я всегда оставалась такой.

Мальков. Сохрани господи!

---

[1] Говорите по-французски, держитесь прямо! *(франц.)*.

В а р я. Вы человек грязный и нравственно, и физически.

М а л ь к о в. Что такое, что такое?

В а р я. Вы можете развратить мою душу, убить в ней все высокое, все святое.

М а л ь к о в. А! Вот оно откуда это! *(Хватаясь за голову.)* Ах, боже мой! И принесло ж его!

В а р я. Кого «его»?

М а л ь к о в. Приехал, встретил необразованную деревенскую дурочку и обрадовался, распустил губы-то. Эка прелесть, говорит, эка поэзия!

В а р я *(с сердцем)*. Как вы смеете!

М а л ь к о в. Оставайся, говорит, милой дурочкой, утешай меня, прыгай козой! Это так мило, так грациозно! У нее и так нет ума, а он еще дурачиться заставляет.

В а р я. Я вас слушать не хочу, я уйду сейчас.

М а л ь к о в. Да сделайте милость. Уж, разумеется, от меня ты таких конфетностей не дождешься. Я не скажу тебе: оставайся всегда шальной девчонкой; я скажу: тебе умной бабой быть пора, детей нянчить и учить их уму-разуму.

В а р я. Это проза жизни!

М а л ь к о в. Ну вот, изволите видеть! «Проза жизни»! И смех и горе с ней! Ах, бедная! Как скверно без ума-то на свете жить! Вот и набежит на этакого самоучителя.

В а р я. У меня есть ум *(топая ногой)*, есть, есть!

М а л ь к о в. Должно быть, немного, коли позволяешь себе быть игрушкой старого развратника.

В а р я. Как вы смеете! Он в миллион раз лучше вас; он лучше меня понимает, больше любит.

М а л ь к о в. Очень верю. Для старика ты, конечно, находка; здоровая пища ему не по зубам, ему нужно пикану, перцу побольше, а это в тебе есть.

В а р я. Ну, довольно. Желала б я знать, откуда это вы такую власть взяли надо мной?

М а л ь к о в. Откуда? Ты забыла? Ты сама, своей волей, уступила мне власть над собой. И я рад был, за тебя рад был, этой моей власти.

В а р я. Когда же это? Я не знаю; этого не было... это вздор...

М а л ь к о в. Ты забыла свои поцелуи? У меня еще и теперь горит лицо от них. Да не один раз... по-

мнишь, когда я тебя завез к Ашметьевым? Если это было, так я имею власть говорить тебе все, что считаю нужным и полезным для тебя.

Варя. А если...

Мальков. Что «если»?

Варя. Если это была шутка?

Мальков. Так пустая ты девчонка, об которой и жалеть не стоит! Поди утешай своего старичка, ему, бедному, скучно без тебя. *(Уходит.)*

Варя. Ах, противный! Так бы и убила его! Папка, папка!

Входит Ашметьев.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Варя и Ашметьев.

Варя *(бежит ему навстречу)*. Папка, папка, ты правду говорил, он грубый человек, он меня обидел. Теперь я знать никого не хочу, кроме тебя, ты у меня один, папка. Ты мой, папка! *(Кидается ему на шею.)*

Ашметьев. Приди в себя, дитя мое, успокойся.

Варя. Нет, папка, нет! Я задушу тебя, зацелую.

Ашметьев *(освобождаясь)*. Зачем такие порывы! Во всем должна быть мера.

Варя. Я не хочу знать никакой меры, никаких границ; я хочу забыть всех и все для тебя.

Ашметьев. Варя, я не юноша, на твои порывы я не могу отвечать тебе такими же порывами. Твоя страсть палит меня, но не зажигает. Пора восторгов прошла для меня безвозвратно.

Варя. Папка, не говори так, я заплачу.

Ашметьев. Для меня возможны только кроткие, художественные наслаждения. Для меня неисчерпаемое блаженство — любоваться тобой.

Варя. Папка, ты только любуешься мной, ты меня не любишь? Я не картина, чтобы мною любоваться! Я живой человек! Я хочу любви горячей, настоящей! Ты мой, скажи мне, ты мой? Так ведь, милый, золотой мой папка?

Ашметьев. О, если б десять лет назад, я бы умер от такого счастья.

Варя. А теперь, папка?

Ашметьев. Теперь безумные страсти затихли, и разум вступает в свои права... И вот что всего обид-

ней, оскорбительней: весь пыл страсти истрачен даром, в напрасных поисках того счастья, которое теперь само просится ко мне.

Варя. Папка, что ты говоришь! Я бросаюсь к тебе, я жду твоей ласки... Неужели у тебя нет никакой ласки для меня?

Ашметьев. Ласки, Варя, ласки! Но, бедное дитя мое, мои ласки слишком холодны для тебя. О, разве я мог ожидать от тебя такой бешеной страсти! Нет, Варя, наша встреча не простая случайность, тут ирония, тут есть что-то очень, очень злое! Это насмешка судьбы надо мной. И эту пытку мы называем жизнью, и дорожим ею, бережем ее!

Варя. Какая пытка, какая ирония? Все так хорошо, радостно. Папка, ты сердишься на что-то! Да чего тебе, ведь я с тобой? Чего тебе?

Ашметьев. Успокойся, Варя! Я желаю только, чтоб ты успокоилась... и простимся до завтра. Завтра мы встретимся радостные, веселые... Буря утихнет в твоем сердечке, и ты покойно, кротко будешь мне ворковать про любовь свою. Прощай!

Варя. Нет, я не пущу тебя; я не могу остаться одна; я с тобой куда хочешь, хоть на край света, но только с тобой... Уедем! Убежим!

Ашметьев. Варя, Варя, ты меня пугаешь, я боюсь всего чрезмерного. Ты заставишь меня бежать от тебя.

Варя. Ну, беги, беги! А я сейчас же или кинусь в омут, или брошусь на шею первому встречному.

Ашметьев. Опомнись, опомнись, Варя, образумься! Что ты говоришь! Как можно! Тебе нужно успокоиться, непременно нужно. Пойдем, я тебя провожу до дому...

Варя. Я не знаю дома, я его забыла... Я брошу дом, отца...

Ашметьев. Успокойся, успокойся, дитя мое! Ну, вот идут сюда... нехорошо, нехорошо. Ах, Варя, Варя! Ну, прощай, прощай, мое дитя! Ты завтра будешь умнее... До свиданья. *(Идет в аллею.)*

Варя. Папка, воротись! Воротись, говорю я!

Ашметьев уходит.

Папка! Папка! Ну! Пожалеешь ты меня, да будет поздно.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

АШМЕТЬЕВА.
АШМЕТЬЕВ.
МАРЬЯ ПЕТРОВНА.
ЗУБАРЕВ.
ВАРЯ.
МАЛЬКОВ.
БОЕВ.
МАВРА ДЕНИСОВНА.
СЫСОЙ.

Комната в доме Ашметьевых; три двери: дверь направо — в кабинет Ашметьева, налево — в комнаты Марьи Петровны, прямо — растворенная дверь в залу.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сысой в дверях; Ашметьев входит из кабинета.

Ашметьев. Встала Марья Петровна?

Сысой. Оне уехали-с.

Ашметьев. Так рано?

Сысой. К обедне поехали-с.

Ашметьев. Значит, скоро приедет.

Сысой. Да, должно быть, сейчас-с, последний звон был; завсегда часам к одиннадцати приезжают.

Ашметьев. Так скажи мне, когда приедет. *(Направляется к двери кабинета.)*

Сысой. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Входит Зубарев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ашметьев и Зубарев.

Зубарев. Александр Львович, ваше здоровье-с?

Ашметьев. Благодарю вас, ничего.

Зубарев. Уж извините, я ранним гостем к вам.

Ашметьев. Я очень рад.

Зубарев. В город на базар ездил, к сестре заезжал.

Ашметьев. Как вы сегодня рано поднялись.

Зубарев. Рано-с... Да схватился свою птицу-то... а ее и дома нет, и ночь не ночевала... укатила, значит, с вечера. У сестры ее нет...

Ашметьев. Вы это про Варю?

Зубарев. Да, про нее-с... Простите, Александр Льво-

вич! Я думаю, уж она и вам надоела-с. Чуть не каждый день у вас...

Ашметьев. Да ее у нас нет. Я вчера от вас поехал, так она дома была.

Зубарев *(испуганно)*. Как-с? Боже мой! Что ж это такое? Где ж она?

Ашметьев. Я не знаю.

Зубарев. Александр Львович, Александр Львович, не бывало этого, не бывало, не пропадала она у меня совсем-то: все либо у тетки, либо у вас в доме найдется... Что думать, что думать? Заступница!.. А голова горячая, горячая голова... Придет какая мысль... А я, признаться, поточил ее это время, погонял за фырканье.

Ашметьев. Вы ее видели после моего отъезда?

Зубарев. Не видал-с, до того ли?.. День-то деньской смотаешься с заботами да с убытками... Народ, сами знаете, окаянный! Угодники великие!

Ашметьев. Да погодите ныть-то!

Зубарев. Только бы нашлась, только бы найти-то ее, живую да здоровую!..

Ашметьев. А что бы вы сделали?

Зубарев. Молебен отслужу-с, а ее запру, запру на замок, с глаз не спущу.

Ашметьев. Не было бы хуже.

Зубарев. Как же, помилуйте, Александр Львович, ведь единственная-с, одна на свете у меня — все тут! А какие времена-то, что на свете-то делается! Газеты возьмешь: там человек повесился, там застрелился, а то уж стали под дорогу под железную бросаться живьем: голова на одну сторону, а ноги на другую отскочат. Какая смертность-то! У меня в доме, положим, ничего этого смертоносного нет, одна пищаль старая, да и та не стреляет, да вот разве мышьяк держу для крыс... А вода-то, а река-то-с! Теперь все придет в голову... Коли уж человек захочет это... Ах, угодники великие!..

Ашметьев. Да что вы, как баба!.. Найдется, вероятно... да непременно найдется.

Зубарев. Ах, боже мой! Ведь единственная, всё тут... а смертность, смертность... ужасно! *(Оборачивает против себя палец.)* Пю! — и нет человека, вот как стало!

Ашметьев *(ходит по комнате)*. Всё вы глупости

говорите! Ничего такого нет... конечно... ну, конечно... конечно... и быть не может.

З у б а р е в *(хватая за руку Ашметьева)*. Александр Львович, бога ради! Может быть, вы что-нибудь такое знаете за ней,— может, вам что известно? Ведь сердце отца... знаете, молю вас, скажите! Хоть что-нибудь скажите!

А ш м е т ь е в. Я... я ничего не знаю. Одно могу сказать, что, конечно, найдется.

Входит А н н а С т е п а н о в н а.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

А ш м е т ь е в, З у б а р е в, А н н а С т е п а н о в н а.

З у б а р е в. Анна Степановна, мое почтение-с, здравствуйте! *(Целует ей руку.)*

А н н а С т е п а н о в н а. Здравствуй, Кирилл Максимыч! Что это ты, батюшка, какой взъерошенный! Рожь-то жать начали?

З у б а р е в. А ну ее, рожь! Не до жнива мне теперь! Смертность, Анна Степановна, смертность убийственная! Возьмешь газеты: там человек повесился, там застрелился!

А н н а С т е п а н о в н а. Что это ты, батюшка! Я про рожь, а он про какую-то смертность! Откуда ты ее взял? У нас, кажется, все, слава богу, тихо, благополучно, так нам-то что за дело!

З у б а р е в. Нет-с, Анна Степановна, разлилась, распространилась повсеместно эта зараза теперь-с! *(Оборачивает палец против себя.)* Пю! — и нет человека.

А н н а С т е п а н о в н а. Что ты, что ты! Александр, да что это он, что ему чудится?

А ш м е т ь е в. Разные глупости придумывает Кирилл Максимыч, и меня-то расстроил.

З у б а р е в. Ах, Александр Львович, ах, Александр Львович! Единственная, всё тут... и вдруг!

А н н а С т е п а н о в н а. Да что это? Бог с ним! Уж в своем ли он разуме?

З у б а р е в. Неизвестны вам мои приключения, Анна Степановна, вот вы так и говорите.

А н н а С т е п а н о в н а. Просто у тебя ум за разум зашел; а все это, скажу я тебе, от твоих денег: много очень ты о них думаешь.

З у б а р е в. Да будь они прокляты! В огонь все брошу, коли только... если она у меня...

Анна Степановна. Ну, пойдем отсюда! Видишь, Александр что-то расстроен, не будем надоедать ему. Пойдем, я тебя чайком угощу! Поболтаем. *(Встает и идет к двери.)*

Зубарев. Благодарю покорно, Анна Степановна! Да-с, какие времена! Пю! — и нет человека.

Анна Степановна и **Зубарев** уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ашметьев (один).

Ашметьев. Где она может быть? Куда она делась? Вчера она грозила мне, что или кинется в омут, или бросится на шею первому встречному. Судя по ее характеру и по всем обстоятельствам, скорее можно предполагать последнее, потому что топиться, собственно, не из чего. Значит, бросилась на шею... но кому — вот вопрос! Во всяком случае, она для меня потеряна. Беда с этими бурными характерами! Неудобство большое... И с чего это она так вдруг?.. Нет, такие отношения не по мне... беспокойно, очень беспокойно... Из чего тревожиться? То ли дело моя жена! Кроткая, покойная, любящая натура, это тихая пристань, у которой я отдыхаю и успокаиваюсь после бурь житейских. И странное дело, после каждой неверности, после каждого увлечения я все более и более люблю жену. Когда начнешь ее сравнивать с теми женщинами, которыми я увлекался, всегда находишь, что она много лучше их. Вот и теперь: я почти влюблен в мою Машу. Да, еще несколько недель я могу провести здесь с приятностью: я снова начну ухаживать за женой. Немножко воображения — и мне будет легко представить ее совсем другой женщиной; я так давно не видал ее, так давно не любезничал с ней, что она для меня будет иметь почти прелесть новизны... Эта перспектива мне улыбается... Никаких тревог и волнений *(улыбаясь)*, неуспеха бояться нельзя. Чего бы лучше! Что может быть удобнее и спокойнее!

А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в бурях есть покой!

Входят **Марья Петровна**, одетая просто, покрытая большим платком, и **Мавра Денисовна**.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ашметьев; Марья Петровна останавливается недалеко от дверей; Мавра Денисовна что-то шепчет ей на ухо, разводя руками.

Марья Петровна *(Мавре Денисовне)*. Ну, хорошо, подожди меня в моей спальне. Я сейчас. *(Спускает платок с головы на плечи.)*

Мавра Денисовна. Слушаю, матушка. *(Уходит в дверь налево.)*

Ашметьев *(целуя жену)*. Здравствуй, Marie. Слышала ты новость, весьма неприятную? Варя пропала.

Марья Петровна. Не пропадет, найдется.

Ашметьев. Однако ее искали везде...

Марья Петровна. Не иголка, не затеряется. Не беспокойся, пожалуйста.

Ашметьев. Если ты покойна, так и мне беспокоиться нечего. Ты уезжала?

Марья Петровна. Да, я у обедни была.

Ашметьев. Что так часто?

Марья Петровна. Есть о чем помолиться, Александр Львович.

Ашметьев. Ты вчера что-то нехороша была, тебе о здоровье надо молиться. Ты в таком возрасте, когда наступает полное цветение пышной, роскошной женской красоты.

Марья Петровна. Ничего, я здорова теперь. Мне нужно поговорить с тобой.

Ашметьев. Сделай милость! Я давно уж не чувствовал такой нежности к тебе, какую чувствую сегодня... Ты мне доставишь своим разговором большое удовольствие.

Марья Петровна. Тем лучше, я очень рада. Я буду говорить коротко; прошу тебя не перебивать меня и выслушать до конца. Садись!

Ашметьев *(садясь)*. Прекрасно. Говори, я слушаю.

Марья Петровна. Не знаю, замечаешь ли ты, что мое положение в вашем доме для меня не скажу — невыносимо, а все же очень тяжело. Анна Степановна хоть и любит меня, но никак не может помириться с моим, как она говорит, мещанским происхождением. На людей и на жизнь мы с ней смотрим совершенно различно; из уважения к ее старости я не спорю с ней и потому должна молчать. А я уж не пансионерка, мне хочется и говорить,

и делать то, что я думаю, что мне нравится. Еще скажу тебе: я здесь барыня, но не хозяйка; я не могу распорядиться ничем; я, как несовершеннолетняя дочь или как приживалка, должна довольствоваться тем, что мне предложат, и благодарить за все, что мне ни дадут.

Ашметьев *(вставая)*. Marie, Маша!..

Марья Петровна. Садись.

Ашметьев садится.

Я умею жить и хозяйничать сама, и у меня есть свои средства — так сам рассуди, что мне за радость жить в неволе, на чужих хлебах и смотреть каждый кусок из чужих рук. Все это я переносила так долго из любви к тебе...

Ашметьев. Благодарю тебя, благодарю.

Марья Петровна. Теперь, если хочешь, я скажу тебе, что сталось с моей любовью. Я постараюсь не сказать ничего обидного для тебя; а если скажется и обидное, так потерпи: я терпела же. Я тебя любила очень; вскоре после свадьбы ты охладел ко мне и, нисколько не стесняясь, стал ухаживать чуть не за каждой красивой женщиной; я ревновала, плакала, рвалась; и когда ты, после заграничных странствий или в антрактах между своими интрижками, возвращался ко мне, я принимала тебя со слезами радости!

Ашметьев. Правда, правда...

Марья Петровна. Потом мне стало все это скучно; а теперь, когда ты увлекся, как мальчишка, моей Варей, мне уж стало просто противно. Все это я говорю тебе для того, чтоб ты знал причину, почему я оставляю ваш дом. Я завожу свое хозяйство и переезжаю на свою ферму.

Ашметьев. Но, Marie, послушай...

Марья Петровна. Нет, ты не трудись ни возражать мне, ни советовать; мое решение твердо. Впрочем, ты не беспокойся, я перееду на ферму только после твоего отъезда.

Ашметьев. Извини меня, извини! Я ошибался в тебе, я причислял тебя совсем к другому типу женщин; ты много лучше, чем я думал о тебе.

Марья Петровна. Благодарю. Ну, а теперь ты меня к какому типу причислишь? Я уж не вялая,

молчаливая, полусонная, скучная барыня. *(Накидывая платок на голову.)* Вот перед тобой молодая, довольно богатая фермерша, живая, веселая. Посмотри, как я бойко заговорю на своей ферме.

Ашметьев. Тип довольно привлекательный. А что, если я вздумаю поволочиться за молодой, богатой фермершей?

Марья Петровна. Ты ведь шутишь; ну, и я тебе отвечу в шутку. Если б я была из таких женщин, которые позволяют за собой волочиться, я бы тебе сказала, что для мужа ты еще, пожалуй, ничего, так себе, а в любовники к молодой фермерше не годишься,— ей нужно помоложе и помолодцеватее.

Ашметьев. Правда, Marie, правда.

Марья Петровна. Ты, вероятно, скоро уедешь?

Ашметьев. Да, теперь уж мне незачем оставаться. Я жду денег; а теперь мне нужно подумать и изменить кое-какие распоряжения. *(Уходит в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Марья Петровна, потом Мавра Денисовна.

Марья Петровна *(у двери в спальню)*. Мавра Денисовна, поди сюда.

Входит Мавра Денисовна.

Рассказывай порядком, что у вас за история?

Мавра Денисовна. Срамота головушке. Вчера у нас гости чуть не до свету в карты играли. Вот, проводивши их, иду я наверх тихонько, без свечки, чтоб не разбудить ее; а Дуняша мне навстречу. «Пожалуйте, говорит, барышня, я вас раздену поскорей, спать смерть хочется». Какая, говорю, я тебе барышня. А она: «Так где ж, говорит, Варвара-то Кирилловна?» Я сейчас в сад; бегала, бегала, нет ее; я к реке — там пусто, я в рощу, и там ничего. Побегаю, побегаю да домой прибегу, а зубы — так и стучат, лихорадка так и бьет; сижу дожидаюсь, не придет ли, да опять побегу по всем местам. Бегала я так-то до свету до белого; а в доме все огонь горит, потушить-то не догадаюсь, все мне еще ночь представляется. Да тут только мне в голову пришло, что как Михайло Тарасыч уезжали с Дмитрием Андреичем, ждали они на дворе тарантаса, кучер-то заспался, так разговор

промеж них был; слышала это я с крыльца-то: Дмитрий-то Андреич все бранил барышню, сердился, а Михайло Тарасыч все смеется: «Погоди, говорит, очувствуется, сама к тебе прибежит». Как вспомнила я эти слова, сейчас села в телегу да марш на завод. Свернула с дороги в кусты, телегу там оставила, а сама тихонечко в сад. Что ж, матушка моя, сидят на балконе за самоваром, чаек попивают, а она, и горюшка ей мало, песенку поет.

Ма р ь я П е т р о в н а. Как же она туда попала?

Ма в р а Д е н и с о в н а. А вот каким манером. Что ей в голову пришло, уж неизвестно, только выбежала она на дорогу вперед гостей, потом прыг к ним в тарантас: «Я, говорит, кататься хочу». Завезли сначала домой Михайла Тарасыча, потом в том же тарантасе к Дмитрию Андреичу; так и проколесили всю ночь. Да мало ли места, верст тридцать объехали! Я ее звать домой, не едет. Я и бранью, и слезами — ничто не берет. «Пожалуй, говорит, поеду к Марье Петровне, а домой — ни за что». Я ее в телегу да закутала своим платком от стыда, чтоб не узнал кто. Привезла ее сюда; в комнаты нейдет, стыдится, что ли,— кто ее разберет! Пошли в сад, окошки у вас в спальне растворены,— она прыг в окно...

Ма р ь я П е т р о в н а. Так она в спальне у меня?

Ма в р а Д е н и с о в н а. Там, матушка. Сидит на стуле, в углу за кроватью, точно каменная, слова не добьешься.

Ма р ь я П е т р о в н а. Ну, поди успокой ее да и сама-то не беспокойся и не разговаривай ни с кем, а уж мы постараемся уладить дело без огласки.

М а в р а Д е н и с о в н а уходит.

(Подходит к двери кабинета Ашметьева.) Александр Львович! На одну минуту.

Входит А ш м е т ь е в.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

М а р ь я П е т р о в н а, А ш м е т ь е в.

Ма р ь я П е т р о в н а. Пропажа отыскалась.

Аш м е т ь е в. Где, где нашли?

М а р ь я П е т р о в н а. На заводе, у Малькова.

Ашметьев. У Малькова! Не ожидал... Это черт знает что такое!

Марья Петровна. Ну, положим, что тут нет ничего удивительного; да дело не в том: не нужно давать пищи для разговора. Я приму похищение на себя; я ее увезла. Понимаешь?

Ашметьев. Понимаю, понимаю.

Марья Петровна уходит в спальню.

Одна на ферму, другая на завод!.. Надо уезжать! Эту поездку в деревню я не могу считать удачною; в наших барских захолустьях, в наших Отрадах, Монплезирах и Миловидах, повеяло меркантильным духом. Я здесь точно трутень между пчелами. Конечно, эти пчелы еще немного меду собирают, но уж шевелятся, хлопочут и начинают жалить трутней и выгонять их из своего улья.

Входит Марья Петровна.

Марья Петровна *(в дверь)*. Я сейчас уверю твоего отца и Анну Степановну, что ты была у меня. А что нам дальше делать, после подумаем. *(Уходит в залу.)*

Варя *(из-за двери)*. Папка!

Ашметьев. А! Ты здесь! Поди сюда, не бойся, никого нет.

Входит Варя.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Ашметьев и Варя, потом Сысой.

Варя. Папка, ты виноват, ты виноват...

Ашметьев. Ни душой, ни телом.

Варя. Нет, ты, ты, я тебе говорила... помнишь? Я говорила...

Ашметьев. Мало ли что ты говорила!

Варя. Ты отчего не остался со мной? Я тебе кричала: воротись, воротись; ты не захотел. Ну, вот я...

Ашметьев. Так за то, что я не воротился, ты и убежала к Малькову?

Варя. Да, за то. Ведь я тебе говорила, что или в омут кинусь...

Ашметьев. «Или на шею к кому-нибудь!» И кинулась на шею?

Варя. Да. А тебе хотелось, чтоб я в омут бросилась? Ишь ты какой! Вот как ты меня любишь!

А ш м е т ь е в. Нет, в омут зачем же! Сохрани бог! Уж если выбирать непременно из этих двух решений, так на шею лучше.

В а р я. И конечно, лучше.

А ш м е т ь е в. А если б ни то, ни другое?

В а р я. Нельзя.

А ш м е т ь е в. Уж будто?

В а р я. Невозможно.

А ш м е т ь е в. Да почему же?

В а р я. Если б я не говорила, так другое дело; а я тебе сказала, так уж и исполнила...

А ш м е т ь е в. Резонно. *(Смотрит пристально на Варю.)*

В а р я *(серьезно)*. Ну, что ты на меня смотришь? Сам виноват, да еще... смотрит.

А ш м е т ь е в. Все же я виноват?

В а р я. Да, разумеется, ты; а то кто же?

А ш м е т ь е в. А я думаю, что виноват Мальков. Он не должен был пользоваться твоим, как бы это сказать... ну, хоть неразумием. Коли он честный человек, он должен был прогнать тебя.

В а р я *(с сердцем)*. Прогнать? Вот уж тогда я наверное была бы в омуте. Нет, он не такой злой, как ты.

А ш м е т ь е в. Добрее?

В а р я. Гораздо. Он не материалист, ты лжешь.

А ш м е т ь е в. Почем же ты знаешь?

В а р я. Он совсем не грубый.

А ш м е т ь е в. Значит, ласковый?

В а р я. Очень ласковый, очень. Это ты, папка, материалист... Ты убежал от меня, а он...

А ш м е т ь е в. А он что?

В а р я. Обыкновенно. Зачем тут бежать, коли...

А ш м е т ь е в. Коли что?

В а р я. Ах, папка, какой ты глупый! Коли любят друг друга.

А ш м е т ь е в. Да как же это так? Только что ты уверяла, что, кроме меня, для тебя на свете никого нет, а через полчаса уж вы с Мальковым друг друга любите?

В а р я. Да что ж, коли ты такой обидчик, материалист, Ты сам виноват, ты виноват, ты...

Входит С ы с о й.

С ы с о й. Господин Мальков желает вас видеть.

Варя. Ай! *(Убегает в спальню. В дверях.)* Ты виноват, ты виноват, ты уж... *(Уходит.)*

Ашметьев. Проси!

Сысой уходит.

Сам приехал. Ну, пусть не взыщет: много горького придется ему выслушать от меня.

Входят Мальков и Марья Петровна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Ашметьев, Мальков и Марья Петровна.

Мальков *(Марье Петровне)*. Я вам такого битюка доставлю — на редкость. В шарабанчике, сами будете править, любо-дорого.

Марья Петровна. А цена?

Мальков. Чуть не даром, полтораста рублей.

Марья Петровна. Благодарю вас. *(Уходит в спальню.)*

Мальков *(Ашметьеву)*. Честь имею кланяться!

Ашметьев *(подавая руку)*. Представьте, я ждал вас; мне казалось, что вы непременно должны приехать.

Мальков. Мудреного нет; мало ли что на свете бывает.

Ашметьев. Вы очень хорошо сделали, что пожаловали ко мне.

Мальков. Да, бесподобно; я сам знаю.

Ашметьев. Грубого приема вы не встретите, я человек цивилизованный...

Мальков. Еще бы!

Ашметьев. Вероятно, вы не рассердитесь на меня, если в нашем разговоре вам придется выслушать от меня несколько очень горьких для вас истин.

Мальков. Нет, зачем же это! Совсем не надо.

Ашметьев. Я старше вас, больше жил на свете, больше испытал...

Мальков. Нет, вы не в ту силу.

Ашметьев. Я знаю, что нынче принято за правило: не пропускать ничего, что плывет в руки; но едва ли, не греша против совести, можно применить это правило к молодой девушке, которая, не понимая и не помня, что делает, бросается к вам под влиянием минутного порыва, очертя голову, что называется, а может быть, и под влиянием каприза...

Мальков. Про какую это девушку вы так красно расписываете?

А ш м е т ь е в. Про Варю.

М а л ь к о в. Так это не ваше дело, а попово; и попа не вашего, а чужого.

А ш м е т ь е в. Отшучиваться, конечно, легче, чем оправдываться; но...

М а л ь к о в. Извините... Я согласен, что из вашей философии и морали я, как молодой человек, могу извлечь много пользы, но мне некогда,— это уж в другой раз, как-нибудь на досуге; и я приехал за другим...

А ш м е т ь е в. Что же вам угодно?

М а л ь к о в. Во-первых, я привез вам деньги за лес.

А ш м е т ь е в. Как, разве вы купили?

М а л ь к о в. Что ж тут удивительного? Кому нужен лес, тот его и покупает; кому лес не нужен, а нужны деньги, тот его продает. Все это в порядке вещей.

А ш м е т ь е в. И привезли деньги... как это кстати! Благодарю вас.

М а л ь к о в. За шестьдесят две десятины с саженями, по семьдесят пять рублей за десятину, четыре тысячи семьсот. Получите, сочтите и дайте расписочку.

А ш м е т ь е в *(берет деньги)*. Гм?.. Не много же однако.

М а л ь к о в. Не хватает вам, расчет не выходит?

А ш м е т ь е в. Да, если б еще тысячи три...

М а л ь к о в. Продайте рощу, что за парком-то!

А ш м е т ь е в. Гм! За парком, вы говорите?

М а л ь к о в. Сто рублей за десятину дам.

А ш м е т ь е в. Не хотелось бы...

М а л ь к о в. Сто десять.

А ш м е т ь е в. Жаль. Откровенно вам говорю, жаль.

М а л ь к о в. Сто двадцать.

А ш м е т ь е в. Я подумаю.

М а л ь к о в. Начнем думать, так либо вы раздумаете, либо я раздумаю. А по-нашему, в два слова, не сходя с места...

Ашметьев в раздумье.

Завтра и деньги привезу... По рукам, что ли? *(Протягивает руку.)*

А ш м е т ь е в *(подавая руку)*. Извольте.

М а л ь к о в. Вот так-то лучше. Я его и срублю, а тот поберегу: он в настоящем возрасте три процента приросту дает. Одно дело кончено, теперь другое.

А ш м е т ь е в. Я вас слушаю,

М а л ь к о в. Вам угодно было назвать меня материалистом, человеком бесчувственным, грязным и физически, и нравственно, способным развратить молодую душу и погубить в ней все высокое и благородное. Если бы вы говорили это так, для провождения времени, я бы махнул рукой; тешьтесь, сколько угодно. Но вы говорили это с злым умыслом, с намерением повредить мне в глазах девушки, которую я люблю, жалею, которую я хотел вырвать из дурацкой обстановки, где она ровно ничего не делает, а только повесничает. А вы меня чернили перед ней! Как это называется, позвольте вас спросить?

А ш м е т ь е в. Извините: это я вообще о людях вашей профессии...

М а л ь к о в. Коли вообще о людях, так и ступайте читать публичные лекции! А нашептывать, указывая прямо на лицо... Для этого по крайней мере нужно знать его...

А ш м е т ь е в. Я и оправдываться не стану... Но поймите, что под влиянием сильной страсти человек может иногда...

М а л ь к о в. На стену лезть, об печку головой биться. Это я понимаю; а клеветать на человека — уж это что ж такое!

А ш м е т ь е в. Ну, я прошу у вас извинения.

М а л ь к о в. Да что мне в вашем извинении! Не шубу из него шить. Это черт знает что такое! Живешь смирно, никого не трогаешь, и вдруг тебя обзывают как нельзя хуже.

А ш м е т ь е в. Я прошу вас извинить меня, чего вы еще можете желать от меня?

М а л ь к о в. Да нет, позвольте! Вы приезжаете в имение любоваться ландшафтами — выходит, вы честный человек; а я приезжаю, вооруженный наукой, извлекаю из имения пользу себе и людям, я за это — грязный материалист. Вы разоряете имение и бросаете деньги за границей — вы, значит, человек с чувством; а я на свои трудовые завожу школы и учу людей хлеб добывать, я за это — бесчувственный материалист.

А ш м е т ь е в. Но что же вам угодно от меня?

М а л ь к о в. Нет, помилуйте! Я полюбил девушку и хочу жениться на ней: это, по-вашему, «проза жизни, так поступают материалисты...». В чем же поэзия-то,

и как поступают в таких случаях благородные идеалисты?

А ш м е т ь е в. Довольно. Вы желаете удовлетворения?

М а л ь к о в. Нет, не желаю.

А ш м е т ь е в. Чего же вам?

М а л ь к о в. Я считаю себя вправе требовать от вас, и требую, чтобы вы сейчас же сказали господину Зубареву, что нельзя бросать дочь без всякого призрения и что лучше всего он сделает, если отдаст ее за меня замуж.

А ш м е т ь е в. Извольте, с большим удовольствием.

М а л ь к о в. С удовольствием или без удовольствия, это ваше дело; а вот если вы этого не сделаете, тогда уж другой разговор будет.

А ш м е т ь е в. Нет, отчего же!.. Извольте... Я каюсь, я ошибся в вас... Я припоминаю теперь, вы похожи на один тип у Занда...

М а л ь к о в. Я похож сам на себя и ни на кого больше. Что там за типы! Живем, как живется! Пожалуйте мне теперь расписочку.

А ш м е т ь е в. Сию минуту. Прошу вас ко мне в кабинет.

М а л ь к о в и А ш м е т ь е в уходят в кабинет. Входят М а р ь я П е т р о в н а, В а р я и М а в р а Д е н и с о в н а.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

М а р ь я П е т р о в н а, В а р я и М а в р а Д е н и с о в н а.

М а в р а Д е н и с о в н а *(Варе)*. Поедем-ка домой, будет странничать-то!

В а р я. Ни за что, ни за что! Это опять к тебе наверх? Знаешь ли, Маруся, мою спальню всё еще детской называют. Каково это, Маруся! Она хочет, чтоб я опять в детскую отправлялась! Поздно, нянюшка, поздно! Тебе скучно, нянчить некого? А вот подожди, когда у меня дети будут...

М а в р а Д е н и с о в н а. Что это, как посмотрю я на тебя, какая ты озорница становишься! Час от часу хуже.

Дверь из кабинета отворяется. А ш м е т ь е в и М а л ь к о в останавливаются в дверях, не входя в комнату.

В а р я *(обнимая Марью Петровну)*. Ах, Маруся, как он меня любит, как он меня любит!

Марья Петровна. Как же это ты так скоро узнала?

Варя. Он меня вчера так бранил, так бранил; никто в жизни так не бранил меня... Кому ж до меня дело, кроме его!..

Мавра Денисовна. Мало ль тебя бранят, да ничего толку от тебя нет.

Варя. И все он правду говорил, все правду. *(Задумывается.)* Знаешь, Маруся, я одного боюсь...

Марья Петровна. Чего?

Варя. Что он прибьет меня как-нибудь, когда моим мужем будет.

Марья Петровна. И отлично сделает.

Мавра Денисовна. Вот бы расчудесно, в ножки бы ему поклонилась за это.

Варя. Да нет... Я его слушаться буду, только его одного и больше никого в жизни.

Ашметьев и Мальков входят.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Марья Петровна, Варя, Мавра Денисовна, Ашметьев, Мальков.

Мальков *(входя)*. Довольно, пойдемте! А то они бог знает до чего договорятся.

Варя. Так вы нас подслушивали?

Ашметьев. Виноват, это я полюбопытствовал. Чтоб узнать от женщин правду, единственное средство — подслушать, что они между собой разговаривают.

Входят Анна Степановна и Зубарев.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Марья Петровна, Варя, Ашметьев, Мальков, Анна Степановна, Зубарев, Мавра Денисовна, потом Боев.

Марья Петровна *(Зубареву)*. Позвольте вам представить жениха с невестой. Это я сватаю, тут уж отказа быть не может.

Зубарев. Господи!.. Варя!.. Александр Львович, скажите мне, пожалуйста, что же это такое?

Ашметьев. Ее выбор, он ей понравился.

Зубарев. Александр Львович, Александр Львович, да как же это-с? Помилуйте, ведь единственная, всё тут... и вдруг!..

Ашметьев. Да об чем вы толкуете! Держать дочь дома вам нельзя; у вас за ней присмотра нет.

Зубарев. Это вы правду изволите говорить. А все ж таки ведь я отец, каково ж это видеть и перенести. *(Прикладывает платок к глазам.)* А впрочем, как вам угодно, вы лучше меня знаете...

Ашметьев. Ну, так я вам вот что скажу: благодарите судьбу, что она вам послала такого зятя, — вам лучше не найти.

Зубарев. В таком случае, что же мне говорить? Я не имею слов-с, я должен только благодарить Марью Петровну.

Входит Боев.

Боев. Вот беда-то, не опоздал ли я к пирогу?

Ашметьев. Как раз поспели. Деньги за лес я получил от Дмитрия Андреича, и магарыч вам будет приличный.

Боев. Из того только и бьемся.

Зубарев *(Ашметьеву)*. Александр Львович, вот при вас взял, при вас-с, а не отдает.

Боев. Да ты слышал? Лес продан, так сочти за комиссию.

Зубарев. Какая комиссия! Помилуйте!.. Грабеж... жить нельзя.

Боев *(подает вексель)*. На! Отвяжись только.

Зубарев. Что это, вексель? Ты деньги брал, а не вексель... Ну, все равно, давай, давай... Вот, Анна Степановна, вот моя жизнь! Вчера сено украли, овес потравили, он деньги силой отнял, а теперь дочь-с... Был жених — Виктор Васильич... Какой человек-то! Сила, быстрота, соображение... и вдруг...

Варя. Папаша, да ведь уж все кончено, к чему еще разговоры!

Зубарев. Разве кончено?

Варя. Еще бы! Смешно даже. Ты бы раньше хватился.

Анна Степановна. Да что ты, в самом деле, очень разборчив стал! Ведь не принцесса у тебя дочь-то, проживут как-нибудь.

Варя *(Малькову)*. Так мы будем жить «как-нибудь»? Я этого не знала.

Мальков. А вот погоди, годика через два-три мы с тобой купим у них это имение, и с парком, и с Миловидой!

Драма
в пяти
действиях

СВЕТИТ,
ДА НЕ ГРЕЕТ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

АННА ВЛАДИМИРОВНА РЕНЕВА
землевладелица, девица под 30 лет.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ ЗАЛЕШИН
ее сосед, средних лет.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА
его жена.

ДЕНИС ИВАНЫЧ ДЕРЮГИН
зажиточный крестьянин.

ДАША
горничная Реневой.

ИЛЬИЧ
старик, дворовый человек из крепостных Реневой.

СТЕПАНИДА
его жена, старуха.

БОРИС БОРИСЫЧ РАБАЧЕВ
молодой человек, небогатый землевладелец, ближайший сосед Реневой.

ОЛЯ ВАСИЛЬКОВА
молоденькая девушка, дочь бывшего управляющего имением Реневой.

Старый, запущенный сад; площадка; налево от зрителей старая, пострадавшая от времени, тесовая терраса дома, направо и прямо за площадкой деревья и кусты; подле террасы круглый стол, покрытый белой скатертью; кругом несколько стульев.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ильич с самоваром сходит с террасы на площадку, за ним Степанида с подносом, на котором чайный прибор, потом Даша.

Степанида. Потише, не спотыкнись, скороход!

Ильич. Слава богу, служили, никогда не спотыкались! *(Ставит самовар на стол.)*

Степанида *(ставит поднос и обмахивает полотенцем самовар)*. Эх, ты! Вычистил самовар, весь сизый какой-то — срам!.. Говорила: дай, сама,— не видит сослепу-то, а еще берется!

Ильич. Да, как же, у тебя поучиться! Чистили мы их довольно, знаем! *(Хочет расставлять чашки.)*

Степанида *(отстраняя его)*. Пусти! Еще чашки перебьешь! Давеча уж блюдо покончил.

Ильич. А кто подтолкнул? Ты же вышибла из рук... Не так расставляешь, чайник не туда... Мужичка!

Степанида. Ох, какой дворянин! Скажите!

Ильич *(перестанавливает стулья)*. Почище тебя; на господском дворе родился, свет видал; а ты из деревенской избы по моей милости в дворовые-то произведена. Небось, барышня сегодня как приехала, сейчас спросила: «Где Ильич? Чтоб явился!»

Степанида. И меня позвала: «Пошлите, говорит, ко мне тоже Степаниду».

Ильич. Пошла на кухню, знай свою стряпню! А я комнаты убирать.

Степанида. Уберут без тебя! Уж сиди на одном месте, коли ноги оттоптал.

Ильич. Деревня!

Степанида. Старый сыч! Право, слепой сыч!

Даша *(с чайницей в руке)*. Что это вы, старички, никак ссоритесь!

Ильич *(указывая)*. Да вот все она, деревня-то моя!

Степанида. Вот и смотрите на него, на полоумного!

Ильич. Деревня!

Степанида. Старый сыч!

Ильич. Ты слушай! Я комнаты убирать, а ты на кухню! *(Идет.)*

Степанида *(следуя за ним)*. Еще разбить тебе или сломать что-нибудь.

Уходят.

Даша. При нынешних понятиях таких антиков надо за деньги показывать. *(Готовит чай.)*

Входит Дерюгин. Кланяется.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Даша, Дерюгин.

Даша. Здравствуйте! Вам кого?

Дерюгин. Нам, собственно, барышню нашу, Анну Владимировну. А что, ежели повидать их, можно?

Даша. Можно; она скоро выйдет сюда.

Дерюгин. Отдыхать изволят, устали?

Даша. Да, устала; мы ведь только три часа, как приехали.

Д е р ю г и н. Как же! Мы так и встрепенулись, вся деревня, услыхамши колокольчик-то! Нежданно-негаданно! Как же, мы их бывшие крестьяне; а я, признаться, и старостой ходил еще при их родителях.

Д а ш а. Присядьте пока.

Д е р ю г и н. Ничего, постоим. А вы, следственно, при них, при барышне нашей?

Д а ш а. При ней.

Д е р ю г и н. На каком же, то есть, положении, аль как?

Д а ш а. Я — прислуга, горничная ее.

Д е р ю г и н *(почесав затылок, надевает картуз)*. А, да... так вот что оно! *(Садится.)* И давно при них?

Д а ш а. Шестой год; за границей мы были, с княгиней вместе. Княгиня умерла — так мы сюда!

Д е р ю г и н. Мы наслышаны; тогда в их вотчинную контору письмо пришло за черной печатью.

Д а ш а. Да, всего три месяца назад, в Париже.

Д е р ю г и н. Ну, что ж, царство ей небесное! Стара уж была.

Д а ш а. Ну, только одна моя привычка к Анне Владимировне, а то бы, кажется, ни за какие деньги не поехала в этакую глушь. Ни света, ни людей, окромя помимо мужиков.

Д е р ю г и н. Да, конечно, кому как! А барышня наша душевный человек; бывало это, разговорится с тобой, как с своим братом.

Д а ш а. Ну уж зато как найдет на нее хандра, такая — тоже не подступайся.

Д е р ю г и н. Ну, само собой, господа!.. Причудность эта у них тоже иногда, со временем... Видали мы тоже. Недолго тогда барышня у нас пожила, с год время, не больше; тут померла, по лету, мамаша их, а по суседству, верст отселева с пяток, село Отрада есть; там это княгиня наездом проживала летнее время, крестная она барышне-то была. Ну, приехала она тогда на похороны, схоронили, да и взяла нашу барышню, заместо дочери, и увезла от нас. С той поры и не видали мы барышню свою. Что?.. Да шестой год,— так шесть лет скоро будет тому.

Д а ш а. Мы больше жили в Италии, в Швейцарии тоже; в Париже только последний год, потому так как княгиня все лечилась у тамошних докторов.

Д е р ю г и н. Ну, как же теперь барышня наша? Здесь, значит, думает поселиться?

Д а ш а. Избави нас боже! Мы только сюда так, взглянуть, ну и по делам.

Д е р ю г и н. А какие-такие дела будут у них?

Д а ш а. Не знаю, право. Что-то о деньгах. Деньги Анне Владимировне нужны теперь.

Д е р ю г и н. Деньги?.. Так. Ну, неужто ж, спрошу я вас так, княгиня своей крестнице-то, от своего богатства, ничего уж?

Д а ш а. Ничего. Несколько вещей, платьев — и только. Княгиня все думала жить, не ожидала скорой себе смерти, а вдруг умерла и даже без всякого завещания.

Д е р ю г и н. Оказия!

Д а ш а. Все досталось сыну; а он такой человек, что завсегда почти в долгах.

Д е р ю г и н. Н-да... и наша барышня тоже — подумаешь и о ней. Вот доли своей не нашла до сей поры.

Д а ш а. Какой это доли?

Д е р ю г и н. Обыкновенно, под венец чтобы, закон получить, гнездо свить.

Д а ш а. Очень нужно! Не хотела просто себя связывать и воли своей решаться! Посмотрели бы вы, сколько всяких женихов было там за границей, даже один из иностранных графов!

Д е р ю г и н. Видимое дело, что не хотела, а то, кажется, как бы не найтись жениха такой барышне! Есть и тут один барин, зовут его Семен Семенычем, Залешин прозывается; промеж дворовых разговор был, что будто жених. Мы так и полагали, что быть свадьбе — ан нет! Барышня уехала, а Семен Семеныч и по сей час здесь.

Д а ш а. Нынче даже и наша сестра не очень так кидается, чтоб непременно замуж; можно и без этого, и даже оченно свободно, прожить! А то еще навяжется на шею какой, жисть свою проклянешь!

Д е р ю г и н. Уж это что говорить! А бывает ведь тоже копоть и в женском сословии; ну а и наш брат, коли угарный попадется, так не накажи, господи!

С террасы сходит Р е н е в а.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ренева, Даша, Дерюгин.

Ренева. Денис Иваныч, кажется?

Дерюгин *(сняв картуз)*. Ах, барышня матушка, узнали. Дозвольте ручку! *(Целует руку.)*

Ренева. Здравствуйте, здравствуйте! Даша, отворить все окна в доме! Воздуха, воздуха больше, света! Такой там мрак... Проснулась — ужас: темно, гнилью пахнет, как гроб!

Даша уходит.

Дерюгин. Чего же тут! Дом назаперти, живой души нет. И на дворе-то пусто: один Ильич с своей Степанидой в хибарке караул содержат.

Ренева. Здесь, в саду, лучше. *(Оглядываясь.)* Но и сад — какое запустение кругом!

Дерюгин. Без хозяина, барышня, дом — сирота... Изволили приехать, и нас-то всех как солнышком осветило! Бог привел увидеть: пожаловали в родное гнездышко!

Ренева. Да, опять на родине! *(Садится к столу.)* Но как тут все печально, как все печально! Садитесь, Денис Иваныч, да надевайте шапку.

Дерюгин. Нет, как можно-с!

Ренева. Я вам приказываю, без церемонии.

Дерюгин. Слушаю-с. *(Садится.)* Гм... Человек-то, господи ты боже мой! как там где ни хорошо, а все хочется глянуть на свое родное.

Ренева. Давайте пить чай и расскажите мне про свое житье-бытье. *(Наливает.)*

Дерюгин. Благодарим покорно, матушка барышня.

Ренева *(пододвигая чашку)*. Пейте и рассказывайте. *(Медленно пьет сама.)*

Дерюгин. Да что наше житье, барышня; света не видим, так копошимся, как червь в земле. Не стоит и разговора наше житье.

Ренева. А я повидала свет, постранствовала, Денис Иваныч. Пейте же чай, пожалуйста!

Дерюгин. С вашего позволенья, коли... и имеем честь проздравить с приездом.

Ренева. Благодарю. А вот в чем дело, Денис Иваныч, деньги мне очень нужны.

Дерюгин. Кому они не нужны, матушка барышня?!

Ренева. Но мне особенно. Я осталась в настоящую

минуту, после смерти княгини, без всяких средств; аренды, которую вы, крестьяне, платите за землю, мне недостаточно; должна же я чем-нибудь жить. Что мне делать?

Д е р ю г и н. Н-да... Такое дело! *(Пьет чай.)*

Р е н е в а. Грустно, а придется навсегда расстаться со своим родным уголком; я думаю продать имение.

Д е р ю г и н. Продать!.. А ведь жаль, поди? Свое, родное!

Р е н е в а. Делать нечего!.. Вот и покупайте всем обществом вашим или один.

Д е р ю г и н. Ах, барышня, рады бы мы в рай, да грехи не пущают! Голутвенный мы совсем народ, переколачиваемся изо дня в день.

Р е н е в а. Ну, полно вам бога гневить! Я знаю: у вас-то есть деньги.

Д е р ю г и н. Деньги? Какие у меня деньги! Шутить изволите, барышня; грош какой-нибудь для смертного часа, на помин души.

Р е н е в а. У вас, я помню, сыновья такие молодцы; где-то там подрядчиками... в Одессе, кажется.

Д е р ю г и н. Захотели вы, барышня, от сыновей нынче! Давно уж отбились. Так разве иной пришлет когда малость на наше убожество к празднику.

Р е н е в а. Так ищите мне покупщика.

Д е р ю г и н. А покупщика можно найти, и будто он уж есть на глазах. *(Пьет чай.)*

Р е н е в а. Только не барышника какого-нибудь. А то ведь порубит и рощи, и эти старые деревья. Мне бы не хотелось.

Д е р ю г и н. По вашему желанью-с, такой он, кажись, покупщик и будет: барин он из Петербурга, в больших чинах, ну и, по видимости, с капиталом. Ему имение больше требуется для воздуха, чтоб, по своему нездоровью; он и сейчас проживает недалечко здесь, вроде как на даче. Коли приказание ваше будет, можно переговорить.

Р е н е в а. Отлично, переговорите.

Д е р ю г и н. Слушаем-с. Может, они и сами к вам наведаются.

Р е н е в а. Очень рада буду; скорей бы это устроить!

Д е р ю г и н *(допивает, опрокидывает чашку и кланяется)*. Благодарим покорно, барышня, за чай за сахар, за милость вашу.

Ренева. Не хотите ли еще?
Дерюгин. Нет, уж достаточно с нас-с.
Ренева. А что наши соседи? Жив ли старик Васильков, наш бывший управляющий?
Дерюгин. Жив Трофим Федорыч, жив-с, да все что-то прихварывает; овдовел он, дочка у него, Ольга Трофимовна, подросла. *(Встает.)*
Ренева. Ах, а что Залешин?
Дерюгин. А Семен Семеныч ничего-с, поживает себе в своей Тиновке. Да вот шел я к вам, а они, вижу, за деревней проехали к себе на мельницу, должно, разгуляться вздумали. А как узнают теперьча, что вы, барышня, пожаловали, так не заехали бы к вам. Это заедут, беспременно заедут на обратной дороге... И с супругой своей проехали.
Ренева *(встает)*. Он разве женат?
Дерюгин. Как же-с, года уж с три; и детки есть.
Ренева. Вот как! На ком же?
Дерюгин. А будет она купеческая-с, рощи у отца-то и скотиной торгует. А вышел-то тоже из нашего брата.
Ренева *(отходя, как бы про себя)*. Что было шесть лет назад, и что теперь!..
Дерюгин *(присматриваясь направо)*. Барышня, Семен-то Семеныч легок на помине: вон они подъехали.
Ренева. Так прощайте, Денис Иваныч, похлопочите.
Дерюгин. Слушаю-с, буду стараться.

Ренева уходит. Входят Ильич и Степанида. Ильич берет поднос с чашками.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дерюгин, Ильич, Степанида.

Ильич *(спотыкается, одна чашка разбивается)*. Ах ты, чтоб тебе!
Степанида *(поднимает черепки и кладет на поднос)*. И кто его просит! Отдай!
Ильич. Брысь! Отойди от греха! *(Уходит.)*
Степанида. Наказанье ты мое! *(Берет самовар и несет.)*

За сценой еще что-то падает и разбивается вдребезги.

Вот так, кроши мельче! Ах, наказанье! *(Уходит.)*

Дерюгин. Эх, кабы мне этого барина посадить здесь, подходящий он нам: в нашем крестьянском деле все одно, как младенец. За его спиной я бы сам барином был. Забыл я барышне одно дело сказать; а теперь вон она с гостями идет... Ну, все одно, — после. *(Уходит в глубину сада.)*

Входят с террасы **Ренева, Залешин** и **Авдотья Васильевна.**

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ренева, Залешин, Авдотья Васильевна.

Ренева. Но это ужасно, это непозволительно, Семен Семеныч, как вы растолстели! Ха, ха, ха! Я вас не узнаю, это кто-то другой!

Залешин. Другой и есть, Анна Владимировна, совсем другой; не рыцарь, нет; одно только христианское имя и осталось у меня от прежнего.

Авдотья Васильевна. Я уж им советую сыворотку от полноты пить; потому у меня папаша тоже, даже одышка у них, так они все эту сыворотку.

Залешин. Ну да и ты, моя дражайшая, не из худеньких.

Авдотья Васильевна. Все ж таки я худее вас! Как вы скажете, как на ваши глаза, Анна Владимировна?

Ренева. Гм... право, не могу сказать!

Залешин. Парочка, одно слово!

Авдотья Васильевна. Извините, пожалуйста! Вы вспомните, как мы в прошлом году на весы становились: в вас полтора пуда больше.

Залешин. Неопровержимо!

Авдотья Васильевна. А как в девушках, так я была очень тонкого сложения и даже кашляла. Ах, что ж это у вас за сила яблоки нынешний год! Проходили мы по саду...

Ренева *(рассеянно)*. Яблоки? Да, кажется.

Авдотья Васильевна. Ну, и вишня, так это тоже на редкость — какая крупная! Уж позвольте мне с кустика попробовать?

Ренева. Сделайте одолжение.

Залешин. Любительница она всяких плодов земных!

Ренева. Так, пожалуйста, сколько угодно! Я еще не знаю, где у нас там вишни.

Авдотья Васильевна. Вы не беспокойтесь, я знаю; там, в конце сада. Мне попробовать, а то бы я на варенье попросила. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ренева, Залешин.

Залешин. Варенье, соленье, настойки и наливки — это мы не имеем соперниц; но дальше уж ничего не требуйте от нас! Вообще незатейливый человек моя супруга, извините! *(Садится.)*

Ренева. Да!.. Как же вы женились?

Залешин. Э, стоит толковать! Женился как-то в минуту жизни трудную, под веселую руку!

Ренева. Что же вы делаете в деревне?

Залешин. А что? Хозяйничаем немножко; иногда проедешь на земство, позеваешь, подремлешь там среди наших доморощенных ораторов.

Ренева. И счастливы?

Залешин. Ну, об этом помолчим! Живем себе изо дня в день, погружаемся в болото постепенно, без борьбы. Не то что волноваться, а и думать-то подчас лень.

Ренева. Некрасиво! По крайней мере вспоминается иногда прошлое? Помните, шесть лет назад, этот сад, нашу молодость, лунные вечера? Какие обеты, клятвы!

Залешин. Зачем? К чему? Я ясно увидел, когда схлынул первый жар, что в действительности и быть-то ничего не могло; больно велика разница между нами.

Ренева *(подумав)*. Да, пожалуй.

Залешин. Вот все смотрю на вас.

Ренева. И что же находите?

Залешин. Вы не переменились; пожалуй, еще лучше.

Ренева. Может быть, но и моя песенка тоже спета. Весна моя и лето прошли, настает уж осень.

Залешин. Да ведь и осенью бывают бури.

Ренева. Пожалуй, могут быть, я такая!

Залешин. Что вы за границей?.. Вы ведь думали петь на сцене?

Р е н е в а. Думала, да; серьезно думала. И какой у меня развился голос; мне предсказывали славу, и я уж слышала шепот удивления и восторга!.. И вдруг заболело у меня как-то горлышко, сделалось там что-то, и он, мой голос, моя надежда и мечта, пропал!

З а л е ш и н. Ай, ай!

Р е н е в а. Плакала я, металась, как безумная, просила у бога смерти, но нет,— осталась жива и теперь не знаю, что я, зачем я?.. Порой такая тоска и злоба на себя и на все, а то жить хочется, жить, не глядя ни на что.

З а л е ш и н. Ведь это в самом деле злейшая обида! Помню я ваш голосок.

Р е н е в а. Не говорите лучше, а то сейчас расплачусь!

З а л е ш и н. А что еще там было с вами? Можно спросить-то?

Р е н е в а. Спрашивайте! Отвечу на все, все скажу: у меня про себя какая-то злобная откровенность накипела.

З а л е ш и н. Ведь было что-нибудь?

Р е н е в а. Не ошиблись, было. Но герой мой оказался дрянью: он думал, что я богатая невеста или по крайней мере будущая звезда сцены; но когда увидел, что, увы, ни того, ни другого, он оробел; я возненавидела его и прогнала от себя. Было много и еще поклонников, обожателей, которые готовы были целовать мои ноги... нет! даже следы моих ног, в надежде, что княгиня даст мне большое приданое, и которые все потом под более или менее благовидными предлогами сначала сконфузились, а потом удалились.

З а л е ш и н *(ходит и мычит)*. Долго пробудете у нас?

Р е н е в а. Не знаю. Нет, недолго; вот продам именье и улечу. А куда — бог весть! И больше уж вы меня не увидите. Только что я буду здесь делать пока-то, пока это продастся? Мне уж и теперь скучно: дом мрачен, сад тоже уныл, и одна я... Разве от тоски за вас взяться?

З а л е ш и н. Нет, ради бога! Вот я уж чувствую: и во мне что-то нарушено, разлад пошел внутри. Не буду ужинать, как всегда ужинал. Нет, куда уж!..

Р е н е в а *(смеясь)*. А вы думаете, я бы так и оставила вас в покое, если бы нашла вас прежним? Нет, я бы

помучила, потешилась. Ведь я вообще страшно зла, я не могу без желчи глядеть на людское спокойствие, мне так и хочется хоть каплей отравить чужое счастье. От меня добра не ждите!.. Ох!.. Да!.. Так что же мне делать здесь пока? Давайте мне что-нибудь, кого-нибудь укажите! Наконец, у меня даже здесь нет кавалера, а мне хотелось бы вот, в последний раз, осмотреть все родные места, покататься по реке! Вы не годны... отяжелели.

З а л е ш и н. Я не годен, это верно! А кавалера я вам представлю, есть у меня приятель.

Р е н е в а. Кто же это?

З а л е ш и н. А не помните ли, был здесь ближайший сосед у вас, в версте, не больше, майор Рабачев?

Р е н е в а. Это чудак какой-то? Самодур?

З а л е ш и н. Он самый; а это его сын, Борис: молодец, вырос на чистом воздухе; был отдан в гимназию, но взят из четвертого класса, ибо майору как-то, при посещении гимназии, швейцар не отдал подобающей чести. Он разругался там со всем начальством и взял сына. Теперь майор умер, Борис живет в деревне, изучил мужицкое дело; сам и пашет и орет — и барин и крестьянин.

Р е н е в а. Это интересно!..

З а л е ш и н. Только как его вытащить? А, я придумаю: у вас в именье есть спорная межа; еще майор затеял дело; я скажу, что вы желаете окончить этот спор, чтоб он немедленно явился. Завтра же будет у вас!

Р е н е в а. Хорошо!

Входит А в д о т ь я В а с и л ь е в н а.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Р е н е в а, З а л е ш и н, А в д о т ь я В а с и л ь е в н а.

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. Ну, вишня! Ах, какая вишня! Уж попрошу у вас, Анна Владимировна!

Р е н е в а. С удовольствием. Завтра же пришлю вам.

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. А я вам за это варенье сварю.

Р е н е в а. Благодарю вас.

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. Пора нам и ко дворам. О чем задумались, Семен Семеныч? *(Реневой.)* Вы не удивляйтесь! С ним это часто бывает, найдет

на него что-то, и ходит истуканом по целым дням. А что нам еще нужно, чего недостает? Всего довольно. Вот приезжайте-ка к нам, Анна Владимировна, увидите: дом у нас новый, большой, какой скотный двор, все хозяйство! Сад разводим!.. Беспременно приезжайте.

Темнеет.

Ренева. Как-нибудь побываю.

Авдотья Васильевна. Семен Семеныч, домой пора!.. Ночь на дворе, тучи заходят; ишь как вдруг стемнело, не было бы грозы. А я смерть боюсь!

Залешин *(как бы очнувшись)*. Едем, едем... да!..

Авдотья Васильевна. Слава богу, очнулся! Ну, прощайте-с, Анна Владимировна, уж поцелуемтесь с вами.

Целуются.

Ренева. Прощайте!

Авдотья Васильевна *(поспешно уходя)*. Скорей, Семен Семеныч, а то гроза захватит.

Залешин *(протягивая руку Реневой)*. До свиданья! Так заглянете на наше житье-бытье?

Ренева. Нет, зачем? Благоденствуйте! Что мне у вас делать! А зевать до истерики я могу и здесь, дома.

Залешин. А коли ежели да это самое благоденствие и с этого самого раза вдребезги полетит?

Ренева *(с ядовитой улыбкой)*. Успокойтесь, успокойтесь!

Залешин. Нет! *(Ударяя себя в грудь.)* Тут что-то у меня неловко вдруг сделалось!

За сценой голос Авдотьи Васильевны: «Семен Семеныч, да что же вы там?»

Ренева. Слышите, зовет. Идите, поспешите к ней, к своему закону!

Залешин. Какой тон, сколько яда! А все-таки вы очаровательны! *(Уходит.)*

На сцене темно.

Ренева. Нет, уж к нему ничего чувствовать нельзя, кроме сожаленья. Бедный!

Вдали раздаются редкие удары церковного сторожевого колокола.

Звон... вечерний звон! «Как много дум наводит он!..» Поброжу по саду. *(Уходит направо.)*

Рабачев и Оля выходят, обнявшись, из глубины.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Рабачев и Оля.

Оля *(робко оглядываясь)*. Смотри, огонь в доме, еще не спят. Как страшно!

Рабачев *(прижимая ее)*. Со мной-то страшно! Что ты! Не бойся ничего!

Оля. Нет, уж больше не пойдем сюда. Здесь нельзя нам видеться; она приехала, будет гулять по вечерам. Лучше где-нибудь в другом месте.

Рабачев. Приходи ко мне. Отчего ты не хочешь? Чего боишься?

Оля *(припадая к нему на грудь)*. Ах, Боря, как-то неловко еще, стыдно! Никто еще не знает. Ну, увидит кто-нибудь...

Рабачев. А что ж такое? Ничего. Ведь ты моя невеста.

Оля. Невеста — да! *(Смеется.)* Ты когда сватался-то?

Рабачев. Эка важность, что не сватался! Не успел еще. А вот приеду к твоему отцу, скажу два слова, и сейчас свадьба.

Оля *(смеется)*. А когда это случится? После дождика в четверг?

Рабачев. Да куда торопиться-то, Олюшка? Еще наживемся в браке-то: надоест, канитель ведь это. Вон посмотри на Залешиных! А теперь думаешь, где бы свидеться, крадешься, чтобы люди не видали, сердце бьется. Хорошо ведь это?

Оля. Да, тебе-то хорошо.

Рабачев. А тебе?

Оля *(смеется)*. И мне хорошо... да только...

Рабачев. Что?

Оля. Стыдно, вот что... да и грех.

Удар колокола.

Ай!

Рабачев. Что с тобой!

Оля. Ох!.. Погоди!.. Знаешь что? Иногда, вот так-то повидавшись с тобой, бегу я домой через погост ночью, и вдруг сторож в колокол... Мне все мерещится, что мать грозится из могилы, сердится.

Рабачев. Полно пустяки-то! Живой об живом и думает, а мертвым до нас дела нет.

Оля. Ах! *(Прижимается к Рабачеву.)*

Рабачев. Что ты?

Оля. Там кто-то ходит.

Рабачев. Да и то. Уйдем отсюда.

Оля. Куда же?

Рабачев. Пойдем ко мне.

Оля. Ах, нет, что ты!

Рабачев. Ну, Оля! ну, пойдем. Ну, милая, пойдем ко мне.

Оля. Ах, Боря, нет, право... Нехорошо... Ну, увидят?

Рабачев. Эх, Оля! Не ломайся ты, сделай милость! Знаешь, терпеть я не могу. *(Поворачивается, чтобы уйти.)*

Оля. Ну, миленький, пойдем, пойдем! Ну, прости меня, миленький, миленький!

Уходят в глубину. Ренева выходит справа.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Ренева *(одна)*. Кто это? Вот счастливцы! Какое воркованье, какая ласка! Ведь есть же счастье: зачем же оно другим, а не мне? Зачем я их видела? Разве не могли они со своим счастьем идти в другое место? Или затем, чтобы зависть и злоба не умирали во мне, чтоб они душили меня постоянно? *(Опускается на скамью.)* О, проклятие!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

РЕНЕВА.

ЗАЛЕШИН.

РАБАЧЕВ.

ОЛЯ ВАСИЛЬКОВА.

ХУДОБАЕВ
значительный чиновник в отставке, 50 лет.

ДЕРЮГИН.

ДАША.

Большая мрачная комната в доме Реневой; мебель старая; с одной стороны дамский письменный стол, кресло; с другой—

круглый стол, диван и кругом кресла; на стенах почерневшие портреты. Две боковых двери и одна — прямо, стеклянная, отворенная на балкон; виден сад; направо, сбоку, окно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ренева сидит за письменным столом, Даша стоит подле.

Ренева. Это в Венецию. *(Задумывается.)* Ах, Венеция!..

Даша. Умрешь — не забудешь, Анна Владимировна!

Ренева. Это в Париж, доброму старичку Пэно, нашему банкиру. Париж, милый Париж, когда-то я снова увижу тебя!

Даша. Лучше города, кажется, нет и на свете!

Ренева. Даша, а вдруг мы с тобой останемся здесь: придет осень с дождем, настанет зима, вьюги.

Даша. Анна Владимировна, лучше не пугайте! Без оглядки убегу! Вот день всего пробыли здесь — а уж и терпенья нет никакого.

Ренева. Нет, я шучу, укатим с тобой во что бы то ни стало!.. Вот и письмо в Ниццу, нашей старой хозяйке, чтобы ждала.

Даша. Ах, кабы скорей отсюда, барышня!

Ренева. Не является до сих пор Денис противный с своим барином, а обещал сегодня.

Даша. Уж мне не добежать ли в деревню, узнать?

Ренева. Подождем еще немного. Ах, все это так: ну, продам я теперь именье, получу деньги, несколько лет проживем, а там что, чем жить? Вот страшный вопрос!

Даша. Э, барышня, что загадывать? Это вот если б семейство, дети,— а то вы одне!

Ренева. И то правда; авось с голоду не умру! Ну, сделаюсь учительницей пения или еще чего-нибудь; а то пойду на сцену — буду актрисой.

Даша. Да конечно, неужели нельзя прожить! Вот и я так-то о себе: живи, пока молода, а старость придет, тогда все равно, знай только кайся в грехах!

Ренева. Так, так! Отправь же скорей письма! *(Отдает.)*

Даша. Сию секунду! *(Взглянув в окно.)* Анна Владимировна, посмотрите, красавчик какой явился, ходит по двору! Ха-ха-ха!

Ренева *(взглянув)*. Ай, что это за чудак? Кто это?

Даша *(убегая направо)*. Не знаю, пойду спрошу! *(В дверях.)* А вот и староста, барышня!

Входит Дерюгин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ренева и Дерюгин.

Дерюгин. Дозвольте, барышня, войти?

Ренева. Ах, входите, входите; я вас жду с нетерпением! Что скажете?

Дерюгин. Дело идет на лад, барышня.

Ренева *(весело)*. Отлично!

Дерюгин. И даже они здесь сами приехамши со мной. По двору там гуляют.

Ренева. Так это он на дворе?

Дерюгин. Они-с! Коли угодно...

Ренева. Давайте, давайте его сюда!

Дерюгин. Слушаю-с. Но только вот что, барышня: какая, примерно, цена от вас будет?

Ренева. Вот уж задача-то для меня! Я решительно ведь ничего не понимаю в этом. Вы скажите мне, сколько просить?

Дерюгин. Как сказать-с! Дело оно такое: много запросить — не дадут, мало взять — будто себе обидно!

Ренева. Ну, да говорите по крайней мере приблизительно, сколько назначить!

Дерюгин. Хм... Ох-хо-хо!.. Пораскинуть надо умом, сообразить.

Ренева. Ну?

Дерюгин. Здесь это, под усадьбой, пахоти десятин двести будет, там широкий луг... ну, леску...

Ренева. Да скорей, пожалуйста!

Дерюгин. А коли скорей приказываете, так будет вот так верно: пятнадцать тысяч рублей извольте просить.

Ренева. Пятнадцать тысяч? Так мало? Я думала, много больше, так тысяч тридцать.

Дерюгин. Помилуйте! Тридцать тысяч! Хм!.. Что вы это, барышня! Нет-с, коли пятнадцать тысяч даст,— это в самом аккурате будет! Земли теперьча по нашим местам в продаже объявлено страшное дело. Куда ни повернись, все продажа. Тут только

что ему место подходящее по его здоровью, для дыхания, значит, вольный воздух.

Ренева. Мало, очень мало; но делать нечего, я согласна.

Дерюгин. А коли что, барышня, заупрямится, так вы обождите, скидки сразу не делайте.

Ренева. Нет, уж ни за что не уступлю ничего, и так немного очень. Ах, да! Ведь нужен будет план именья... Он у меня, кажется, есть где-то.

Дерюгин. Плант, как же-с, потребуется в таком случае.

Ренева *(уходя)*. Так я сейчас отыщу его. Просите его сюда.

Дерюгин *(один)*. Чудно, господа эти... говори им, что хочешь! *(Заслышав шорох в передней, заглядывает в дверь.)* Пожалуйте, сударь, оне сейчас войдут.

Входит Худобаев.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дерюгин, Худобаев.

Худобаев. Н-да... хорошо!.. *(Осматриваясь кругом.)* А дом, по-видимому, старый!

Дерюгин. Он старый, а еще постоит; потому лес здоровенный и стройка хорошая.

Худобаев. Н-да... *(Хватаясь за голову.)* Как мне сегодня дурно!.. Голова!.. *(Хватаясь за бок.)* И здесь что-то!..

Дерюгин. Какая, сударь, примерно, болесть в вас заключается?

Худобаев. Весь организм расстроен, мой милый: головокружение, спинное страдание и внутри...

Дерюгин. Ишь ты, дело какое! Заберется же такая дрянь в человека, чахлость эта самая!

Худобаев *(про себя)*. Нет, надо пить декохт, непременно декохт.

Дерюгин. Декоп — это первое дело. Я в третьем году расхворался с натуги, поднимал тяжело; так в городе фершал знакомый велел мне настоять этот декоп на вине на простом; и чтобы по два стакана поутру, натощах, и на ночь. В нутре тогда очень мне облегчение было, и весь я развязку получил, ваше превосходительство. Бог даст, здесь у нас поправитесь, особливо ежели еще будет тут у вас

свое имение. Воздух у нас очень легкий, все господа одобряют, и погулять есть где!

Худобаев. Н-да... место недурно.

Дерюгин. Золотое донышко это имение, только в руки его взять!.. Ну, пришли мы, сударь, теперьча с вами торговать, надо нам цену свою объявить.

Худобаев. Хм... надо; но я полагаю, что прежде должен объявить продавец.

Дерюгин. Так-то оно так, а и нам надо в голове свое содержать, чтоб было готово.

Худобаев. Я не знаю, какие здесь земли и условия хозяйства; со всем этим надо ближе познакомиться.

Дерюгин. Понимаем-с. Да вам что же, ваше превосходительство, так оченно уж затруднять себя насчет хозяйства — вам, главное, прохлада чтоб, воздух.

Худобаев. Н-да... конечно; но вместе с тем я желал бы заняться и хозяйством.

Дерюгин. Так-с. Что ж, можно и это испробовать, дело хорошее; и мы бы, дураки, поучились у вас. Кажись, кабы у меня капитал, я бы и думать не стал, двадцать тысяч выложил.

Худобаев. Н-да... Нет, нет, как можно! Нет, тысяч десять так, или около того, меньше, я полагаю.

Дерюгин. Десять тысяч, сударь? Скуповато! И двадцать пять тысяч дадите, и то в барышах будете. А земли по нынешнему времени, ох, дороги!.. Потому, главная причина, купец кинулся на землю, скупает, и наш брат, мужик, норовит, как бы тоже собственником стать.

Худобаев. Нет, более десяти тысяч я не могу, так по моему расчету; да и не стоит!

Дерюгин. Ваше дело, сударь. Вот и оне сами-с! *(Отходит в сторону, пощипывая бороду.)*

Входит Ренева.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Худобаев, Дерюгин, Ренева.

Ренева *(в руках у нее сверток плана. В дверях, обращаясь назад)*. Даша, кто там?

За сценой голос Даши: «Какая-то девушка вас спрашивает».

Так попроси подождать.

Худобаев *(расшаркиваясь)*. Имею честь представиться: Худобаев, ваш сосед.

Ренева. Очень приятно. Прошу садиться.

Садятся.

Вы из Петербурга?

Худобаев. Так точно-с. Двадцать пять лет состоял на службе, но в настоящее время, по расстроенному здоровью, вынужден был просить увольнения в отставку и, согласно совету врачей, уехать из столицы для поправления в деревню.

Ренева. И желаете, как я слышала, купить именье?

Худобаев. Н-да... отчасти имею желание приобрести собственность, где бы можно было отдохнуть, завести небольшое хозяйство. Притом же я очень люблю природу-с: тишину лесов и аромат полей.

Ренева. Так вот и отлично, я продаю, вы желаете купить. И покупайте, владейте! Вы осматривали именье?

Худобаев. Н-да... Нет-с, в точности еще не ознакомился.

Дерюгин. Да по межам здесь поблизости прошли-с мы, едучи сюда, а дальних местов, луг тоже, не осматривали.

Ренева. Именье в хорошей местности.

Худобаев. Вообще... н-да... местность довольно живописная. А как вы думаете, сударыня, какую сумму взять за ваше имение? Его стоимость по-вашему?

Ренева *(к Дерюгину)*. Денис Иваныч, как вы думаете?

Дерюгин. Ваше именье, барышня, ваша и воля.

Ренева. Пятнадцать тысяч и ни копейки меньше! А больше дадите — возьму!

Дерюгин. Ах, барышня, отчего не взять, коли дадут.

Худобаев. Пятнадцать тысяч!.. Н-да!.. Сумма!.. Очень много-с, очень много!

Ренева. Помилуйте, это-то дорого! Нет, именье стоит много больше, только мне нужны деньги теперь. Что вы скупитесь? В этом именье вы находите все, что вам нужно, здесь все к вашим услугам: рощи, луга, река и город недалеко, если понадобится доктор.

Худобаев. Н-да-с... Советы врачей мне необходимы. Вот и теперь у меня миланские мушки: головные

боли у меня, головокружение, притом же спинные страдания и разное внутреннее расстройство.

Р е н е в а. Здесь вы воскреснете.

Д е р ю г и н. У нас отгуляетесь, ваше превосходительство, потому прохладность необнаковенная.

Р е н е в а. Вы одинокий человек?

Х у д о б а е в. Совершенно; два года назад схоронил единственную сестру-девицу уже немолодых лет.

Р е н е в а. Женитесь вот здесь на какой-нибудь соседке и заживете наславу.

Х у д о б а е в. Женитьба — предмет такой, который требует серьезного размышления. Думал, намеревался когда-то, но не встретил в жизни своей...

Р е н е в а. А вдруг здесь и встретите; может быть, она уже близко, около вас.

Х у д о б а е в. Хм... н-да-с... конечно... все может быть.

Р е н е в а. А в саду моем вы не были?

Х у д о б а е в. Еще нет-с.

Р е н е в а. Там много фруктовых деревьев; не хотите ли взглянуть?

Х у д о б а е в. Очень будет приятно.

Р е н е в а. Денис Иваныч, покажите сад! А меня извините, я вас не надолго оставлю, меня кто-то ждет.

Х у д о б а е в. Сделайте одолжение, не беспокойтесь.

Д е р ю г и н. Мы уж кстати скотный двор посмотрим, ваше превосходительство.

Р е н е в а. Так вот через балкон, прошу вас!

Х у д о б а е в. Очень хорошо-с.

Д е р ю г и н. Пожалуйте, сударь.

Х у д о б а е в и Д е р ю г и н уходят.

Р е н е в а. Ах, скорее бы это кончить... Какая тоска! *(Отворяет дверь налево.)* Кто меня там спрашивает?.. Ах, кто это?

Входит О л я.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Р е н е в а и О л я В а с и л ь к о в а.

О л я. Здравствуйте, Анна Владимировна!

Р е н е в а. Позвольте... Оля? Дочь Трофима Федорыча Василькова?

О л я. Да-с.

Р е н е в а. Как выросла!

О л я. Папаша не так здоров, сам не мог, так прислал меня вас поздравить. *(Подает букет.)* Из нашего садика.

Р е н е в а *(берет цветы)*. Благодарю, благодарю! Прелестные цветы, а вы еще лучше этих цветов. Вы что же, где-нибудь учились?

О л я. Нигде-с, только у папаши.

Р е н е в а. Какая миленькая! У вас есть жених, сватался за вас кто-нибудь?

О л я. Да нет-с... не знаю. *(Вздыхает.)*

Р е н е в а. Отчего же вы так вздохнули?

О л я. Ничего, это я так-с.

Р е н е в а. Не может быть. У вас какое-нибудь горе?

О л я. Нет-с, что ж бога гневить, горя у меня нет никакого. А ведь у всякого человека есть что-нибудь на душе.

Р е н е в а. Ну да, именно. И у вас если не горе, от которого сохрани вас бог, так, должно быть, что-нибудь очень интересное на душе.

О л я. Для кого же это может быть интересно, кроме меня?

Р е н е в а. Вот для меня, например.

О л я. Вам это только из любопытства из одного.

Р е н е в а. О нет, мой друг, из полного сочувствия к вам. Ну, да мы еще потолкуем как-нибудь на досуге. Вы мне все расскажете?

О л я *(подумав)*. Не знаю-с... зачем же! *(Вздыхает.)*

Р е н е в а. Ну, вот опять. Нет, нет, я все, все выпытаю.

За сценой колокольчик.

Это еще кто?

Входит Д а ш а.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Р е н е в а, О л я, Д а ш а.

Д а ш а. Какой-то господин Рабачев.

Р е н е в а. А, знаю. Проси!

Д а ш а уходит.

О л я *(в смущении)*. А я... мне уж пора домой...

Р е н е в а. Нет, нет, минутку подождите, у меня кое-что есть для вас.

О л я. Так позвольте... я в саду. *(Убегает.)*

Входит Р а б а ч е в.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ренева, Рабачев.

Ренева. Очень рада, очень рада! Здравствуйте!

Рукопожатие.

Садитесь.

Садятся.

Рабачев. Вы хотели поговорить о спорном владении?

Ренева. Да, да; но об этом после; да, вероятно, я вам уступлю, что там... я не знаю!

Рабачев. Зачем же уступать? Я не хочу от вас подарка.

Ренева. Ах, извините! Нет, я не то хотела сказать... Ну, мы сделаемся как-нибудь. А прежде всего мне просто хотелось с вами познакомиться; это спорное владение — только один предлог, чтобы вас вызвать; иначе, я слышала, вы такой нелюдим, что и не показались бы никогда.

Рабачев. Да-с, я вообще больше дома... я никуда.

Ренева. Я вижу, вы уж хмуритесь, вы недовольны!..

Рабачев. Нет-с, а только я совсем не светский человек, со мной скучно.

Ренева. Все эти светские мне надоели, и разговоры их тоже; а вы для меня человек новый, интересный.

Рабачев. Не знаю, ничего во мне нет; я простой, необразованный человек и с барышнями разговаривать совсем не умею...

Ренева. «С барышнями»! Ха, ха, ха! Ну, я не такая барышня, каких вы видели, я другая, совсем особенная. Вот вы увидите, какая я барышня! И уж я вас не выпущу теперь. Я здесь одна, вы будете моим кавалером.

Рабачев. Да я пожалуй, только вам будет скучно со мной, уж я это знаю.

Ренева. Что вы потупляетесь, как красная девица? Вот диковина для меня! Ведь вы прелесть что такое! Не бойтесь, я вас не съем, и не беспокойтесь за меня, мне скучно не будет, а будет очень весело с вами: будем гулять, кататься... Лодкой вы умеете править?

Рабачев. Хитрость небольшая.

Ренева. Отлично! Как-нибудь мы на лодке, подальше, и затянем песенку! А лошади у вас есть?

Рабачев. Тройка есть съезженная, да и одиночки есть.

Р е н е в а. Править умеете?

Р а б а ч е в. Ничего, ездить умею, да у меня и кучер хороший.

Р е н е в а. Вы теперь-то на тройке?

Р а б а ч е в. На тройке.

Р е н е в а. Знаете что: поедемте сейчас на дальний луг, там будем чай пить.

Р а б а ч е в. Извольте!

Р е н е в а. «Извольте»! А сам проклинает!

Р а б а ч е в. Ну, что ж? Пожалуй, поедемте.

Р е н е в а. Да уж так, так! Но знайте, я не из тех, которые отступают: сказала — не выпущу, и не выпущу!

Р а б а ч е в. Нет, я ничего, я готов.

Р е н е в а. И вот что: знаете, я ведь продаю свое именье, и покупщик уже явился, он здесь, осматривает сад, так захватим его кстати. Он поедет за нами со старостой, пусть посмотрит луга. Таким образом мы соединим приятное с полезным. Хотя, признаться, я терпеть не могу этой смеси приятного с полезным, но что делать? Нужда! Ах, еще у меня тут одна бедная девушка, но премиленькая!.. Вот я вам покажу. *(Подходит к балкону и зовет.)* Оля, Олинька!

Входит О л я и, потупясь, останавливается у дверей.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Р е н е в а, Р а б а ч е в, О л я.

Р е н е в а *(к Рабачеву)*. Да вы, может быть, уже знакомы?

Р а б а ч е в. Мы видались иногда...

О л я. Мы знакомы.

Р е н е в а. Вот вспомнила: вообразите, вчера ночью я была невольной свидетельницей какого-то свиданья у меня в саду! Да, какая-то парочка, очень горячая! А ночь славная была, и как же они любовно обнялись на моих глазах. Покаюсь, так тошно мне стало мое собственное одиночество и так досадно на эту парочку — так бы взяла да и разбила сейчас это чужое счастье!.. За что же я-то одна? Вот какие у человека минуты бывают. *(Оле.)* Идите туда, ко мне. *(Рабачеву.)* Я сейчас буду готова, и мы едем.

Уходят.

Р а б а ч е в. Вот она какая! Откуда такая проявилась? Вот что значит образование и ловкость-то: Оля-то моя какая перед ней кажется невидная и простенькая! Зачем я ей? Не знаю. Ну, какой я кавалер для нее! Ей совсем не такого нужно.

Входит З а л е ш и н.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Р а б а ч е в и З а л е ш и н.

З а л е ш и н. Ты здесь?.. Видел?

Р а б а ч е в. Видел.

З а л е ш и н. Какова?

Р а б а ч е в. Ничего!

З а л е ш и н. Ах ты, чурбан! *(Передразнивая.)* «Ничего»! Да ты и во сне-то не видал таких женщин! Жизнь, понимаешь ты,— всю жизнь можно отдать за ласку такой женщины. К черту тогда всё...

Р а б а ч е в. Эко ты разогрелся как!

З а л е ш и н *(опускаясь на стул)*. Да, братец, разогрелся!.. Думал — угасло все, конец; ан нет. *(Ударяя себя в грудь.)* Тут еще шевелится что-то. А меж тем аз есмь схороненный уже человек на сем свете! Пойми ты это! Можешь ты понять эту штуку, раскусить? Жив и мертв!

Р а б а ч е в. Понимаю, не совсем глуп. Штука скверная!

З а л е ш и н. А-а, вот то-то и есть!.. Подло, братец, оченно подло!.. Жив и мертв! Ну, и закурили мы, так закурили, что не скоро угар этот выйдет! Со своей Авдотьей Васильевной разругался... А чем она виновата? Гадость с моей стороны, а ничего не поделаешь: видеть ее не могу! И работы, покос — все побросал, нигде не был сегодня. А попаду на покос — перепою мужиков, сам нарежусь, песни будем драть,— гуляй, душа российская!

Р а б а ч е в. Черт знает что такое! Зачем же сюда-то явился в таком виде?

З а л е ш и н. А сюда... взглянуть на нее, вот зачем; раз увидел, и тянет теперь... ничто не мило! *(Встает.)* Взгляну — и бежать, потому для меня все кончено,— жив и мертв! А ты оставайся, будь здесь и все, что она прикажет!.. Слышишь ты?

Рабачев. Дела-то, кажется, мне здесь нет никакого. И не знаю, зачем я здесь?..

Залешин. Да как ты смеешь?.. Урод!.. Дело ему!.. Тебе мало быть подле нее, с ней, видеть ее, эту женщину! О!.. А если еще приглянешься ей, так уж лучше, слаще ничего в жизни твоей не будет. А я... нет, я сейчас исчезну; лучше не видеть, а то с ума сойду, в пропасть загремлю! *(Быстро уходя.)* Кланяйся ей!

Рабачев. Да уж и помешался!

Входит Оля с соломенной шляпкой в руках.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Рабачев и Оля.

Оля *(показывая шляпу)*. Видишь — подарок!.. Да я не буду носить, не хочу!.. А ты приехал познакомиться с ней?

Рабачев. Нет, я было по делу, о спорной даче переговорить; а теперь вот зовет ехать с ней на луга.

Оля. Поедешь?

Рабачев. Не хочется, а отказаться нельзя, на тройке просит прокатить.

Оля. Какая она образованная!

Рабачев. Еще бы! Из-за границы! Светская!

Оля. Не то, что мы здесь; вот я совсем дурнушка перед ней.

Рабачев. Всякий сам по себе хорош.

Оля. Видела она нас, Боря, вчера в саду-то, только не узнала!

Рабачев. А хоть бы и узнала, что ж такое, скрываться теперь нечего!

Оля. Ах! Знаешь, как меня кольнуло в сердце, как она это сказала: «Так бы взяла, говорит, да и разбила сейчас это чужое счастье!» Зачем это она так говорит? Какое ей дело до чужого счастья!

Рабачев. Пусть говорит. Надо же ей говорить-то что-нибудь.

Оля. Пришло мне в голову вдруг: вот возьмет она да и разобьет наше с тобой счастье.

Рабачев. Это как же так?

Оля. Так! Полюбишь ее и бросишь меня!

Рабачев. Вот еще вздор какой!

О л я. Ты-то полюбишь, а тебя-то уж нет,— никто не полюбит так, как я люблю. Нет, уж больше любить нельзя.

Р а б а ч е в. И что ты выдумываешь! Пожалуй, вон она приглашает меня быть ее кавалером: гулять с ней всегда, кататься, везде чтобы вместе!..

О л я. Вот так и начнется, и пойдет, дальше да больше.

Р а б а ч е в. Не очень-то я податлив! И не желаю я с ней путешествовать. Барыне делать нечего, забавы ищет,— больше ничего! Нет, вот прокачу ее, а там и прощай! Некогда нам, свои дела есть.

О л я. А затянешься понемножку, и забудешь все.

Р а б а ч е в *(насмешливо)*. Ну да, как же, непременно!

О л я. Да! Она вот какая, она уговорит, кого хочешь! Вот со мной сейчас так заговорила, что даже слезы у меня; не могу с собой совладать, чуть-чуть всего ей не сказала!..

Р а б а ч е в. Это ты, а нас не скоро в чувствительность приведешь!

О л я. А если случится это, Боря?

Р а б а ч е в. Да перестань же, Оля, наконец! Какая глупость!.. Я не ожидал от тебя...

О л я. И правда, какая я глупая, что выдумала! Да за что наше счастье разбивать? У других людей там деньги большие, богатство, а у нас что? Только любим мы друг друга, так кому же до нас дело!

Р а б а ч е в. И выкинь ты из головы, чтобы никогда я от тебя не слыхал этих глупостей!

О л я. Прости, не буду. Нет, ничего! Гуляй, катайся с ней! Никто не отнимет тебя у меня... Так ведь?

Р а б а ч е в. Я думаю! Кому я нужен? Вот еще!

О л я. Она собирается, сейчас выйдет, а я садом пробегу домой. Я увижу, как вы поедете. *(Прислушиваясь.)* Вот идет! *(Быстро целует Рабачева.)* Прощай! *(Убегает в сад.)*

Р а б а ч е в. Придумает же! Ишь что ей в голову пришло!

Входит Р е н е в а.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Р а б а ч е в и Р е н е в а.

Р е н е в а *(надевая перчатку)*. Покупщик с старостой уехали. Послушайте, мне хочется догнать и перегнать их. Можно это?

Р а б а ч е в. Еще бы! Конечно, перегоним.
Р е н е в а. Мы шибко поедем?
Р а б а ч е в. Шибко не шибко, а кому с непривычки, так дух захватывает.
Р е н е в а. Знаете ли вы, что вы очень красивый молодой человек?
Р а б а ч е в. Я знаю, что много есть лучше меня и что я самый обыкновенный...
Р е н е в а. А зачем конфузитесь?
Р а б а ч е в. Да не надо совсем этого говорить. Что за разговор?
Р е н е в а. Послушайте... донесите меня на руках до тарантаса!
Р а б а ч е в. Это зачем? Разве у вас своих-то ног нет?
Р е н е в а. Я пошутила... А вы думали, что я серьезно?
Р а б а ч е в. Нет, не шутили, а попытать хотели.
Р е н е в а. Что попытать?
Р а б а ч е в. Нельзя ли оседлать меня.
Р е н е в а. Вот фантазии!
Р а б а ч е в. Да уж это верно! Только вот что: на лошадях моих катайтесь сколько угодно, а на мне — зачем же!
Р е н е в а. Вы любили когда-нибудь?.. А может быть, любите и теперь?
Р а б а ч е в. Ведь я говорил, что вам другого кавалера надо.
Р е н е в а. Почему же?
Р а б а ч е в. Вы всё про любовь; а я про любовь разговаривать не умею.
Р е н е в а. Да, конечно, кто умеет любить, тот разговаривать про любовь не любит.
Р а б а ч е в. Да я не знаю, умею ли и любить-то. Поедемте!
Р е н е в а. Не знаете, так узнать надо. Уж я узнаю. *(Идет к выходу.)* Непременно узнаю.
Р а б а ч е в. Ну, хорошо, ладно, узнавайте!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

РЕНЕВА.
РАБАЧЕВ.
ОЛЯ.
ЗАЛЕШИН.
АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА.
ДЕРЮГИН.

В усадьбе Рабачева спустя три дня. Палисадник, цветы и кусты; направо небольшое крыльцо дома; в глубине невысокий забор с калиткой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Рабачев сидит на ступеньке крыльца, отбивает косу, после нескольких ударов встает и начинает точить бруском. Авдотья Васильевна входит.

Авдотья Васильевна. Здравствуйте, Борис Борисыч!

Рабачев *(не оставляя дела)*. Здравствуйте, Авдотья Васильевна.

Авдотья Васильевна. Моего Семена Семеныча нет у вас?

Рабачев. Не водится и не был сегодня.

Авдотья Васильевна. Где ж это он, мои матушки? На мельнице была — нет; на хуторе — тоже! Вчера явился ночью, а нынче опять с ранней зари из дому! Верно, опять закатился на охоту свою... Потому вижу: нету дома этого ружьища поганого, сумки — тоже...

Рабачев. Ну, значит, на охоте!

Авдотья Васильевна. И что выдумал,— охоту какую-то! Допрежде, бывало, во весь круглый год-то раза два, не больше, по осени сходит, постреляет для скуки; а то уж, господи! — каждый божий день заладил, из дому совсем пропал, и не видно его. А вернется, дети на глаза не показывайся; со мной тоже ни слова; ходит, молчит, как убитый, знай только глотает рюмку за рюмкой! Пил он и прежде, да в меру, а уж это без всякой пропорции! Ох, жили три года мы, не было горя у нас, а теперь вот оно!

Злые люди позавидовали, али уж попущение такое! Не знаю, что с ним только поделалось! Борис Борисыч, как вы думаете?

Рабачев. Я-то откуда буду знать?

Авдотья Васильевна. Ну все ж таки вы его приятель: может, что и говорил вам?

Рабачев. Так нашло на человека. Пройдет.

Авдотья Васильевна. Уж пора бы пройти, четвертый день это у нас идет. И в рабочую пору,— все дела стали у нас, в доме тоже всё врозь — такое расстройство! Глаза бы мои не глядели! Ох, думаю так, не завелось ли уж чего-нибудь у него на стороне?

Рабачев. Это вы про что?

Авдотья Васильевна. Знаете, ваш брат-мужчина, глаза у него завсегда не сытые, особенно касательно женского полу: своего мало, ищет чего другого.

Рабачев. Придумывайте еще!

Авдотья Васильевна. Нет, не выдумываю, Борис Борисыч, мне верный человек сказал.

Рабачев. Кто же этот верный человек?

Авдотья Васильевна. Андревна, что на картах гадает. Так-таки просто указывает на трефовую даму! Не я же трефовая, я — бубновая. Я-то от него по картам за версту ложусь, ко мне-то он задом, а на нее так и воззрился. Ну вот, что вы мне на это скажете?

Рабачев *(с расстановкой)*. Скажу я вам, что это глупость.

Авдотья Васильевна. Нет уж, кому другому, а Андревне завсегда поверю, потому не первый раз. Тогда еще, как замуж выйти мне, выгадала ведь; а там, как заболеть папаше, опять — про пожар тоже, как сарай у нас сгорел с хлебом,— вперед сказала! А теперь вот про трефовую эту!.. Жива не останусь, а дознаюсь!

Рабачев *(указывая налёво)*. Вон он, радуйтесь, на помине легок. Отыскался!

Авдотья Васильевна *(встает, отирает глаза)*. Так и есть, с охоты своей! Слава богу, хоть трезвый, кажется!

Входит Залешин с ружьем за плечами; садится на скамейку и опускает голову на руки.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Рабачев, Авдотья Васильевна, Залешин.

Авдотья Васильевна. Посмотрите, видите, Борис Борисыч... как у нас являются! На жену и не взглянул, как ее и нет; а два цельных дня не видались.

Залешин. Шатался, шатался!.. Жажда мучает; нет ли у тебя чего, Борис?

Рабачев. Воды, квасу, что ли?

Залешин. Нет, уж это можешь сам потреблять, а нам чего-нибудь поживительней! Водки нет ли?

Рабачев. Водки нет у меня, не держу.

Залешин. Ну, коньяк, вино?

Рабачев. Ничего этого нет.

Залешин. Скверно! Вперед всегда имей все на случай для жаждущих, странных и убогих.

Авдотья Васильевна. Как же! Наготовишься на вас таких! Винный завод надо завести. Заливайте, заливайте ум-разум свой! Что только выйдет из этого?

Залешин. Перемелется — какая-нибудь мука да будет! А вы, Авдотья Васильевна, по какому же случаю сюда отъявились? Зачем?

Авдотья Васильевна. Зачем?.. Я уж не знаю, куда мне броситься, куда деваться, куда голову свою приклонить, бедную!

Залешин. Гм!.. Чего же вы так уж очень беспокоитесь?

Авдотья Васильевна. Семью бросили вы, дом забыли. Все врозь да в сторону у нас пошло! Бога вы не боитесь и людей не стыдитесь! Вот что!

Залешин *(Рабачеву)*. Аль во зеленый луг собираешься?

Рабачев. Нет, хотел сад выкосить.

Авдотья Васильевна. Вы что ж, домой-то собираетесь или нет? До завтра здесь будете сидеть?

Залешин. Собираюсь, собираюсь.

Авдотья Васильевна. Так уж пора, кажется, вечер на дворе. Поедемте, что ли!

Залешин. Можете отправляться; сейчас буду. Я верхом!

Авдотья Васильевна. А если опять пропадете,

так и знайте: я завтра уеду к папаше! И детей возьму,— довольно я намучилась!

З а л е ш и н. Так и будем знать!

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а *(уходя).* Прощайте, Борис Борисыч!

Р а б а ч е в. Прощайте, Авдотья Васильевна!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

З а л е ш и н и Р а б а ч е в.

З а л е ш и н. Таскался по болоту, дичь стрелял, да в голову вдруг и пришло: не лучше ли вместо бекаса-то в себя! Вся хандра разом пройдет!

Р а б а ч е в. Черт знает что городишь!

З а л е ш и н. Из всякой колеи выскочил, весь в разладе!.. Мерзость!

Р а б а ч е в. Пора опомниться да за ум взяться; хорошего не выйдет!

З а л е ш и н. Всё мы, братец, знаем и понимаем; да вот поди-ка угомони себя, как со дна души-то буря поднимется да перевернет все! Эх!.. А тебя я, кажется, в добрый час познакомил с ней: вы подружились!.. Сегодня видел ее?

Р а б а ч е в. Нет, и вчера не был.

З а л е ш и н. Что так?.. Или надоел ей, турнула?..

Р а б а ч е в. Напротив, очень ласкова! Гуляли, катались, в лесу были; раз ночью разложили костер, пели; она мне рассказала про свое житье-бытье за границей. А теперь больше мне некогда, дела много дома.

З а л е ш и н. Продажа имения подвигается?

Р а б а ч е в. Потеха!.. Покупщик этот, Худобаев, тогда поехал с нами луга осматривать; я с ней на тройке, а он с Дерюгиным сзади; я пустил во весь дух, Дерюгин не отставал; приехали на луг, так Дерюгин его едва ссадил с телеги, совсем развалился. После, слышно, слег, и до сих пор нет его; она уж писала, чтоб дал решительный ответ; не знаю, получила ли!..

З а л е ш и н. А про меня спрашивает?

Р а б а ч е в. Удивляется, что ты совсем исчез, не бывал у нее.

З а л е ш и н. Кланяйся, как увидишь, и скажи, что

боюсь! Можешь рассказать о моем поведении и прибавить: боится-де, что будет еще хуже.

Рабачев. Да я тоже не буду у нее больше, довольно гулять.

Залешин. Это что?.. Тоже боишься?

Рабачев. Бояться!.. Чего тут бояться? А просто от дела отбился совсем, в голове что-то перепуталось.

Залешин. Не в ретивом ли закипело? Что ж, это хорошо. И не беги от нее! Ты молод, свободен, отдавайся весь страсти; а там что будет, то будет. О, боже!.. Да я... вот отпетый уже и схороненный, а помани она меня хоть взглядом, я бы за ней на край света ушел — все побросал, все прочь!..

Рабачев. Ну, а я не хочу безумствовать. Ты еще не знаешь, я еще не говорил тебе... Мне есть что беречь и чем я должен дорожить больше всего в мире!

Залешин. Женщина, другая женщина?

Рабачев. Да! И я люблю ее, крепко люблю!

Залешин. Однако скрытен же ты!

Рабачев. Нечего было болтать прежде времени.

Залешин. Девушка?

Рабачев. Девушка; хорошая, простая душа, милая.

Залешин. Жениться думаешь?

Рабачев. Непременно. А вот эти дни с барышней этой все путаемся, совсем было забыл про нее. Теперь опомнился,— скверно, совесть грызет! Нет, шабаш,— кончено!

Залешин. И на грех она приехала к нам! Жили бы мы без нее в своих потемках; а то осветила она нам наши болота, а согреть не согрела!

Рабачев. Не пойду я больше к ней... не увижу ее никогда, вот и конец! Незачем мне! *(Взглянув на крыльцо.)* Оля!.. Вот она, видишь, вот кого я люблю! *(Бежит к крыльцу, на котором показывается Оля.)*

Залешин. Так вот кто!.. Ну, прощай, брат! Счастливо оставаться! А я *(махнув рукой)* домой, в свою тюрьму! *(Уходит в калитку.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Рабачев и Оля.

Рабачев. Сама пришла, вот умница-то! Вот умница!

Оля. Да уж теперь бежала к тебе без стыда и без страха: люди смотрят, а мне все равно. Одно в голове было,

чтоб узнать что-нибудь о тебе,— видеть-то уж и не чаяла.

Р а б а ч е в. Как ты меня обрадовала! Ну, вот твое хозяйство! Смотри, хозяйка моя милая!

О л я *(припадая к Рабачеву)*. Я к тебе третьего дня и ночью прибегала, да тебя не было дома.

Р а б а ч е в. На лодке катался.

О л я. С ней?

Р а б а ч е в. Да, с ней.

О л я. Ты все с ней, я-то... уж я думала, думала. Как же ты это... не пожалел?

Р а б а ч е в. Уж теперь кончено, довольно. Потешил ее, и сам подурачился, и будет с меня. Нет, уж теперь калачом не заманишь.

О л я. Ты ведь и тогда то же говорил, а потом...

Р а б а ч е в. Ах! Да разве я хвалю себя! Молод — вот беда-то моя! Словно как я охмелел!.. Ну, да вот очнулся, конец!

О л я. Нет, ты мне вот что скажи: ты меня все любишь... все еще так же, как прежде?

Р а б а ч е в. А то кого же, кого же еще мне любить-то? Ее, что ли? Так ты только подумай; что мне она, на что! И что я для нее? Так, потеха одна, баловство.

О л я. Вот точно камень с души свалился; а то было ведь я что думала-то! Ты не сердись! Тоска меня одолела; ну вот грызет день и ночь. Думала, коли уж он меня покинул, так пойду взгляну на него последний раз, да и... страшно и подумать, не то что вымолвить! Ты сам посуди: как мне жить без тебя и для чего жить?

Р а б а ч е в. Ольга, довольно; пора кончить этот разговор!

О л я. Ты ведь не пойдешь к ней больше?

Р а б а ч е в. Сказано тебе, не сто раз повторять!

О л я. Ну, так вот видишь: у меня даже слезы от радости, так мне хорошо!

Р а б а ч е в. И мне так хорошо, что и домой тебя отпускать не хочется.

О л я. И мне уходить не хочется.

Р а б а ч е в. Так оставайся! Что тут еще бобы-то разводить! Вот и хозяйничай!

О л я. Нет, нет, что ты! Как можно! Ты поезжай поскорей к отцу-то!

Р а б а ч е в. Завтра же поеду! Да скажу ему, что, пожа-

луйста, мол, поскорей свадьбу, я церемоний не люблю; а то, мол, я и так увезу.

Оля. Ты только отцу-то скажи; а то, пожалуй, увози. Ох, что-то уж и не верится такому счастью!

Рабачев. Осенью у меня будут деньги, выстрою новый дом, небольшой; комнатки маленькие, чисто, светло, цветов побольше...

Оля. Да!.. А окнами чтобы выходил на реку... весело: ходят барки, народ...

Рабачев. На реку и будет. Потом сад побольше разобьем; в саду будем работать вместе. Ты будешь помогать мне?

Оля. Буду; я очень люблю копаться в саду... Ах!

Рабачев. Что ты?

Оля *(указывая налево)*. Смотри — она! Идет сюда... Я спрячусь!.. *(Уходит в дом.)*

В калитку входит Ренева.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Рабачев и Ренева.

Ренева. Хорош, хорош! Как же вы смели два дня не являться? Видите, сама пришла.

Рабачев. Я был очень занят-с.

Ренева. Могу спросить, чем?

Рабачев. Рабочая пора, мало ли дела!

Ренева. Ну, вот сегодня, сейчас, например, что вы делали?

Рабачев. Собирался косить в саду.

Ренева. Собираться не значит еще делать!

Рабачев *(указывая)*. Вон косу точил.

Ренева. С вами никого не было?

Рабачев. Когда?

Ренева. Сейчас?

Рабачев. Никого. Я один.

Ренева *(с улыбкой)*. А мне послышался чей-то голос.

Рабачев. Что это, допрос, что ли? *(Садится.)*

Ренева. Так что же, хоть бы и допрос!

Рабачев. Права-то у вас нет, кажется!

Ренева. А если есть, если я интересуюсь вами, как, может быть, никем и никогда?

Рабачев. Полноте шутить! Какой интерес, и на что я вам?

Р е н е в а. А вот какой: я волнуюсь, тоскую; я умирала эти дни и все ждала вас. А у него, видите ли, какие-то дела важные!

Р а б а ч е в. Не важные, а насущный хлеб.

Р е н е в а. Фи, стыдитесь! Такой молодец и толкует о насущном хлебе, как старик о богадельне! Умрете, что ли, с голоду? Одним словом, как хотите, а на несколько дней еще вы мой. Вы не можете, не смеете отказать!

Р а б а ч е в. Эх!.. Право, ведь... знаете... *(Ходит.)*

Р е н е в а. Ничего не знаю и не хочу знать!.. Что это!.. Мне даже стыдно за вас!.. Но вы поймите, ведь только на несколько дней! Если сегодня Худобаев не ответит решительно, то есть попросту, тогда я продам имение крестьянам, за что бы только ни продать и не медля уеду, и прощайте навсегда!.. А вы уж рады, что исчезнет, испарится эта досадная женщина, которая так тревожит вас!

Р а б а ч е в. Нисколько. А признайтесь, что сами вы желаете поскорей уехать отсюда, скучно вам здесь с нами.

Р е н е в а. Скучно, да, смертельно скучно! А тут вы еще, жестокий, отталкиваете меня. Погодите, уеду, так вспомните, может быть, и не раз!

Р а б а ч е в. Вспомню, конечно; уж наверно вспомню.

Р е н е в а. Как? Злом или добром?.. А? Злом?

Р а б а ч е в. За что же мне вас вспоминать злом?

Р е н е в а. И я так думаю. Женщин вы, конечно, встретите еще много в жизни; полюбите, пожалуй, женитесь; будет у вас хорошая жена и поинтересней, получше, нежели у Залешина Авдотья Васильевна; но все-таки такую, как я, вряд ли уже увидите! Я для вас новость, как и вы для меня. Женщина вольная, как птица! Есть ли у вас такие?

Р а б а ч е в. Да, у нас тут таких не встретишь.

Р е н е в а. Вот и насмотритесь на меня хорошенько! Не все же одни и те же лица, одни и те же чувства. Эх, господа, как посмотрю я на вас да подумаю над вашим благоденствием! Нет, не хочу, не променяю я своего бездолья и бесприютности на него! Я живу, а вы здесь прозябаете!.. Да, а что же Залешин? Неужели он не приедет даже проститься со мной?

Р а б а ч е в. Не знаю; я думаю, что приедет.

Р е н е в а. Что он?

Рабачев. Не хочется говорить! Хандрит и дурит!

Ренева. Как я довольна за него, что он хандрит! Авось похудеет; а то он очень толст и близок к удару. И осиротеет его Авдотья Васильевна!.. А, вот и мой Денис Иваныч шествует ко мне.

Рабачев. А меня уж извините, я на минуту, мне нужно в дом. Позвольте!

Ренева. Позволяю!

Рабачев уходит в дом. В калитку входит Дерюгин.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ренева и Дерюгин.

Дерюгин. Был у вас, барышня, сюда послали.

Ренева. Что скажете?

Дерюгин *(подает письмо)*. Вам от барина-с.

Ренева *(быстро распечатывает и пробегает)*. Что такое?.. Ничего не понимаю! *(Читает вслух.)* «Неведомое мне до сей поры чувство охватило все мое существо! Дни и ночи я провожу в смятении и думах: то блеснет луч надежды, то угаснет, и я снова во мраке и страдаю! По долговременном и зрелом размышлении я, наконец, решаюсь и завтра буду иметь честь явиться, дабы выслушать свой приговор. С чувством наиглубочайшего уважения...».

Дерюгин. Ишь ты как! Только это насчет чего же-с он, примерно?

Ренева. Не знаю!.. Я вас спрашиваю.

Дерюгин. Мы не могим знать!

Ренева. Да он здоров?

Дерюгин. Он не то чтобы вполне, а ничего, кажись; встал с постели это, похаживает.

Ренева. Нет, я не то спрашиваю! А что его голова, то есть не помешался ли он?

Дерюгин. Хм! Незаметно; а будто только что-то он держит в голове такое, особенное.

Ренева. Да что же это наконец? Ничего он не говорил вам?

Дерюгин. Ни-ни, сикрет! А только наказывал доложить вашей милости, что завтра сам явится и будет у него объяснение с вами наедине.

Ренева. Нет, он свихнулся! Как же? Жду, жду, наконец пишу, спрашиваю коротко: покупает он или нет?

И вдруг ответ: неведомое чувство, смятение и думы! И в заключение — еще какое-то объяснение наедине!

Дерюгин. Да вот завтра узнаем, барышня; надо до завтра уж подождать.

Ренева. Только до завтра,— больше я не жду! Так ему и передайте.

Дерюгин. Слушаю-с.

Ренева. Ну, уж благодарю, отыскал покупщика, Денис Иваныч!

Дерюгин. Ах, барышня, я и сам не рад, что связался: замучил он меня своей канителью!

Ренева. И я уверена, что с ним пива не сваришь, как говорится! Я еще раз предлагаю вам: покупайте вы именье!

Дерюгин. Барышня, денег нет у нас.

Ренева. Есть у вас деньги, Денис Иваныч! Хотите, я сделаю вам рассрочку? Не упускайте!

Дерюгин. Гм!.. Коли ежели скидочку изволите...

Ренева. Ну! Торговаться!.. Ступайте и подумайте; а завтра чтоб и у вас был готов ответ на случай, да и деньги.

Дерюгин. Вашей милости мы рабы верные, должны покоряться! Подумать можно. А пока, барышня, просим прощения!

Ренева. Прощайте! Так помните, завтра!

Дерюгин. Будем помнить-с! *(Уходит.)*

Входит Рабачев.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ренева и Рабачев.

Ренева. Так вы и не скажете мне?

Рабачев *(задумчиво)*. Чего? Что вам угодно?

Ренева. Мне все сдается, вы не одни были, когда я пришла, что у вас был кто-то и я спугнула. Может быть, и теперь здесь...

Рабачев. Ну, был, был... и теперь здесь.

Ренева. Женщина, конечно?

Рабачев. Да.

Ренева. Любимая?

Рабачев. Любимая.

Ренева. И очень любите?

Рабачев. Очень.

Ренева. Так вот как вы! Наконец-то я узнала!.. Да нет, неправда, вы шутите; такой тон...

Рабачев. Как хотите, так и думайте!

Ренева. Я хочу думать, что ее нет... такой женщины. Ну, пусть она есть; пусть даже в эту минуту она видит и слышит нас, но по крайней мере в этот вечер она не должна существовать. Сегодня вы мой! Слышите?

Рабачев. А если невозможно?

Ренева. Ни слова!.. Ужли же это такая страшная жертва? Нет, этот вечер мы вместе, вдвоем, и никто нас не разлучит. Мы пустимся сейчас на лодке туда... куда-нибудь подальше! Прокатимся в последний раз!.. В последний раз вы с этой странной женщиной!.. Уеду, тогда успеете любить и наслаждаться, не уйдет ваше сонное счастье! Собирайтесь! Я бегу к лодке и там жду! *(Уходит.)*

Оля показывается на крыльце.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Рабачев и Оля.

Оля *(с крыльца)*. Звала?

Рабачев. Звала.

Оля. Ты не пошел?

Рабачев. Нет, иду.

Оля. Как? Куда?

Рабачев. Кататься на лодке.

Оля. Да ведь как же... ты сказал мне...

Рабачев. Ничего это не значит. В последний раз потешу ее, и кончено!

Оля. Боря, голубчик! Ради бога, не ходи, умоляю тебя! Пожалей ты меня!

Рабачев. Так, значит, ты мне не веришь! Не веришь теперь, и после, и дальше так будет — что ж это выйдет у нас за жизнь? Без конца мученье!

Оля. Нет, клянусь тебе, я верю, верю! Но страшно мне что-то, страшно!.. Вот боюсь до смерти!..

Рабачев. Не ребячься, Оля, прошу тебя, не огорчай меня!

Оля. Я верю тебе, я понимаю, что ничего... Да вот сердце-то, сердце-то мое... Что ж ты с ним сделаешь?

Рабачев. Да что такое, не съест же ведь она меня в самом деле! Покатаюсь, да такой же приеду. А ты

вот сбегай домой да, как все уснут у вас, приходи ко мне.

О л я. Приду, приду, милый! Как же не прийти, разве утерпит сердце! Все будет думаться, где ты, да что ты!

За сценой голос Реневой: «Борис Борисыч, я жду!»

Р а б а ч е в. Ну, прощай! Приходи же! *(Убегает.)*

О л я *(с крыльца, вслед Рабачеву)*. Убежал! Воротить бы надо на минутку. *(Кричит негромко.)* Боря, Боря!.. Нет, не воротишь! Да нет, что же я! Ведь он знает, знает, что мне расстаться с ним все равно, что с жизнью. *(Приподнимается на крыльце и кричит громко.)* Боря, Боря! Так ты и знай! Что с тобой расстаться, что с жизнью — мне все одно.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

РЕНЕВА.

ЗАЛЕШИН.

РАБАЧЕВ.

ОЛЯ.

ДЕРЮГИН.

ХУДОБАЕВ.

В глубине высокий берег реки, на котором разбросано несколько бревен; по обе стороны лес. Светлая лунная ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Д е р ю г и н, потом Х у д о б а е в.

Д е р ю г и н *(выходит слева; один)*. Ишь, закатывают песни на той стороне; должно, робята в ночном! *(Подходит к берегу.)* На реке тихо, и плоты мои целы. *(Садится на бревно в размышлении.)* Что-то будет у нас завтра? Да пожалуй, что так выдет: от барина ничего настоящего не дождешься, а развязывай-ка кису, Денис Иваныч, да выкладывай! А хоть и в рассрочку — много денег, ох, много!

Стоит-то оно стоит... вдвое стоит — что говорить, клад сам в руки дается, да деньги-то отдавать, ох!.. Нож это мне вострый! Не ндравится!.. Забарствует тогда Денис Иваныч, узнают его!.. Ну, и скручу ж я вас, други милые, миряне православные. Полно вам, ребятушки, баловаться; подвяжу я вам хвосты, это не то, что у господ вы!.. *(Зевает.)* Ох, хо, хо, господи, помилуй нас, грешных! *(Встает и смотрит направо.)* Живой человек объявляется... Кто ж бы это такой?

Идет навстречу, показывается Худобаев, в теплом пальто, с меховым воротником, с головой, обвязанной шарфом.

Барин!.. Да это вы?.. Не почиваете еще?

Худобаев. Не мог заснуть — бессонница! Но вообще я чувствую себя теперь довольно хорошо и бодро. Вышел освежиться! Доктора говорят, что деревенский воздух располагает ко сну.

Дерюгин. Это действительно, потому воздух легкий.

Худобаев. Ночь прекрасная; немного сыро, в левой ноге ощущаю ревматизм.

Дерюгин. Ничего, сударь, оделись вы тепло, впору ходить зимой так! А далеконько-таки вы изволите гулять! Версты, чай, две будет от дому.

Худобаев. Не заметил; задумался. *(Садится на бревно.)*

Дерюгин. Это так-с; за этой думой можно уйти далеко. У нас так-то мужичок есть, Панкратом зовут, случилось с ним летось, лошадь у него увели; вот и пошел он искать, да дорогой и задумайся, идет да и думает. Шел, шел так, да в чужую губернию и зашел. Ну, обыкновенно, за бродяжничество в остроге посидел там, сколько ему следует, да уж на третий месяц так-то по этапу и вернулся. И теперь смеются ему: «А что, Панкрат, лошадь нашел?» — Как шибко ругается за это, страсть!

Худобаев *(про себя)*. Н-да, многое еще надо сообразить.

Дерюгин. Да что тут, сударь, соображать! Дело все на глазах. Надо решение какое-нибудь от вас.

Худобаев. И решимость есть, но меня несколько форма затрудняет: в какой форме?

Дерюгин. А ежели без формы, безо всякой пока сделать, ее на после отложить?

Х у д о б а е в. Нет, вы не знаете, о чем я думаю.

Д е р ю г и н. Конечно, сударь, мы люди темные, вы нас простите! Мы брякаем так, от своего необразования. Я полагаю так, что это вы насчет то есть купчей крепости?

Х у д о б а е в. Ах, нет, совсем не то!

Д е р ю г и н. А завтра надо нам, сударь, являться; уж то ли, другое надо барышне сказать.

Х у д о б а е в. Завтра... да... непременно завтра.

Д е р ю г и н. А мне тоже что-то не поспалось: лег это на сене... пес его знает, точно кусает что-то; встал и пошел; да вот, кстати, лес тут свой на реке посмотреть, цел ли. Купил у плотовщиков, а убрать не успел. Ну, и берет опаска. Народ у нас — выжига, свой же сосед не постыдится убрать, что плохо лежит. Спуститься, привязать хорошенько. *(Скрывается.)* Я тотчас-с, а там хоть и провожу вас.

Х у д о б а е в. Мне кажется... да... нет сомнения, ведь сама же намекнула: «Может быть, ваше счастье близко, здесь!» Какая милая женщина! Она теперь в сладком сне, с улыбкой на устах! Какая картина! *(Напевает.)*

На заре ты ее не буди.
На заре она сладко так спит!

Д е р ю г и н *(показываясь)*. Прикрутил крепко! Вот как, барин песенки распевает! Слава богу, поправились!

Х у д о б а е в. Ночь очень хороша, невольно что-то чувствуешь!.. И притом... да... мне несравненно лучше, я очень бодр!

Д е р ю г и н. Всякое дыхание радуется, к примеру! Такая погода стоит! И уборка у нас важная, что бог даст дальше! А как рыба плещется, нет, нет, да и ударит, ровно поленом! Что ее здесь, этой рыбищи! Вот кабы невод хороший, пудов пятьдесят зацепить можно.

Х у д о б а е в. Но все-таки я чувствую, что сыро; надо домой. *(Идет.)*

Д е р ю г и н *(следуя за ним)*. Да, уж поберегайтесь, сударь, а то опять бы не расклеиться!

Уходят. Слышен плеск весел, но лодки за берегом не видно. Удары весел замолкают. Входит на берег Р е н е в а, за ней Р а б а ч е в.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ренева, Рабачев.

Ренева. Фу!.. Хорошо!.. Хорошо ведь?

Рабачев. Хорошо!

Ренева. Вот теперь сядем здесь, поговорим, отдохнем. *(Садится на бревно.)* Вы не думайте, мы еще покатаемся! Вы не устали грести?

Рабачев. Нисколько не устал.

Ренева *(оглядываясь)*. Где это мы? Я этого места что-то не помню. Мы не отсюда поплыли?

Рабачев. Нет. *(Встает и указывает налево.)* Вон ваша деревня; а поплыли мы вон — ниже, от моей усадьбы.

Ренева *(встает, одной рукой опирается на плечо Рабачева, а другой показывает вдоль по реке)*. А вон это? Где это огонек светится?

Рабачев. Это у купца Горбина во флигеле, тут ваш покупщик Худобаев обитает на даче.

Ренева. Вот он где! Ха, ха, ха! Не спит! Что-то он делает? Верно, банки ставит. Чем-то он меня завтра утешит?.. А вот еще близко огонек. Вдруг мигнул и погас. Заметили?

Рабачев. Заметил.

Ренева. У кого это?

Рабачев. У Василькова в доме.

Ренева. Ах, так вот где Ва́сильков живет! Миленькая эта Оля у него. Забежала ко мне раз, да и пропала. Теперь я осмотрелась и узнаю местность. *(Указывая налево.)* Там дальше, за рощей, кажется, Тиновка Залешина?

Рабачев. Да, там.

Ренева. Залешин!.. *(Задумывается.)* Когда-то и с ним проводили мы ночи в горячих беседах!.. Почивает он теперь после сытного ужина на душном пуховике! А бог весть, может быть, и хандрит!.. А ночь-то, ноченька! Да, хороша она; а всё не то, что там, далеко, под другими небесами!

Рабачев. Хорошо и здесь; особенно тому, кто не видал другого.

Ренева. Да; но здесь, когда хорошо, то все куда-то манит тебя — улетел бы; а там бывают такие минуты, что никуда уж не хочется. Впрочем, мне сегодня, вот сейчас, и здесь хорошо; так хорошо мне, как давно

не было: и грустно, и сладко! И никуда не манит... Одного бы мне теперь...

Р а б а ч е в. Чего же?

Р е н е в а. Чего? *(Смотрит на Рабачева, решительно.)* Чтоб вы любили меня!

Р а б а ч е в *(с испугом)*. Зачем вам? Что вы хотите от меня? Ведь вы забавляетесь и больше ничего!

Р е н е в а. Нет, в эту минуту я вас страстно люблю!

Р а б а ч е в. Что вы говорите! Это фантазия, минутное увлечение.

Р е н е в а. Пускай минутное, но оно горячее, искреннее...

Р а б а ч е в. Завтра уедете, и все исчезнет!

Р е н е в а. Завтра уеду, а сегодня хочу жить! Что хорошо, то всегда коротко!.. Ох!.. *(Встает.)* Поедем еще... вон туда! Что это там?

Р а б а ч е в. Остров.

Р е н е в а. А что там сверкает?

Р а б а ч е в. Вода между ракитником; там всё заливы. А вон дальше белеет — это песок; это он от луны кажется белым.

Р е н е в а *(восторженно)*. Вода, ракитник, белый песок! Там русалки,— пусть они нас вместе защекочут. Я сама хочу быть русалкой! Едем!

Р а б а ч е в. Нет, я домой. Пустите меня, пора!

Р е н е в а. Она ждет?

Р а б а ч е в. Ну да, ждет!

Р е н е в а. Нет же, нет, не будет этого, не пущу. Я задушу вас! Видите, я плачу! *(Рыдает.)* Борис Борисыч, что со мной?.. *(Убегает.)*

Р а б а ч е в *(хватаясь за грудь)*. Ах!.. А со мной-то что!.. *(Следует за ней.)*

З а л е ш и н выходит слева, сильно выпивши.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

З а л е ш и н, потом О л я.

З а л е ш и н. А что?.. Не пошел? «Не буду у нее больше, не пойду!» Дудки, брат! Либо ты меня, либо сам себя обманывал!..

Справа выходит О л я, закутанная в платок, робко озираясь.

Кто идет?

О л я. Ах!.. Кто это?

З а л е ш и н. Я!.. Уж простите... Ну что ж, каков есть!.. А это вы, барышня! И знаю куда, и знаю к кому! Я все знаю!.. А вы не бойтесь меня, ничего, не скрывайтесь... И скажу вам,— не ходите, подождите, его нет; я сейчас был; он гуляет и, пожалуй, долго прогуляет!.. Гуляли и мы!

Оля, пошатнувшись, едва не падает. Он подхватывает ее под руки.

А это вот нехорошо. Стой, не шатайся! А вот мы сядем с вами здесь, это будет лучше. *(Ведет, сажает ее на бревно и садится рядом.)*

О л я. Ох, ох! Как у меня голова что-то!..

З а л е ш и н. Ничего, пройдет. Кто там где, а мы здесь. А ночь... она одна над всеми. И фонарик этот небесный, он сверху светит всем: и радостным, и печальным. Геката... да, Геката! Давайте поплачем, что ль, вместе!.. Иль посмеемся!.. Нет, смеяться лучше... Видали вы уродов-то? Не видали? Так смотрите! Вот он перед вами!.. Люди гуляют, а он бесится!.. Ничего до него не касается, посторонний он человек, а он ревнует. Вы только это поймите! Каков урод! А! Эко безобразие-то в людях бывает!

О л я *(вскакивает)*. Постойте! Мне послышалось на реке...

З а л е ш и н *(встает и смотрит на реку)*. Ни-ни, ничего нет. Игра воображения, милая барышня...

О л я *(опускаясь)*. Дурно мне, дурно.

З а л е ш и н *(садится)*. Ну, это ничего, это пройдет... Все войдет в свою колею!.. Пустяки! Вот завтра взойдет солнце, новый день настанет...

О л я. Солнце взойдет, день наступит, а если счастья-то уж нет, так на что день, на что это солнце? Не надо его.

З а л е ш и н. Ну, завтра и увидим, тогда и подумаем; потому утро вечера мудреней. *(Встает.)* Эка штука какая, скажу вам! Вот поди ж ты! Ведь вы мне на счастье попались, милая барышня... барышня милая. *(Стучит в лоб.)* Тут-то вот, на чердаке-то, у меня словно светлей стало! А то чисто одержимый; к черту на кулички меня несет, вот куда!.. Так вот оно!.. Да, так!.. Коли, значит, слабый человек станет поднимать другого слабого, так берется у него тогда, невесть откуда, сила! Так!.. *(Садится.)*

А вы милая, вы милая барышня. Вижу, вижу теперь, где я вас... я вас в церкви только и видал... Вы зачем в церковь? Молиться?

Оля. Да, молиться.

Залешин. Отлично! Возвестим печали своя! Я и забыл, когда я молился... а сейчас могу. За вас могу, а за себя... не умею.

Оля. Что это со мной, у меня как будто все окостенело внутри?

Залешин. Это... это нехорошо...

Оля. Вы никому не скажете, что видели меня?

Залешин. Я-то? Я-то, пустой человек, да буду про других рассказывать! Чудно! Я и с собой-то не разберусь, не соображу никак!

Оля. А то все равно, хоть всему свету расскажите!

Вдали раздается сторожевой церковный звон.

Ах! Это на погосте!

Залешин. Вот где покой-то, вот где спят-то крепко!

Оля. Послушайте!.. Вот что!.. Вот что я хотела у вас спросить...

Залешин. Спрашивайте.

Оля. Про смерть... как вы думаете, страшно умирать?

Залешин. Умирать-то?.. Хм!.. Я и сам вот на охоте про то же размышлял. Ничего, мне кажется, только бы покороче, поскорей чтобы!

Оля. Как это, живешь и вдруг — куда? Где человек очутится? Вот что страшно-то, что не знаешь!

Залешин. Материя темная для нас, смертных. Обидно то, что кто ушел-то туда, так не возвращается и не сказывает! Да что за разговор мы затеяли? Ведь не сейчас же мы в неизвестность!..

Оля. Нет, я так это. Ударил колокол, пришло в голову... Ах! *(Закрывает лицо платком.)*

Залешин. Да бог с вами, что это вы? Плакать, что ли? Ну, плачьте, пожалуй,— это лучше. То есть говорят, что будто лучше; а по-моему, что в слезах хорошего? А уж отчаиваться и вовсе не годится... в молодых летах. Мы... ну, мы дело другое. А у вас еще все впереди. Так горе-то как тучка, мимолетом, налетит и пройдет, опять разъяснится. Зачем серьезничать прежде времени!

Оля *(вскакивая)*. Ах, не утешайте, не жалейте меня! Не хочу я!.. Как мне душно, душа рвется.

Залешин. Ну, не надо, не буду.

Оля. Не нужно верить никому, не нужно надеяться; меньше горя будет.

Залешин. То есть оно, пожалуй, с одной стороны...

Оля *(подумав)*. Что мне в голову пришло! Ведь я напрасно плачу, я глупа. Погуляет, да и домой придет. Ведь прежде гулял же он до рассвета. Подожду, так и дождусь.

Залешин. Да, конечно, давно бы так.

Оля *(помолчав)*. Скоро наша свадьба. Он завтра поедет к отцу... Ведь отец согласится?

Залешин. Еще бы!

Оля. Ну, сейчас и свадьба.

Залешин. И чудесно!

Оля. Он хочет новый дом выстроить, окнами на реку... Веселенький домик будет. Я и отца к себе перевезу. Мы будем смеяться, а старик ворчать на нас. Отец меня очень любит; какое он мне хорошенькое платье подарил к Троицыну дню! *(Прислушивается.)* Чу! Слышите теперь?

Залешин. Теперь слышу, плывет кто-то. *(Подходит к берегу.)*

Оля. Это они — он с ней!

Залешин. Может быть.

Оля *(убегая в кусты)*. Они, они!

Залешин. Они... да!.. И близко уж!.. *(Отходит.)* Куда ж она убежала?.. А мне-то тут что делать, какую фигуру из себя изображать? Нет, уж коли стал дураком, так дурачься один на один с собой, про себя; а людей тешить своей глупостью... нет уж, зачем же! *(Уходит.)*

Входят Ренева и Рабачев.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ренева и Рабачев.

Ренева. Ну что, милый Борис Борисыч, довольны ли вы прогулкой?

Рабачев. Да что говорить! Ваш теперь! Возьмите меня себе!

Ренева. Что ж, можно. *(Садится на бревно.)*

Рабачев. «Можно»! Нет, это не то слово, это не так. Непременно! Я вас не оставлю, теперь мы неразлучны. Я брошусь за вами, куда вам угодно. Я ос-

тавлю все, я буду учиться, я буду достоин вас. Я хочу видеть свет.

Ренева. Об этом завтра, милый Борис Борисыч. А теперь подите сядьте подле меня, я хочу поиграть вашими кудрями.

Рабачев. Нет, что за игра! Теперь уж мы неразлучны... говорите, неразлучны?

Ренева. Хорошо, хорошо; но до завтра мы все-таки расстанемся.

Рабачев. Нет. Вы лучше б уж меня не трогали; а то вы разбудили такую силу, от которой уж вам не уйти. Нам уж или жить вместе, или умирать вместе!

Ренева *(с испугом)*. Как умирать? Зачем умирать?

Рабачев. Да так! Если вы не хотите быть моей навсегда, так смерть нас повенчает.

Ренева. Что вы говорите!

Рабачев. Да, схвачу вас сейчас, да вместе в воду!

Ренева *(отступая)*. Вы с ума сошли?

Рабачев. Нет, так; так и будет.

Ренева. Кто-то идет. Вон народ! До завтра, до завтра! Не идите за мной! Вон народ! *(Убегает.)*

Рабачев *(вслед ей)*. До завтра? Хорошо, я подожду до завтра, я перенесу эту разлуку; но и завтра я буду такой же, как теперь. *(Садится на бревно.)* Так вот она, любовь-то, вот страсть-то настоящая! *(Опускает голову на руки.)*

Оля выходит из лесу.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Рабачев, Оля.

Рабачев *(поднимая голову)*. Оля?

Оля. Я.

Рабачев. Пришла?

Оля. Да, ты велел; я ждала тебя долго, только уж теперь прощай!

Рабачев. Ты здесь была?

Оля. Здесь.

Рабачев. Видела?

Оля. Все видела.

Молчание.

Рабачев. Да говори же что-нибудь скорей, говори! Только не слезы...

Оля. Нет, слез не будет.

Р а б а ч е в. Ну! Ведь я жду! *(С жаром.)* Да проклинай же ты меня!

О л я. Нет, зачем! Дай тебе бог радости и счастья.

Р а б а ч е в. Да ну! А ты как? С тобой что будет?

О л я. Со мной-то? Да я еще не обдумала хорошенько. Да что и думать-то! Дело обыкновенное.

Р а б а ч е в. Что же, что же?

О л я. Я замуж пойду.

Р а б а ч е в. Не может быть!

О л я. Боря, после того, что я видела, что случилось сейчас, все может быть.

Р а б а ч е в. За кого же ты пойдешь?

О л я. За кого отдадут, кто посватается.

Р а б а ч е в. Так, не любя, как же это?

О л я. Да какая любовь, Боря! Любви нет. Уж я как верила, что ты меня любишь; а где ж эта любовь? Отчего же мне нейти? Мне все равно теперь, мне нечего беречь, нечего жалеть, у меня ничего нет. Мне как-то легко, и как будто я веселая. Только эта легкость какая-то особенная: как будто все с меня свалилось, ничего у меня нет, ни горя, ни радости, ну, ничего — и души нет.

Р а б а ч е в *(хватаясь за голову)*. Нет, Оля, плачь лучше! Пусть душа страдает, а так хуже.

О л я. Да ничего, ты не бойся! А как это пришлось странно: здесь, на этом берегу, мы в первый раз встретились с тобой и теперь тут же расстаемся навеки. Помнишь?

Р а б а ч е в. Помню.

О л я. Только тогда было утро, а теперь ночь: как короток наш день-то был, как скоро он прошел!

Р а б а ч е в. Ах! Да, прошел.

Слышен звон сторожевого колокола.

О л я. Чу! Слышишь, зовут меня? Пора мне.

Р а б а ч е в. Что ты говоришь, Оля? Опомнись!

О л я. Да, пора, пора. Прощай, жених мой ненаглядный! Прощай, Боря, голубчик, дорогой мой! *(Бежит направо.)*

Р а б а ч е в *(идет за ней)*. Оля, Оля!

О л я *(останавливается)*. Нет... ничего, ничего... не надо.

Удар колокола.

Слышишь? *(Уходит.)*

Р а б а ч е в. Прощай, Оля! Не так бы прощаться-то надо; что-то холодно это. Да что же делать-то, у нее души нет, и у меня отнята. Выпросил ли я у нее прощенье-то? Простила она меня, кажется! Золото, золото я теряю,— что-то найду! Пойду коротать скучную ночь до веселого утра! *(Уходит налево.)*

Справа выходит Д е р ю г и н.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Д е р ю г и н один.

Д е р ю г и н *(прислушиваясь)*. Ишь ты, как плещет, ишь, как бултыхнулась! *(Подходит к берегу.)* С нами крестная сила! Уж не водяной ли шутит? Ну, а коли рыба, так уж рыбища редкостная. Завтра же утром скомандую своим парням в этом самом месте неводом закинуть!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

РЕНЕВА.

ЗАЛЕШИН.

АВДОТЬЯ ВАСИЛЬЕВНА.

ХУДОБАЕВ.

ДЕРЮГИН.

РАБАЧЕВ.

ДАША.

ИЛЬИЧ.

СТЕПАНИДА.

Декорация второго действия; в комнате следы сбора в дорогу: на полу чемодан, на столе сумка, плед и картоны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Д а ш а укладывает картон, Р е н е в а входит.

Р е н е в а. Все готово, Даша?

Д а ш а. Кажется, все-с. *(Смеется.)* Одного вот нет,— денег не несут; за ними дело.

Р е н е в а. Деньги будут; с минуты на минуту жду Худобаева. А не он, так Денис. Мне чтобы сегодня непременно уехать.

Д а ш а. А пожалуй, и до завтра останемся. Уж делать нечего; ждали больше.

Р е н е в а. Нет, сегодня же; я не хочу здесь оставаться дольше.

Д а ш а. Что же так, барышня?

Р е н е в а. Так мне нужно.

Д а ш а. А как же, барышня, Борис-то Борисыч? Он влюблен в вас до страсти. Я это сразу заметила: как говорит с вами, так все вспыхивает.

Р е н е в а. Да, я знаю, что он ко мне неравнодушен, и даже очень; но зачем же напрасно возмущать людей! Я не хочу! Пусть после меня останется здесь мир и тишина; путь их живут, как жили.

Д а ш а. А жаль, барин-то хороший и такой молодец!

Р е н е в а. Да, он молодцеват; но у него странный характер: он как-то беспокоен и даже страшен бывает, он может испугать, так что мне сегодня не хотелось бы даже и видеть его; лучше без лишних объяснений.

Входят И л ь и ч и С т е п а н и д а.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Р е н е в а, Д а ш а, И л ь и ч и С т е п а н и д а.

Р е н е в а. А, старички! Даша, поди, пожалуйста, в переднюю, подожди там. Кто придет — доложишь.

Д а ш а уходит.

Что скажете?

С т е п а н и д а *(с поклоном)*. Матушка наша, барышня, отъезжать изволите?

Р е н е в а. Еду. Жаль мне вас, бедных; какая старина!

С т е п а н и д а. Стары мы, барышня, оченно мы стары; уж и перед добрыми людьми совестно даже, что чужой век живем,— а на все воля божья!

Р е н е в а. Поживите; вам все-таки не скучно, вы вдвоем.

С т е п а н и д а. Вдвоем, вдвоем, барышня; да уж оченно ругатель он у меня, и такой-то злющий стал тебе!..

И л ь и ч *(огрызаясь)*. Ты добра!

Р е н е в а. Ничего; поссоритесь и помиритесь.

С т е п а н и д а. Это-то что, помиримся! А вот пропитанье-то не знаем, где теперича добывать себе, чем

свой хлеб оправдывать, где нам голову приклонить. *(Подталкивает Ильича.)* Что ж стоишь столбом? Говори барышне.

Ильич. Говори ты; у тебя язык длинней.

Степанида. Вот он, перед вашею милостью, барышня, облаял! Ах ты, полоумный!

Ильич. Молчи, дурова лапотница!

Степанида. Бессовестный! Сам старый сыч!

Ильич. Замолчишь ты?.. Как же будет, барышня, у нас, как вы отъедете, стало быть, и нам отправляться со двора долой, куда глаза глядят? Потому как продажа эта в настоящее время...

Ренева. Что вы! Что вы!.. Вы останетесь по-старому; я распоряжусь, я сделаю условие с покупщиком.

Степанида *(толкая Ильича)*. Кланяйся в ножки барышне.

Ильич. Постой, не толкай!

Ренева. Ах, пожалуйста, не надо! За что это вы? Вы, кажется, заслужили!

Ильич. Усерднейше благодарим, барышня! А что заслужили, это действительно, мы заслужили.

Ренева *(уходя налево)*. Пойдемте, я дам вам кое-что из вещей!

Степанида *(следуя за ней)*. Чурбан! Как следует поблагодарить не умеет! *(Передразнивая.)* «Мы заслужили»!

Уходят.

Даша *(пробегая через сцену)*. Слава богу, приехали!

Входит Худобаев во фраке, с шляпой в руке.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Худобаев, потом Дерюгин и Ренева.

Худобаев. Да, минута, можно сказать, единственная в жизни человека! У меня несколько дрожит сердце, но буду тверд. Форма же объяснения и самое изложение, мне кажется, хороши; лучше не мог придумать: «Человек — это странник, плывущий по морю житейскому!» Очень живописно! Очень удачное сравнение!

Входит Дерюгин.

Дерюгин. Барышня, верно, сию минуту пожалует. Насчет здоровья, сударь, смею вас спросить?

Худобаев. Н-да... Немножко в боку что-то и спина отчасти; но вообще хорошо, много лучше! Я бодр!..

Ренева входит и окидывает взглядом Худобаева. Дерюгин молча кланяется.

(Расшаркиваясь.) Имею честь кланяться, Анна Владимировна!

Ренева. Здравствуйте, садитесь.

Худобаев. Благодарю-с. *(Садится.)*

Дерюгин садится у дверей.

Ренева. Прежде всего, поправились ли вы? Я слышала, что вы пострадали от нашей поездки на луга.

Худобаев. Да-с, очень быстрая езда. Признаюсь, я не могу выносить, не люблю. Вынужден был некоторое время остаться дома.

Ренева. Простите! Это я виновата, я тогда вас пригласила.

Дерюгин. Помилуйте, барышня, где же им за вами поспевать! Им ежели легкой рысцой...

Худобаев. Нет-с, не извольте беспокоиться: я оправился, вполне окреп, совершенно здоров-с!

Ренева. Зачем это вы во фраке? Что за церемонии?

Худобаев. Так-с, такой случай!.. Минута, можно сказать, для меня торжественная!

Ренева. Извините, не понимаю. Что ж, вы покупаете мое имение?

Худобаев. Н-да... нет-с... У меня, видите ли, есть соображение, то есть я бы желал... *(Откашливается.)*

Ренева. Пожалуйста, только скорей объясняйтесь,— я так спешу в дорогу.

Худобаев. Н-да-с... но именно я бы желал наедине...

Ренева. Что за тайны! Впрочем, извольте: Денис Иваныч, выйдите на минуту.

Дерюгин. Слушаю-с! *(Кашлянув в руку, выходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ренева и Худобаев.

Ренева. Говорите, я вас слушаю.

Худобаев. Н-да-с... именно, минута торжественная для меня, и я первый раз в жизни решаюсь! Я долго думал-с!

Ренева. Но только короче и ясней, прошу вас, сообщайте ваши думы, если это идет к делу.

Худобаев. Вы изволили сказать, что уезжаете отсюда?

Ренева. Еду сегодня же.

Худобаев. Н-да!.. И имеете решимость продать ваше имение?

Ренева. Кажется, это вам известно более, нежели кому другому!.. Что же мы будем толковать, о чем уже сто раз говорили!

Худобаев. Нет-с, но ваш отъезд и эта продажа могли бы устраниться, могли бы совершенно не состояться в случае...

Ренева. В случае, если я сегодня внезапно умру, да?

Худобаев. Нет-с; и при других обстоятельствах...

Ренева. Послушайте, вы меня решительно ставите втупик!

Худобаев. Сейчас-с, позвольте, сейчас будет ясно... Н-да-с... я много думал!.. Вообще человек... его можно сравнить с странником, который волею судеб плывет по океану; он переносит различные треволнения, страждет; но, наконец, обретает тихую пристань, источник чистого счастья и успокоения.

Ренева. Что за риторика! К чему все это?

Худобаев. Позвольте-с, позвольте! Вы сейчас увидите! Я много думал... Н-да... Странник!.. Вот и я-с: тридцать пять лет беспорочной службы, немало тяжестей и лишений; в заключение,— я не могу, конечно, пожаловаться,— служба меня вознаградила: я имею ордена, полную пенсию; притом же благоразумною бережливостью я составил накопление,— у меня около пятидесяти тысяч денег. Но... но все же я еще тот странник, пловец, не обретший еще тихой пристани.

Ренева. Нет, извините, я теряю всякое терпенье!

Худобаев. Позвольте, сейчас-с! И вот я случайно приезжаю сюда, для поправления расстроенного по службе здоровья, и вдруг... встречаю!.. Я долго думал! И мне кажется, я именно здесь нахожу...

Ренева. Свою пристань?

Худобаев. Да-с.

Ренева. Что же, и прекрасно, желаю вам...

Худобаев. Но все будет зависеть от вас-с, Анна Владимировна.

Ренева. От меня?

Худобаев. Единственно от вас-с; вы, так сказать, можете решить мою судьбу: или я получу блаженство земное, или останусь вечным пловцом, вечным странником!

Ренева. Да что же вам угодно, наконец, от меня?

Худобаев. Анна Владимировна, я уже имел честь письменно изложить вам...

Ренева. Да, я получила ваше письмо; но оно для меня так же странно, как и ваше настоящее объяснение.

Худобаев. Мое письмо — в нем именно мои чувства; при первом же знакомстве, с первого взгляда на вас, Анна Владимировна, я сказал себе: вы — моя судьба! Анна Владимировна, чувства мои глубоки и искренни, и в сию минуту я прошу... Н-да... прошу...

Ренева. Чего?

Худобаев. Я прошу вашей руки.

Ренева с удивлением смотрит на него.

С своей стороны, я сделаю все зависящее от меня для вашего счастья!

Ренева. Что же именно? Вы желаете взять меня и в придачу мое имение; что же за все это вы сами можете предложить мне?

Худобаев. Мой чин, мои ордена,— они дадут вам положение в обществе; потом я могу вам преподать некоторые нравственные правила, необходимые для молодой женщины.

Ренева. Немного. *(Встает.)* Нет, батюшка мой, я не тихая пристань, вы ошиблись, я бурное море! И ваш челнок, нагруженный нравственными правилами, сразу бы разбился вдребезги, да и от вас самих не осталось бы ничего, кроме чина да орденов ваших. Нет, в несчастную минуту вам пришла эта мысль в голову!

Худобаев. Я долго думал!.. Это было вполне искренно; но если... то я прошу извинить, что посмел.

Ренева. Извиняю, ради ваших немочей! А теперь — последнее слово: покупаете вы имение?

Худобаев. Именье-с... собственно именье... н-да... нет, видите ли, я еще не сообразил. Такая сумма!

Ренева. Ах, да! Вы думали взять его в приданое, но ошиблись в ожиданиях!

Х у д о б а е в. Нет-с, вовсе нет!..

Р е н е в а. Засим, между нами все кончено. Извините меня, мне некогда; я желаю вам обрести где-нибудь в другом месте вашу тихую пристань.

Х у д о б а е в. Нет-с, отныне я — вечный странник!

Р е н е в а. В таком случае приятных вам странствий желаю.

Х у д о б а е в. Благодарю-с!.. Я ухожу; но не могу умолчать: я страдаю и еще долго буду страдать.

Р е н е в а. Сочувствую!.. Компрессы, почаще компрессы на вашу больную голову!

Х у д о б а е в. Имею честь кланяться!

Р е н е в а. Прощайте, всего хорошего!

Х у д о б а е в *(выходя, очень взволнованный)*. Нет-с... вечный странник!

Р е н е в а. Еще одно приключение! Внесем его в дневник под заглавием: «Странник в челноке».

Входит Д е р ю г и н.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Р е н е в а и Д е р ю г и н.

Д е р ю г и н. Анна Владимировна, да что ж это с барином-то нашим? Выскочил от вас, как ошпаренный, слова не сказал; на тройке я его привез, парадно,— так и на лошадей не глянул, задул на своей паре без оглядки!.. Али уж с радости, что покупку сделал выгодно?

Р е н е в а. Он вовсе не купить хотел, а взять в приданое.

Д е р ю г и н. Это то есть как же в приданое?

Р е н е в а. Так, за мной: он хотел жениться на мне!

Д е р ю г и н. И связался ж я, одной возки что было!

Р е н е в а. Ну, с ним кончено; теперь я с вами буду дело иметь: значит, вы покупаете имение?

Д е р ю г и н. Да уж, видно, в таком разе, что делать,— надо вас выручать, барышня! Но только и вы нас пожалейте, а мы завсегда рабы ваши верные!

Р е н е в а. Что вам еще?

Д е р ю г и н. Сбавьте, барышня, скиньте тысчонку-другую; верьте нашей совести,— непомерная тягость! Притом же покупаю, а не знаю, что еще будет от сыновей; а деньги их пойдут,— мне где взять!..

Р е н е в а. Извольте, я сбавлю одну тысячу; четырнадцать тысяч в два срока: семь тысяч сейчас и семь через полгода.

Д е р ю г и н. Махина денег! Не зарезаться бы и с именьем этим,— пойдешь с сумой!..

Р е н е в а. Что это, опять запел Лазаря!

Д е р ю г и н. Такое дело, матушка, дело большое! И главная причина — вдруг это... не подумамши хорошенько!

Р е н е в а. Деньги готовы?

Д е р ю г и н. Да уж сколотимся; деньги... дойти только до дома.

Р е н е в а. Хорошо. Вы довезете меня до города, там мы сделаем акт, какой будет нужен. Сейчас давайте деньги и лошадей,— я готова.

Д е р ю г и н. Барышня, да что ж вы так-то? И проститься с нами, как следовает, вам не угодно. А я было и рыбки послал наловить. Сейчас парни мои ловят. Ушицу хотел приготовить, и другое что, и вашу милость, барышня, попросить.

Р е н е в а. Нет уж, Денис Иваныч, благодарю, спешу очень; когда-нибудь после приеду к вам в гости.

Д е р ю г и н. Просим милости, барышня! А то бы изволили малость обождать; и кони подкормятся, резвей докатим.

Р е н е в а. Не жду часа; отправляйтесь.

Д е р ю г и н. Есть воля ваша, подаю! На этой же тройке, не перепрягая, только валдайчик подвязать.

Р е н е в а. Отлично; идите.

Д е р ю г и н. Только до дома мне. Ну, а рыбку, коли уж хорошая попадется, на ваше счастье, барышня, так хоть на дорогу вам уложу. Вчера ночью какая трепеталась!

Р е н е в а. Хорошо, хорошо, только скорей!

Д е р ю г и н. Живой рукой-с. *(Уходит.)*

Р е н е в а *(одна)*. Ох! Сделано, кончено... Как я устала с этими хлопотами! Пойти собираться!.. *(Уходит налево.)*

Входят З а л е ш и н и А в д о т ь я В а с и л ь е в н а.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

З а л е ш и н и А в д о т ь я В а с и л ь е в н а

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. Слава богу, образумились! Хоть в люди-то можно показаться, а то страм на себя напустили.

З а л е ш и н. Образумился, образумился, Авдотья Васильевна, радуйся! Провожу соседку и буду жить для вашего удовольствия: будем по субботам блины печь, баню топить...

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. Да, конечно; чего нам не жить, все у нас есть!.. А блины да баня, что вы смеетесь? Разве это не христианское дело?

З а л е ш и н. Выпаримся, выпаримся; весь чад из головы выйдет.

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. Первое средство: папенька завсегда после запоя... Любо-дорого смотреть на вас, Семен Семеныч, как вы так-то.

З а л е ш и н. Как «так-то»?

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. Да коли вы умный!

З а л е ш и н. О, я очень, очень великатен и тонок! Вы только постигните, раскусите меня хорошенько, Авдотья Васильевна!

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. А я разве не раскусила? Ума у вас палата и характера вы доброго! Вот только, как задурите...

З а л е ш и н. Человек — не машина, Авдотья Васильевна, и на грех мастера нет.

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. А никто уж вас так не пожалеет и не побережет, окромя как жена!

З а л е ш и н. Никто, никто, мое сокровище!

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. Потому что кому вы нужны? Ведь вы только про себя что-то воображаете, а уж поверьте, что никто, кроме меня, на вас не польстится.

З а л е ш и н. Понимаю, понимаю.

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. Да, понимать и чувствовать должны. Вот вы похудели за эти дни; а кто вас пожалеет?

З а л е ш и н. Действительно.

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. Кабы не я, так бы и некому.

З а л е ш и н. Да и вы не жалейте! Скоро опять в настоящую меру войду.

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. Кабы не я, вы бы не догадались и к Анне Владимировне побывать; так бы она и уехала. Хоть она и погордилась, не была у нас, а мы все-таки честь-честью...

З а л е ш и н. Именно, мой друг. Да что она не выходит?

Авдотья Васильевна. Ах, ведь вы слышали, что уезжать сбирается; значит, укладка идет.

Входит Ренева.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Залешин, Авдотья Васильевна, Ренева.

Авдотья Васильевна. Погордились, погордились, Анна Владимировна!

Ренева. Простите. Я и сбиралась, да как-то не удалось. Семен Семеныч, вы только встречать меня да провожать являетесь.

Залешин. И меня простите; мне тоже как-то не удалось.

Ренева. Что же вы делали, где пропадали?

Залешин. Чертил.

Ренева. Это что же значит?

Залешин. Вот видите ли, где людям есть развлеченье, есть постоянная работа для ума, там они и живут по-человечески; а мы здесь, в глуши, прозябаем, прозябаем, да вдруг и зачертим.

Авдотья Васильевна. Ах, уж и не говорите!

Ренева. Ведь это, я думаю, вредно для здоровья.

Авдотья Васильевна. И я то же говорю.

Залешин. Ничего; напротив, это нам на пользу. Надо ж в чем-нибудь если не человеческую, то хоть животную жизнь проявлять; а то растительные процессы совсем одолеют; это еще хуже.

Ренева. Да, пожалуй.

Залешин *(указывая в окно)*. Вон и теленок стоял, стоял смирно, да вдруг и запрыгал боком, боком, нескладно таково! Все-таки ему развлеченье. А вон собака на него залаяла: «стой, говорит, смирно, порядку не теряй!»

Авдотья Васильевна. Так это вы меня с собакой равняете? Покорно благодарю. А уж я полагала, Анна Владимировна, что его испортили злые люди. Вы не подумайте... это бывает.

Ренева. В самом деле, вас не испортил ли кто?

Залешин. Что меня портить! Я с самого рождения порченый.

Ренева. Я вас попрошу, Семен Семеныч, передать мой поклон моему любезному кавалеру Борису Борисычу Рабачеву.

З а л е ш и н. Да он сам, чай, явится.

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. Дома их нет, мы заезжали.

Р е н е в а. Не знаю. Не имеет, вероятно, желания; да и к чему? Дальние проводы, лишние слезы.

З а л е ш и н. Простое дело-то: проспал, лег поздно. Я вчера видел его невесту.

Р е н е в а. Как, разве он женится?

З а л е ш и н. Да, уж это, кажется, дело решенное. По крайней мере она мне говорила, что свадьба скоро, что они хотят дом новый строить.

Р е н е в а. Вот как! *(Задумывается.)*

Слышен почтовый колокольчик.

Вот и лошади. Прощайте, улетаю. *(Громко.)* Даша, едем!

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. Счастливого пути, Анна Владимировна, всего хорошего!

Р е н е в а. Благодарю! Не поминайте меня лихом!

А в д о т ь я В а с и л ь е в н а. Помилуйте, как можно!

З а л е ш и н. За что лихом? Спасибо! Осветили нас.

Входит Д а ш а, одетая по-дорожному, в руках у нее пальто, различные платки и шляпка Реневой; И л ь и ч и С т е п а н и д а выносят чемодан.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Р е н е в а, З а л е ш и н, А в д о т ь я В а с и л ь е в н а, Д а ш а, И л ь и ч, С т е п а н и д а, потом Д е р ю г и н.

И л ь и ч. Не так берешься, лапотница.

С т е п а н и д а. Простите-извините, господин-дворянин, ваше благородие!

Д а ш а. Там еще узлы и коробки остались.

И л ь и ч. Все мигом вынесем!

Входит Д е р ю г и н.

Д е р ю г и н. Барышня, у нас в деревне неблагополучно!

Р е н е в а. Что такое, что случилось?

Д е р ю г и н. На реке. Такое дело! Вот поди ж ты!

Р е н е в а. Говорите толком!

Д е р ю г и н. Парни мои неводок закинули, ан грех и вышел!

Ренева. Да что же, что?

Дерюгин. Вытащили, да не то, что нужно!

Вбегает Рабачев, одежда и волосы в беспорядке, глаза блуждают.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Ренева, Залешин, Авдотья Васильевна, Даша, Ильич, Степанида, Дерюгин, Рабачев.

Залешин. Вот он! Я говорил, что придет.

Рабачев. Да, я пришел... Я пришел сюда, а там на берегу, на песке, видел ее... Она лежит на берегу, на песке... белая...

Залешин. Ах, несчастный! Что с ним!

Дерюгин что-то шепчет на ухо Залешину.

А!.. Вот что! Ах, несчастный!

Рабачев. Я смотрел на нее, долго смотрел... Я хотел бежать от нее... Я бежал, а она, не двигаясь, шла за мной... Или я еще все там, на берегу, подле нее; или она здесь подле меня... *(Опускается на стул, хватаясь за голову.)*

Ренева. Что-то случилось страшное!.. Выдьте на минуту, выдьте все! Ему нужно успокоиться; я с ним поговорю.

Залешин и Дерюгин выходят направо, остальные налево.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Ренева и Рабачев.

Ренева. Что с вами? Кто за вами идет? Успокойтесь!

Рабачев *(встает)*. Ах, нет, нет, постойте! Я с ума сошел. Она там, на берегу... лежит... белая... Пойдемте к ней, посмотрите на нее.

Ренева. Хорошо, мы пойдем. Вы скажите, что случилось? Кто там?

Рабачев. Боже мой! Кто! Да она, Оля моя... Оля Василькова.

Ренева. Что же с ней?

Рабачев. Да она в реке... сейчас вытащили... она на берегу лежит...

Ренева. Да что же... отчего это?

Р а б а ч е в. Мы ее погубили. Помните, в тот вечер, как вы приехали, мы с ней были в саду у вас...

Р е н е в а. Так это вы были?

Р а б а ч е в. Да. На другой день вы сказали ей прямо в глаза, что вы видели двух счастливцев и что вам было бы очень приятно и весело разбить это чужое счастье. С той поры она и затосковала, и все твердила мне: «Она разобьет наше счастье».

Р е н е в а. Но я ведь не знала...

Р а б а ч е в. Вчера еще она ворковала о счастье; мы хотели на днях обвенчаться; новенький домик хотели построить... Вы пришли ко мне...

Р е н е в а. Ах, не мучайте меня, говорите скорее!

Р а б а ч е в. Она, бедная, испугалась, спряталась; а я пошел с вами. Мы катались на лодке, нам было весело; а она в смертной тоске бродила по берегу.

Р е н е в а. Мне больно слушать!..

Р а б а ч е в. Вам больно слушать, а каково ей было переживать те часы, пока она додумалась до самоубийства? Пойдемте!

Р е н е в а. Куда? Зачем?

Р а б а ч е в. Отдайте мне ее, воротите!

Р е н е в а. Это невозможно.

Р а б а ч е в. А невозможно, так пойдемте к ней! Я не знаю, кто из нас виноват, кто убийца. Мы будем судиться перед ней. Если вы виноваты, так я вас утоплю в той же реке и на том же самом месте. Пойдемте!

Р е н е в а. Нет, постойте! Ваше обвинение слишком серьезно и тяжко, чтоб я могла принять его! Я желаю, я могу оправдаться.

Р а б а ч е в. Так говорите, я хочу знать правду, всю правду.

Р е н е в а. На нашу с вами встречу и на все, что потом произошло между нами, я смотрела, как на счастливую случайность, на веселое приключение, о котором останется более или менее приятное воспоминание, и только. Мне казалось, что с моим отъездом у вас все пойдет по-старому, что я ничего не нарушу. Когда вчера я увидела у вас дикие порывы страсти, я убежала от вас, я не хотела более встречаться с вами,— я думала, что ваша вспышка сама собой погаснет. Эти порывы, эта экзальтация никогда не ведут к добру. Надо уметь жить. Как же вы не за-

метили с первого взгляда, что я на серьезную страсть неспособна.

Р а б а ч е в. Да, вам хотелось, чтоб я, всей душой любя мою несчастную Олю, умел еще любить и вас на день, на два, на полчаса... Как же вы не заметили с первого взгляда, что я серьезный человек?

Р е н е в а. А если вы серьезный человек, как же вы, любя страстно свою невесту, могли через полчаса увлечься другой женщиной?

Р а б а ч е в *(пораженный, садится на стул)*. Да... да... да... Ах, я сумасшедший! Я ищу виноватого, а он здесь, на глазах! *(Громко.)* Идите сюда, люди добрые, пожалуйте все, все, кто там есть, идите сюда!

Входят: З а л е ш и н и Д е р ю г и н справа; слева А в д о т ь я В а с и л ь е в н а, Д а ш а, И л ь и ч, С т е п а н и д а.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Р е н е в а, Р а б а ч е в, З а л е ш и н, А в д о т ь я В а с и л ь е в н а, Д е р ю г и н, Д а ш а, И л ь и ч и С т е п а н и д а.

Р а б а ч е в. Люди добрые! Там... на берегу, на песке, лежит мертвая девушка; чистая душа, ни в чем неповинная. Ее убили. А убийца — я! *(Падает на колени.)* Кланяюсь вам всем, кланяюсь всему свету белому. Кланяюсь матери сырой земле! Простите меня! *(Встает.)* Сам я виноват, сам я себя и казню. *(Убегает.)*

Д е р ю г и н *(смотрит вслед ему)*. Барышня, он побежал не дорогой, он побежал садом; а там яр, обрыв поболе двадцати сажен. Тут не то что человек, а и камень разобьется вдребезги.

Р е н е в а. Ах, бегите, бегите за ним!

Д е р ю г и н убегает в сад. Все остаются в ожидании. Д е р ю г и н возвращается.

Д е р ю г и н. Нет уж, молитесь за него! Добрый был барин Борис Борисыч, а христианской смертью умереть бог не привел.

ПЬЕСЫ,

НАПИСАННЫЕ В СОАВТОРСТВЕ С П. М. НЕВЕЖИНЫМ

БЛАЖЬ

Комедия
в четырех
действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

СЕРАФИМА ДАВЫДОВНА САРЫТОВА
вдова-помещица, пожилая женщина, молодится не по летам, попечительница и крестная мать своих сестер.

ОЛЬГА
НАСТЯ } сестры и крестницы Сарытовой.

СЕМЕН ГАВРИЛЫЧ БОНДЫРЕВ
богатый помещик.

ПРАСКОВЬЯ АНТОНОВНА
жена его, сестра мужа Сарытовой, пожилая женщина.

СТЕПАН ГРИГОРЬЕВИЧ БАРКАЛОВ
управляющий имением Сарытовой, молодой человек.

ГУРЬЕВНА
уездная сваха и комиссионер, переносчица вестей и попрошайка.

МАРЬЯ
горничная Сарытовой.

Действие происходит в имении сестер Сарытовой.

Сад. С правой стороны (от актеров) видна часть большого помещичьего дома, выход в сад из нижнего этажа через стеклянную дверь с одним приступком. Перед домом площадка, которая ограждена редкими решетками из вьющихся растений с большим полукруглым навесом над площадкой. Решетка доходит до половины сцены. На площадке садовая мебель: скамья, кресла и столики. Налево густой сад; в глубине, в левом углу, выдается часть флигеля, от которого идет через всю сцену садовая изгородь, с калиткой посредине.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гурьевна и Марья.

Марья. Так-таки и отнял?

Гурьевна. Отнял... вырвал из рук и шабаш.

Марья. Какую волю забрал!

Гурьевна. Да уж сокол — нечего сказать!

Марья. Жаль даже глядеть на барышню, как она мучится!

Гурьевна. Да что уж! Сладко ли!

Марья. Барышни ехали из пансиона, думали, что сестрица так им на шею и бросится, думали царствовать здесь по-старому, ан теперь вон что в доме-то!

Гурьевна. А что же прежде-то было?

Марья. Да помилуйте! Серафима Давыдовна в них души не чаяли. Ведь уж до чего! Одевать их, бывало, никому не позволяют, сами на них чулки надевали! Как, говорит, хотите, да как прикажете; вы, говорит, здесь хозяйки, а я ваша экономка!

Гурьевна. Да, да, да! Ну как же, помню!

Марья. Так как это имение молодых барышень, а у Серафимы Давыдовны хоть и есть свое небольшое, только хозяйничать там не у чего!

Гурьевна. Да знаю, знаю!

Марья. Так вот и судите! Барышня Настасья Давыдовна сказывали: я, говорит, из пансиона-то как на крыльях летела, думала, маменька мне так на шею и бросится, так и замрет от чувств, а на место того выговор получила.

Гурьевна. За что же выговор?

Марья. Серафима Давыдовна желали, чтобы барышни на вакансию не приезжали и еще на год в пансионе остались, чтобы тверже всякие науки знать, а они не послушались и приехали.

Гурьевна. А Ольга Давыдовна что ж дома не живет?

Марья. Оне у тетеньки у Прасковьи Антоновны гостят. Серафима Давыдовна желают, чтоб оне там подольше погостили, так как у них дом богатый и приезд большой, так чтоб обращению занимались.

Гурьевна. А не проще ли сказать, моя милая, что для простору их спроваживали из дому, чтоб на глазах не вертелись — тоже, чай, стыд-то ведь есть!

Марья. Ну, уж мы про это рассуждать не можем. Вон Настасья Давыдовна идут. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гурьевна и Настя (входит).

Гурьевна. Барышня, ведь беда!

Настя. Что такое?

Гурьевна. Вырвал из рук письмо-то ваше! Каково это вам покажется?

Настя. Кто вырвал, кто?

Гурьевна. Кому ж, кроме его! Все он же, управляющий ваш! Иду я, рот-то разинула, а письмо в руках держу; вдруг, откуда он ни возьмись, налетел, да

и цап из рук! Вырвал, прочитал, да и заливается-смеется, так и заливается.

Н а с т я *(сквозь слезы)*. Ах, отвратительный!

Г у р ь е в н а. Как я теперь Серафиме Давыдовне покажусь? Ну, нажила я с вами хлопот, барышня! Вон он идет! Уйти от греха! *(Уходит.)*

Н а с т я. Обида невыносимая. Долго ли ж это будет продолжаться! Ну, да пускай читает, я его расписала там отлично; пускай он узнает, как я о нем думаю.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Н а с т я и Б а р к а л о в (входит).

Б а р к а л о в. А! Вы здесь? Вот и кстати! Знакомо вам это рукописание? *(Показывает письмо.)*

Н а с т я. Знакомо. Но кто вам позволил читать? Это не к вам, как же вы смели распечатать?

Б а р к а л о в. По почерку я думал, что это какой-нибудь горничной.

Н а с т я. Все-таки вы не имели права...

Б а р к а л о в. Ну, уж права свои я сам знаю, не вам меня учить. Вам самим-то бы еще доучиться надо, больно рано со школьной скамейки соскочили!

Н а с т я *(быстро)*. Это не ваше дело! Ах, какая обида! Что же это? И заступиться некому.

Б а р к а л о в. Ну да как же, все обижают, все. Заплачьте! Трогательней будет!

Н а с т я. Не шутите со мной, я не маленькая! Я и говорить-то с вами не хочу!

Б а р к а л о в. Конечно, где мне такой чести дождаться! Вот с прислугой, с скотницей Хавроньей по углам шептаться — это ваше дело. Наслушаетесь их умных речей, да и хмуритесь, как курица перед дождем!

Н а с т я *(строго)*. Что вам угодно от меня?

Б а р к а л о в. Да вот хочется узнать, что говорят обо мне Хавронья и прочие?

Н а с т я. Так у них и спрашивайте!

Б а р к а л о в. Не скажут; это вы только пользуетесь их откровенностью, только вам такое счастье!

Н а с т я. С кем хочу, с тем и разговариваю; никто мне не запретит.

Б а р к а л о в. Ну и разговаривали бы по душе, коли это вам приятно, а вы этим не довольствуетесь; вы все их сплетни и глупости сестре прописываете. *(Указывает на письмо.)* Да еще ругаете меня, бранитесь... Вот уж это нехорошо, барышне браниться стыдно.

Н а с т я. Правду писать не стыдно.

Б а р к а л о в. И какого комиссионера выбрали — Гурьевну! Стыдитесь! Вот вам мой совет: в другой раз, если вздумаете писать к сестрице, отдавайте письмо мне, я поправлю грамматические ошибки и пошлю.

Н а с т я. Я лучше вас знаю грамматику: сами-то вы неуч!

Б а р к а л о в. Отлично! Вот так барышня! Ах вы, моя паинька! *(Подходит.)*

Н а с т я. Не подходите, закричу! Как вы смеете! Вот нахал.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е и С а р ы т о в а (входит).

С а р ы т о в а. Что у вас тут такое?

Б а р к а л о в. Вот полюбуйтесь, как ведут себя образованные барышни!

Н а с т я. Запрети этому господину приставать ко мне.

С а р ы т о в а. Что это за вечные капризы! Ах, Настя, как тебе не стыдно!

Н а с т я. Да какие капризы? Я в своем доме нигде себе места не нахожу; он смеется, издевается надо мной... я и так по целым дням сижу безвыходно в своей комнате.

С а р ы т о в а. И сочиняешь письма к сестре. Ты слишком молода для того, чтобы осуждать кого-нибудь, а тем более меня, твою вторую мать!

Н а с т я. Я не осуждаю.

С а р ы т о в а. Хуже, ты бранишься!

Н а с т я. Я писала правду.

С а р ы т о в а. Ты вот даже и со мной огрызаешься, а еще на людей жалуешься. Если Степан Григорьевич с тобой шутит, так ты должна это ценить! Что ты такое? Дрянная девчонка и больше ничего! Тебе оказывают внимание, следовательно, ты должна быть благодарна!

Н а с т я. Не надо мне никакого внимания, я не хочу ни говорить с ним, ни видеть его.

С а р ы т о в а. Ну, Настя, не хотелось мне, но ты сама заставляешь меня ссориться с тобой. Ты сделаешь то, что мне будет противно видеть тебя.

Н а с т я. Будет! Тебе уж и теперь противно, это я вижу, вижу... Что я за несчастная! *(Убегает со слезами.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

С а р ы т о в а, Б а р к а л о в, потом М а р ь я.

С а р ы т о в а. Друг мой, будьте с ней поласковее.

Б а р к а л о в. Да невозможно! Видите, какой она перец. Живем в одном доме, нельзя же не встречаться и не разговаривать... с ней пошутишь, а она огрызается. Нет, ее надо отучить от этого.

С а р ы т о в а. Ну, я вас прошу, будьте поласковее с ней. Хорошо ли вы обедали?

Б а р к а л о в *(целуя ее руку)*. Благодарю вас. Как вы меня балуете! Что за обед, что за вино!

С а р ы т о в а (*садится.*) И подкутили?

Б а р к а л о в. Немножко.

С а р ы т о в а. Гости ваши что делают?

Б а р к а л о в. Козыряют. Я их усадил в карты играть, а сам пришел отдохнуть к вам, подле вас. Фу! Жарко... устал... *(Садится.)*

С а р ы т о в а. Я боюсь, что Настя напишет Лёле и та приедет.

Б а р к а л о в. Пусть приезжает, беды особенной я не вижу!

С а р ы т о в а. А как хорошо было все устроилось: Лёля гостит у тетки, Настя в пансионе, ничто не мешало бы нашему счастью!

Б а р к а л о в *(ероша волосы)*. Все это вздор, пустяки! Пускай приезжает кто хочет... я управляющий, живу во флигеле, что тут подозрительного? Что я, кучу, живу не по средствам? Так всякий управляющий имеет подразумеваемое обыкновение воровать; вот в этом пускай меня и обвиняют, а в чем другом...

С а р ы т о в а (*закрывает ему рот рукою*). Шалун!

Б а р к а л о в. Молчу, молчу! *(Целует ее руку.)*

С а р ы т о в а. Будете ли вы любить меня так, как бы я хотела: долго, долго, всегда?

Б а р к а л о в. Разве сомневаетесь?

С а р ы т о в а. Я гораздо старее вас, а лета...

Б а р к а л о в. Вы очаровательны и до сих пор, такие женщины всегда молоды.

С а р ы т о в а. Вы мне льстите!

Б а р к а л о в. Я говорю правду. Что такое лета? Жизнь, страсть, доброе, горячее сердце — вот что влечет человека. Молодых много. А много ли женщин с такой пылкой душой, как вы?

С а р ы т о в а (*зажмурясь*). Ах, мой друг, как хорошо мне, когда вы так говорите! Да, когда я вас вижу, слушаю, ко мне возвращаются дни молодости и увлечений.

Входит М а р ь я.

М а р ь я. Гурьевна чаю напилась, сбирается в город, так спрашивает, можно ли вас видеть?

С а р ы т о в а. Как некстати! А делать нечего — и она человек нужный. (*Марье.*) Позови!

Б а р к а л о в. Пойду к гостям, посмотрю, что там делается. Я не засижусь с ними, прибегу к вам скоро! *(Отходит, встречается с Гурьевной, строго взглядывает на нее и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

С а р ы т о в а и Г у р ь е в н а.

Г у р ь е в н а. Что это как он глаза-то выпучил на меня?

С а р ы т о в а. Значит, ты стоишь! Давно ли ты в почтальоны-то записалась?

Г у р ь е в н а. В почтальоны? Нет, матушка, Серафима Давыдовна, я на это не согласна.

С а р ы т о в а. А Настино письмо?

Г у р ь е в н а. Так неужели б я не сумела отправить его, если б захотела? Не несла б я его как нищий суму, чтоб все видели. Отказаться-то было неловко, а попалась я, так что ж делать, мол, грех попутал.

С а р ы т о в а. Плут ты, Гурьевна!

Г у р ь е в н а. Ах, матушка, наша должность такая. А письма переносить от барышень я не согласна, за это затылком ответишь. Вышла замуж, чепец надела, ну, тогда пиши к кому хочешь; а покуда ты девица, так сиди да облизывайся...

С а р ы т о в а (*хохочет*). Ха, ха, ха! Ведь и ты девица, значит и ты облизываешься?

Г у р ь е в н а. А то как бы вы думали! Нет, матушка, это теперь свободно стало, а прежде куда как строго

было: чуть что заметят, сейчас ножницами косу бжик — вот и кулафюра испорчена, и ходи стриженой. Да и закрыть нечем было, хвостов-то на голову не наматывали!

Сарытова. А воспитанник твой откуда взялся?

Гурьевна. Приемыш, матушка, чужой, чужой. Так взяла его, что ребенок очень занятный был. И вырастила, грех пожаловаться, истинно себе на утешение.

Сарытова. Что ж он, при месте при каком-нибудь?

Гурьевна. Дома покуда. Место для него самое настоящее — управляющим быть. И так он крестьянское положение и крестьянскую нужду понимает, что дешевле его никто у мужика ничего не купит. Холст ли, масло ли, али что прочее, чуть не даром берет; мужик-то плачет, а продает: крайность, ничего не поделаешь. Вот этаким манером и перебиваемся.

Сарытова. Я его иногда здесь вижу.

Гурьевна. Да он везде бродит, любит очень; и сейчас у Степана Григорьевича сидит, гостей забавляет; потому как он много смешных слов знает и на гитаре играет.

Сарытова. Ну, довольно о пустяках-то! Денег достала?

Гурьевна. Не знаю, как сказать. Никак его не уломаешь; туг он очень на деньги-то!

Сарытова. Да кто «он-то»?

Гурьевна. Фарафонтов. Был чиновник, да за шкапом остался.

Сарытова. Как за шкапом?

Гурьевна. А так, за шкапом; по-нашему, с места долой, а по-ихнему — за шкапом!

Сарытова *(хохочет)*. За штатом, а не за шкапом.

Гурьевна. Ну, уж я по-ученому не знаю, а все одно и то же выходит, что не при должности.

Сарытова. Это твой друг-то, что ли?

Гурьевна. Да какой друг! Я, конечно, пользуюсь от него крупицами за маклерство; вот вся и дружба.

Сарытова. Какие же его условия?

Гурьевна. Три процентика в месяц и заклад.

Сарытова. Да вы оба с ума сошли! Какой заклад?

Гурьевна. Бриллиантики есть у вас, я знаю.

Сарытова. Да ведь они детские!

Гурьевна. Что ж за беда? Выкупите!

Сарытова. Ну, я подумаю; только проценты очень велики.

Гурьевна. И то час целый торговалась — подай четыре, да и все тут. Да вам когда нужны деньги-то?

Сарытова. На днях: надо Лизгунову отдавать.

Гурьевна. Да, уж этот не помилует. Вот, матушка, дедушка его лакеем был, тарелки лизал, оттого у них и фамилия-то пошла: Лизгунов; отец пуды да четверики на стене мелом чертил, а он у нас первый листократ.

Сарытова. Почему ты его аристократом называешь?

Гурьевна. Как же его назвать-то? В колясках ездит, на всех пальцах перстни. Одна его беда, невесты все не найдет!

Сарытова. Отчего же?

Гурьевна. В хорошие, дворянские дома не пускают, да и пускать нельзя: глаза очень бесстыжие.

Сарытова. Какой язык у тебя, Гурьевна!

Гурьевна. Что ж, матушка, язык? Я своим языком очень довольна: он меня кормит! Если бы я была вредная какая, вы бы первая меня на порог не пустили. Нет, матушка, коли я что говорю, так говорю человеку, к которому я всей душой; а то — так хоть все зубы повыдергай — ничего от меня не узнаешь. А вот для вас, что ни спроси́те, так и отпечатаю!

Сарытова. Спасибо. А что говорят про моего управляющего?

Гурьевна. Хвалят, матушка, хвалят. Отважный молодой человек, и поступки его все такие еройские.

Сарытова. Какие «еройские»? Говори ты по-человечески!

Гурьевна. Ну, известно, какие в холостой компании бывают. Как в город приедет, так у них и компания. Сначала все здоровья друг другу желают, а уж как совсем станут здоровы, надо это здоровье куда-нибудь девать. Сейчас тройки и кататься, и женский пол с ними!

Сарытова. И часто это у них бывает?

Гурьевна. Да как в город поедет, так и компания.

Сарытова. А не врешь ты?

Гурьевна. С места не сойти, коли лгу. Третьего дня меня самоё чуть вправ не раздавили, маленько бог помиловал. Гаркают, свищут...

С а р ы т о в а. Ну, довольно! Денег ищи, Гурьевна, скорей, нужно очень! На три процента я согласна.

Г у р ь е в н а. Искала, матушка, искала. Обгложи меня тараканы, искала! Все ноги оттоптала, все башмаки износила!

С а р ы т о в а. Вижу, к чему ты подговариваешься!

Г у р ь е в н а. Мучки бы...

С а р ы т о в а. Найди денег — дам!

Г у р ь е в н а. Теперь бы хоть осьминку.

С а р ы т о в а. Хорошо. Вон Степан Григорьевич, ему скажу! Подожди!

Г у р ь е в н а. Благодарю, матушка, подожду. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

С а р ы т о в а, Б а р к а л о в, потом М а р ь я.

Б а р к а л о в. Что с вами? Вы расстроены?

С а р ы т о в а. Вы еще спрашиваете! Это ужасно! Чему же верить после этого?

Б а р к а л о в. «Ужасно»? «Чему верить»? Не на мой ли уж это счет?

С а р ы т о в а. Какое притворство! Вы думали, что ваши городские похождения всегда останутся тайной для меня?

Б а р к а л о в (*смеется*). Так вот в чем дело!

С а р ы т о в а. Он еще смеется... Я думаю, мне кажется, вам нужно оправдываться...

Б а р к а л о в. Оправдываться? И не подумаю! В чем оправдываться? В том, что я в городе кучу?

С а р ы т о в а. Неужели этого мало?

Б а р к а л о в. Да ведь все это делается для вашей пользы.

С а р ы т о в а. Для моей пользы? Право, вы считаете меня сумасшедшей или дурой!

Б а р к а л о в. Ни то, ни другое. Выслушайте спокойно! Хорошо ли будет, если я буду избегать общества, сторониться от каждой женщины? Подумают, что я боюсь какого-то невидимого глаза и именно вашего. Хотите этого? Извольте, я готов! Теперь же если я кучу, то ведь я управляющий, а какой же управляющий не крадет? Ну, и пускай думают. Но если вы не верите мне и хотите стеснять мою свободу, я должен буду вас покинуть. Я не перенесу такой обиды!

С а р ы т о в а. Друг мой, я желала бы только, чтоб вы воздержались от этих прогулок и пирушек. Мне на-

чинают ставить в вину ваши неумеренные расходы. Опека придирается, уж слишком внимательно просматривает отчеты. Вот до чего дело дошло. Я уж сто рублей обещала, чтоб только не привязывались с отчетом. Вам необходимо быть осторожнее, необходимо!

Баркалов. Нет, Серафима Давыдовна, довольно; я не могу быть игрушкой вашего каприза.

Сарытова. Как вы безжалостны! Если бы я не любила вас, я бы слушала про ваши кутежи равнодушно! Но я люблю вас страстно, безгранично, как нынче не умеют любить; как же мне не ревновать вас? Вы все для меня! Моя молодость прошла без радостей, и я не растратила моего чувства! Я знала только одну привязанность к моим сестрам, и только теперь, когда встретила вас, я узнала, как можно любить! Как же мне не огорчаться от таких слухов?

Баркалов. Я знаю, что ревность происходит от любви, да мне-то от этого не легче.

Сарытова. Я не знала в жизни, что такое счастье, и если оно так поздно улыбнулось мне, как же мне не беречь его? Пощадите же меня и не говорите о разлуке? Я готова на все для вас!

Баркалов. Если б не ваши капризы, и я для вас готов на все!

Сарытова. О, не столько, сколько я! Нет жертвы, какую бы я не принесла для вас.

Баркалов. Посмотрим. Я буду помнить ваши слова.

Сарытова. Меня не страшит ни молва, ни опека, ничто на свете! Я только молю вас, любите меня!

Марья (*входит*). Барыня, пожалуйте; барышня приехали. (*Убегает*.)

Сарытова. Ах, как некстати! (*Уходит*.)

Баркалов. Кто это ей сплетничает? Это непременно Гурьевна! Погоди, голубушка, я с тобой расправлюсь! Экая досада, не успел денег попросить! Игра начинается, а у меня хоть шаром покати! (*Уходит*.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бондырев, Бондырева, Сарытова, Ольга и Настя (входят все).

Бондырева. Знаю, что не ожидала, да нужно, так и приехала!

Б о н д ы р е в. Что, Серафима, я еще молодец? Хоть ты похвали!
С а р ы т о в а. Потолстел-таки.
Б о н д ы р е в. Ну, уж едва ли! Все меня моционят: посидеть всласть не дают, а уж не то чтоб соснуть после обеда! Боятся, что ожирею.
Б о н д ы р е в а. Не жиру боятся, а кондрашки!
Б о н д ы р е в (*лаская Настю*). Э, брат! Ты все еще такая же куцая?
Н а с т я. Да какая же я куцая, дядя? Я уж давно длинные платья ношу.
Б о н д ы р е в а (*Сарытовой*). С покосом управились, а рожь еще не поспела; вот улучила времечко и приехала!
Б о н д ы р е в. У вас полон двор экипажей. Ты ступай к гостям, об нас и племянницы позаботятся.
С а р ы т о в а. Это гости у управляющего, а не у меня.
Б о н д ы р е в а. Ах, да! Ну так вот что: есть хочу!
Б о н д ы р е в. Да, червячок-то, того, шелестит. Моционьте, да хоть кормите!
С а р ы т о в а. Пойдемте в столовую, сейчас подадут! (*Уходит с Бондыревыми.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

О л ь г а и Н а с т я.

О л ь г а. Настя, скажи, ради бога, что у вас тут делается? До нас дошли такие слухи, что верить страшно.
Н а с т я. Ах, Оля! Я совсем измучилась! Уж теперь мы не хозяйки; меня никто не слушает; этот отвратительный Баркалов забрал все в свои лапы. Ну, понимаешь, без него ничего не делается, ничего! Что он скажет, то и свято. А он такой ужасный, отвратительный! Ох, Оля, что тут было, я тебе и передать не могу. Чего я только не перенесла! Пристает, смеется, глумится, а пожалуешься — я же виновата: видишь, характер у меня непокойный! И каждый-то день я тут плакала. До того доплачусь, что губы себе искусаю до крови от злости!
О л ь г а. Постой, Настя, постой, я так ровно ничего не пойму. Пожалуйста, не волнуйся, а спокойно расскажи все. Отчего этот господин забрал такую власть?
Н а с т я. Как отчего? Мало ли отчего! Подольстился! О, он мастер на это — она и растаяла!

О л ь г а. Это мы слышали, а больше ты ничего не знаешь?

Н а с т я. Что знать-то? Что ж больше? Просто мама нас разлюбила! Противная! Ах, Оля, если б ее хорошенько, хорошенько! Да мы и примемся! Вот будет хорошо!

О л ь г а. Да постой же, Настя! Скажи мне по крайней мере, что говорят об управляющем?

Н а с т я. Говорят очень нехорошо!

О л ь г а. Что же именно?

Н а с т я. Нехорошо и даже страшно. Говорят: пустит он по миру Серафиму Давыдовну, да и барышнев. Раздеваясь, я спрашиваю Марью, как идет у нас хозяйство, а она мне на это: «Хватит управителя ублаготворять!» Как тебе это нравится? (*Подумав.*) Еще как нехорошо-то! Я все окна проглядела, ожидая тебя!

О л ь г а. Присматривалась ли ты к ним, Настя, когда они между собою разговаривают?

Н а с т я. Конечно.

О л ь г а. Что же ты заметила?

Н а с т я. Знаешь, Оля, она белится, румянится, рядиться стала... мне кажется, она влюблена в него. Как ты думаешь, правду я говорю?

О л ь г а. Может быть. Это мы всё увидим!

Н а с т я. Только я боюсь, Оля, не наделал бы он тебе дерзостей, если ты вмешаешься. Надо осторожнее. Он такой буян.

О л ь г а. Настя, меня не испугает никакой Баркалов. Мы должны быть ко всему готовы и, конечно, более к грустному, но... но я не уступлю... Я поняла теперь все! Ах, Настя, мне тяжелее, чем тебе!

Н а с т я. Отчего же?

О л ь г а. Я скажу тебе по секрету: у меня есть жених; он умный, ученый, только небогатый. Мне хотелось, чтоб он управлял нашим имением; он бы привел все в порядок!

Н а с т я. Ты мне его покажи!

О л ь г а. Да как ему явиться сюда, что он здесь увидит? Прежде надо прогнать управляющего.

Н а с т я. Да вот мы с тетей за него примемся, вот посмотри!

О л ь г а. Нет, уж ты не мешайся; я и тетю попрошу, чтоб она была потише. Я скандалов не люблю! Что хо-

рошего, только себя же срамить. Надо дело устроить мирно.

Н а с т я. С ним-то мирно? Это невозможно! Ты посмотри, какой он нахал!

О л ь г а. Можно, Настя, можно! Мне сейчас одна мысль в голову пришла.

Н а с т я. Какая? Скажи!

О л ь г а. Нет, еще рано, после скажу. Вот что значит полюбить-то, сейчас и поумнеешь. Мне бы прежде никогда такой штуки на ум не пришло!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Т е ж е, Б о н д ы р е в а, потом С а р ы т о в а и Б а р к а л о в.

Б о н д ы р е в а. Еды не дождешься, только тарелками стучат.

Н а с т я. Тетя, я сейчас пойду прикажу.

Б о н д ы р е в а. Погоди, не юли! Ну, уж порядок, нечего сказать! Некому стола накрыть, никого не дозовешься. Да кому у вас прислуга-то служит — барыне али управляющему?

Н а с т я. Ах, тетя, заступитесь за нас, у нас в доме такое безобразие, такое безобразие! Она бы должна нам пример подавать, у нее сестры взрослые девушки, а она вон что...

О л ь г а. Ну, что она, что? Ведь сама не знаешь, а болтаешь!

Н а с т я. Я не знаю, да люди так говорят!

О л ь г а. А не знаешь, так и не болтай, пожалуйста!

Б о н д ы р е в а. Я слышала, что и Лизгунов здесь, и Гурьевну видела. Это уж последнее дело. Их ни в один порядочный дом не пускают, это ростовщики самые лютые: где они покажутся, там разорение верное. Ну, друзья мои, теперь я вам скажу, зачем я сюда приехала. Я приехала, чтобы закончить все это безобразие.

Н а с т я. Хорошенько их, тетя, хорошенько!

О л ь г а. Только, пожалуйста, тетя, без шуму! Погодите немножко!

Б о н д ы р е в а. Нет уж, матушка, годить я не хочу. Я с этим управляющим так управлюсь, что он отсюда горошком выкатится.

С а р ы т о в а (*входит*). Прошу закусить. Готово.

Бондырева (*идет*). Иду. Отощала.

Входит Баркалов.

Сарытова. Позволь тебе представить: Степан Григорьевич Баркалов.

Бондырева. Слышала. *(Сухо кланяется и уходит; за ней Ольга и Настя.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Сарытова и Баркалов.

Баркалов. Денег! Ради бога, денег!

Сарытова. Опять у вас игра? Опять проигрыш? Посмотрите на себя, на что вы похожи! Ведь вас все видят.

Баркалов. Последний раз! Даю клятву!.. Молю вас! Проиграл... Вы не захотите осрамить меня.

Сарытова (*дает деньги*). Ох!.. возьмите. Это последние. Вы знаете, зачем она приехала? Выжить вас отсюда.

Баркалов. Еще это старуха надвое сказала. Я ее скорей прогоню! Бегу метать на ваше счастье! Благодарю! Не браните! (*Целует руки и убегает.*)

Сарытова (*с любовью смотрит вслед ему, уходя*). И надо бы бранить, да не могу...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

САРЫТОВА.

ОЛЬГА.

НАСТЯ.

БОНДЫРЕВ.

БОНДЫРЕВА.

МАРЬЯ.

ЛИЗГУНОВ
очень богатый молодой человек, сосед Сарытовой.

БАРКАЛОВ.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марья (входит) и Баркалов.

Баркалов. А, фрелина, пожалуйте с вестями!

Марья. Вестев даже очень довольно.

Баркалов. Ну, и катай по порядку!

Марья. Приезжая барыня ходила по всем местам, и на скотную, и в поле, и везде вас ругательски ругала и проходимцем-то и прощалыгой!

Баркалов. Ладно, ладно! Эка у тебя ума палата! Ты бы еще что-нибудь!

Марья. Сами же приказывали, чтобы все!

Баркалов. В доме-то что говорила?

Марья. А в доме... этого и сказать никак невозможно, потому неблагородно и даже конфузно!

Баркалов. Ха, ха! Ишь какая конфузливая! Ты не ломайся, говори! Не было ли разговору о каких-нибудь намерениях?

Марья. Намерениев никаких не слыхала, а уж, кажется, как слушала: и к окну подкрадывалась, и за дверью стояла. А если бы что, так я бы сейчас. Потому мы все за вас готовы куда угодно.

Баркалов. Ну и молодцы! Будет мне хорошо, будет и вам хорошо, особенно тебе... (*Берет за подбородок.*) Востроглазая!

Марья. И, ух, какие вы бесстыдники! А ну, увидят?

Баркалов. И то правда, стыдливость ты воплощенная!

Марья. Да не то что стыда, на вас и страха нет.

Баркалов. Разумеется, нет.

Марья (*кокетливо*). Так-таки ни стыдочка, ни страха?

Баркалов. Ни того, ни другого. Можно прожить и без этого.

Марья. Да уж, на вас глядя, и мы думаем, что можно.

Баркалов. Ну, так смотри же, не пророни словечка! За это тебе к свадьбе самое пунцовое платье в подарок.

Слышен громкий разговор.

Марья. Слышите? Скорей уйти от греха!

Уходит в дом, Баркалов во флигель.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бондырева и Сарытова (входят).

Бондырева. Ты это другому рассказывай, а не мне. Репу от печенки отличу. Какое это хозяйство? Француз ходил. Непорядок, запущенье, разгром.

Сарытова. Кое-что и не в порядке, у всех так.

Бондырева. Кое-что? Одолжила! Что в порядке-то, ты скажи! Сколько у вас скота?

Сарытова. Штук пятьдесят!

Бондырева. А было?

Сарытова. Было больше.

Бондырева. Вот это хорошо, «больше»! Втрое больше!

Сарытова. Он переменяет породу.

Бондырева. Скажи лучше — переводит. Это значит из шляпки бурнус делает! Пропадешь!

Сарытова. Ну, пускай, уж это мое дело!

Бондырева. Не будь у тебя опеки, никто бы тебе и не мешал на старости пустить себя по миру; но у тебя младшие сестры, все равно что дочери.

Сарытова. А разве я забыла?

Бондырева. Забыла, а то не держала бы в доме такого прощалыгу!

Сарытова. Послушай, ведь я не езжу к тебе с наставлениями?

Бондырева. Еще бы! Я живу по-божески, как совесть велит, а на тебя только-только что пальцами не показывают!

Сарытова. Что такое?

Бондырева. А ты как бы думала? Шила в мешке не утаишь!

Сарытова. Ну, всему есть предел! Прошу не передавать мне глупых разговоров.

Бондырева. Какие разговоры! Дело видимое для всякого: скота мало, лошади не те, экипажи проданы!

Сарытова. Экипажи проданы за ненужностью.

Бондырева. Отчего же, когда у тебя не было управляющего этого, все нужно было, а теперь не нужно стало? А где лес? Я сегодня поглядела, как косой покошено!

Сарытова. Лес был нужен для ремонту, для поправок хозяйственных строений!

Бондырева. Да какой ремонт, какие поправки? Ни-

где даже новой подпорки не видать: все валится, все рушится.

Сарытова. Порубки, крестьяне воруют.

Бондырева. Воруют, да только не крестьяне.

Сарытова. Я не желаю больше продолжать этот разговор.

Бондырева. Ну, так я тебе, Серафима, коротко скажу: чужим нельзя так распоряжаться. Ведь это хорошо, пока у вас предводитель разиня, а наскочишь на другого, так не ту песню запоешь. Теперь ты протоколистам овес да масло посылаешь, так все шито да крыто.

Сарытова. Ты мне угрожаешь?

Бондырева. Я пока не угрожаю, я говорю, потому что люблю и жалею своих племянниц и сердцем болею, глядя, как расхищается наше родовое добро. За них, бедных, заступиться здесь некому!

Сарытова. Ты меня обижаешь; они ближе мне, чем тебе, роднее.

Бондырева. Да что толку, что ты родня, коли ты не хозяйка у себя в доме? Здесь есть другой хозяин: он задает пиры, сдает землю без смысла, скот, экипажи летят за бесценок... А куда деваются деньги — неизвестно. Сама ты живешь скромно, а у него картежная игра, кутеж! Управляющий! Скажите, пожалуйста!

Сарытова. Прошу тебя, потише!

Бондырева. На что тебе управляющий? Возьми хорошего мужика старостой — и чудесно! Дело во сто раз лучше пойдет; а этот проходимец тебя и сестер с сумой пустит. Только я этого не допущу!

Сарытова. Что ты кричишь? Это ни на что не похоже!

Бондырева. На площади скажу, что он проходимец! Любя говорю.

Сарытова. Ах, да не нуждаюсь я ни в любви твоей, ни в попечениях! Оставь меня!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Бондырев (входит), за ним Ольга и Настя.

Бондырев *(Ольге и Насте)*. Ну вас, отвяжитесь! Отстаньте! Ну вас!

Сарытова. Что вы тормошите дядю?

Ольга. Нельзя, на месте преступления пойман.

Бондырева. Опять заснул?

Ольга. Еще как сладко, если б вы видели и слышали!

Бондырева. Ему неймется! Дождешься ты!

Бондырев. Напророчь еще! Отстаньте! Нигде нет покою! А все ты, куцая!

Настя. Дядя, пойдемте в сад!

Бондырев. Еще куда? Опять моционить! Нет, уж довольно, я здесь посижу. *(Садится на скамью.)*

Бондырева. А ты, Серафима, подумай, хорошенько подумай!

Сарытова *(тихо)*. Хоть при них-то оставь!

Бондырева. А ты смотри на них, чаще смотри; может быть, жалость придет.

Сарытова уходит, Бондырева за ней.

Настя. Оля! Вот тетя молодец-то! Так и отчитывает. Я готова прыгать от удовольствия.

Ольга. Какая ты злая. Нет, Настя, я не чувствую никакого удовольствия, а напротив, сердце болит, плакать хочется. Я только и жду случая поговорить с ней.

Настя. Говори, пожалуй, толку не будет. Нет, тетя молодец у нас, молодец! Откуда у ней что берется? Так и отчитывает, так и отчитывает! Куда мама, туда и она! Вот хорошо-то, вот хорошо! Ты посмотри-ка маме в лицо, что с ней делается, а сказать ей нечего. А я думаю себе: что, хорошо тебе, хорошо? Вот послушай-ка, это, видно, не со мной!

Ольга. А ты рада видеть маму в таком положении?

Настя. А зачем она променяла нас на него, зачем меня не слушается, зачем разлюбила? Она думает, что все глупы, что все молчать будут!

Ольга. Только, Настя, право, тут радоваться нечему.

Настя. А не делай так! Ведь нехорошо она делает, нехорошо? Ну, скажи!

Ольга. Разумеется, нехорошо́, да только...

Бондырев потягивается.

Настя. Ах, дядя опять заснул!

Бондырев. Ан и врешь! Ах ты, куцая!

Настя. Дядя, милый, ведь вам вредно!

Бондырев. Знаю, дружок, что вредно, да ничего не

поделаешь. Как поел, так тебе подушка перед глазами и замелькала, так вот тебя и манит, как русалка в реку. Искушение, да и только!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Баркалов.

Баркалов. Мое почтение. Отдохнули после дороги?

Бондырев. Н-да, ничего-таки.

Баркалов. А вы, Ольга Давыдовна?

Ольга. Я и не устала!

Бондырев *(встает)*. Пойти покурить!

Баркалов. Не прикажете ли папироску?

Бондырев. Нет, мы со старухой трубочку.

Настя. Я вам, дядя, трубку набью, я умею!

Бондырев. Ну, ну, шустрая ты, я вижу! *(Уходит с Настей.)*

Баркалов. Уходят от меня. *(Смеется.)* Думают, что огорчили!

Ольга. Никто ничего не думает. Тут съехались все родные, близкие родные; мы можем и ссориться, и мириться, это уж наше дело; вы для нас человек совершенно чужой и, следовательно, при всех наших разговорах и объяснениях совершенно лишний!

Баркалов. Судя по вашему тону, вы, кажется, хотите петь главную партию в семейном концерте?

Ольга. Думайте, как вам угодно, но во всяком случае и несмотря ни на что, я буду вести себя прилично и соответственно тому положению, которое я должна занимать в этом доме. Вон идет моя сестра, моя крестная мать, я хочу с ней говорить; прошу вас удалиться!

Баркалов. Слушаю-с. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ольга и Сарытова (входит).

Сарытова. Скажи мне, Оля, неужели тетка успела вооружить и тебя? Ты не подходишь ко мне, не приласкаешься.

Ольга. Меня никто не может вооружить против тебя; я живу своим умом. Я люблю тебя, но...

Сарытова. Что же?

О л ь г а. Я не могу притворяться и никогда не притворялась. Мы перестали быть для тебя тем, чем были прежде. Но, мне кажется, я всего говорить тебе не имею права!

С а р ы т о в а. Ты боишься в глаза осудить меня? Послушай, Оля! Ты девушка взрослая, я не хочу тебя обманывать, и притворяться перед тобой я также не хочу. Но ты слишком молода, чтобы понять все; ты только слушай, и верь мне, и... пожалей меня. Ты думаешь, я счастлива? Я вас вырастила, я вас люблю, как детей своих, а вы бежите от меня, как от чумы. Все клянут меня за мою страсть, все смеются надо мною, а у меня нет сил бороться с собою. *(Плачет.)*

О л ь г а. Мама, мне жаль тебя, но я ничего не могу сказать тебе в утешение, ничего!

С а р ы т о в а. Да, потому что ты не знаешь, что такое любовь, что такое страсть!

О л ь г а. Может быть, я и знаю, что такое любовь...

С а р ы т о в а. Ты знаешь, и ничего не найдешь сказать мне в утешение?

О л ь г а. Ничего. Я знаю любовь, только понимаю ее иначе. Женщина создана для любви: полюбить человека умного, образованного, от которого ждешь себе пользы, добра, очень естественно! Но за что ты любишь его, чем оправдать твою любовь?

С а р ы т о в а. Нет, ты еще молода. То, что ты говоришь, не любовь, а резонерство. Любовь слепа, страсть не рассуждает, она мучит, губит человека.

О л ь г а. Губит? Мама, ты губишь не одну себя, ты губишь и нас. Подумай, мы только начинаем жить, а что ждет нас? Разорение и бедность. Когда я думаю об этом, я замечаю, что мое чувство к тебе пошатнулось; оно может совсем исчезнуть. Мама, соберись с силами, отрекись от него, это приведет нас всех к согласию и счастию.

С а р ы т о в а. Правда твоя, Оля; но что же мне делать, если он завладел моей душой! Если бы он покинул меня, я бы могла забыть его, но самой оттолкнуть... *(Сквозь слезы.)* Оля, я соберу все мои силы... я постараюсь... только прошу вас, не оскорбляйте меня и его.

О л ь г а. Мама, за себя я ручаюсь; я попрошу тетю и

Настю быть поласковей с ним, только уж и ты скажи ему, чтобы он вел себя с нами поприличней и поскромней. Я побегу к ним. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Сарытова и Баркалов (входит).

Баркалов. Что с вами? Растроганы вы или расстроены?

Сарытова закрывает лицо руками.

Даже вот как! Недурно! Значит-таки доняли вас! Остаться мне или уйти?

Молчание.

Что сей сон значит? Не хотите говорить? Ну, как угодно! *(Идет.)*

Сарытова. Послушайте!

Баркалов. А! Слушаю...

Сарытова. Мне нужно с вами много и серьезно говорить!

Баркалов. И много, и серьезно? Если серьезно, так нельзя ли покороче. Да вам не нужно ли, чтобы я убирался из вашего дома,— так об этом не стоит разговаривать, через час меня не будет, если вам угодно.

Сарытова. Зачем вы это говорите?

Баркалов. Я вижу, в чем тут дело. Ну, и бог с вами. Вы думаете, я запла́чу?

Сарытова. Вам все равно, потому что вы меня не любите!

Баркалов. А вы меня любите? Хороша любовь, нечего сказать! Сестрица приласкала, тетка побранила — и прощай, любовь! Отлично! Что значили и чего стоили все ваши клятвы? Э, да лучше убраться поскорей, чем глядеть на эту фальшь.

Сарытова. Фальшь? Вы ошибаетесь. Если б вы знали мое сердце!

Баркалов. Не желаю. Я знаю, что там ничего не найду!

Сарытова. Он же меня оскорбляет! Как я несчастна!

Баркалов. Ну, так будьте счастливы и прощайте! *(Идет.)*

Сарытова. За что вы так грубы со мною? Что я вам сказала или сделала?

Б а р к а л о в. Я не глуп и не слеп. Я слышу, об чем на целый дом кричат ваши родные, а вы, при виде меня, закрываете лицо и молчите. Или мне дождаться, чтобы меня выбросили за окно? Вы задели мою гордость!

С а р ы т о в а. Человек, которому я отдала мою душу, не хочет понять меня. Я мучусь, терзаюсь, а он только думает о себе и о своей гордости.

Б а р к а л о в. Неправда. *(С жаром.)* Говорите прямо, без ужимок, что вам нужно от меня? Я готов на все: по одному вашему слову я умру для вас. Скажите, какую жертву должен я принести? По одному вашему слову я погибну!

С а р ы т о в а. Зачем, зачем опять вы заговорили этим голосом? Он проникает мне в душу. Я не могу устоять против него. Лучше презирайте, ненавидьте меня и уйдите, уйдите!

Б а р к а л о в. Я уйду не с ненавистью, а с разбитым сердцем.

С а р ы т о в а *(нежно смотрит на него)*. Уйдете совсем? Нет, не могу. Послушайте, я скажу им, что вы изменитесь, будете скромнее, не будете расточительны. Да? Вы обещаете? Умоляю вас!

Б а р к а л о в. Клянусь вам, я изменюсь, и меня не в чем будет упрекнуть!

С а р ы т о в а. Благодарю, теперь я покойна!

Б а р к а л о в. Вон, кажется, Павел Спиридонович приехал.

С а р ы т о в а. Не за деньгами ли? Вот беда-то! У меня нет денег! Гурьевна обещала достать на днях.

Б а р к а л о в. У меня есть основание предполагать, что он, несмотря на свою скаредность, согласится подождать!

С а р ы т о в а. Устройте как-нибудь! Хлопочите, спасайте меня! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Б а р к а л о в и Л и з г у н о в (входит).

Л и з г у н о в *(негромко)*. Здравствуйте! Скажите, вы ничего не предчувствуете, ничего?

Б а р к а л о в. Ровнехонько ничего. Что это вы так таинственно? Не пойдем ли ко мне?

Л и з г у н о в. Нет, я хочу быть здесь, хочу видеть ее! Понимаете... ее!

Б а р к а л о в. Любовная муха укусила?

Л и з г у н о в. И не говорите! Вчерашний день был для меня решительным. Рок совершился. Я не спал всю ночь... понимаете, видение... я и так, и эдак — не тут-то было. Стоит передо мной и не исчезает. Помогите!

Б а р к а л о в. Я! Как это я буду помогать вам? Вы красивы, богаты...

Л и з г у н о в *(перебивает)*. Все это прекрасно, но я не люблю рисковать. Я должен знать, положительно знать ее мысли, ее мнение обо мне. Хотя я надеюсь... но чего не бывает? Вдруг отказ, при моей-то гордости! Да я не перенесу такого удара... как тогда мне смотреть на людей! И так, добрейший мой, я на вас надеюсь.

Б а р к а л о в. Для вас все и всегда!

Л и з г у н о в. Скажите, ну что она? Как обо мне отзывается?

Б а р к а л о в. Ничего — хвалит.

Л и з г у н о в. Да? Очень рад! Но вчера... дорожное платье, маленький беспорядок... чудо, прелесть!

Б а р к а л о в. Вы не очень еще радуйтесь. Тут есть одно препятствие.

Л и з г у н о в. Неужели соперник есть?

Б а р к а л о в. Ну вот, стоит о соперниках говорить! Нет, более существенное: Серафиме Давыдовне деньги нужны — четыре тысячи. Сочтетесь после, а теперь раскошеливайтесь!

Л и з г у н о в. Она и то мне много должна, но это пустяки, лишь бы верно было.

Б а р к а л о в. Я ничего не знаю, это ваше дело! Вы просите помочь вам, я и указываю, с какого конца надо начинать.

Л и з г у н о в. Благодарю от души. Если мне удастся, я готов сжечь ваш вексель. Я так тронут, что не пожалею...

Б а р к а л о в. Павел Спиридоныч, вы меня обижаете. Деньги? Мне? Я небогат, но подаяния не беру. Обед, стакан шампанского, да! Пойдемте-ка лучше любоваться на нее из моего флигеля.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Б о н д ы р е в а (в очках, с работой в руках), О л ь г а и Н а с т я (все входят).

О л ь г а. Тетя, зачем вы завели этот разговор? Мама совсем расстроена; она плачет.

Б о н д ы р е в а. А что ж такое? Говорю, потому что правда. Не хвалить же мне ее! А что она расстроена, так это и прекрасно: одумайся!

Н а с т я. Тетя, милая! Как я вас полюбила, как я вас полюбила!

О л ь г а. Погоди! Помолчи, Настя! Тяжело видеть, невыносимо тяжело, когда люди относятся друг к другу без жалости.

Б о н д ы р е в а. Какая тут жалость? Что за нежности! Она уходит да отмалчивается, думает, тем дело и кончится. Не придется. Дойму, ох, дойму! Я на все пойду! Коли словом ее не возьмешь, делом доедем.

Н а с т я. Так, так, тетя милая!

О л ь г а. Ах, Настя, ты невыносима!

Н а с т я. Вот, тетя, она меня всегда бранит, она меня глупой называет!

Б о н д ы р е в а. Ну вот еще! У нас глупых-то и в роду нет! Задорные водятся, а глупых нет. Нет, Олинька, дружок мой, ты вот что послушай. Ваш отец точно предчувствовал, что не все будет ладно. Он просил меня не забыть его последней просьбы и помочь вам, если будет надобность. Ты думаешь, что Серафима потом не скажет мне спасибо? Ой-ой, как скажет!

О л ь г а. Тетя, да зачем вы горячитесь? Совсем не то нужно, нужно другое. Что за крики, что за брань! Они возмущают меня; ведь у меня есть сердце. Я придумала, как кончить это дело миром.

Б о н д ы р е в а. А придумала, так и делай; спасибо скажем!

О л ь г а. Да я одна не могу, мне нужна ваша помощь!

Б о н д ы р е в а. Какая еще помощь? В чем дело?

О л ь г а. А вот, во-первых, не расстраивайте маму и будьте поласковее с управляющим.

Б о н д ы р е в а. Зачем же это поласковее, коли я его видеть не могу?

О л ь г а. Так нужно, тетя! Вот вы увидите!

Б о н д ы р е в а. Посмотрим. Изволь, изволь!

О л ь г а. Вот он идет.

Б о н д ы р е в а. Так ты хочешь, чтобы я была с ним ласковее?

О л ь г а. Да, тетя, сделайте для меня это одолжение.

Б о н д ы р е в а. Изволь, изволь, у меня за лаской дело не станет.

Входит Б а р к а л о в и останавливается поодаль.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Т е ж е и Б а р к а л о в.

Б а р к а л о в. Прасковья Антоновна!

Б о н д ы р е в а *(не глядя на него)*. Что еще?

О л ь г а *(с упреком)*. Тетя!

Б а р к а л о в. Вы сегодня обходили хозяйство и остались недовольны?

Б о н д ы р е в а. Была, видела, насмотрелась! Ну, а вам-то что?

Б а р к а л о в *(смиренно)*. Я управляющий!

Б о н д ы р е в а. Так что ж, сударь? *(Ольге.)* Ведь ласково, Оля?

О л ь г а. Ах, тетя!

Б а р к а л о в. Вы опытная хозяйка, приятно поучиться у вас...

Б о н д ы р е в а. Эва что! Учить? Не желаю, понимаете, не желаю и не стоит!

О л ь г а. Тетя, разве это дурно, что молодой человек желает поучиться? Это делает ему честь. Зачем же отказывать ему в добром совете?

Н а с т я. Да тебе что за дело? Зачем ты в чужие разговоры мешаешься! Тетя знает, что говорит.

Б а р к а л о в. Я хочу учиться для пользы ваших же родных.

Б о н д ы р е в а. Для этой пользы нужно совсем другое — так-то-с!

Б а р к а л о в. Что же именно? Может быть, я могу?

Б о н д ы р е в а. Вы? Можете, как не мочь! Стоит только запречь лошадей, а вам сесть да укатить совсем отсюда, тут вот и начнется действительная польза для моих родных. Другой пользы не знаю и прошу у меня не спрашивать, а то я человек тяжелый, неровен час, обмолвлюсь, скажу что-нибудь вам не по мыслям.

О л ь г а *(подойдя к Баркалову).* Степан Григорьевич, вы не огорчайтесь на тетю. У ней уж такая манера говорить, а сердце у ней доброе и нежное.

Н а с т я. А! Так ты вот как! Ну, хорошо же! *(Убегает.)*

Б а р к а л о в. Бог с вами! За что вы обижаете бедного человека?

Б о н д ы р е в а. Бог всегда со мной, это правда; а есть люди, что и бога забыли! Да вы маску-то снимите, полно Лазаря-то петь! Понимаем мы, не маленькие! *(Смеется.)* Управляющий!

Б а р к а л о в. Сударыня, воздержитесь! Только в этом доме вы и можете так говорить со мной.

Б о н д ы р е в а. А в другом-то месте я на вас и не посмотрю. «Воздержитесь»! Туда же!

Он уходит.

О л ь г а. Ну что вы наделали! Теперь опять пойдет брань да раздор. А еще обещали быть ласковой!

Б о н д ы р е в а. Да что ж мне делать, коли я его видеть не могу. Как только увижу его мину богопротивную, так у меня даже колотья подступают.

О л ь г а. Тетя, я вас предупреждаю, он человек дерзкий, он ни перед чем не остановится.

Б о н д ы р е в а. Ну вот еще! Стану я его бояться!

О л ь г а. Да уж поверьте мне: будет скандал большой; а все это отзовется на нас, дурная-то слава про все семейство пойдет. Вы знаете, что у меня есть жених, так приятно ли мне, когда разговор о наших семейных дрязгах по всей губернии разойдется. Говорю вам, не мешайте мне, у меня дело хорошо обдумано.

Б о н д ы р е в а. Так что такое, скажи!

О л ь г а. После, после, тетя, а теперь подите к маме, успокойте ее хоть немного! Ведь жалко!

Б о н д ы р е в а. Ох ты, жалостливая! Что ж, я пойду, коли тебе надо, да будет ли толк?

О л ь г а. Будет, будет!

Б о н д ы р е в а уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

О л ь г а и Н а с т я (входит).

О л ь г а. Что ты убежала? Ты рассердилась на меня?

Н а с т я. Нет, что ж сердиться! Только не ожидала я от тебя этого, не ожидала!

О л ь г а. Чего не ожидала?

Н а с т я. Чтоб ты на его сторону перекинулась.

О л ь г а. Наконец это из рук вон! Чего ж тебе хочется от меня? Чтоб я вместе с тобой бранилась с ним? Этого ты от меня никогда не дождешься.

Н а с т я. Да я знаю, знаю. Вас теперь трое против меня: она, он и ты!

О л ь г а. Какие глупости! Ты ничего не понимаешь.

Н а с т я. Уж конечно! Я только и слышу от тебя, что я глупа и зла. Ну и отлично! Мы и без тебя обойдемся: за меня тетя заступится, да я и сама...

О л ь г а. Ты сама? Что ты выдумываешь? Что ты можешь сделать?

Н а с т я. Что сделаю? Вот ты узнаешь.

О л ь г а. Ах, Настя, ты только мешаешь моему плану. Как это скучно! То тетя, то ты... не хотите вы подождать немного!

Н а с т я. Дождешься тебя; я измучилась. *(Утирает слезы.)* Нет, уж я решилась!

О л ь г а. На что ты решилась?

Н а с т я. Уж я знаю. Это мое дело.

О л ь г а. Ну, сделай милость, скажи! Разве хорошо от сестры скрывать?

Н а с т я *(осматриваясь)*. Слушай! Я возьму... я возьму у скотницы Хавроньи мышьяку и отравлю его.

О л ь г а. Что ты? Что ты? Ведь это уголовное преступление...

Н а с т я. Я знаю. Я все расскажу на суде, все, я плакать буду, меня оправдают.

О л ь г а. Тебя оправдают, а грех-то? Ты и забыла?

Н а с т я *(подумав)*. Так я сама отравлюсь.

О л ь г а. Ну вот еще! Кому же ты угрозишь?

Н а с т я. Да я не могу так жить, не могу... понимаешь?

О л ь г а. Ведь уж долго ждала; подожди еще немного. Мне самой надоело.

Н а с т я. Немного?

О л ь г а. До завтра.

Н а с т я. И завтра ты его выгонишь отсюда?

О л ь г а. Непременно.

Н а с т я. А если нет?

О л ь г а. Тогда делай что хочешь: отравляй его или сама отравляйся; я уж не скажу ни слова.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

САРЫТОВА.

ОЛЬГА.

НАСТЯ.

БОНДЫРЕВ.

БОНДЫРЕВА.

БАРКАЛОВ.

ЛИЗГУНОВ.

ГУРЬЕВНА.

МАРЬЯ.

МИТРОФАН
воспитанник Гурьевны, лет 25.

Декорация та же.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марья (входит) и Гурьевна (в руках небольшой ковровый мешок).

Гурьевна. Что, Машенька, можно видеть Серафиму Давыдовну?

Марья. Оне нездоровы, другой день из спальни не выходят.

Гурьевна. Что ж это с ней сделалось?

Марья. Да так, ничего важного; ежели оне расстроены, так у них всегда нездоровье от нервов.

Гурьевна. Так я прямо к ней в спальню и пойду.

Марья. Никак невозможно это. Подождите, когда выйдут.

Гурьевна. Что это у вас за новая мода? Я всегда прямо ходила.

Марья. Уж это не наше дело. Не велели никого допущать, ну, мы и не должны.

Гурьевна. Уж она не от родни ли запирается.

Марья. Мы этого знать не можем.

Гурьевна. Рано вчера управляющий-то из городу приехал аль вовсе не ночевал? Я его там видела!

Марья. Ишь вы как люты на расспросы-то! Нужен он вам, что ли? Так я его позову.

Гурьевна. Нет, нет, ну его, на что он мне! Так я пойду в девичьей посижу. *(Идет к калитке.)*

Входят Бондырева и Ольга. Гурьевна низко кланяется и уходит. Марья уходит в дом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бондырева и Ольга.

Ольга. Тетя, милая, ну что вам стоит?

Бондырева. Да что ты выдумываешь? Как это возможно!

Ольга. Одно средство, тетя, самое простое и самое верное.

Бондырева. Да что я тебе, кукла, что ли, досталась? Молода еще ты вертеть старухой теткой, как игрушкой.

Ольга. Тетя, пожалейте сирот!

Бондырева. Да как мне вывернуть-то себя? Всю жизнь правдой живу, а тут на-ка поди! Да я и слова-то такие забыла!

Ольга. Подумайте, так вспомните!

Бондырева. Отойди ты, греховодница!

Ольга. Так не хотите?

Бондырева. Еще бы ты заставила меня на палочке верхом кружить! Так тебя и слушать?

Ольга. На вас будем плакаться: могли, да не захотели.

Бондырева. Да отстань! Статочное ли это дело, чтоб я... да господи помилуй!

Ольга. Вам бы только браниться с утра до вечера, вот это ваше удовольствие, а пожалеть племянниц, помочь им, так вас нет.

Бондырева. Пожалеть, пожалеть! Да как ты смеешь! Разве я вас не жалею? А уж кататься колесом под старость лет, матушка моя, заставить меня трудно!

Ольга *(отходя в сторону)*. Как хотите. Бог вам судья!

Входят Сарытова и Марья.

Бондырева. Вышла из заключенья?

Сарытова. Ах, оставь, пожалуйста! Полегче стало, ну, я и вышла подышать воздухом.

Бондырева. Ну, дыши, дыши! *(Ольге.)* А ты что губы-то надула? Пойдем потолкуем еще, хоть посмеюсь на твою выдумку! *(Уходит с Ольгой.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сарытова, Марья и Баркалов.

Сарытова. Степан Григорьич дома?

Марья. Дома-с.

Сарытова. Попроси его ко мне.

Марья уходит во флигель.

Какое невыносимое положенье! Прикидывайся больной, запирайся в спальне, лишь бы не видеть и не слышать ничего. Долго ли это продолжаться будет? Не прогнать же мне дядю с теткой, а сами не догадаются, не уедут.

Входят Баркалов и Марья.

Баркалов *(Марье, на ходу)*. Распорядитесь-ка, чтоб мне закусочку прислали! Надо голову поправить, болит со вчерашнего!

Марья. Что прикажете?

Баркалов. Чего хочешь, все равно, только кислой капусты не забудь.

Марья. Это, по-нашему, бламанже называется. *(Уходит.)*

Баркалов *(Сарытовой)*. Наконец вы показались на свет божий.

Сарытова. Вы были вчера в городе?

Баркалов. Был.

Сарытова. Не видели вы Гурьевну?

Баркалов. Я ее никогда не вижу. Это она меня постоянно видит да вам сплетничает.

Сарытова. Ах, оставьте, мне она нужна.

Баркалов. Зачем вам? Ее надо гонять из усадьбы.

Сарытова. Она мне обещала денег достать.

Баркалов. Если вы об деньгах, то не беспокойтесь. Деньги есть, у меня во флигеле сидят, завтрака дожидаются.

Сарытова. Лизгунов? Да ведь я ему и так много должна.

Баркалов. Ничего не значит. Тут есть маленькое соображенье. *(Тихо.)* Влюблен...

Сарытова. Очень рада, но что ж из этого?

Баркалов. Да только и всего, что у него можно денег взять.

Сарытова. Я вас не понимаю. Я уверена, что из его любви не выйдет ничего серьезного. Лёле он, кажется, не нравится.

Б а р к а л о в. И я уверен, что не будет ничего серьезного, но он этого не должен знать.

С а р ы т о в а. Что ж вы хотите, чтоб я обманом выманила у него деньги?

Б а р к а л о в. Зачем обманом — обман слово нехорошее; а ловкостью, умом — это другое дело. Вы только разберите...

С а р ы т о в а. Ничего не хочу я разбирать. Я вижу, что вы советуете мне что-то нехорошее, а я неблагородно не поступала никогда. Если бы я надеялась на что-нибудь серьезное, я бы могла решиться, взяла. Такие обстоятельства! Но я не надеюсь и поэтому прошу мне не говорить об этом.

Б а р к а л о в. Носитесь вы с своим благородством и доноситесь до того, что эта ноша вас придавит. С кем церемониться! Вы знаете ли, сколько вы ему должны?

С а р ы т о в а. Четыре тысячи с небольшим.

Б а р к а л о в. А с процентами будет и всех пять. Он молчит и не требует только потому, что надеется породниться с вами, а как узнает, что нет надежды, тогда распорядится по-своему. Не ждите пощады!

С а р ы т о в а. Это ужасно, ужасно!

Б а р к а л о в. Еще ужаснее будет, когда отнимут и продадут за бесценок ваше именье. Много ли у вас останется, за вычетом долга и разных проторей и убытков? И придется вам уж не опекуншей быть, а идти в приживалки или на хлебы к вашим сестрам или к этому бульдогу, к вашей тетушке.

С а р ы т о в а. Да, да, ужасно, ужасно представить! И отчего он ей и всем женщинам противен? Красив, богат...

Б а р к а л о в. Ну, уж это не наше дело. Теперь-то много ли денег вам нужно?

С а р ы т о в а. Мне необходимо тысяч около трех.

Б а р к а л о в. Так я и предполагал, что надо будет просить четыре. Вам около трех, мой векселишко рублей в шестьсот надо у него выкупить, а остальные мне на мелкие расходы. Да, так точно, четыре тысячи.

С а р ы т о в а. Да... но как же? Я, право, не знаю.

Б а р к а л о в. Вы не согласны? Хорошо! Я пойду, так и скажу ему. *(Идет.)*

С а р ы т о в а. Постойте. Что ж я должна делать?

Б а р к а л о в. Очень мало. Скажите, что вы и очень бы рады, но обстоятельства ваши и сестер ваших так

дурны, что вы не можете об этом и думать, что нужны расходы, приличие требует... ну, и прочее... Он сейчас поймет и предложит; а как деньги получите, тогда пускай ведается сам с Ольгой Давыдовной. Что ж тут дурного? Чисто и аккуратно. Позвать?

Сарытова *(закрывает лицо)*. Дайте подумать!

Баркалов. Подумайте, это дело хорошее. *(Прохаживается и посвистывает.)* Ну, довольно, я иду звать!

Сарытова. Зовите!

Баркалов. Вот и хорошо подумать, а то как же это... не думавши. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сарытова, потом Лизгунов.

Сарытова. До чего я дошла! Я падаю, падаю и не вижу дна этой пропасти! Что мне делать? Остается только закрыть глаза, пусть будет, что будет.

Лизгунов *(входит)*. Я счастлив, что вижу вас и могу выразить мое чувство расположения к вам!

Сарытова. Прошу.

Садятся.

Лизгунов. Я пришел искать и найти в вас такое же расположение...

Сарытова. Я всегда... Что могу...

Лизгунов. Буду краток и откровенен — это лучше всего. Считаете ли вы меня достойным быть вашим зятем? Я надеюсь...

Сарытова. Отчего же... но...

Лизгунов. Но? Что значит это «но»? Не пугайте меня. Зачем «но»?

Сарытова. Это касается меня, а не вас.

Лизгунов. Слава богу, а то мне показалось... я такой нервный. Что же такое?

Сарытова. Мои обстоятельства... приличие требует... я не могу решиться, я не отказываю в своем согласии, но...

Лизгунов *(смеется)*. Понимаю! Это такие пустяки. Напрасно вы затрудняетесь сказать прямо. Ведь будем же свои люди. Итак, я имею ваше слово?

Сарытова. Что касается меня, я очень рада. Это было всегда моим желаньем.

Лизгунов. И прекрасно. В расположении Ольги Давыдовны я, кажется, сомневаться не должен. Гордость моя не допускает этой мысли. Если человек с моим состоянием и с моими достоинствами... и притом не ищет приданого — тут долго не думают!

Сарытова. Уж это ваше дело! Я ходатайствовать за вас не берусь!

Лизгунов. О, не беспокойтесь, я сам... я красноречив. Позвольте вашу ручку. *(Целует.)* Сколько же вам нужно денег?

Сарытова. Тысячи четыре.

Лизгунов. Ого! Впрочем, что ж, я готов. Когда же вам нужно?

Сарытова. Если можно, теперь.

Лизгунов. С собой такой суммы не имею, но сейчас съезжу за ней, а вы приготовьте какой-нибудь незначительный документик, векселек, конечно.

Сарытова. Вы мне не верите?

Лизгунов. Помилуйте, верю... но порядок такой!

Сарытова. Нет, значит, вы не доверяете мне. Благодарю вас, не нужно.

Лизгунов. Прошу не горячиться! Брать документы у меня привычка, или, лучше сказать, правило моей жизни, от которого я уж ни под каким видом не отступлю. Я рубля не дам без документа даже отцу родному. Вас, может быть, бланк затрудняет, надо в город посылать? Так вот, извольте. *(Достает из кармана и подает вексельный бланк.)* Со мной всегда есть!

Сарытова. Вы привезите мои старые векселя да Степана Григорьевича тоже, я за него заплачу; мы сделаем один вексель.

Лизгунов. С удовольствием. Лечу легкий, чтобы прилететь тяжелым. *(Уходит.)*

Сарытова. Наконец-то! Какая пытка!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сарытова, Марья, потом Ольга.

Марья. Гурьевна пришла, в девичьей дожидается!

Сарытова. Не до нее мне, пусть подождет. Где Олинька?

Марья. В гостиной сидят.

Сарытова. Одна?

Марья. Нет, с тетенькой-с.

Сарытова. Так попроси ее сюда ко мне.

Марья уходит.

Разве я могу, разве я посмею требовать от нее такой жертвы? А что, если она согласится? Ведь я погублю ее на всю жизнь. Я должна беречь ее, а не губить, ведь она мне сестра, крестница, почти что дочь. Господи! Да что же я все твержу себе: «я должна, должна!» А в душе-то нет ни любви к сестрам, ни чувства долга, ни сознанья своих обязанностей, а только страх перед бедой и чувство самосохранения. За что бы ни ухватиться, только бы удержаться... хоть уж не спастись, хоть только отсрочить свою погибель!

Ольга *(входит)*. Мама, что тебе?

Сарытова *(с дрожью в голосе)*. Оля, спаси меня!

Ольга. Я рада, да как? Скажи!

Сарытова. Оля, за тебя сватается Лизгунов.

Ольга *(с испугом)*. Ах, что ты! Нет, нет!

Сарытова. Одно средство... последнее... я гибну...

Ольга. Нет, нет! Мама, не требуй от меня жертвы, я молода, я хочу жить... я люблю... у меня есть жених.

Сарытова. Как? Ты любишь, и я ничего не знаю... я от тебя не ожидала...

Ольга. Не говори, не говори! Ты не имеешь права судить меня!

Сарытова. Ты меня убиваешь!

Ольга. Я уйду... ты меня мучишь... за что? Что я тебе сделала? О чем ты просишь, подумай! Тебе нужны деньги, так ведь?

Сарытова *(со слезами)*. Да, Оля... крайность...

Ольга. Какой же ценой ты хочешь добыть эти деньги? Ты хочешь отнять у меня счастье, загубить всю жизнь мою, чтоб добыть себе денег! Да ведь я тебе сестра, я дочь твоя... ведь ты нас растила, воспитывала, ты желала нам добра... ты забыла, ты все забыла... Нет, мама, ты подумай, подумай! Ты растерялась совсем!

Сарытова. Ах, прости меня! Да... я слабая женщина... Оля... Олинька...

Ольга. Что, мама?

Сарытова. Ты хоть не совсем отказывай-то ему, не вдруг. Скажи, что ты подумаешь, чтоб он подождал.

О л ь г а. Нет, лгать не стану. Да ты не беспокойся, мама! Ты уж очень расстроена, тебе все в черном цвете представляется. Будь уверена, что я сделаю все, что могу, чтобы помочь тебе. Ты успокойся, успокойся, все будет хорошо. Пойдем, я провожу тебя.

Уходят в дом.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Г у р ь е в н а (входит в калитку), потом М и т р о ф а н.

Г у р ь е в н а. Сказала, что барыня в саду, а ее нет. Что она, как молодой месяц, покажется, да и спрячется! Подожду. Как бы только на победителя-то не налететь!

М и т р о ф а н идет из флигеля к калитке.

Митроша!

М и т р о ф а н *(оглядываясь)*. А?

Г у р ь е в н а. Что ты, как галка, рот-то разинул? Поди сюда!

М и т р о ф а н. По́что? *(Подходит.)*

Г у р ь е в н а. Ишь ты, какой взъерошенный, точно шавка!

М и т р о ф а н. Так что? Кому нужно?

Г у р ь е в н а. Молчи ты, бестолковый! Здесь барышни ходят!

М и т р о ф а н. Ну и пущай! Я сторонкой, меня не увидят!

Г у р ь е в н а. А зачем сторонкой? Что ты, вор, что ли, украл что? От кого тебе прятаться? Ходи прямо, ходи браво! Разве ты свою планиду знаешь? А может быть...

М и т р о ф а н. Уж это ты грезишь! Не так я стачан, фасон не тот.

Г у р ь е в н а. Какой еще фасон нашел?

М и т р о ф а н. Фасон а ля мужик. От них мы кормимся, с ними нам и жить.

Г у р ь е в н а. Ну, не скажи: на грех-то мастера нет! *(Достает из мешка банку, мешок кладет на землю и засучает рукава.)*

М и т р о ф а н. Ты это что? Кого мыть собираешься?

Г у р ь е в н а. Помадить тебя хочу. *(Помадит.)* Вон она опять все деньги растранжирила... Не вертись! Опять за Гурьевну. Ну, я сказала, что Фарафонтова день-

ги, а свои даю, да по три процентика в месяц, да бриллианты под залог... Не вертись!

Митрофан. А как это хорошо, когда богатый человек проматываться задумает. Тут уж только карман подставляй.

Гурьевна. Говорят тебе, не вертись! *(Легкая пощечина.)*

Митрофан. Ты что дерешься! Так вот на же! *(Ерошит волосы.)* Так и буду ходить. *(Отходит.)*

Гурьевна. Ну, Митроша, ну, поди сюда, причешу.

Тот подходит, она его причесывает.

Вот так-то помещичье добро и попадает в наши руки.

Митрофан. А кто ж виноват? Что ж нам, жалеть их, что ли?

Гурьевна. Зачем жалеть; я к слову говорю. Вот уж ты хуторок купил, а там и именье купишь, а потом можно и за барышню посвататься.

Митрофан. Только не очень высокого полету! А я вчера три целковых выиграл.

Гурьевна. В карты? Да я тебя убью!

Митрофан. Нет, на гитаре. Заставляют пьяные ночью песни играть. Коли дадите, говорю, по гривеннику за песню, так стану играть, а то спать пойду. Дали. Я им на три целковых и наиграл!

Гурьевна. Вот и молодец — деньги-то годятся, а выспаться-то и днем можно. Ты куда идешь?

Митрофан. К писарю; нужно на мужиков условье писать. *(Уходит в калитку.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Гурьевна и Баркалов (выходит из флигеля, несколько румяней обыкновенного).

Баркалов. А! Это вы?

Гурьевна. Я-с.

Баркалов. Зачем пожаловали?

Гурьевна. Насчет делов-с.

Баркалов. К кому же это?

Гурьевна. Конечно, не к вам, а к благодетельнице своей.

Баркалов. А я полагаю, что к приезжим на бедность попросить. Вон мешок-то какой принесла!

Гурьевна. Это вы совсем напрасно.

Б а р к а л о в. Не ходи к приезжим господам, не советую, по дружбе не советую. Он индюк, а она рычит, как бульдог, курит трубку, как фельдфебель, очки вот какие, чубук вот какой!

Г у р ь е в н а. Да мне все равно, какие бы ни были.

Б а р к а л о в. Нет, нет, не все равно. Попробуй-ка ей не понравиться, она сейчас чубук-то и приложит. Она говорит, что от зубов курит, ты ей не верь. Она для того и курит, чтоб на всякий случай чубук под руками был: как что не по ней — она и приласкает.

Г у р ь е в н а. Да какое мне дело! Я не к ним, я к Серафиме Давыдовне.

Б а р к а л о в. К Серафиме Давыдовне не пущу. Поворачивай оглобли назад!

Г у р ь е в н а. Да как же это возможно, бывши в усадьбе, да не показаться. У меня дело до них, за мной присылали.

Б а р к а л о в. Никаких дел не нужно; марш обратно; тем же трактом на старое место, откуда пришла!

Г у р ь е в н а. Что вы, Степан Григорьевич, проходу мне не даете, завсегда обижаете.

Б а р к а л о в. Полно казанской-то сиротой притворяться.

Г у р ь е в н а. Что я бедная, так и нападаете! Это вам должно быть совестно!

Б а р к а л о в. Ну да, как же, конечно, совестно, очень совестно. А знаете, какая мне счастливая мысль в голову пришла?

Г у р ь е в н а. Почем же я могу чужие мысли знать.

Б а р к а л о в. Я вас как-нибудь собаками затравлю.

Г у р ь е в н а. За это ответите, нынче на всех закон есть.

Б а р к а л о в. Это вы совершенно справедливо изволите говорить. *(Смотрит на нее.)* Позвольте вас поцеловать.

Г у р ь е в н а. Всякие я от вас обиды видела, Степан Григорьевич, а уж такой не ожидала. Даже неблагородно.

Б а р к а л о в. Да разве я обижаю? Полно притворяться-то. Вас хочет поцеловать молодой человек приятной наружности. Признайтесь, ведь вы давно не испытывали такого удовольствия?

Г у р ь е в н а. Тьфу! Тьфу! Прости господи мои прегрешения! Ах, что вы, что вы? Можно ли такие слова девице говорить!

Б а р к а л о в. А что ж такое! Ведь я с благородным намереньем! Много ль у тебя денег припрятано? Откровенно скажи, не скрывай.

Г у р ь ё в н а. Какие у меня деньги! Из-за хлеба на квас перебиваешься.

Б а р к а л о в. Когда у вас будет пятьдесят тысяч, я ваш жених, а пока... приди в мои объятья! *(Хочет ее обнять.)*

Г у р ь е в н а. Что вы, что вы, я закричу. Я сама благородная, у меня папенька был чиновник.

Б а р к а л о в. Да ведь я жених. Разве я не имею права сказать тебе: милая, очаровательная Гурьевна! — и задушить в своих объятьях...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Т е ж е, Б о н д ы р е в, потом Б о н д ы р е в а.

Б о н д ы р е в *(входит)*. Молодой человек, что это вы на старушку-то польстились?

Б а р к а л о в. Вы нас не судите, мы старинные приятели.

Г у р ь е в н а. Господи помилуй! Да что он это такое?

Б а р к а л о в. Я ее люблю за остроумие. Вы ее послушали бы сейчас, она целый уезд перебрала. Вас назвала индюком; жену вашу — бульдогом и фельдфебелем.

Г у р ь е в н а. Я? Да это вы назвали. Что это вы с больной головы да на здоровую?

Б а р к а л о в. Видите, вертится! У-у! Язычница! Вы ее также хорошенько, она в наши места вместо сибирской язвы послана. *(Уходит.)*

Г у р ь е в н а. Милостивый государь, вы ему не верьте! Провалиться в преисподнюю, никак вас не называла. Конечно, мне веры нет, я человек бедный. *(Плачет в голос.)* А с ним без вины виноват будешь!

Б о н д ы р е в а *(входит)*. С кем ты тут?

Б о н д ы р е в. Ты послушай, что тут за история! Вот потеха-то!

Г у р ь е в н а. Матушка, не называла! О-ох! Не называла! Под очистительную пойду!

Б о н д ы р е в а. Кого? Как называла?

Б о н д ы р е в. Управляющий сказал, что она меня назвала индюком, а тебя бульдогом и фельдфебелем. *(Хохочет.)*

Бондырева. Что ты зубы скалишь! Постыдись хоть немножко! Передаешь ты всякую гадость, очень нужно мне слушать. *(Гурьевне.)* Убирайся ты со своим управляющим! На кой шут вы оба-то здесь? Буду я разбирать вас, как же! Убирайся!

Гурьевна уходит.

А и ты хорош! Ввязываешься во всякие дрязги! Тебе нужно? Башка вся лысая, а ума не нажил. Ну, скажи ты, пристало ли тебе с ними связываться? Подумай ты хоть раз в жизни, бочка сороковая!

Бондырев. Чего тут думать? Если говорят, так как же! Уши заткнуть, что ли?

Бондырева *(перебивает)*. С тобой говорить, что мякину сеять. *(Уходит.)*

Бондырев *(один)*. Ишь ты, расходилась; должно быть, прозвание-то в самый раз попало. Меня и самого смех разбирает! *(Хохочет.)* Выдумал же, каторжный!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Бондырев и Баркалов.

Баркалов. Ну, что, призналась? Я вам сказал, что язва. Помилуйте, чем вы индюк!

Бондырев. Ну, на старуху-то не напрасно ли? Не сами ли вы? А это нехорошо!

Баркалов. Вы думаете, что я и что это нехорошо? Значит, вы находите, что я оскорбил вас!

Бондырев. Да, если это вы!

Баркалов. Ну, я!

Бондырев. Вы? *(Про себя.)* Вот те раз, как же теперь быть? *(Вслух.)* Это, милостивый государь, весьма неблагородно! Ишь ты какой! Это вам не пройдет даром!

Баркалов. А что мне будет? Интересно знать. Может быть, вы меня на дуэль вызовете?

Бондырев. На дуэль! Вона! Эк куда махнул! Да с чего вы выдумали?

Баркалов. Да ведь вы мне угрожаете? Чем же, позвольте спросить?

Бондырев. Разве дуэлью? И без дуэли вам хвост-то прижмут за безобразье в этом доме.

Б а р к а л о в. Я не индюк, хвоста у меня нет, значит и прижимать нечего; а безобразье в доме делаю не я, а ваша супруга. *(Подвигается.)*

Б о н д ы р е в. Вы не извольте, однако, на меня так наступать!

Б а р к а л о в *(идет еще ближе)*. Нет, я вас словами покорнейше прошу!

Б о н д ы р е в. Позвольте, позвольте, чего вы лезете? *(Отступает.)*

Б а р к а л о в. Будто я лезу? Я не лезу, а только покорнейше прошу. *(Наступает.)*

Б о н д ы р е в скрывается в дверь.

Высадил! А старуху еще чище высажу. Вы у меня сегодня же уберетесь!

Б о н д ы р е в а быстро входит с чубуком в руке.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Б а р к а л о в, Б о н д ы р е в а, потом Б о н д ы р е в.

Б о н д ы р е в а. Это что такое? Что вы, в кабаке, что ли? Думаете, на вас управы нет?

Б а р к а л о в. Пощадите. За что? Не пугайте! Я человек нервный, робкий.

Б о н д ы р е в а. Нет, вы не робкий, а бесстыдный человек.

Б а р к а л о в. Ну, хорошо, так и запишем. Что далее?

Б о н д ы р е в а. Оборванца взяли из милости...

Б а р к а л о в *(дерзко)*. Как? Кто меня взял из милости? Вы, что ли? Как вы смеете мне это говорить? *(Подходит.)*

Б о н д ы р е в а. Только шаг еще! Я не Семен Гаврилыч, я, коли на то пошло, для вас и чубука своего не пожалею!

Б а р к а л о в. Вы думаете, что если хозяйка деликатна, так вы и можете, как одичалая корова, реветь на всех в этом доме!

Б о н д ы р е в а. Ах, негодный!

Б а р к а л о в. Ну, еще что?

Б о н д ы р е в *(в дверях)*. Да брось ты его!

Она поворачивается, чтобы уйти.

Б а р к а л о в. Позвольте!

Бондырева останавливается.

Б а р к а л о в. Вы или отправляйтесь, или сидите в доме смирно — я в усадьбе шуметь не позволю!

Б о н д ы р е в а. Ах, пропадай ты тут пропадом! Оставаться больше нельзя, Семен Гаврилыч! *(Уходит с мужем.)*

Б а р к а л о в. Фу! Работа, кажется, не трудная, а как устал. Теперь надо похлопотать, чтоб Лизгунов как-нибудь не встретился с Ольгой Давыдовной. Прежде с него денег возьмем, а потом пусть как хотят разговаривают. Хоть и придется уйти отсюда,— все-таки не с пустыми руками.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Б а р к а л о в и О л ь г а.

О л ь г а. Позвольте мне с вами поговорить.

Б а р к а л о в. С большим удовольствием. Что вам угодно?

О л ь г а. Вы оскорбили наших родных.

Б а р к а л о в. Не будем говорить об этом. Ваши родные сами виноваты, а с вами я не имею ни малейшего желанья ссориться, с вами желал бы мира и согласия.

О л ь г а. Невозможно, Степан Григорьевич; вы выгоняете из нашего дома родных, компрометируете наше семейство.

Б а р к а л о в. Какой толк от этих разговоров? Вы будете доказывать, что я поступаю нехорошо, а я буду говорить, что меня вынудили на это.

О л ь г а. Я не буду касаться того, правы ли вы, или не правы; я вам скажу только, что мы не желаем, чтоб вы управляли нашим именьем. Мы убедительно просим вас отказаться от этой должности.

Б а р к а л о в. Очень жалею, что не могу исполнить вашей убедительной просьбы. Вы не желаете, чтоб я был управляющим, а Серафима Давыдовна желает; чье же желанье я исполнять должен?

О л ь г а. Но ведь она только опекунша, а хозяйки мы: я и Настя. Поймите, что нельзя же служить управляющим или чем бы то ни было против воли хозяев. Если бы мы не побоялись огласки, мы бы удалили вас, не обращаясь к вам с просьбой.

Б а р к а л о в. Так и действуйте! Желаю вам успеха.

О л ь г а. Вам все равно?

Б а р к а л о в. О, решительно!

О л ь г а. Сердца найти в вас я не надеялась, к нему и не обращаюсь: я рассчитывала на ваше самолюбие.

Б а р к а л о в. Самолюбия довольно, не беспокойтесь! На ногу себе наступить не позволю!

О л ь г а. В вас не самолюбие, а дерзость!

Б а р к а л о в. Барышня, потише!

О л ь г а. Смелость и дерзость тоже хорошие качества в глазах некоторых людей. Одну старуху уже свели с ума, теперь другая сходит.

Б а р к а л о в *(про себя)*. Это еще что за известие!

О л ь г а. Желаю вам успеха на этом пути!

Б а р к а л о в. Благодарю. Извините, я жду гостя.

О л ь г а. Я вас не удерживаю; я все сказала, что мне надо было.

Б а р к а л о в *(уходя)*. Про какую старуху она говорит? *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

О л ь г а, Б о н д ы р е в ы и Н а с т я входят, М а р ь я у двери.

Б о н д ы р е в а. Мы сейчас едем. Ну, старик, сбирайся!

Б о н д ы р е в. Да что мне сбираться, я готов; везите, куда хотите. Перевозите меня с места на место — я багаж; запакуют, налепят ярлык, уложат — и отправляйся по назначенью.

Б о н д ы р е в а. Ну, милые мои, мы отсюда к предводителю. Думала я уладить дело мирно, по-родственному — не удалось; не захотела она родных слушать, так давай ответ чужому. С опекунства ее долой и над ее именьем опеку назначить; она расточительница — это всему свету известно.

Н а с т я. Да, тетя, расточительница, расточительница.

Б о н д ы р е в а. Она со вчерашнего дня сидит в спальне запершись, а мы ходи по комнатам да углы считай! Сбирайтесь!

Н а с т я. Тетя, мы к вам поедем? Ах, как я рада!

Б о н д ы р е в а. Сначала к предводителю, а потом ко мне. Сбирайтесь!

Н а с т я. Я, тетя, сейчас. *(Убегает.)*

Б о н д ы р е в а *(Ольге)*. А ты что ж?

О л ь г а. Я не поеду.

Б о н д ы р е в а. Что ты, что ты! Зачем ты останешься в этом омуте?

О л ь г а. Моя сестра, моя вторая мать гибнет, и мой долг — оставаться при ней!

Б о н д ы р е в а. Я знаю, что она задолжала еще немного, тысяч десяти не наберется, я бы и заплатила, да что толку! Сегодня заплати, а она завтра опять задолжает. Вот отчего она гибнет-то, и спасти ее нельзя!

О л ь г а. Можно, да вы не хотите.

Б о н д ы р е в а. Мало ль ты что еще выдумаешь, так мне по твоей дудочке и плясать?

О л ь г а. Так поезжайте, у меня есть средство спасти ее! *(Утирает слезы.)*

Б о н д ы р е в а *(с участием)*. Какое, какое?

О л ь г а. Лизгунов просит руки моей.

Б о н д ы р е в *(машет руками)*. Что ты, господь с тобой!

Б о н д ы р е в а. Не допущу, не допущу!

О л ь г а. Он скоро приедет, я должна дать решительный ответ.

Б о н д ы р е в а. Из-за нее да себя губить!

О л ь г а *(с участием)*. Так спасите нас обеих, сделайте то, что я вас просила!

Б о н д ы р е в а. Ох, тяжело, Оля, ох, трудно на старости-то! Ну, да уж что с тобой делать — изволь! *(Обнимает Ольгу.)*

Н а с т я *(входит)*. Я готова. Едемте!

Б о н д ы р е в а. Не торопись, поспеем!

Б о н д ы р е в. Перевозка меня, по непредвиденным причинам, отлагается.

Н а с т я. Как, что такое? Вы уж все против меня, и дядя, и тетя? Ну, бог с вами! *(Плачет.)* Я одна к предводителю поеду! Прощайте!

О л ь г а. Настя, ведь я просила тебя подождать.

Н а с т я. Ты просила подождать до нынешнего дня, я и ждала!

О л ь г а *(обнимая Настю)*. День-то еще не прошел!

Бондыревы окружают Настю.

Б о н д ы р е в а. Погоди, егоза, день-то еще не прошел!

Б о н д ы р е в. Погоди, куцая, не прошел еще день-то!

Настя закусывает губу, топает ногой и задумывается.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

САРЫТОВА.

ОЛЬГА.

НАСТЯ.

БОНДЫРЕВ.

БОНДЫРЕВА.

БАРКАЛОВ.

ЛИЗГУНОВ.

ГУРЬЕВНА.

МИТРОФАН.

МАРЬЯ.

Декорация та же.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гурьевна (выходит из калитки с небольшой корзинкой в руках), потом Митрофан.

Гурьевна. Вот и крадешься, как вор. Не знаешь, за что ухватиться, к кому подделываться, кому потрафлять-то! Кабы знать, кто здесь утвердится, уж я бы как-нибудь подладилась. А кажется, этому соловью-разбойнику несдобровать. Да уж и будет, пора честь знать; награбил, и довольно, дай место и другим. Вот бы Митрошу устроить на это место! Куда хорошо!

Из флигеля идет Митрофан.

Митроша, Митроша!

Митрофан *(подходит)*. А?

Гурьевна. Говорила тебе, не каркай, будь поучтивее, говори: чего изволите-с?

Митрофан. Ну, ладно, ладно!

Гурьевна. Вот тебе корзинка, ступай в рощу за грибами.

Митрофан. Вот нужно очень! Какой расчет? Я вчера полтора пуда купил за бесценок, по тридцати копеек на фунт наживу; вот ты и считай!

Г у р ь е в н а. Да, глупый, не в расчете дело. Ты покупать-то покупай, что под руками плывет, того пропускать не надобно,— а и вперед-то гляди!

М и т р о ф а н. А что там впереди-то?

Г у р ь е в н а. Барышня в рощу пошла; постарайся познакомиться да понравиться!

М и т р о ф а н. Все это журавли в небе, их руками не достанешь.

Г у р ь е в н а. С умом все достанешь. Ты слушай: я-таки пробралась в спальню к Серафиме Давыдовне. Ты, говорит, мне, Гурьевна, нужна будешь. Ты меня не оставляй. Что, говорит, делать, хоть и обидят, уж как-нибудь перенеси... Да я, говорю, матушка, за вас рада побои принять. Я ей денег-то задам, да заберу в руки, тогда ты можешь здесь управляющим быть. А там, повремени, чем черт не шутит, можно и за барышню посвататься. Понял ты?

М и т р о ф а н. Как не понять. Да насчет опойка-то я сомневаюсь.

Г у р ь е в н а. Какого опойка?

М и т р о ф а н. А физиономии-то?

Г у р ь е в н а. Полюбится и сатана лучше ясного сокола. Ты не из красавцев, да и не пугало воронье. Возьми корзинку-то, повесь на руку! Да ты ходи по-благородному, вот так! *(Идет покачиваясь и подняв голову кверху.)*

М и т р о ф а н. По верхам-то грибов не ищут, они по земле растут, да еще на сук наткнешься, глаз выколешь!

Г у р ь е в н а. Тебе грибы, что ль, нужны — корысть-то в них невелика; ловкость да благородные манеры — вот что тебе нужно. Ну, ступай! И я тоже пойду, издали на тебя смотреть буду.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Б о н д ы р е в а, О л ь г а (выходят из дому), М а р ь я (в дверях).

О л ь г а. Я нарочно Настю с девушками за грибами отправила, чтоб она не мешала тут.

Б о н д ы р е в а. А лошадей я все-таки откладывать пе велела, мало я на твои хитрости надеюсь.

Ольга. А вот увидим, отчаиваться никогда не нужно. Конечно, я еще молода, мало знаю людей, а говорят, что всякого человека можно на какую-нибудь удочку поймать.

Бондырева. Марьюшка, позови управляющего.

Марья уходит во флигель.

Ольга. Я подожду в зале, чем кончатся ваши переговоры. Тогда уж я буду знать, как с Лизгуновым разговаривать, он, того гляди, и приедет. *(Уходит в дом.)*

Из флигеля выходят Баркалов и Марья. Марья проходит в дом.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Баркалов и Бондырева.

Баркалов. Вы меня звали? Что вам угодно?

Бондырева. Прежде всего, чтобы вы сели здесь.

Баркалов. О! Это что-то новенькое!

Бондырева. Что ж с вами поделаешь, когда вы больно ершисты? Надо по-другому начать.

Баркалов. Напрасно будете стараться; я знаю, что вы хотите!

Бондырева. Едва ли знаете вы, чего вы сами-то хотите!

Баркалов. Расчудесно! У вас не спрошу!

Бондырева. А лучше бы спросить. Потому что вы петлю надели и себе, и ей. Долго не надышите.

Баркалов. Это до вас не касается. Что вам угодно? В участии вашем я не нуждаюсь.

Бондырева. Да его и нет! Что вы мне? Я хотела выпроводить вас, потому что вы тут не к месту. Понимайте, как знаете. И выпроводила бы, да обижать вас мне не расчет. Ну, и нашла я нужным посбавить тону и поговорить с вами откровенно.

Баркалов. Это любопытно. Должно быть, хороша откровенность будет. Денег хотите дать? Наверно, денег?

Бондырева. Вот и ошиблись. Я знаю, что вы денег от меня не возьмете. Я вас хорошо поняла. Вы сколько денег-то через руки пропустили, а ведь небось в кармане ветер свистит, все разбросано и ничего не припрятано. Вот вы какой!

Б а р к а л о в. Ну, я такой. Ну, что ж дальше? Разве вы обо мне доброго мнения? Не верю. Все-таки я вам противен, и вы меня или ненавидите, или презираете.

Б о н д ы р е в а. Нисколько. За что? Что вы безобразничали? Эва! Посердилась, правда, а как подумала, так даже одобрила вас. Всякий свою шкуру бережет. Мы на вас, вы на нас. И дошли мы до того, что всем нам может быть скверно. Неужли это вам любо?

Б а р к а л о в. А зачем меня трогаете? Я и теперь думаю, что не лучше ли нам разойтись подобру-поздорову, а то опять договоримся до войны. У вас горло — ой-ой, да и я не отстану... Вот и Мамаево побоище!

Б о н д ы р е в а. Нет, мы теперь будем тихим манером. Довольно! Полюбовную сделку сделаем!

Б а р к а л о в. Какую же вам угодно сделку мне предложить?

Б о н д ы р е в а. Да самую простую: хотите вы идти ко мне в управляющие?

Б а р к а л о в. Как? К вам? *(Хохочет.)* Вот одолжили! *(Хохочет.)*

Б о н д ы р е в а. Что вы горло-то дерете? И ничего-таки тут смешного нет. Да, ко мне!

Б а р к а л о в *(хохочет)*. Лопну!

Б о н д ы р е в а. Подожду и посмотрю!

Б а р к а л о в. Фу! Ну, так как же, в управляющие?

Б о н д ы р е в а. Я говорю серьезно.

Б а р к а л о в. Не верю.

Б о н д ы р е в а. Напрасно. Надо верить и соглашаться поскорей, пока предлагают.

Б а р к а л о в. Подумайте! Что вы? Не вы ли говорили, что я дрянь и ничего не понимаю в хозяйстве, а теперь зовете к себе. Как же это согласовать?

Б о н д ы р е в а. Я и теперь говорю, что вы ничего не понимаете; а будете жить у нас в доме, волюшки такой вам не будет, станете делать, что я скажу, и человеком будете. Рассчитывайте: у меня в имении пять тысяч десятин, а тут полторы тысячи; у меня хлеб родится сам-двенадцать, а тут сам-друг; у меня тысяча рублей жалованья, а тут с сумочкой, да с богом по морозцу.

Б а р к а л о в. Гм! Странное предложение! Оно бы ничего, мне все равно, но я вам не верю.

Б о н д ы р е в а. Зачем верить? Мы контракт сделаем,

задатку дадим хоть сейчас, вот и дело в шляпе. Да вы меня еще не знаете. Если бы вы мне по нраву пришлись, да будете угождать, да буду я вами довольна... *(Смотрит на него.)* Ведь и вам хорошо будет.

Б а р к а л о в *(смотрит на нее пристально)*. Гм... Хорошо будет? Подумаем...

Б о н д ы р е в а. Подумать? Это на что лучше. Я к вам Семена Гаврилыча пришлю, а вы пока раскиньте умом. Да что тут? Как я вижу... Эх вы, перец! Подумайте, подумайте подите!

Б а р к а л о в *(в раздумье)*. Я вам скоро дам ответ. Мне прежде нужно видеться с одним господином, с которым у меня есть серьезные дела. Я его жду, он скоро приедет. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Б о н д ы р е в а, О л ь г а.

О л ь г а. Ну, тетя, как дела у вас?

Б о н д ы р е в а. Колеблется.

О л ь г а. Хорошо, что не отказался сразу.

Б о н д ы р е в а. Прежде чем дать ответ, хочет повидаться с каким-то господином, с которым у него дела.

О л ь г а. Я догадываюсь, он хочет повидаться с Лизгуновым и попробовать, нельзя ли занять у него побольше денег. Тогда он, конечно, откажется. Вот отчего он колеблется.

Б о н д ы р е в а. А ведь займут, пожалуй; и все на нашу же шею.

О л ь г а. Да, займут много, за большие проценты и...

Б о н д ы р е в а. И деньги размотают.

О л ь г а. А мы примем меры. Я постараюсь прежде их поговорить с Лизгуновым, тогда уж они не займут, и он колебаться перестанет. Тетя, навязала я вам управляющего, что-то вы с ним будете делать?

Б о н д ы р е в а. А что ж? Ничего. Дадим ему в задаток побольше денег и пусть живет да учится. Дела ему будет довольно: жатва, а потом молотьба. Пусть мешки считает да в амбары ссыпает. А задурит, так прогоним. Только и убыток, что задаток пропадет — так это еще беда невелика: здесь-то его оставлять, так дороже обойдется. А может, и за дело возьмется, может, и человеком будет. Еще молод, жаль его. Конечно, из десяти таких шелопаев только разве

один поправляется, да, может быть, этот один-то он и есть. А не захочет по честной дорожке идти, так черту баран, — так турну его, что и своих не узнает. Дам из милости пятьдесят рублей на дорожку, целуй ручку и убирайся!

Ольга. Тетя, кто-то подъехал... Это Лизгунов. Вот хорошо; я его сейчас и встречу.

Бондырева. Ну, я уйду! *(Уходит.)*

Входит Лизгунов.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ольга и Лизгунов.

Лизгунов *(позируя)*. Какая приятная встреча! Это вы? Мое почтенье!

Ольга. Здравствуйте!

Лизгунов. Очень рад, что вижу вас, я так желал этого.

Ольга молчит.

Позвольте мне вам так же откровенно высказать, как и вашей сестрице...

Ольга. Что же такое?

Лизгунов *(восторженно)*. Я... я люблю вас.

Ольга. Вы? Вот не ожидала!

Лизгунов. Не ожидали? Я этому не удивляюсь. Ухаживать я предоставляю другим, но если я имею намеренье, благородное намеренье, то я прямо... вы меня понимаете?

Ольга. Нет.

Лизгунов. Нет? Гм! Я прошу вашей руки. Сегодня я имел удовольствие говорить с вашей сестрицей, и она согласна.

Ольга. Это мне все равно. Я-то не согласна и прошу прекратить этот разговор.

Лизгунов. Вам даже неприятно мое предложение?

Ольга. Да, неприятно, потому что вы мне не нравитесь.

Лизгунов *(в изумлении)*. Это удивительно! Не нравлюсь? Помилуйте! Да мне только стоит посвататься, и за меня с радостью пойдет губернаторская дочка. Я слишком разборчив, я многих не удостаиваю своим расположеньем; за мной гоняются невесты, а не я за ними. Употребляют разные ухищренья, ставят мне ловушки, и, кроме того, сколько я вижу ухищрений...

Ольга *(перебивая)*. Извините, все это не интересно для меня. Вы слишком самонадеянны.

Лизгунов. Помилуйте, я еще никогда так не робел, как с вами.

Ольга. Хороша робость! Вы не дали себе труда узнать меня и даже полюбопытствовать, как я смотрю на людей, что желаю найти в своем муже. Вы удостоили меня вашего расположенья, пожелали жениться — и для вас довольно! Это мещанский обычай.

Лизгунов. Извините, я не знал вас. Вы мне позвольте надеяться... Когда узнаете лучше...

Ольга. Да ни теперь, ни после, никогда!

Лизгунов. А! Вот как! Интересно! Право, интересно! В таком случае извините... посмотрим.

Ольга. Вы, кажется, угрожаете кому-то?

Лизгунов. Да-а! Они узнают!

Ольга *(смеется)*. Кто же?

Лизгунов. Они должны были знать ваше мнение обо мне.

Ольга. Конечно, я его не скрывала.

Лизгунов. Но они меня обманули; они мне говорили, что вы меня...

Ольга. Что?

Лизгунов. Хвалите.

Ольга смеется.

Судя по их словам, я не мог сомневаться в вашем согласии.

Ольга. Как вы просты, как легко обмануть вас...

Лизгунов. О нет, я не прост. Они воспользовались тем, что я влюблен; влюбленные доверчивы... но я теперь разочарован и поступлю строго.

Ольга. Только прошу, не обвиняйте сестру: она вынуждена была!

Лизгунов. Уж я виноватого найду!

Баркалов выходит из флигеля.

Ольга. Вот и прекрасно! Найдите и поступите с ним как следует. *(Кланяется и уходит в дом.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Баркалов, Лизгунов, потом Бондырев и Марья.

Лизгунов. А! Вы здесь! Очень кстати!

Баркалов. К вашим услугам.

Лизгунов. Благодарю-с, благодарю! *(Горячо.)* Вы думали, вы хотели...

Баркалов. Не горячитесь, не горячитесь, говорите толком!

Лизгунов. Но я не прост, нет...

Баркалов. Да ну, тише же! Я не люблю...

Лизгунов. Вы хотели поймать меня на такую пустую штуку!

Бондырев *(входит и подавая руку Лизгунову)*. Что это вы, Павел Спиридоныч, горячитесь?

Лизгунов. Помилуйте, какую было ловушку поставили! Да плохо разочли, соображенья не хватило. *(Хохочет.)*

Баркалов. Ну, да будет наконец! Довольно, говорю я вам...

Лизгунов. О, я этого не прощу! *(Ходит взад и вперед.)*

Баркалов. Скажите вашей супруге, что я согласен.

Бондырев. Хорошо, скажу. К индюку служить желаете?

Баркалов. Ах, полноте! Поверьте, я сумею стать во всякие отношения.

Бондырев *(пожимая руку Баркалову)*. Очень приятно, очень приятно!

Лизгунов *(Баркалову)*. На днях вы будете иметь честь принимать дорогого гостя, судебного пристава. Я представлю ко взысканью векселя Серафимы Давыдовны.

Бондырев. Я по ним заплачу.

Баркалов *(Бондыреву)*. И по моему, прошу вас: всего шестьсот рублей!

Бондырев. И по векселю господина Баркалова.

Лизгунов. Тем лучше, меньше хлопот. Честь имею кланяться... *(Уходит.)*

Марья *(входит)*. Степан Григорьич! Барыня приказала сказать, чтобы вы подождали здесь, они сейчас выйдут. *(Уходит.)*

Бондырев. Поговорите с ней, а я пойду к жене, скажу, что вы согласны.

Баркалов. Сделайте одолженье.

Бондырев. Да и сбирайтесь! Мы напишем старосте приказ, чтобы вас приняли как следует, если вы раньше нас приедете. *(Уходит.)*

Б а р к а л о в. Похожденьям моим здесь приходит конец. Все-таки пожил. Пожил так, как другому и во сне не приснится.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Б а р к а л о в и С а р ы т о в а.

С а р ы т о в а. Наконец-то я вижу вас! Скажите, что Лизгунов?.. Она, верно, очень резко отказала ему? Он рассердился?

Б а р к а л о в. Ничего я не знаю. Знаю только одно, что в вашем доме мне оставаться нельзя.

С а р ы т о в а. Вам? Послушайте, друг мой, не пугайте меня, не шутите так неосторожно!

Б а р к а л о в. Это далеко не шутка, я говорю серьезно. *(Твердо.)* Я должен уехать отсюда и сегодня же исполню это намерение.

С а р ы т о в а. Да? Вы должны? *(Совсем растерянная.)* Сон это, или я в бреду? Посмотрите на меня. Вы не улыбаетесь, вы смотрите зло!

Б а р к а л о в. Не зло, но и не с таким малодушием, как вы. Оставьте, прошу вас, все эти нежности и выслушайте меня. Вам необходимо со мной расстаться.

С а р ы т о в а. Почему это так сделалось вдруг необходимо?

Б а р к а л о в. Оттого, что обстоятельства переменились и вам нужно помириться с родными, а пока я здесь, это невозможно.

С а р ы т о в а. Я не прошу ваших забот обо мне, родные отреклись от меня, и бог с ними; тем более дороги вы мне. Вы для меня все: и жизнь, и радость! Мне не нужно ваших забот, мне нужно ваше сердце!

Б а р к а л о в. Опомнитесь! Вам ли об одном сердце думать? Вы не молоденькая. Одним словом, мы должны расстаться — это решено, иначе невозможно. Расстанемся же как добрые друзья, без неудовольствия.

С а р ы т о в а. Как это легко и просто! Расстанемся! Нет, и не говорите мне!

Б а р к а л о в. А что ж такое? Можно было — жили дружно, а нельзя — разъехались.

С а р ы т о в а. Нужна была женщина — хорошо, а не нужна стала — ее можно бросить; благородный расчет. Где же все ваши клятвы, уверения?

Б а р к а л о в. Вы никак не хотите расстаться без упреков?

С а р ы т о в а. Не я говорю, а мое разбитое и растоптанное чувство.

Б а р к а л о в. Какое чувство? Никакого чувства и не было.

С а р ы т о в а. Вы не смеете этого говорить! Я доказала, я очень доказала!

Б а р к а л о в. Что вы доказали?

С а р ы т о в а. Любовь свою к вам. Для вас я пожертвовала состояньем, родными.

Б а р к а л о в. Для меня? Позвольте, я тут ни при чем. Вы просто душою моложе своих лет и приискали себе фаворита, утешение на закат дней — вот и все! А я ли, другой ли, для вас все равно! А то для меня! Вы пожертвовали состоянием, родными для себя, а не для меня. Я тут виноват только тем, что на глаза попался.

С а р ы т о в а. Боже мой! Какая низкая клевета! Я стыжусь, что приблизила к себе такого безумного человека. Он разорил, опозорил меня и надо мной же издевается!

Б а р к а л о в. Вы сами себе надели петлю, а я только затянул ее. Слышите: разорил! Мальчишке, недоучке-гимназисту, получавшему двадцать рублей в месяц, наполняют карман деньгами и говорят: трать! Я не был так умен, чтоб читать вам мораль и лекции о бережливости, и не был так глуп, чтоб отказаться от денег. Я стал хлестать направо и налево, да и дохлестался. Стал мотать, обманывать, одним словом, вел себя достойно моей роли и не жалел вас, потому что ведь вы и не заслуживали сожаленья от меня.

С а р ы т о в а. О, если б я поняла вас, всю вашу низкую, неблагородную душу!

Б а р к а л о в. Что нам с вами о благородстве говорить? При чем оно тут? Не к лицу мне говорить об чувстве, но теперь я чувствую, что говорю, глубоко чувствую. Если б вы действительно любили, вы бы не допустили меня пасть так низко. Кто пошел по этой дорожке, тому недолго и совсем потеряться! Если мне придется за свои дела ответ держать и каяться, горьким словом помяну я вас, Серафима Давыдовна! Какое тут благородство, какая любовь? Эти слова нейдут к нам, это не любовь... Это — блажь,

Сарытова. Это выше сил! Бессовестный! Идите, и пусть проклятье мое преследует вас всю жизнь.

Баркалов. Проклинайте! А я так, напротив, желаю вам всего хорошего, а главное, не попадать еще на таких молодцов, как я. Затем, вам поклон, а сам вон! *(Уходит.)*

Сарытова. Какая жизнь, какая жизнь! В душе только тоска и горе! Больше нет ничего и вперед не видать, не видать ничего! Да еще трепещи, что у тебя все отнимут и не будешь знать, где голову приклонить. Лучше уж смерть! Я убита, я совсем убита... и что это такое... как я ослабела. У меня нет сил дойти до дому, подняться на лестницу... *(Садится на скамью.)*

За сценой звон колокольчиков.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сарытова, Марья, потом Бондырева.

Сарытова *(слабым голосом)*. Маша, приехал, что ли, кто?

Марья. Никак нет-с. Степану Григорьевичу лошадей закладывают; коренная не стоит смирно, вот колокольчик и подбрякивает, да и бондыревские лошади запряжены стоят, того гляди, подавать велят.

Сарытова. Разве уезжают?

Марья. Уезжают и с барышнями; уж давно собрались, только Настасья Давыдовна еще гуляют в роще, да уж и они домой идут, их с крыльца видно за ригой.

Сарытова. Значит, я одна... Проводи меня хоть проститься.

Марья. Да вот Прасковья Антоновна сюда идут.

Входит Бондырева.

Бондырева. Ну, прощайте! Спасибо за щи, за кашу, за ласку вашу!

Сарытова. Все! Все вдруг меня покидают!

Бондырева. Что ж нам дожидаться, пока ты прогонишь?

Сарытова. Нет, ты прости, пощади меня! Помни, мы с тобой ровесницы и подруги, ты здесь жила у отца моего... мы с тобой вместе росли, вместе играли в этом саду. Протяни мне руку!

Бондырева. Гм... Да! Ну, что ж, известное дело. Крест на шее есть у меня. Что же тебе?

Сарытова. Спаси меня!

Бондырева. Да... «спаси»! Что ж... конечно, совсем-то погибнуть не дадим, ты не чужая.

Сарытова. Помири меня с сестрами.

Бондырева. Да что тут мирить-то? Что они такое? Девчонки! Приласкай — вот и все!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Сарытова, Бондырева, Бондырев и Ольга.

Бондырева. Ну, вот тебе и Ольга!

Сарытова. Я не знаю, как и начать!

Бондырева. Начнем. Что тут мудреного! Оля, вот твоя сестра и мать крестная думает, что она была виновата пред вами. Она об этом сокрушается, хочет помириться с вами.

Сарытова. Оля, мне нет оправданья, я знаю; но я прошу тебя, прошу...

Бондырева. Будет толковать-то да старую дрянь ворошить. Мир так мир!

Ольга *(обнимает Сарытову)*. Мама, я забыла, забыла!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же, Настя, Митрофан и Гурьевна.

Бондырева. Ну, беги сюда, целуй сестру!

Настя *(запыхавшись)*. Нет, погодите, дайте дух перевести! *(Отдохнув немного.)* Я выхожу замуж!

Бондырева. Ах, батюшки мои! Чего только этой егозе в голову не придет!

Ольга. Настя, что с тобой, в уме ли ты?

Бондырев. Вот одолжила! Ах ты, куцая!

Настя. Вот мой жених! *(Указывает на Митрофана.)*

Бондырева *(всплеснув руками)*. Матушки мои!

Ольга. Ах, Настя, Настя!

Настя *(указывая на Сарытову)*. Это я ей назло! Он хочет к предводителю просьбу написать, чтоб нам дали других попечителей, и будет управлять нашим именьем.

Бондырева. Нет, тебя нужно запереть. *(Строго.)* Полно глупости-то болтать, поди поцелуй сестру!

Баркалова прогнали, теперь ты сама будешь полной хозяйкой.

Настя. И мама будет меня слушаться?

Сарытова. Буду, буду!

Настя *(бросаясь на шею Сарытовой)*. Ах, мама, мама!

Гурьевна. Что ж вы нами очень брезгуете? Он по хозяйственной части даже очень хорошо понимает.

Бондырева *(Гурьевне)*. Ты у меня смотри, я тебе такое хозяйство задам! Я до тебя доберусь! *(Сарытовой.)* Вот, Серафима, всегда так бывает в семействах, когда голова-то с пути собьется: и поползут разные Лизгуновы да Гурьевны, а девушки хоть за волостных писарей рады, только б из дому вон!

Настя *(кланяясь Митрофану)*. Не надо, не надо! Прощайте!

Митрофан. Я говорил, что нам с тобой журавлей в небе не поймать. Пойдем, будем ловить синиц! *(Уходит с Гурьевной.)*

Бондырева. Все в сборе, только управляющего недостает!

Сарытова. Ах, прошу вас, не напоминайте мне!

Бондырев. Да не того, другого.

Бондырева. У Олиньки жених есть, он не нынче, завтра приедет. Вот уж это будет законный, настоящий управляющий!

Настя. Оля, Оля, как я рада! *(Бросаясь к Сарытовой.)* Мама, мама!

Бондырева. А теперь на мировой, на радостях, шампанского выпьем; не все же он, окаянный, вино-то вылакал!

Бондырев. Важно! Ну, уж я теперь и кондрашки не побоюсь, выпью!

Комедия
в четырех
действиях

СТАРОЕ ПО-НОВОМУ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ФЕДОСЬЯ ИВАНОВНА СЁМУШКИНА
вдова, содержательница постоялого двора.

ПЕЛАГЕЯ КЛИМОВНА
ее невестка, вдова.

НАТАША
дочь Пелагеи Климовны.

АЛЕКСЕЙ ПАРФЕНОВИЧ МЕДЫНОВ
землевладелец соседний.

ЕФИМ ЛУКИЧ ЩЕМИЛОВ
прасол, с большим достатком, за сорок.

СЕМЕН СТОЙКИН
по прозвищу Сенька рыжий, молодой парень, сын трактирщика.

ВСЕВОЛОД ПЕТРОВИЧ ПИКАРЦЕВ
землевладелец.

ПИКАРЦЕВА
его жена.

ЕВЛАМПИЙ МИХАЙЛОВИЧ
его племянник.

Комната на постоялом дворе Федосьи Ивановны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Федосья Ивановна (в очках, сидит и читает) и Пелагея Климовна (входит).

Пелагея Климовна *(в дверях)*. Пропасти-то на вас нет! *(Оборотясь.)* Маменька, вы бы хоть кур-то с огорода спугнули. Останемся без гороху!

Федосья Ивановна. Ах ты, необразованная женщина! Разве не видишь, что я делаю?

Пелагея Климовна. То-то вижу... книжки божественные читаете, а за делом все я да я. У белоручки у нашей все из рук валится, а вы все о душе. С ног сбилась!

Федосья Ивановна. Подумай, что ты говоришь. Каменная! Такие потери... мужа лишилась, сына. Об чем же и думать мне, как не о душе?

Пелагея Климовна. Хорошо думать-то от сытости да у кого мужчина в доме. А у нас впору о куске позаботиться. У семи дел одна... разрывайся,

как знаешь: и в поле, и в огород, и в кухню. Как в котле кипишь!

Федосья Ивановна. Глупая женщина! Да смеешь ли ты меня учить? Кто я тебе?

Пелагея Климовна. Э, маменька, этот форс-то надо оставить. Было ваше время, покомандовали! Дрожали перед вами, а теперь будет!

Федосья Ивановна. Да тогда только и порядок в доме был, как я командовала да тебя в страхе держала. А теперь что? От твоего бесовского языка и нам бежать из дому, да и добрые люди обегать стали.

Пелагея Климовна. Как раз! От меня! Эх, маменька! были соты медовые — были и гости; а осталась одна восчина, так и сесть не у чего. Летали-то вы куда как высоко, посмотреть, так шапка ломится... С господами компании, внучку в школу... А на бобах сели — и остался один смех. Чествователи ваши все врозь, а внучка ни к селу ни к городу. Уж куда нам нос задирать. А то книжки спасительные да о душе!

Федосья Ивановна. Я с тобой, с необразованной, и говорить не хочу. Грубиянка! Язычница! Можешь ли ты меня понять?..

Пелагея Климовна. Где понять! Понимала, понимала, да накладно стало. Вижу, какой ни на есть умишко, да надо своим жить, а не вашим. Вы вон Сеньку рыжего прочите во двор взять, чтобы перед вами угодничал, так это дело не подойдет, нет-с, не подойдет. Нам надо не такого, а чтобы спокойствие предоставил. А то Сенька рыжий!

Федосья Ивановна. Что у тебя за затеи еще?

Пелагея Климовна. А те и затеи. Быть Наталье за Щемиловым, и вся недолга.

Федосья Ивановна. Да ты что, враг, что ли, своей дочери? С лишком на двадцать лет он ее старше, человек души язвительной. Одно прискорбие, вот и вся ее судьба с ним. Семен не хорош, так свет не клином сошелся. Обожди!

Пелагея Климовна. Чего? Чтоб слава пошла? Эх, маменька! Вы вон смотрите в книжку, да много ль видите, не знаю, а я все кругом поглядываю, все кругом, так кой-что вижу. *(Тихо.)* С барином прогулки пошли... Хорошего ждать прикажете?

Федосья Ивановна. Аль ты и вправду заметила что?

П е л а г е я К л и м о в н а. Ничего пока. А будем ждать — так и дождемся. Вы баловали, вы всему потакали, а я нет-с, не буду!

Входит С е м е н.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и С е м е н.

С е м е н. С праздником.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Здравствуй, Сеня.

П е л а г е я К л и м о в н а. Что ты сегодня приглаженный какой, словно тебя корова языком прилизала?

С е м е н. А что ж, ничего. Быдто мы и не люди?

П е л а г е я К л и м о в н а. Еще бы. В такое место шедши, как не прилизаться! Эх ты, рыжий! Стало быть, цвет-то и красный, а не очень прекрасный, ха-ха-ха. *(Смеется и уходит.)*

С е м е н. Федосья Ивановна, это за что ж так?

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Оставь, Сеня. Ты знаешь, она на язык какова. Всякого костит. Садись-ка. Что скажешь хорошего?

С е м е н. Я-то? Что-то уж забыл о нем, о хорошем-то, Федосья Ивановна, я, значит, по делу. Тятька прислал.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. По какому?

С е м е н. Узнать, какое выйдет решенье; потому обнадежности с вашей стороны всегда было достаточно, а теперича вдруг другой оборот.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Эх, Сеня! Добрый ты парень, и очень бы мне хотелось тебя взять, да видишь, какие времена пришли. Нашему слову цены мало. Поговори сам с Наташей, поспроси, а уж на меня не надейся.

С е м е н. Затем и пришел, чтобы, то есть, развязка была... А то и самому мне лихо, и от батьки брань.

Входит Н а т а ш а.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е и Н а т а ш а.

С е м е н. Наталье Михайловне.

Н а т а ш а. Здравствуйте, Семен Иванович.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Наташа, вот он пришел на-

счет того... ну, сама знаешь... Было мое на то желание; потому росли вы вместе, семьи он хорошей... Ну, а теперь ты уж можешь сама рассудить. Дело это большое. И советовать-то взять на душу трудно, а не то что приказывать.

Семен. Да, уж это верно, Наталья Михайловна; сами ответ дайте.

Наташа. Да я уж вам сказала.

Семен. Сказать-то сказали, да это все равно, что так... потому с гневом было.

Наташа. И с гневом и без гнева одно услышите: не могу и не хочу. Довольно?

Семен *(вздохнув)*. Теперь довольно. Значит, только и всего? Ну, Наталья Михайловна, дай вам бог час на предбудущее... а мы, известно, мотай головой, встряхивай тоску, да и сиди за печью, утирай вот эти места. *(Показывает на глаза.)* Благодарим!

Наташа. Семен Иванович, ведь я, ей-богу, не хочу вас обидеть, а не пара мы. Вы найдете себе и не такую, как я, лучше гораздо: красивую, полную. А меня забудьте.

Семен. Легко это, оченно легко! Ровно гвоздь в стенку: стукнет молотком — и есть, а там дерг клещами — и нет. Нет, Наталья Михайловна, теперича во мне этой самой постылости к жизни с пудовку. Одно только и осталось, что зелено стекло к губам... Матушка Федосья Ивановна, родненькая! Благодарю вас за ваше неоставление. Выходит дело так: коли мужиком пустили по свету, так на барышню и не зарься. А только тепериче *(утирает слезу)* чувства у нас много... и так надо сказать, что без всякой фальши. *(Ударяет себя в грудь.)* Прощенья просим.

Входят Пелагея Климовна и Щемилов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Пелагея Климовна и Щемилов.

Щемилов. Федосье Ивановне наше завсегдашнее. Наталье Михайловне.

Пелагея Климовна *(Семену)*. Батюшки, да он в слезы впал! По ком это?

Щемилов. Хе-хе-хе, ай да парень! Пришел в люди и нюни распустил.

С е м е н. А вам что? Ну и распустил. Туда ж смеяться. А вы лучше спросите, о чем плачу. Вас увидал. От радости и прошибло.

Щ е м и л о в. А коли ты так — так не стоишь ты и разговору моего.

С е м е н. Вы чего сто́ите? Вам только там и цена, где на ваш карман взирают, а в ино место сунетесь, так и дверь на крючок.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Что это ты, Сеня, опомнись! Ступай себе; нехорошо. Ведь ты нас обижаешь.

С е м е н. Вас? Никогда я не согласен вас обидеть. Угодно — уйду. Э-эх, ну, значит, прощенья просим-с. *(Уходит.)*

Щ е м и л о в. Что это, матушка, Федосья Ивановна, как будто не рады гостю?

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Ах, батюшка, ни радости, ни печали. Гость вы — ну и прошу покорно. Наташа, пойдем-ка в огород.

Уходят.

Щ е м и л о в. Старушка-то ваша как будто что не по ней... Я ли, или что прочее...

П е л а г е я К л и м о в н а. От книжной премудрости. Читает, читает — ну, омраченье и находит. Садитесь, гость дорогой!

Щ е м и л о в. Там, в тележке, ведерко очищенной...

П е л а г е я К л и м о в н а. Ах, что вы!

Щ е м и л о в. Полпудика баранок...

П е л а г е я К л и м о в н а. Ну, уж вы!

Щ е м и л о в. Сладенького фунтиков пяток...

П е л а г е я К л и м о в н а. Ах, и что ж это за вы!

Щ е м и л о в. Мы? Ничего, есть-таки. А главная причина, получайте и благодарите господа бога. Нам это плевое дело, а у вас расход.

П е л а г е я К л и м о в н а. Известно, что вам! Да не дорого добро, а дорога ласка.

Щ е м и л о в. Верно. Ласка всему почин. А что, Пелагея Климовна, не довольно ли нам друг друга языками лизать? Право. Надо и до делов доходить.

П е л а г е я К л и м о в н а. Что ж, доходить, так доходить.

Щ е м и л о в. А то, сколько ни лижи, только язык осмулишь. Коли дело, так дело и правь.

П е л а г е я К л и м о в н а. Послушаем.

Щ е м и л о в. Скажем. Гм, гм. Каждому человеку не равен час в жизни и на все предел. С прежней хозяйкой деньгу сколачивал, а теперь другая музыка подходит. Хочу, стало быть, всласть пожить. Был мужик, а теперь на линию вышел. И не то чтобы там насчет чего прочего... а хочу, значит, настоящий обвиход завести. И чтоб жена насчет одеяния, образования и всякой видимости могла на манер как барыня. Вот какие мои помышления есть.

П е л а г е я К л и м о в н а. Что ж говорить, вам так и следует. Умный человек по-умному и рассуждает.

Щ е м и л о в. Вчера покойнице год минул, дотуда и ждал. Все как будто грех, да и зазорно. А теперь порешил не бобылем жить, а новую хозяйку облюбовать. И облюбовал. Подходит вам дело — просим, а не подходит — поклон отвесим. Кажется, из моих слов можете понять.

П е л а г е я К л и м о в н а. Как не понять! Что тут непонятного! Просьбу вашу принимаем, а за ответом дело не станет. Хорошему человеку — хороший и ответ.

Щ е м и л о в. На этом пока благодарим словом, а напредь будем благодарить и делом. Очень обрадовали.

П е л а г е я К л и м о в н а. Уж мое-то расположение вам известное; а вот как насчет дочери теперь?

Щ е м и л о в. Как? Политику поведем. На слове-то я не очень занозист, а в таком разе не хуже другого оборудую. Потому, подъему много, Пелагея Климовна! Главная причина: подъем есть — и дух есть. Тут и быть делу. Как привезу из города на четыре платьеца, да эдак бурнусец... а особливо заблестят золотые сережки — ну тут сейчас и наша. Бери и владай.

П е л а г е я К л и м о в н а. Уж что говорить! Первое это средствие.

Щ е м и л о в. Сейчас барина Медынова обогнал; на своей тележке трясется.

П е л а г е я К л и м о в н а. Должно, в город едет. Хороший барин такой, милый, ласковый.

Щ е м и л о в. Ну что в нем хорошего! Ни мужик, ни барин; ни себе, ни людям. Служить бы шел, вот был бы барин настоящий. А что он тут, в именьишке, живет да в земле копается, какой корысти ждет? Из-за готового хлеба на квас. Нешто он дело делает?

Одно времяпроведение. А я так считаю, что эти люди даже вредные.

Пелагея Климовна. Да чем же они, Ефим Лукич, вредные? Извините, наше дело глупое.

Щемилов. Мужика портят.

Пелагея Климовна. Да, вот что. Конечно, вам виднее; где же нам разобрать. Только какая же это порча, и от чего она?

Щемилов. А вот, к примеру, раздают мужикам в долг хлеб на семена; мужик как взял, так, весом и мерой, отдал ему и квит. А от этого от самого мужик балуется. У меня займи попробуй!

Пелагея Климовна. Уж что говорить про вас! Вы строгий человек.

Щемилов. Так долг-то долгом, уж он мне вечный работник, даровой.

Входят Медынов и Наташа.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Медынов и Наташа.

Медынов *(входя)*. А, Лазарь Подхалимыч! Каково ваша душенька теплится? Каково ваши карманы отдуваются?

Пелагея Климовна. И что за шутник!

Щемилов. Милостью божьею живем, через добрых людей дышим. Что ж спесивы стали? Мимо ездите, а нет, чтоб во двор стукнуть.

Медынов. Запоры у вас крепки, скоро ли отворишь, а нам время дорого.

Щемилов. Хе-хе-хе, все-то вредные слова у него. Ну, да ничего. Времечко подбежит, и ваша тележечка у наших ворот застучит. А вы, Наталья Михайловна, не обессудьте за малость... фунтиков с пяточек вам сладенького привез. Нашего сладенького откушайте и нас добрым словечком вспомните.

Наташа. Ах, пожалуйста, не нужно мне.

Пелагея Климовна. Давайте, давайте. Съест и спасибо скажет.

Щемилов. И чудесно. Будьте здоровеньки. *(Уходит.)*

Пелагея Климовна провожает его.

Медынов. Ишь расщедрился! Ну, теперь вам сладкой еды надолго хватит. При скучной-то жизни все занятие. Что поделываете?

Н а т а ш а. Ничего.

М е д ы н о в. Опять у вас ничего? Вы хоть бы как-нибудь иначе выражались. Самое это гнусное слово: ничего.

Н а т а ш а. Ну, делала, делала, много делала, слышите! Полола, сеяла, подсевала, поливала...

М е д ы н о в. Ого, так, так, хорошо. Хоть и не дело, а и не безделье. Все лучше, чем мечтанием заниматься. Вот уж это так самое пустое занятие, хуже, чем ничего.

Н а т а ш а. Да ведь не отгонишь от себя эти мысли. То да другое лезет в голову, а сама ответить не могу... Понимаю одно, что не к месту я здесь, а что делать — не знаю.

М е д ы н о в *(громко)*. Бросьте! Бросьте вы! Все это фантазии, ерунда какая-то! *(Хватаясь за голову.)* Гадость! Мерзость! Нет, лучше не говорите, а то пять фунтов крови испорчу.

Н а т а ш а. За что же вы сердитесь? Что я вам сделала?

М е д ы н о в. Разумеется, мне-то ничего. А злость так вот всего и поворачивает. Не хочу я, чтобы вы себя губили. Думать, думать! Ну, где вам думать! Чтобы думать-то с пользой, надо хороший прочный инструмент иметь, то есть ум.

Н а т а ш а. А у меня его нет?

М е д ы н о в. Да разумеется, нет. Да еще, кроме ума-то, надо иметь много знания да хороший опыт. И я думал, страсть как думал; хотел быть благодетелем не только отечества, а и всего человечества. И в результате от этого думанья вышла праздность со всеми ее скверными последствиями. Тут уж я хватился за ум; приехал в деревню, взялся за соху Андревну — и вышло дело, да и в благодетели попал. В самом деле, двое, не то трое мужичонков благодетелем зовут.

Н а т а ш а. У вас школа в имении?

М е д ы н о в. Да, сколотился, построил; да учительницы нет... Вот не хотите ли?

Н а т а ш а. Что вы, что вы! Ребятишек грамоте учить? Разве это дело?

М е д ы н о в. Что ж, профессором университета желаете быть?

Н а т а ш а. Ах, нет!.. Но ведь и в учительницы можно идти только из-за куска хлеба; а у меня, слава богу, есть.

М е д ы н о в. Знаю, что есть. И не только хлеб, а и щеми-

ловские пряники... Грызите да мечтайте. Около работы живете, а белоручествуете. Гадко это.

Н а т а ш а. Вы меня не понимаете. Гадко — ну и пусть будет гадко. Вам-то что до этого?

М е д ы н о в. Мне? Конечно. Обидно только за вас... ну, и смешно немножко, что без крыльев летать сбираетесь. Как тут смолчишь? Щемилову вот я ни слова не скажу,— живи, как хочешь, ну, а мимо вас молча не пройдешь.

Н а т а ш а. Ну, не сердитесь! Я знаю, что вы от расположения, только я думаю по-своему, а по-вашему не могу.

М е д ы н о в. А будете думать и по-моему, когда жизнь научит... Все это будет, непременно будет... Да школа-то житейская... ох! очень мнет человека.

В окне слышится голос Евлампия: «Хозяюшка дома?»

Н а т а ш а. Дома, дома.

М е д ы н о в. Батюшки, да это паны, и толстопузые и тонконогие. Нет, надо уходить. Пойду в огород к Федосье Ивановне чай пить. А вы с ними деликатными разговорами позаймитесь! Уж чего приятнее!

Н а т а ш а. Да не ворчите вы...

Уходят. Входят П и к а р ц е в и Е в л а м п и й.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

П и к а р ц е в и Е в л а м п и й.

П и к а р ц е в *(входя)*. Прелестной хозяюшке... А где же? Гм, сокрылась. Приладиться, пригладиться. Нельзя же перед своим предметом предстать как-нибудь.

Е в л а м п и й. Перестаньте! Какой там предмет! Вы знаете, что срок моего отпуска кончается, я скоро уезжаю, так стоит ли...

П и к а р ц е в. Хитришь, птенец, хитришь! Послушай, дружочек, не огорчай уж меня. Зачем ты скрываешься? Разве это худо? Если бы я поверил, что ты можешь быть подле такой девушки и не ухаживать, я бы стал презирать тебя. Нежненькая, беленькая, этакие плечики, пальчики, этакая тальица... Знаешь, видна даже некоторая порода. Откуда бы, кажется?

Е в л а м п и й. Мне очень нравится, что вы рассматриваете человека по статьям, как лошадь.

Пикарцев. Это значит только, что я человек со вкусом. До души, мой друг, далеко; первое, что привлекает внимание эстетика, это изящество формы. Все прекрасное находит во мне ценителя, и преимущественно, разумеется, женщина как венец творения.

Евлампий. Сегодня же заведу об этом разговор с тетушкой.

Пикарцев. Ну, ну, ну, не изволь глупить. Ты ведь, я знаю, думаешь, что я ее боюсь. И это глупо. Неприятности избегаю. Надоело. К хорошенькой горничной ревновала, к скотнице ревновала, даже раз, представь, к попадье.

Евлампий. И, верно, всегда напрасно.

Пикарцев. Ну, как тебе сказать... не всегда. Видишь, как я откровенен, открыт, а ты словечка не проронишь. Поговори же, ну, прошу тебя, поговори, напомни счастливые дни...

Евлампий. Нет, дядюшка, не напомню. Эта манера доброго старого времени толковать беспрестанно о женщинах и хвастаться победами уж давно брошена.

Пикарцев. Что же теперь?

Евлампий. Делай, что можно, что умеешь, а говорить не должен ни о чем.

Пикарцев. Глупо и неприятно. Но по крайней мере какие вы приемы употребляете?

Евлампий. Новые; все новое, дядя, все новое. Вы очень много помады тратили и расточали любезностей; а теперь способ упрощенный и ускоренный.

Пикарцев. Ах, любопытно, любопытно...

Евлампий. Ну, да хоть и любопытно, а не скажу.

Пикарцев. Ты несносный, право, несносный. Ну, однако, ты смотри не проговорись тетушке какнибудь, а то не только мне, и тебе худо будет.

Показывается Наташа.

Идет. Удалиться? Хе-хе, удалюсь, удалюсь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Наташа.

Пикарцев. Хорошеет, цветет и все интереснее и очаровательнее.

Наташа. Куда уж. Видите, как загорела? Садитесь, пожалуйста.

Пикарцев. И рад бы, да не могу. Пойду искать вашу бабушку. Она, верно, где-нибудь копается, как муравей. Приятной беседы. *(Уходит.)*

Евлампий. Что поделываете?

Наташа. Что? Скучаю.

Евлампий. Верю. Вы не можете не скучать. Я жалею вас.

Наташа. Ах, я не люблю, когда меня жалеют. Я вовсе не несчастная какая-нибудь.

Евлампий. А разве я говорю, что вы несчастная? Вы не так поняли меня. Мое сожаление — это болезненное участие к вашему положению. Осмотритесь! Где вы? Здесь ли вам место? Вы учились — и для чего же? Для того, чтоб отвешивать, отмеривать, насыпать, пересыпать и так далее. Да для этого годится всякая Хавронья или Фетинья.

Наташа. Не говорите со мной, пожалуйста, об этом.

Евлампий. Отчего?

Наташа. Так. Не говорите. Я не хочу.

Евлампий. Значит, не трогать за больное место.

Наташа. А если и так? Разве вам это удовольствие? Ведь вы не можете помочь мне.

Евлампий. Здесь? Конечно, нет. Но там, где вы должны быть,— всегда и охотно.

Наташа. Где же это, где?

Евлампий. Там, где вы можете найти применение ваших способностей и знаний. Первое, бегите отсюда, ищите жизни, ищите дела. Если вам будет нужна помощь, поддержка, вот вам рука моя. Вы еще не знаете всей прелести независимой, самостоятельной жизни.

Наташа *(потупясь)*. Зачем мне она?

Евлампий. Затем, чтоб жить, а не прозябать. Неужели вы думаете, что женщина непременно должна быть затворницей?

Наташа. Нет, я не думаю.

Евлампий. Женщина может быть таким же деятелем, как и мужчина. Да еще лучше, пожалуй, потому что женщина способнее на всякий подвиг, в ней больше самоотвержения.

Наташа. Все это я знаю и видала примеры.

Евлампий. И прекрасно... Так чего же вы сидите и глохнете в этой трущобе? Или русская неподвижность мешает?

Н а т а ш а. Да, я неподвижна, потому что... невозможно.

Е в л а м п и й. Невозможно! Вы чувствуете на себе цепи, думаете, что они очень крепки, а, поверьте мне, стоит только встряхнуться, и нет их. Эти цепи называются предрассудками.

Н а т а ш а. Но у меня мать, бабушка...

Е в л а м п и й. Ну, так что же? Вы решаетесь принести себя в жертву для их спокойствия, так, что ли?

Н а т а ш а. Хоть бы и так.

Е в л а м п и й. Таких жертв не приносят; это все равно, что самоубийство, все равно, что заживо похоронить себя.

Н а т а ш а. Однако мой долг...

Е в л а м п и й. Долг? Очень громкое это слово... Да уж не в самом ли деле вы думаете, что ваш единственный долг утешать двух старух и отмеривать овес? Этот долг, эту священную обязанность может исполнять каждая наемная баба за полтора рубля в месяц. Если вы будете думать только о долге и о своих обязанностях, так всегда будете жить для других, вечно будете в услужении у кого-нибудь. Вы не забывайте, что у вас есть права.

Н а т а ш а *(подняв голову)*. Какие?

Е в л а м п и й. Такие же, какие имеет всякое живое существо: право жить для себя, а не для других. Вам дает права ваше воспитание и ваш возраст. Ведь молодость-то один раз в жизни бывает. Придет пора, ваше сердце запросит любви, а кто откликнется вам, кто здесь поймет вас? А кто и поймет, тот пройдет мимо.

Н а т а ш а *(с некоторым испугом)*. Мимо? Отчего же мимо?

Е в л а м п и й. Да кому ж охота засиживаться в этой непросветной глуши? Люди умные, дельные стремятся к свету, к умственным центрам, а здесь остаются люди отсталые и ленивые, которые только воображают, что они дело делают, а в сущности, небо коптят да, в оправдание своей лени, философствуют и поучают нравственности.

Н а т а ш а. Как вы верно говорите, какая все это правда!

Е в л а м п и й. Пройдет молодость, что же будет тогда, Наталья Михайловна?

Н а т а ш а. Я думаю, что я буду жить так же, как и все здесь живут.

Евлампий. Нет, не так: они не плачут, а вы плакать будете. Озлобитесь, будете проклинать себя, что погубили молодость, не воспользовались ее радостями, загубили даром силы, молодые, хорошие, годные на благородный труд, годные для осуществления возвышенных стремлений.

Наташа. Да... да... вы правы... *(Порывисто.)* Зачем вы мне это говорите?

Евлампий. Для того чтоб вы думали, думали, тогда для вас будет легче первый решительный шаг.

Наташа. Ах, я и то думаю, много думаю, но что от моих дум! Остается одно в голове, что все это хорошо, но не для меня.

Евлампий. Почему не для вас? Именно для вас. Я говорю с вами, убеждаю вас совершенно бескорыстно. Вы видите, я не любезничаю, не ухаживаю за вами, я призываю вас к делу. Удастся мне пробудить вас от спячки, заронить в вас первые мысли о другой, новой жизни — вот моя и награда, я буду счастлив. Конечно, первая любовь девушки, первый огонь в ее глазах обаятельны, но я прежде всего... человек дела.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Пелагея Климовна.

Пелагея Климовна. Евлампий Михайлович, дядюшка вас ожидает. Что это она насупилась так? Уж не на вас ли обиделась?

Евлампий. О нет!

Пелагея Климовна. То-то. А то ведь она у нас деревенская, простая, к вашим барским деликатностям не привыкла. Пожалуйте к дяденьке. Ну что за разговор с девчонкой, какой антирес?

Евлампий. Сейчас иду. До свиданья, Наталья Михайловна. *(Уходит.)*

Пелагея Климовна за ним, останавливается в дверях, смотрит молча на Наташу и, покачав головой, уходит.

Наташа *(стоит одна, задумавшись)*. Ах, да... какая разница!.. Вот поговоришь с умным человеком... как тяжело станет здесь, в этой избе, в этом огороде... точно тебя душит что... Не глядела бы ни на кого.

Входит Медынов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Наташа и Медынов.

Медынов. Убрались паны? Слава богу. Экий народец! Что он вам тут...

Наташа. Ах, нет, не говорите... постойте! У меня есть просьба к вам.

Медынов. Что вам угодно?

Наташа. Только обещайте, что вы ее исполните!

Медынов. Извольте.

Наташа. Вы очень хороший человек, мне не хотелось бы с вами ссориться...

Медынов. Да в чем просьба-то?

Наташа. Оставьте ваши нравоучения и всякую заботу обо мне! Представьте себе, что я совершеннолетняя и в уроках не нуждаюсь.

Медынов. Но, Наталья Михайловна...

Наташа. Нет, нет, ни слова больше... Вы обещали, так должны исполнить; а то я принуждена буду бегать от вас, а мне этого не хочется.

Медынов. Ну, бог с вами, прощайте!

Наташа. Не говорите так, я не люблю и боюсь этого слова. Скажите: до свиданья.

Медынов. До свиданья.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ПИКАРЦЕВ.

ЕВЛАМПИЙ.

ФЕДОСЬЯ ИВАНОВНА.

ПЕЛАГЕЯ КЛИМОВНА.

НАТАША.

МЕДЫНОВ.

СЕМЕН СТОЙКИН.

Декорация: площадка с редкими деревьями, отделяющая усадьбу Пикарцевых от постоялого двора Федосьи Ивановны, угол которого виден направо. На авансцене, направо, два ореховых куста; между ними столик и скамья.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Пелагея Климовна (выходит в раздумье).

Пелагея Климовна. Вот вы, други мои, какие делишки завели... славно! На-ко, не наглядятся друг на друга! Нет, это дело надо прикончить поскорей.

Показывается Пикарцев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Пелагея Климовна и Пикарцев, потом Евлампий.

Пелагея Климовна. Всеволод Петрович, батюшка, а я только что к вам хотела идти. Защитите!

Пикарцев. От кого это, матушка? Грудью стану, лишь бы только не против благоверной. Там уж я пас.

Пелагея Климовна. Племянник ваш сокрушает, — совсем скружил дочку у меня.

Пикарцев. Те-те-те, ну, так, ну, так.

Пелагея Климовна. Посудите сами, разве из этого что хорошее может выйти?

Пикарцев. Ну да... хорошего не выйдет... хе-хе-хе, не выйдет. Вот нынче какой народ-то стал. Это не то, что мы. Мы тоже, бывало, срывали цветы удовольствия, да только там, где можно, где запрету нет; а нельзя, ну и мимо. Разок, другой чмокнешь где-нибудь в укромном местечке... на память — и отойдешь. Мы совесть знали, а теперь разбору нет, теперь подряд...

Пелагея Климовна. Верно, верно. Креста на людях не стало. Так как же, батюшка?

Пикарцев. Насчет племянника-то? Пристыжу, пристыжу.

Пелагея Климовна. Что его стыдить. Это ему как с гуся вода.

Пикарцев. Ну, тогда другие меры найдем, смирим! Ведь это для вас, а чего я для вас не сделаю! Господи, господи, смотрю я на вас, та ли это щечка, которую я когда-то чмокнул?

Пелагея Климовна. Да, батюшка, время большое дело. Вот и я смотрю на вас, да думаю, та ли это щечка, по которой я когда-то... *(Делает удар.)*

Пикарцев. Да... да... помню, помню... Ох, вы!

Пелагея Климовна. Ну, уж тоже и вы! Да на вас и теперь еще угомону нет. Ишь глазами-то так и раскидывает!

Пикарцев. Мои глаза про душу говорят. Молоденькая она у меня!

Пелагея Климовна. Вижу, ох, вижу! Ну, так как же, батюшка, думаете вы об этом деле? Вот если б вы тетеньке сказали.

Пикарцев. Ну уж нет. Я ж буду виноват. Я у ней всегда виноват.

Пелагея Климовна. Батюшка, по старой памяти, сделайте вы для меня такую милость, объясните вы ей все, да чтоб и потатчицу-бабушку приструнила хорошенько, потому совсем отбила от меня дочку. Я со строгостью, а она заступаться. Вот своевольницу и вырастила. Все по лесам, да все прогулки... да разговоры... совсем с толку сбил он девку.

Пикарцев. Гм, как бы это устроить? Если я начну говорить — испорчу только; а ступайте-ка вы сами, да этак, в слезы... А тут и я подвернусь. Что-нибудь и выйдет. Уж пусть же страдаю за вас. А ведь вы еще и теперь ничего... в аппетите.

Пелагея Климовна. Да будет вам. Ах, проказник!

Пикарцев. Нет, право! Вы еще... того... так что я и опять непрочь... *(Приближается.)*

Пелагея Климовна. А вон, смотрите-ка, племянник идет.

Пикарцев. Ах, черт его возьми! Ну-с, я уйду, но только вы от меня не уйдете... Вспомним старину... и помолодеем, может быть, хе-хе-хе. *(Уходит.)*

Пелагея Климовна *(вслед)*. Ну, еще бы. Самое время! Ах, старый шут! А вот и молодой!

Показывается Евлампий.

Ишь, порхает, ишь, порхает! А ведь неспросту. Здравствуйте, Евлампий Михайлович. Прогуляться вышли?

Евлампий. Да, пройтись немножко.

Пелагея Климовна. Хорошее дело. Одному-то, чай, скучно?

Евлампий. Да... конечно... А впрочем, все равно.

Пелагея Климовна. Погуляйте, погуляйте, что ж, дело молодое! А нам вот не до прогулок. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Евлампий (один), потом Семен.

Евлампий. Однако ее не видно. Обещала прийти — и нет. Это довольно неприятно. Не мешало бы ей быть поаккуратней. Дожидаться здесь неудобно. Погуляю тут неподалеку. *(Идет.)*

Навстречу ему Семен с гармошкой в руках, играет и поет: «Парень речку перешел, свою любушку нашел».

Семен. Здравствуйте, барин.

Евлампий *(нехотя)*. Здравствуй.

Семен. Здравствуй! Что, барин, больно губы-то оттопырил? Я тебе учтиво, а ты фыркаешь?

Евлампий окидывает его взглядом и молча уходит.

Таращь, таращь бельмы-то! Не испугаешь, я не из пугливых. Эхма! *(Играет и поет.)*

Парень речку перешел, свою любушку нашел.

Входит Федосья Ивановна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Федосья Ивановна и Семен.

Федосья Ивановна. Что ты, беспутный, делаешь? Посмотри на себя.

Семен. А мне только и делов осталось, что фантазию свою успокаивать.

Федосья Ивановна. Глупый ты, глупый! разве этим поправишь? Не пришлось, ну и оставь, забудь.

Семен. Матушка, Федосья Ивановна, нешто скоро забудешь? Ни вовек. А я вот зелено стекло к губам, а фортепьян в руки — шлифуй, да и полно. Вот так-то как-нибудь, может, и ушибу себя! *(Наигрывает.)*

Федосья Ивановна. Цыц ты! Надо бы тебя за волосы.

Семен. За волосы-то? Это было. И неоднократно. Видите, лезут? *(Показывает.)* Родительская ласка. А я говорю: клочь! Клочь, говорю! Дураком пустил по свету — и дошибай. Меня бы в науку да в полировку, а он за стойку. Теперь, стало быть, и выходит, на что я Наталье Михайловне? Она вон манерная, а я дурак. Ну, значит, облизнись, да и зуди. Эх, ты! Ходи изба, ходи печь, чтоб хозяйке негде лечь...

Входит Наташа.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е и Н а т а ш а.

Н а т а ш а. Бабушка, что это у нас за срам? Подумают, кабак.

С е м е н. Извините. А насчет непристойностей мы нисколько.

Н а т а ш а. Чего еще хуже. Бабушка, прикажите ему уйти. Придет кто-нибудь, ведь совестно.

С е м е н. Эх, Наталья Михайловна, а вы пожалейте. Тепериче по моей склонности к вам — ходи да поглядывай, где омут поглубже.

Н а т а ш а. Какое мне до этого дело. Вам сказано все. Бабушка, прикажите ему уйти.

С е м е н. Наталья Михайловна! За что гоните? Вы во мне один только изъян видите, а не душу. А душа-то почище, чем у прочих, и даже много превосходней.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Уйди, Сеня, уйди.

С е м е н. Уж одно дело. У меня тепериче подперло в горле, ровно ком стоит,— так-то любо от этих самых слов. А выходит, это малодушество. Надо вот как: это вот самое прочь *(утирает слезы)* — и шлифуй! Эх ты, травка, муравка моя! *(Идет к дверям, наигрывая.)* Зуди, знай! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ф е д о с ь я И в а н о в н а и Н а т а ш а.

Н а т а ш а. Бабушка, что вы нахмурились? Недовольны вы моим обращением с Семеном?

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Всем я недовольна, голубка ты моя. Тяжело жить. Та ли я стала? Гордая я была. Муж был крутой человек, а при мне громко разговаривать не смел. Князья, графы ни к кому помимо меня заезжать не хотели на двор да с собой рядом саживали чай пить. Значит, стоила чего-нибудь. А теперь куда все пошло? Смотрю — и глазам не верю. Дом пустеет, порядка не стало, над советом моим смеются. Немила жизнь! Только ты, моя радость, и дорога мне. О тебе одной ноченьки напролет думаю, чтоб жила в счастье да со мной не расставалась. Вот и думала Семена во двор взять. А теперь и сама вижу, не пара ты ему, а кто тебе под пару — не пойдет к нам. Ну вот и горюю: неужели ж тебе в люди идти

иль за немилого замуж отдать? Уж лучше мне закрыть глаза, чем дождаться этого.

Наташа. Бабушка! Не тоскуйте. Бог даст, все устроится, и может быть... скоро... скоро...

Федосья Ивановна. Утешаешь меня? Или... говори же, если есть что. Не скрой от меня, любушка моя.

Наташа *(опустив голову)*. Я еще не знаю... Бабушка! Я не могу сказать. Может быть, это одни мечты мои... может быть, это одни надежды... Я надеюсь... я жду... а будет ли... Да, бабушка! Отчего ж не быть? Разве я не стою счастья?

Федосья Ивановна. Скажи же, Наташа, хоть словечко, на что ты надеешься?

Наташа *(закрыв лицо руками)*. Нет, бабушка, нет! У меня так сладко на душе, так сладко, а слов нет.

Федосья Ивановна. Наташа, понять-то я поняла. Что ж... дело девичье... обыкновенное. Только меня сомнение берет.

Наташа. Какое?

Федосья Ивановна. Ответу да привету душа твоя ищет, да найдет ли?

Наташа *(молча смотрит на нее и потом тихо)*. Найдет!

Федосья Ивановна. Ну, давай тебе бог! О-ох, молодость, молодость! У всех ты одна. *(Уходит.)*

Входит Евлампий.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Евлампий и Наташа.

Евлампий. А, наконец-то. Уж я в другой раз прихожу. Не грешно заставлять дожидаться? Да что с вами? Вы не рады, что я пришел?

Наташа. О нет, нет! Очень, очень рада.

Евлампий. Не вижу. Не заметно что-то.

Наташа. Ах, я немного расстроена.

Евлампий *(садясь)*. Понимаю. Домашние дрязги. Кошка съела молоко, собака утащила хлеб... ха-ха-ха.

Наташа *(с горечью улыбаясь)*. Ну да, ну да, что ж еще может быть у нас.

Евлампий. Нет, уж вы хоть при мне-то позабудьте, пожалуйста, как поют петухи, кудахтают куры.

Н а т а ш а. Ах, да не то, совсем не то. Ваши слова не выходят у меня из головы. И прежде мне было тяжело, а теперь я, право, не знаю, куда мне деться.

Е в л а м п и й. И прекрасно. Это большой шаг вперед. Можно надеяться, что скоро это стоячее болото вам окончательно опротивеет, и вы броситесь из него без оглядки.

Н а т а ш а. Да куда, куда броситься-то?

Е в л а м п и й. Туда, где люди дело делают и живут по-человечески.

Н а т а ш а. Ах, опять только намеки! Я не так хорошо образована, как вы, я не могу ясно понимать ваших слов, и это меня мучает, я ведь страдаю. Пожалейте меня! Скажите мне прямо, куда я должна идти и что делать!

Е в л а м п и й. Ишь чего вы захотели! Согласитесь сами, нельзя же о таких вещах разговаривать так, для провождения времени. Я могу говорить с вами серьезно, когда увижу в вас твердую и непоколебимую решимость. Иначе это выйдет профанация; болтать о серьезных делах я считаю непростительным малодушием.

Н а т а ш а. Моей решимости вам недолго дожидаться... Придется вам за меня богу отвечать... Вот что сделали со мной ваши разговоры!

Е в л а м п и й. А ваши разговоры, знаете, что со мной сделали?

Н а т а ш а. Что же? Надоели вам?

Е в л а м п и й. Нет. Я полюбил вас.

Н а т а ш а *(с испугом)*. Ах!

Е в л а м п и й. Чего вы испугались? Это нисколько не мешает делу. Эта любовь заставляет меня принимать в вас гораздо более участия, чем я ожидал, эта любовь заставит меня разделить все ваши стремления... мы пойдем рука об руку. Что же тут страшного? Скажите мне, а вы-то?.. Неужели вы совсем равнодушны, неужели ваше сердце совершенно холодно ко мне?

Н а т а ш а. Нет... я давно думаю о вас.

Е в л а м п и й. Только думаете?

Н а т а ш а. Нет... Я вам благодарна... вы все для меня.

Е в л а м п и й. Говори, говори, Наташа! Дай волю своему чувству!

Н а т а ш а *(робко)*. Я люблю вас.

Е в л а м п и й. Ну, конечно, я так и ожидал. Я ведь зо-

рок; я видел, что у тебя под тихой, спокойной внешностью таится горячее сердце, которое ждет только первой искры, чтобы вспыхнуть. *(Хочет обнять Наташу.)*

Н а т а ш а *(освобождаясь)*. Нет, позвольте... Я люблю вас, но...

Е в л а м п и й. Холодно, Наташа, холодно.

Н а т а ш а *(страстно)*. Я люблю тебя, очень люблю... Я решилась, я пойду за тобой, куда хочешь... Только не мучь меня, скажи мне яснее все, все...

Е в л а м п и й. Наташа, помилосердствуй! У меня в душе огонь, на языке слова ласки и любви, а ты о деле. Успеешь, успеешь... Дай пройти первым порывам страсти. *(Обнимает Наташу.)*

Н а т а ш а *(освобождаясь)*. Вот, кажется, подъехал Медынов. Он сейчас сюда придет.

Е в л а м п и й. Ты приходи сюда ужо вечером.

Н а т а ш а. Приду, приду.

Е в л а м п и й. Так до свидания, милая моя Наташа! *(Хочет поцеловать ее.)*

Н а т а ш а. Ах, нет, что ты! Нет, не надо.

Е в л а м п и й. Ну, вот уж и капризы, сейчас и капризы. Хороша любовь!

Н а т а ш а. Да нет... я такая робкая... Я люблю, люблю. Ну, вот тебе! *(Целует Евлампия и отбегает.)* А ты правду говорил,— жизнь хороша. *(Уходит.)*

Е в л а м п и й. Как женщины-то однообразны при всем своем разнообразии.

Входит М е д ы н о в.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Е в л а м п и й и М е д ы н о в.

М е д ы н о в. Здравствуйте. Кажется, Евлампий Михайлович?

Е в л а м п и й. Непременно.

М е д ы н о в. Гулять изволите?

Е в л а м п и й. Как видите.

М е д ы н о в. Странно довольно; люди по полям и рощам гуляют, а вы по задворкам.

Е в л а м п и й. Ничего нет странного. Это мой вкус.

М е д ы н о в. Конечно Мы живем в глуши, пням молимся, где же нам понимать ваши столичные вкусы? Давно я искал случая переговорить с вами.

Е в л а м п и й. Что ж к нам не жалуете? У тетушки в деревне всем двери открыты.

М е д ы н о в. Да не охота идти к вашей тетушке. Больно уж там на нашего брата смотрят свысока. А я этого терпеть не могу, когда люди, не имея никакого права, высоко нос держат. А вот здесь встретился с вами, ну и кстати. Не побрезгуете побеседовать?

Е в л а м п и й. Мне бы некогда, ну а впрочем... что вам угодно?

М е д ы н о в. Надолго вы к нам изволили пожаловать?

Е в л а м п и й. Я погостить приехал.

М е д ы н о в. Стало быть, на отдых?

Е в л а м п и й. На какой отдых? От чего мне отдыхать?

М е д ы н о в. Ну как от чего? Ведь делаете же вы что-нибудь? Ведь, поди, где-нибудь в канцелярии, в уголку, перушко в руках держите?

Е в л а м п и й. Знаете, я вам откровенно скажу, меня удивляет эта манера провинциалов вмешиваться... в чужие дела.

М е д ы н о в. Уж с тем возьмите! Мы по-деревенски, попросту. Да и отчего не спросить? Какая в этом обида?

Е в л а м п и й. Я ничего не делаю, то есть не работаю, я не поденщик, не мастеровой, я просто живу. Живу в столице, приезжаю пожить и в деревню.

М е д ы н о в. И не скучаете?

Е в л а м п и й. И не скучаю.

М е д ы н о в. Удивительно.

Е в л а м п и й. Что?

М е д ы н о в. Ничего не делаете и не скучаете.

Н а т а ш а показывается из своего дома; с другой стороны С е м е н.

Это способность, хоть и не очень дорогая, а все-таки довольно редкая.

Е в л а м п и й. О занятиях и образе жизни просвещенных людей я говорить с вами, извините, считаю лишним. Не понятно это для вас. Вы, кажется, только одно дело, одно занятие признаете: землю копать да гряды полоть.

М е д ы н о в. А чем же дурно это занятие? Уж все-таки лучше и честнее, чем деревенских девок с толку сбивать.

Е в л а м п и й. Что за тон! Какое вы имеете право мне это говорить?

М е д ы н о в. Будто все по праву делается. Я так, без права. Вы вот по какому праву глазами меня измеряете? Вы испугать, что ли, меня хотите, или стыд свой маскируете? Кабы вы не по праву, а по совести действовали, так бы и стыдиться было нечего.

Е в л а м п и й. Знаете, ваши рассуждения могут доставить удовольствие и позабавить.

М е д ы н о в. Ну, так и забавляйтесь скорей; дальше уж, пожалуй, не так забавно для вас будет.

Е в л а м п и й. Вас подослал кто-нибудь ко мне с этими разговорами?

М е д ы н о в. Что меня подсылать! Я и сам знаю, что хорошо, что дурно. А лучше вы уйдите от греха! Стыдно это и не благородно!

Е в л а м п и й. Чувствительно благодарен за совет.

М е д ы н о в. Это не совет.

Е в л а м п и й. А что же?

М е д ы н о в. Первое предостережение.

Е в л а м п и й. Так и будем знать. Наталье Михайловне мое почтение. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Н а т а ш а, М е д ы н о в и С е м е н.

С е м е н. Оглоблей его хорошенько да ноги переломать, так дело-то короче будет.

Н а т а ш а *(подходя в сильном волнении, но стараясь быть сдержанной)*. Позвольте! Кто же просил вас... наблюдать за мной?

М е д ы н о в. Что вы, что вы! У вас, кажется, слезы на глазах?

Н а т а ш а. Да, от стыда! Как вам не совестно, как вам не совестно! Что вам нужно? Вам уж сказано, что не надо мне вашего участия. А вы все-таки не оставляете меня в покое и обижаете людей, которые гораздо лучше вас и которых вы не понимаете.

М е д ы н о в. Вот как. Кого же я не понимаю?

Н а т а ш а. Евлампия Михайловича.

М е д ы н о в. Понимать его нетрудно; он так пуст, что насквозь видно.

Н а т а ш а. Вы не пусты! Что в вас-то особенного? Вы только представляете из себя проповедника... Да не обманете никого, всякий видит, что вы человек отсталый.

Медынов. Отсталый? Я-то? От чего же это я отстал? Разве кто-нибудь бежит уж очень шибко... Так ведь за всяким не угоняешься.

Наташа. Уж, конечно, вам не угоняться! Оттого вы и злы, оттого вы и браните людей, которые умнее вас. Это зависть!.. Завидовать нехорошо, стыдно... гадко!..

Медынов. Так, так, отлично! Бранитесь, бранитесь! Только как вам будет совестно после, и уж вот как вы за эти слова будете у меня прощенья просить.

Наташа. Я? У вас? Да я и не увижу вас больше никогда.

Медынов. Вот так штука! Как же это так?

Наташа. Очень просто. Да я и не желаю вас видеть... Вы стали невыносимы для меня! Вы меня преследуете! Вы навязываетесь мне со своей опекой! Вы не даете мне жить! Я ненавижу вас! Я не могу видеть вас! Я... я... я сама не знаю, что мне делать! Оставьте меня! Оставьте! *(Уходит.)*

Семен. Не выгорает наше дело. Гармонию, барин, заведи себе, вот как я, и шлифуй.

Медынов. Да я было и то гармонию завел, да расстроилась она у меня; не знаю, Сеня, придется ли и настроить!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

ФЕДОСЬЯ ИВАНОВНА.

ПЕЛАГЕЯ КЛИМОВНА.

НАТАША.

ПИКАРЦЕВ.

КАПИТОЛИНА ЕВГЕНЬЕВНА
жена его.

ЕВЛАМПИЙ.

МЕДЫНОВ.

СЕМЕН СТОЙКИН.

Декорация второго действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входит Пелагея Климовна, за ней Пикарцев и Пикарцева.

Пелагея Климовна *(униженно кланяясь)*. Очень, очень я вами благодарна, что сами изволили пожаловать.

Пикарцева. Я этому не хочу верить. Неужели он решился? Mon cher[1], отчего же вы мне не сказали раньше? И теперь уверены ли вы вполне?

Пикарцев. Гм, то есть... Как сказать... очень вероятно. *(Подмигивает Пелагее Климовне.)*

Пелагея Климовна. Матушка, верно. Неужели бы я пошла зря срамиться и беспокоить вас? А то сами посудите: материнское ведь сердце-то... дрожит, ох, как оно дрожит.

Пикарцева. Ах, любезная, мне совсем не нужно ничего знать о вашем сердце; но... ведь он мой племянник! Разве он мне не племянник?

Пелагея Климовна. Как же, как же, племянник.

Пикарцева. И он решился! Это ужасно! Живет в моем доме — и вдруг... *(Пикарцеву.)* А вы? Что же вы смотрите? Почему не прекратите?

Пикарцев. Я... я прекращу! Я... непременно прекращу!

Пикарцева *(окинув его презрительным взглядом)*. Ах, кому я говорю!

Пелагея Климовна. Матушка, Капитолина Евгеньевна, осмелюсь я доложить вам, без вас никто этого прекратить не может. Все ведь только перед вами страх и имеют.

Пикарцева. О да!

Пелагея Климовна. Опять же тут главная причина — бабушка-потатчица. Я со строгостью, а она — заступаться. Верите, как это прискорбно, и так это прискорбно, что даже и сказать не умею, только и терпеть мне больше нету силы-возможности.

Пикарцева. Фи, какие нравы! Mon cher, куда вы отходите? Будьте здесь.

Пикарцев. Я здесь, я здесь!

Пикарцева. Безнравственности я не потерплю и племяннику моему, конечно, сделаю строгий выговор, но ведь, душа моя, если ваша дочь...

---

[1] Дорогой мой *(франц.)*.

Пелагея Климовна. Матушка, о том и прошу, чтоб бабушку приструнить, потому через нее все. У нее от книжной премудрости в уме омраченье, она и внучке разные такие неподобные мысли внушает... насчет женитьбы...

Пикарцева. Mon cher, слышите! Вот куда пошло! Mésaillance![1] Это Пикарцев-то!

Пикарцев. Как же, слышу. Хе-хе... губа-то у них не дура; ну, да и он не дурак.

Пелагея Климовна. Ну, а уж где нам! Мы свое место завсегда должны понимать. Стало быть, кроме худой славы, ничего не выйдет. Матушка, облагодетельствуйте, сократите бабушку!

Пикарцева. Хорошо, хорошо. Так вот она какая святоша! *(Строго.)* Зовите ее сейчас.

Пелагея Климовна. Матушка, только уж вы не дайте заметить про меня чего-нибудь.

Пикарцева. Зо-ви-те!

Пелагея Климовна. Бегу, бегу. *(Уходит.)*

Пикарцева. Что вы скажете?

Пикарцев. Я? Гм... ничего.

Пикарцева *(строго)*. Что вы скажете?

Пикарцев *(про себя)*. Ишь ты прилипла! *(Громко.)* Да что ж мне сказать? Ничего.

Пикарцева *(язвительно)*. Вы не знали? Вы? Да вы всякую шашню поощрять готовы и, может быть, даже советы давали.

Пикарцев хочет говорить.

Молчите! Так вы не знали?

Пикарцев. Уверяю...

Пикарцева. Молчите! Вы, который весь век безбожно обманывали меня? И вы не заметили?

Пикарцев хочет говорить.

Молчите, говорю я вам! Разве вы не ужасаетесь последствий?

Пикарцев. Н-да... последствия всякие бывают.

Пикарцева. Вы осмеливаетесь еще шутить? Mais c'est affreux![2]

Пикарцев. Молчу. Не буду.

---

[1] Неравный брак *(франц.)*.
[2] Это ужасно! *(франц.)*.

Пикарцева. Скажите ему, что я недовольна. Я бы сама могла, но это слишком грязно. Скажите, что он огорчил меня. Скажите, что *он* Пикарцев. Скажите, что *я* Пикарцева.

Пикарцев. И что я Пикарцев. Ух! Все скажу.

Входит Федосья Ивановна, за ней Пелагея Климовна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Федосья Ивановна и Пелагея Климовна.

Федосья Ивановна. Здравствуйте, Капитолина Евгеньевна, доброго здоровья.

Пикарцева. Благодарю.

Федосья Ивановна. Подивилась, что сюда позвать изволили. Прежде не гнушались и мой угол осчастливить своим посещением.

Пикарцева. Я вами недовольна, очень недовольна.

Федосья Ивановна. Прошу извинить. Немножко делами порасстроились. Осень придет, продадим огородное — все сполна заплачу.

Пикарцева. Разве я говорю об аренде? Ma chère![1] Вы не говорили ли чего-нибудь?

Федосья Ивановна. Если не за это, так уж я и не знаю, что такое неугодное мы вам сделали.

Пикарцева. Почему мой племянник бывает часто у вас?

Федосья Ивановна. Это уж вы его спросите, матушка. Мы каждому гостю рады.

Пикарцева. Гм, каждому! Так ли это? Я к вам всегда была очень добра, а вы как отблагодарили меня? Племянник мой молод, горяч, благороден, как все Пикарцевы, а вы смотрите сквозь пальцы на ежедневные прогулки его с вашей внучкой. На что это похоже: молодой человек... молодая девушка... и вдруг прогулки вдвоем! Что же вы смотрите? Почему не устраните?

Федосья Ивановна. Надобности не видела устранять-то.

Пикарцева. А! Стало быть, вы надеетесь на что-нибудь! Это хорошо, très bien![2]

[1] Дорогая моя! *(франц.)*.
[2] Очень хорошо! *(франц.)*.

Пелагея Климовна. Вот, маменька, хорошо этакие выговоры-то выслушивать? Говорила я, все говорила...

Федосья Ивановна. Молчи, ступай прочь!

Пелагея Климовна *(ворча)*. Теперь ступай прочь... *(Уходит в дом.)*

Федосья Ивановна *(с волнением)*. Капитолина Евгеньевна, никаких я мыслей на вашего племянника не имела, а что бывает он у нас и гуляет с внучкой, — в этом беды не видела. Не бесчестье вашему племяннику гулять с Наташей, и не мне бы слушать от вас такие ваши разговоры. Обеднели мы, придавили нас горе и несчастье, а то после ваших слов не осталась бы на вашем дворе.

Пелагея Климовна и Наташа выходят из калитки.

Пелагея Климовна *(тихо, Наташе)*. Полюбуйся-ка, что из-за тебя тут идет!

Пикарцева. Скажите, сколько гордости! И в ком же? В мещанке!

Пикарцев. Ну вот... зачем же вы так...

Пикарцева. Finissez![1] А вам, моя милая, в последний раз говорю *(с расстановкой)*, чтоб этого не было. Вы знаете, я шутить не люблю и не посмотрю, что вы так долго живете у меня, откажу вам.

Федосья Ивановна. Капитолина Евгеньевна...

Пикарцева. Больше никаких разговоров не нужно. Я вам сказала все. Вот ваша любезная внучка! Вот она, скромница! Нет, моя милая, напрасны ваши ухищрения. Чтобы в нашей семье, в нашей фамилии... mésaillance!.. Это смешно! Ха-ха-ха! Этого быть не может, я не допущу. Mon cher, куда же вы ушли?

Пикарцев. Я здесь, я здесь!

Пикарцева. Проводите меня.

Пикарцев и Пикарцева уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Федосья Ивановна, Пелагея Климовна и Наташа.

Пелагея Климовна. Что? Хорошо? Каково это нам терпеть-то из-за тебя? Что выпучила глаза? У, бесстыдница.

---

[1] Оставьте! *(франц.)*.

Н а т а ш а. Не знаю, маменька, что тут у вас за разговоры, что этой барыне нужно... за что вы на меня напали, что я сделала дурного?

П е л а г е я К л и м о в н а. На что хуже. Да ты ласточку-то невинную из себя не строй. Я ведь не бабушка, мне глаза не застелишь.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Пелагея, оставь! Не время теперь брань заводить; нужно о деле говорить, да говорить толком, без гаму. Что пользы от крику-то!

П е л а г е я К л и м о в н а. Ну, вот и чудесно. Опять я виновата! Всего лучше. Ну, нет уж, маменька, теперь ау! Покорялась вам... Не еще ль покоряться прикажете? Нет, уж довольно... Видим мы, что из вашей команды-то вышло. А тебе вот мое последнее слово: чтоб ты об этом барине и думать забыла! И не вводи ты меня в грех! А то ты от меня то́ увидишь, чего и не ожидаешь. Никогда с тобой не шутила, а теперь и подавно. Шашни брось, слышишь! А коли память коротка, так завяжи узелок, да так из рук и не выпускай. *(Уходит.)*

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Про какие она шашни говорит?

Н а т а ш а. Не знаю; я знаю только, что оскорбляют меня. *(Плачет.)*

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Плакать-то не надо. Да из чего дело-то вышло?

Н а т а ш а. Да разве вы маменьку не знаете? Для нее лучше Щемилова человека нет на свете, вот из чего.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Понимаю теперь. То-то она все об спокойствии говорит. Уж на что спокойнее: выдала дочь за богатого мужика, кулака, и сиди целый день сложа руки да пей чай. Вот она о каком счастье для себя задумала. Она не понимает да и понимать не хочет, что деньги-то Щемилова — мирские слезы. Может быть, оно, по нашему званию, так и следует; а уж я-то, признаться, от этой жизни и от мужицких порядков отстала, да и тебя-то отучила.

Н а т а ш а. Для меня эта жизнь хуже смерти.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Тебя отдала в школу, а сама взялась за книги... да за какие книги!.. Из всех книг книги!

Н а т а ш а. Бабушка, чему вы научились из этих книг?

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Любить людей.

Н а т а ш а. Да ведь одной-то любви мало, надо делать для них что-нибудь.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Само собой, нешто я не понимаю. Закон-то нам велит не только что добро людям делать, а и душу свою положить, коли нужно. Ну, я что могу, делаю; а уж для большого-то дела стара стала. Вот как война была, так много женщин и девушек в сестры милосердия ушли; вот уж это святое дело, уж на что еще праведней! Кабы помоложе была, ушла бы непременно.

Н а т а ш а. И я с вами, бабушка.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Ты? Словно как рано тебе-то? А ведь и то сказать, как кому бог даст. Шли всякие: и старые, и молодые. Молодой-то идти на подвиг, за ближнего пострадать, еще угодней богу; старый-то человек уж отжил, его ничто не манит; а молодому-то еще пожить хочется, всего попытать. Ведь жизнь-то и радости дает человеку, да не всегда грешные, есть и хорошие радости, богу не противные. Да ежели человек для рая и ближнего от всего этого откажется, уж чего еще лучше, так-то святые только жили.

Н а т а ш а. Бабушка, да ведь не одни сестры милосердия добро делают; можно и другое полезное дело найти.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Это я так, к слову сказала: а мало ль подвижников и в мирное время, и незнаемых, и не слышно о них; а добро-то их все у бога на счету.

Н а т а ш а. Бабушка, а что, если я чувствую призвание?

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Какое призвание, Наташа?

Н а т а ш а. Послужить людям.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Что ж, это дело хорошее.

Н а т а ш а. Если я... уйду от вас?

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Уйдешь? Куда уйдешь?

Н а т а ш а. Это все равно для вас... Я решилась, бабушка, твердо решилась; здесь мне делать нечего, а дело делать надо.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Постой, постой! Как же это? Ведь мне умирать скоро; кто ж мне глаза закроет? Я думала век с тобой не разлучаться. Я тебя вынянчила, вырастила, я в тебя всю душу положила.

Н а т а ш а. Знаю, бабушка, что вы меня любите, знаю. Так... уж коли любите, не удерживайте.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Нет, как удерживать! Смею

ли я? Может, и вправду бог тебя благословил на доброе, на хорошее дело. Останавливать тебя нельзя: какой грех-то на душу примешь! А и пустить жаль, да и страшно: соблазну в мире много.

Н а т а ш а. Не бойтесь, бабушка, не такая я.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Конечно, я тебе не в укор говорю. Ты в страхе божьем воспитана. Да соблазн-то нынче больно хитер стал, всякую личину надевает, не скоро его разберешь. Какой еще у тебя ум, много ль ты жила на свете! Надо мне с тобой об этих делах житейских толком поговорить. Авось ты не сейчас от нас?

Н а т а ш а. Нет, бабушка... я еще не знаю.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. То-то; уж тогда простимся как следует, опла́чу я тебя.

Н а т а ш а. Бабушка, да ведь не в могилу; еще увидимся.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Как знать? Мои такие года, что за один день поручиться нельзя... У тебя колечко-то мое, что я тебе подарила?

Н а т а ш а *(с улыбкой)*. У меня, бабушка, вот оно!

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Да ты не смейся! Дешевенькое оно, серебряное, а ты его носи — не снимай да посматривай на него почаще, оно с молитвой, вот бабушку и будешь вспоминать. А надоест оно тебе, так не бросай; больно обидишь меня. Ты мне его по почте пришли, так я и буду знать, что ни бабушка, ни молитвы ее тебе уж не нужны.

Н а т а ш а. Да, бабушка... да что вы! Я его никогда не сниму.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. А отпустить я тебя отпущу с благословением... Ну, я в малинник пойду... словно как у нас поспела... погляжу. *(Уходит.)*

Н а т а ш а. Ну вот, у меня точно камень с души свалился, бабушка отпускает. Что ж теперь меня может удержать здесь?.. Ничто мне не дорого. Прощай, родное гнездо!

Входит С е м е н.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Н а т а ш а и С е м е н.

С е м е н. Наталье Михайловне.

Н а т а ш а. А, это вы, Семен Иваныч. Я хочу вас просить.

С е м е н. С полным удовольствием. Что угодно?

Н а т а ш а. Сходите к Евлампию Михайловичу.

С е м е н. К ему? Вот так раз!

Н а т а ш а. Да. И попросите сейчас же прийти сюда.

С е м е н. А вот и другой! Это для чего же будет?

Н а т а ш а. А это уж не ваше дело. Сходите, если хотите мне сделать удовольствие.

С е м е н. Это мы можем, коли для вас удовольствие составляет. Только не вышло бы наоборот: заместо удовольствия-то неудовольствие.

Н а т а ш а. Ну, не нужно, если не хотите. И без вас обойдусь.

С е м е н. Наталья Михайловна, да что серчать-то! Видите, я пошел. *(Уходя, встречается с Медыновым.)*

Н а т а ш а уходит в дом.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

М е д ы н о в и С е м е н, потом Ф е д о с ь я И в а н о в н а.

М е д ы н о в. Что бежишь?

С е м е н. Послали.

М е д ы н о в. Куда?

С е м е н. За барином.

М е д ы н о в. Зачем он?

С е м е н. Стало быть, понадобился. *(Махнув рукой.)* Пиши пропало! *(Уходит.)*

М е д ы н о в *(в раздумчивости)*. Да, действительно пропало... Много тут кой-чего пропало: хорошая девушка пропала, счастье семьи пропало, мои мечты пропали.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а выходит из кустов.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Вы еще, батюшка, не уехали?

М е д ы н о в. С мельником вашим все хороводились насчет подтопу.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Что вы как будто не в духе?

М е д ы н о в. Так, взгрустнулось... точно что от сердца отрывается... Хорошо, что я вас встретил... поговорить хочется. Не то чтоб я утешенья ждал, а так вот... хочется поговорить, да и все тут; скучно будет домой ехать, ни с кем не поговоривши.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Ну, что ж, поговорим, если угодно.

М е д ы н о в. Я виноват перед вами.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. В чем это, батюшка? Вот уж не знаю.

М е д ы н о в. А вот в чем!.. Робок я и нерешителен; давно бы мне надо было поговорить с вашей внучкой, а я все ждал чего-то. А сказать было что.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Ну, теперь скажите.

М е д ы н о в. Поздно. Теперь уж она меня слушать не станет... не станет, бабушка, не станет.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Ну, что ж с ней? Я тут ни при чем. Не заставишь, коли не хочет.

М е д ы н о в. Ну вот, значит, я и виноват. Давно бы мне надо было ей сказать, что я люблю ее; а я все ждал, когда она станет улыбаться мне послаще. Я ведь чудак; меня и барышни ловили немало, да на что мне они? В моей хате с длинным-то хвостом и повернуться негде. Вот я ждал, ждал, да и дождался: стала она сладко улыбаться, да только не мне.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Что ж делать! Насильно мил не будешь. А вины вашей я все-таки никакой не вижу.

М е д ы н о в. Вот какая моя вина: кабы я пораньше догадался, так, может быть, и не случилось бы того, что теперь вышло.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. А что ж такое теперь вышло? Нет, вы позвольте... вы мне скажите!

М е д ы н о в. Скажу. Знаете ли вы, бабушка, что прежде девки попроще и поглупее были?

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Знаю.

М е д ы н о в. Только о любви и думали.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Знаю.

М е д ы н о в. Ну, их на эту удочку и ловили.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. И это знаю.

М е д ы н о в. Теперь девушки уж не так малодушны, теперь они поумнее.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Да, это правда ваша.

М е д ы н о в. Теперь стали рассуждать о высоких предметах, которых они не понимают. Ну, и ловцы удочку теперь переменили: ловят их на высокие предметы. А ловцы-то все те же, мерзость-то все та же: холодное, бессердечное обольщение. Это старая, скверная привычка, которую давно пора бросить. Как-таки человек не может пройти мимо девушки, чтоб петлю не закинуть, чтоб не попробовать запутать да с толку сбить? А еще образованными называются.

Федосья Ивановна. Да про что вы? Не понять мне тут ничего. Как это на высокие предметы ловить? Наташа у меня не такая; я ее пуще глазу берегу. Да и недолго мне любоваться-то на нее, уходит она от нас.

Медынов. Уходит? Так, так. Вы желаете знать, как это на высокие предметы ловят? А вот так и ловят, как вашу Наташу поймали. Коли это только угар, так он вылетит, тогда и меня вспомните! А коли серьезно, так простите мою вину, что не успел я, прежде других, запутать ее красными словами, я все-таки честнее. Прощайте, бабушка! *(Уходит.)*

Федосья Ивановна. Ну вот, что наговорил. И сам-то как полоумный, да и меня-то с толку сбил. А видно, очень видно, что любит Наташу-то. Вот и мечется, бедный, и толкует бог знает что. *(Уходит в дом.)*

Входят Семен и Евлампий.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Семен и Евлампий.

Семен. Тут была, сюда и звать велела.

Евлампий. Хорошо, я подожду... Ну, что же ты... Ступай!

Семен. Евлампий Михайлович, дозвольте пару слов молвить.

Евлампий. Что такое?

Семен. Я к тому, что пожаловали вы к нам на время, а не наделать бы греха навек.

Евлампий. Ты о чем это?

Семен. Да все о том же; я насчет Натальи Михайловны...

Евлампий. Ну, любезный, будь же поумнее! Не лезь не в свое дело! Я тебе советую.

Семен. Как не в свое? Собственное-с. Может, по вашему рассуждению такое дело для вас только одна забава, а для меня это погост. Известно, барская повадка завсегда одна, значит, насчет женского пола... чтобы слободно и без всякого разбору и без сумления; ну, а я через это самое тоску свою нашел.

Евлампий. А нашел свою тоску, так и тоскуй. Мне-то что!

Семен. Однако позвольте... Но только ежели что-нибудь худое выйдет, ну в те поры разговор у нас с вами будет необнаковенный.

Евлампий. Ну, уж будет! Поговорил, и довольно; пора и честь знать.

Семен. Жизни своей решусь, а уж и вашему здоровью от меня солоно придется... Работа будет знатная.

Евлампий. Что?

Семен. Только и всего! *(Громко.)* Наталья Михайловна!

Входит Наташа.

Доложил-с. Теперь, стало быть, наше почтение. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Наташа и Евлампий, потом Федосья Ивановна.

Наташа. Евлампий Михайлович, вы чем-то недовольны? Может быть, сердитесь за то, что я посылала за вами?

Евлампий. Нет... Но знаешь... неприятности там... дома; впрочем, все это пустяки. Ты подле меня — и чего ж мне еще желать, о чем думать! *(Берет Наташу за руку. Увидав кольцо.)* Что это? Серебряное кольцо? Какая наивность! Охота тебе носить такую дрянь. Надо его бросить.

Наташа *(отнимая руку)*. Ах, нет... я не брошу.

Евлампий. Ну, подари мне.

Наташа молчит.

Жалко?

Наташа. Не жалко, а... зачем вам?

Евлампий. Затем, чтобы подарить первой попавшейся маленькой девчонке. Ну, носи, если тебе нравится... сама скоро бросишь. Но, Наташа, будь повеселей, довольно серьезничать-то!

Наташа. Да ведь я... я ухожу отсюда.

Евлампий. А, неужели? Решилась, Наташа? Отлично! И это уж окончательно, без повороту?

Наташа. Без повороту. Бабушка меня отпускает.

Евлампий. Браво, браво! *(Хочет обнять Наташу.)*

Наташа *(уклоняясь)*. Ах, Евлампий Михайлович! Нет... позвольте! В эту минуту ласкам нет места, она слишком торжественна для меня. Нарушать эту торжественность мне кажется очень легкомысленным. Ведь я делаю очень... очень смелый, решительный шаг.

Я бросаю все, чем жила до сих пор... Здесь много пошлого, неприглядного; но здесь все родное мне, здесь мне все знакомо; а впереди у меня все неизвестное... потемки... Что там за люди, как там живут, я ничего не знаю... В этих потемках у меня один только свет... это вы, и я смотрю на вас, как на опору.

Евлампий. О, еще бы! Придет время... я... я... все сделаю... *(Обнимает Наташу.)*

Наташа. А уж я-то! Я буду работать, учиться... старательно, постоянно... Посмотри, я скоро сделаюсь достойной тебя. Дорогой мой, вся душа моя будет принадлежать делу и тебе. Я забуду весь мир, чтоб жить для тебя, чтоб дышать одним тобой! Да я... не знаю... всего этого мало за то, что ты сделал для меня. Ты воскресаешь меня, ты даешь мне новую жизнь, о которой я без тебя и мечтать бы не смела.

Евлампий. О, да какая ты умная, какая ты умная! И сколько огня! Прелесть! *(Горячо обнимает и целует Наташу.)*

Наташа *(освобождаясь)*. Ах, пожалуйста!.. Нет, нет... нехорошо.

Евлампий. Наташа, Наташа, это скучно наконец. Когда ты бросишь эту глупую деревенскую застенчивость?

Наташа. Ты думаешь, что это застенчивость?

Евлампий. Да, застенчивость, которую уж надо оставить.

Наташа. Да, конечно...

Евлампий. Что «конечно»?

Наташа *(стыдливо)*. Можно, пожалуй, и... оставить, когда знаешь... когда уверена...

Евлампий. Ну, и знай, и будь уверена!

Наташа. Помнишь ли, что ты сказал мне? А я все твои слова помню, ими только и живу. Ты сказал мне: мы будем трудиться, мы пойдем рука об руку. Это ты говорил.

Евлампий. Да, да, я... И мы сделаем это. Я скоро уезжаю. Вместе нам нельзя уехать отсюда, неловко; ты поедешь на другой день после меня.

Наташа. О да, я полечу на крыльях.

Евлампий. А я пока найму квартиру; ты приедешь, уж будет все готово. Жить на разных квартирах двойной расход, да и нет никакой надобности: Петербург ведь не уездный город, там всякий знает только сам.

себя, а до других дела нет; там это не в диковинку... Мы будем жить вместе.

Н а т а ш а. Как? Сейчас и вместе?

Е в л а м п и й. Что значит «сейчас»? А то когда же еще? И сейчас и не сейчас, всегда вместе.

Н а т а ш а *(с испугом)*. Что... это? Что вы говорите?

Е в л а м п и й. Да что ж мне еще говорить, милая моя? Я говорю, что чувствую, что знаю, что я и сделаю.

Н а т а ш а *(отшатнувшись)*. Да вы подумайте!

Е в л а м п и й. Да что тут думать и об чем? Кто любит, тот не думает, а кто думает, тот не любит, а лжет.

Н а т а ш а *(горячо и со слезами)*. Да нет, нет! Я люблю вас... я клянусь всем, что есть для меня святого... только я люблю вас не так... я люблю вас, как брата.

Е в л а м п и й. Это что еще? Все это вздор, все это глупость. Кто любит, тот жертвует всем. И ты для меня пожертвуешь всем. Да, Наташа, да? *(Хочет обнять ее.)*

Н а т а ш а *(вырывается)*. Ах, оставьте! *(Слабым голосом.)* Бабушка!

Е в л а м п и й. К чему тут бабушка и зачем слезы? Вот твоя любовь, о который ты так громко говорила! Кто хочет начинать новую жизнь, тот должен бросить все предрассудки; да не только бросить, а насмеяться над ними. Надо сжечь корабли, чтобы уж не было возврату к этой деревенской пошлости.

Н а т а ш а. Боже мой, «предрассудки»! И вы называете это предрассудками?

Е в л а м п и й. Да, предрассудки, которые так же глупы, как серебряные кольца, которые вы считаете какой-то драгоценностью, чем-то священным. Нужно очень немного смелости, чтобы стряхнуть эти предрассудки и эти амулеты. И я знаю, что у тебя этой смелости достанет.

Н а т а ш а. Нет... нет...

Е в л а м п и й. Я помогу тебе, Наташа, милая Наташа. В моих объятиях ты забудешь все, кроме меня. *(Обнимает ее.)* Забудешь все, что надо забыть.

Н а т а ш а. Ах, бабушка!

Е в л а м п и й *(отходя)*. Удивляюсь я на тебя. Ах, женщины! Кто вас разберет! Вы любите — и не любите; вы верите — и не верите.

Входит Ф е д о с ь я И в а н о в н а.

Н а т а ш а. Боже мой, что со мной делается?.. Мне стыдно! Стыдно! Мысли путаются... в глазах мутится... Ах! *(Падает в обморок на руки бабушки.)*

Е в л а м п и й уходит.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

ФЕДОСЬЯ ИВАНОВНА.

ПЕЛАГЕЯ КЛИМОВНА.

НАТАША.

ЕВЛАМПИЙ.

МЕДЫНОВ.

ЩЕМИЛОВ.

СЕМЕН.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Н а т а ш а (сидит у стола, опустивши голову на руки), Ф е д о с ь я И в а н о в н а и П е л а г е я К л и м о в н а (входят).

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Нездоровится тебе, Наташа?

П е л а г е я К л и м о в н а. Какое нездоровье, с чего? Привередничает сидит.

Ф е д о с ь я И в а н о в н а *(Наташе)*. Головушка болит?

Н а т а ш а. Нет, мне теперь легче. Бабушка, вы не беспокойтесь, это пройдет, я скоро оправлюсь совсем.

П е л а г е я К л и м о в н а. Маменька, вам опять неймется. Вы и теперь с вашим баловством. Она нас оконфузила перед господами, а вы к ней же с утешениями!

Ф е д о с ь я И в а н о в н а. Оставь ты, прикуси свой язык!

П е л а г е я К л и м о в н а. Ну уж теперь пускай другой кто прикусит. Я терпеть этого не стану. Я ей покажу, кто я ей! Не хотела по чести сделать для матери, так я и власть имею. Ты думаешь, все стращать только буду? Нет, довольно!

Федосья Ивановна. Да, полоумная, что ты говоришь! Опомнись!

Пелагея Климовна. Вы-то придите в размышление, а я все помню. Добру выучили! Этакому-то рукомеслу, чтоб на шею вешаться, и без ученья можно ученой быть.

Федосья Ивановна. Что ты говоришь?

Наташа. Бабушка, не заступайтесь за меня.

Федосья Ивановна. Да ведь ты не чужая.

Пелагея Климовна. Она хуже чужой. Чужая-то больше пожалеет. Вот как по милости ее выгонят нас господа со двора — вот и надевай котомку.

Федосья Ивановна. Ну, не могу я слушать вздорных речей, не могу, лучше уйду от искушения. *(Уходит.)*

Пелагея Климовна. И чудесно. Авось, без вас-то что-нибудь лучше придумаем.

Наташа. Маменька, вы считаете меня виноватой? Ну, согласна, ну, я виновата; чего же вы от меня хотите?

Пелагея Климовна. Чего? А очень просто, вот чего: бредни все из головы вон — и за Щемилова замуж идти.

Наташа отворачивается.

Что, не понравилось? Не по вкусу пришлось? А еще спрашиваешь: чего от меня хотите!

Наташа. Нет, маменька... я не отказываюсь, уж все равно, везде не слаще... все равно мне деться некуда. Так лучше уж я для вас угодное сделаю... по крайней мере вам польза будет...

Пелагея Климовна. Что ты, что ты! Да правду ль ты говоришь?

Наташа *(опустив голову)*. Правду.

Пелагея Климовна. Хоть и вижу, что не от радости ты идешь за него, ну, да радость тебе после придет. Уж ты поверь мне! Вот умна стала,— так и слова худого не услышишь, а еще ласку материнскую увидишь.

Входит Федосья Ивановна.

А вот без вас-то мы, слава богу, и поладили. Покорилась, так и разговору больше не будет, слова не услышите.

Федосья Ивановна. Ну, и давай бог!

Пелагея Климовна. За ум взялась, идет за Щемилова.

Федосья Ивановна. Ох, радость-то невелика.

Пелагея Климовна. Ну, уж пожалуйста, оставьте ваши воздыхания! Не сбивайте с толку, у ней и так немного. Что, в самом деле! Враг я ей, что ли? Небось, хуже вас об ней забочусь?

Федосья Ивановна. Не шуми, не шуми! Согласна, так и бог с ней, ее дело.

Наташа. Да, бабушка, я согласна. Для себя не пришлось, так надо жить для других. Хоть вас с маменькой успокою, хоть кому-нибудь от меня польза будет.

Пелагея Климовна. Видите, как правильно рассуждает.

Федосья Ивановна. Правильно ли, неправильно ли, не мне ее отговаривать.

Пелагея Климовна. Да, уж конечно.

Федосья Ивановна. Евлампий Михайлович опять пришел, желает повидаться. Уж я не знаю, как и быть теперь.

Пелагея Климовна. Как быть? Калитку на запор — вот ты и понимай!

Наташа. Нет, не делайте этого. Пустите его.

Пелагея Климовна. Что-о? Да никогда, да, кажется, я...

Наташа. Маменька, это нехорошо, неприлично! Не стыдите себя и нас! Чего вы боитесь? *(Твердо.)* Я вас прошу, маменька.

Пелагея Климовна. Ну уж, пожалуй. Так уж и быть. И что это за фасоны такие!

Федосья Ивановна и Пелагея Климовна уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Наташа сидит задумавшись, входит Евлампий.

Наташа. Зачем вы пришли?

Евлампий. На тебя поглядеть. Скажи, пожалуйста, что с тобой сделалось вчера? Ты не так поняла меня, должно быть.

Н а т а ш а. Я глупа для вас, Евлампий Михайлович.

Е в л а м п и й. Гм, не нахожу.

Н а т а ш а. Да как же! Вы, человек умный, толкуете мне, убеждаете меня, а я не понимаю; ну, значит, я глупа, или...

Е в л а м п и й. Что «или»?

Н а т а ш а. Или вы не очень умны, коли не сумели растолковать мне хорошенько.

Е в л а м п и й. Оборот ловкий.

Н а т а ш а. Ну, а так как уж всем известно, что вы очень умный и образованный человек, так глупа выхожу я.

Е в л а м п и й *(смеясь)*. Изволь, согласен.

Н а т а ш а. Видите, я себя не жалею, я готова признать ваше превосходство, готова признать за вами какие угодно достоинства, только бы вы...

Е в л а м п и й. Что?

Н а т а ш а. Оставили меня в покое.

Е в л а м п и й. А я хотел было еще раз попробовать, нельзя ли тебя убедить наконец.

Н а т а ш а. Нет, это напрасный труд.

Е в л а м п и й. Почему же?

Н а т а ш а. Потому что я ни одному вашему слову уж не поверю.

Е в л а м п и й. А ведь прежде верила же.

Н а т а ш а. Прежде вы были в моих глазах совсем другим человеком.

Е в л а м п и й. Я все тот же и никогда не был героем.

Н а т а ш а. Нет, вы были героем для меня. Вы воображаете, что мы уж совсем ничего не знаем, ни о чем не думаем, не мечтаем? Вы ошибаетесь. Когда вы сюда приехали, вы заговорили со мной именно о том, о чем я мечтала, да и многие из нас мечтают. То, что было неясно в моих мыслях и стремлениях, вы мне объяснили. Я ужаснулась той пошлости, в которой проходит здесь вся женская жизнь. Вы призывали меня к труду, указывали мне иные пути, указывали высокие цели, к которым многие из нас так рвутся. В своих собственных глазах я стала выше, лучше, благороднее. Этим я была обязана вам; как же мне было не увлечься, не полюбить вас? Я считала вас пророком.

Е в л а м п и й. А теперь?

Н а т а ш а. Извините!.. Вы уж очень скоро обнаружили себя... Вчера я поняла свою ошибку; я увидала, что ваши проповеди — только слова и больше ничего, что убеждениями и чувствами, которые я считала святыми, вы играли, как игрушкой, пользовались ими, как приманкой, чтоб опутать доверчивую деревенскую простоту. Но вам это не удалось; я скоро поняла, что вы неискренни, что мне учиться у вас нечему, что я лучше вас, чище, а пожалуй, и умнее.

Е в л а м п и й. Ого, вот как!

Н а т а ш а. Да, правда. Я простая, мало ученая девушка, я знаю меньше вас, но то, что я знаю, я знаю твердо, я смотрю на жизнь и на свои обязанности серьезно, а для вас все шутки и забавы.

Е в л а м п и й. Все это высокопарно и смешно.

Н а т а ш а. Когда вы меня хотели обмануть, вы говорили еще высокопарней, и вам не казалось это смешно. Ну, пусть я останусь высокопарной, это нужды нет... Я высокопарна, да честная девушка, а вы смешны, потому что, при всей своей хитрости, не умели обмануть меня, неученую, простую.

Е в л а м п и й. Да я и не думал обманывать.

Н а т а ш а. Нет, нет, думали. Это вы теперь только отнекиваетесь, как вам не удалось. Что уж, не удалось обмануть, не удалось.

Е в л а м п и й. Как хотите, так и думайте.

Н а т а ш а. Да уж нечего, нечего... Не удалось, поняли вас.

Е в л а м п и й. А коли так, откровенность за откровенность. Вы сказали, что думаете обо мне, а я скажу, что думаю о вас. Вы набрались дешевой морали, которую в изобилии отпечатывают в азбуках и прописях, и воображаете, что выше этой премудрости ничего на свете нет. Все-то вам кажется грехом, от всякой малости вы открещиваетесь. Все ваше несчастие в том, что вы не знаете, как порядочные люди живут. Если б вы пожили в образованном обществе, вы бы увидали, что люди самые серьезные не боятся услаждать свою трудовую жизнь разными удовольствиями, что можно задаваться самыми возвышенными целями и в то же время, между прочим...

Н а т а ш а. Быть вашей любовницей.

Е в л а м п и й. Да хоть бы и так. А теперь пока, извините,

для современного человека вы смешны, а главное, скучны: вы способны навести такое уныние, что убежишь от вас за тридевять земель.

Наташа. Так бегите, счастливого пути!

Евлампий. Прощайте! Может быть, и встретимся. Жизнь многому научает, может быть, и вы будете не так суровы.

Наташа. Довольно, довольно! Уходите!

Евлампий. Послушайте, так не говорят; это неучтиво.

Наташа. Уходите, уходите!

Евлампий *(пожимая плечами)*. Впрочем, чего ж и ждать от вас. *(Уходит.)*

Входит Федосья Ивановна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Наташа (стоит в раздумье), Федосья Ивановна.

Федосья Ивановна. Что ты задумалась?

Наташа. Ах, мне и досадно и стыдно... и самой себя, и людей стыдно. Как это я не догадалась!..

Федосья Ивановна. Ну да где ж, какой еще разум!

Наташа. А теперь я виновата... и не знаю, куда ж деться от стыда...

Федосья Ивановна. Кто богу не грешен.

Наташа. Да виновата я не перед одними вами, а еще...

Федосья Ивановна. Перед кем же?

Наташа. Перед Медыновым. Я его обижала, и обижала совершенно напрасно... Он говорил мне, что я буду у него прощенья просить, а я не верила, а теперь придется. А стыдно-то как!

Федосья Ивановна. Что ж не попросить, и попроси! Это дело христианское. Он здесь, у меня в огороде, чай пьет.

Наташа. Говорили вы обо мне что-нибудь?

Федосья Ивановна. Сказала, что ты идешь замуж за Щемилова.

Наташа. Что же он?

Федосья Ивановна. Только руками развел; даже слеза его прошибла. «Вот, говорит, охота хомут-то

надевать. Кабы она умерла, говорит, так не знаю, больше ли бы я ее жалел, чем теперь».

Наташа *(сквозь слезы)*. Ох, правда.

Федосья Ивановна. «Уж теперь, говорит, я к вам ни ногой».

Наташа. А вы попросите, бабушка, чтобы он зашел на минутку; мне у него прощенья попросить только.

Федосья Ивановна. Хорошо, скажу.

Входит Пелагея Климовна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Федосья Ивановна, Наташа и Пелагея Климовна.

Пелагея Климовна. Знатно барина-то выпроводила. Я-таки не утерпела, у двери послушала. Только не по-нашему... Меня бы напустить, так я бы его отчитала.

Наташа. Оставьте, маменька, не поминайте мне об этом, прошу вас.

Пелагея Климовна. Уж теперь не буду. *(Ласково.)* Щемилов приехал, Наташа. Кончать, что ли?

Федосья Ивановна. Щемилов приехал, так я в огород пойду.

Пелагея Климовна. Да оно и лучше, мы и без вас обойдемся. Слава богу, за словом в карман не полезу.

Федосья Ивановна уходит.

Наташа, я думаю, что канитель-то тянуть нечего. Отрезал — и к стороне.

Наташа. Маменька! Я готова все сделать для вас, все, но ведь не могу же я так жить, как он живет. Такая жизнь противна.

Пелагея Климовна. О чем толкует! Да он для молодой жены все сделает.

Наташа. Все ли?

Пелагея Климовна. Все на свете; хоть каждый день балы давай. Как захочешь, так и будешь жить. Себя, говорит, заложу, а отказу ни в чем не будет. Звать, что ль?

Наташа. Зовите.

Пелагея Климовна *(целует ее).* Давно бы так. Вот теперь вижу, что дочь. Ефим Лукич! Жалуйте-ка сюда.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Наташа, Пелагея Климовна и Щемилов.

Щемилов. Жалуем. Чем порадуете?

Пелагея Климовна. А вот уж пускай радость вам та скажет, от кого ее ожидаете.

Щемилов. Это ничего, пущай. Тем для нас приятнее.

Пелагея Климовна. Садитесь рядком да потолкуйте ладком, а мы пойдем проздравление приготовим. *(Уходит.)*

Наташа и Щемилов садятся.

Наташа. Ефим Лукич, скажите, как вы на меня смотрите?

Щемилов. Чего лучше требовать нельзя. Вот как смотрю-с!

Наташа. Не в этом дело. Я знаю, вы живете хорошо...

Щемилов *(перебивая).* Благодарим создателя. А будем еще лучше, как молодая хозяйка подле нас существовать будет. Это насчет съедобного или там нарядов каких... особенное будет.

Наташа. Мне ничего особенного не нужно. Я хочу знать, чего вы требуете от вашей будущей жены?

Щемилов. Диковина! Как чего требую? Знамо, чтоб хозяйка своему дому была и чтоб насчет закону все как следует, — по заведенному. Сказано: муж и жена, ну чтоб так оно и было. Боле чего еще? Ну, чтоб из повиновения ни боже мой! А в случае чего, боже сохрани, — чтоб сейчас и повинная. Потому, кто винится — я мягок. Конечно, не в рассуждении чего там... к примеру ежели... на стороне... а то и не живи на свете... во как! Что ж, чего тут? Со мной просто: как у людей, так и у нас.

Наташа *(с нетерпением).* Я не о том говорю. Ваши порядки я знаю. Но жить так, как вы, я не могу. Посвятить всю свою жизнь домашним заботам да кухне — я не желаю. Я хочу заниматься...

Щемилов. Чем только угодно. Канареек купим, на попугая разорюсь, коли пожелаете.

Наташа. Да нет, это все не то.

Щ е м и л о в. Может, музыку? Орган заведем, кадрели будет играть, «Не белы-то снеги».

Н а т а ш а. Нет, я хочу заниматься делом... читать книги...

Щ е м и л о в. Книги? Гм... да... книги... Так-с. Что ж... оно можно и книги, только какие читать будешь, а то этого добра по нонешнему времени очень с разбором надо касаться. Как ежели... да чего, боже сохрани... так лучше ну их совсем! Потому мы на хорошем счету состоим, чего лучше требовать нельзя. Я, признаться, в них большого скусу не вижу.

Н а т а ш а. Ну, а я чувствую потребность. Я открою школу — буду учить, сама буду учиться. Тогда по крайней мере моя жизнь не будет пуста, и вы за это от меня будете видеть хоть какое-нибудь чувство, хоть благодарность.

Щ е м и л о в. Позвольте, это как же так-с? Стало быть, вы нашей супругой будете и при всем том желаете в учительши? Это на что ж похоже-с? Нет, это дело не подойдет-с. Чтоб эта шершавая команда у меня полы гадила да гомон целый день в доме стоял? Нет-с, уж слуга покорный. Потому у нас первое дело, чтоб в доме чистота и тишина. Вы эту музыку, уж сделайте ваше такое одолжение, из головы вон выкиньте. Ни тепериче, ни опосля согласия моего на такое столпотворение не будет. На наряды хошь триста рублев, а от таких подобных беспорядков в своем собственном жилище... да избави господи!

Н а т а ш а. Можно особое помещение отвести, небольшой флигель выстроить.

Щ е м и л о в. Нет-с... Мне и слушать-то такие разговоры непристойно. Потому при всей моей солидности да вдруг этакое малодушество!.. Да мне в люди показаться нельзя будет; мне все глаза просмеют. Всякое удовольствие для вас сделаю, а чтоб ни книжек, ни ребятишек и никаких пустяшных делов и в заведении не было. А то выйдет промежду нами такое неудовольствие, чего хуже не надо.

Н а т а ш а. А если так, зачем же я пойду за вас?

Щ е м и л о в. Да и я то же думаю. Нет, уж если вы можете без этих мечтаниев, так оченно приятно, а то лучше отнеси бог.

Входят М е д ы н о в и Ф е д о с ь я И в а н о в н а и останавливаются у двери.

Н а т а ш а. Так неужели же вы полагаете, что я за вас иду по любви или из-за ваших денег? Я соглашалась для родных... для их спокойствия; вы не понимаете меня! Мне нужно какое-нибудь занятие, дело, а то я должна иссохнуть, умереть. Ведь мне легче в колодец броситься, чем идти за вас.

Щ е м и л о в. Да, не придется, потому нам этакие неподходящи. Модности-то эти ваши нам — ох, как солоны! Ищем мы себе, примерно, утеху, а мозоль нажить не желаем.

Н а т а ш а. Говорите теперь, что угодно. От вас-то я уж не обижусь. *(Закрывает лицо руками.)*

М е д ы н о в *(подойдя к Щемилову)*. Уходить бы тебе, я так думаю.

Щ е м и л о в. Уходить? Это верно. Одно дело осталось. Эх, пропадай наше доброе! Благодарим, что не потаились. Фу, инда жарко стало! Вот так утеха! От такого лиха бежать скорей. Отнес бог!

М е д ы н о в. Не довольно ли разговоривать-то? Чай, и кончить пора?

Щ е м и л о в. Да уж мне тут разговору нет.

Входит П е л а г е я К л и м о в н а с вином и закуской на подносе.

Вот с кем я поговорю. *(Идет к двери.)*

П е л а г е я К л и м о в н а *(идет за ним)*. Что, батюшка, угодно?

Уходят Щ е м и л о в и П е л а г е я К л и м о в н а.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Н а т а ш а, М е д ы н о в, Ф е д о с ь я И в а н о в н а.

Н а т а ш а. Смейтесь, смейтесь надо мной; я этого заслуживаю.

М е д ы н о в. Не стану смеяться и другим не позволю. В вашем положении ничего нет смешного.

Н а т а ш а. Вы жалеете меня, Алексей Парфенович? Спасибо вам! Стыдно мне глядеть на вас... Забудьте, что я говорила вам вчера... Простите меня!

М е д ы н о в. Да я уж и забыл давно.

Н а т а ш а. Вы мне вперед говорили, что я буду у вас прощенья просить, я не верила. Вот и пришлось,— вы правы были... Вы, должно быть, всегда правы...

Но позвольте же и мне, Алексей Парфенович, сказать хоть несколько слов в свое оправдание.

Медынов. Да зачем; не нужно вовсе.

Наташа. Нет, позвольте, надо. Вы, может быть, не так думаете обо мне. Ведь не им только увлеклась я. Какие горячие речи!.. Какие честные, хорошие мысли!.. Ведь и мы здесь слыхали о новых людях; вот и ждешь, и ждешь, хоть бы поглядеть-то на них. Как же было не закружиться голове, когда он заговорил. Вот, думала, тот новый человек, которого я ждала, о котором мечтала.

Медынов. Да перестаньте, ради бога! Пикарцев — новый человек! Что в нем нового? Только платье, а мозгам да всей-то его душонке сто лет с хвостиком. Кто неустанно работает, кто честно дело делает, тот и новый человек. Нового человека сейчас узнаешь, у него от лица светится.

Наташа. Ах, как недостойно я поступала с вами; как больно мне вспоминать об этом. Простите меня, ради бога!

Медынов. Да довольно уж вам прощенья-то просить; поговорим об чем-нибудь другом, хоть о погоде.

Федосья Ивановна. Да полно тебе убиваться-то! Алексей Парфенович твою обиду давно забыл. Кабы ты знала, что он о тебе вчера вечером со мной говорил! Сказать, Алексей Парфенович?

Медынов. Говорите! Я затем и пришел. Что в жмурки-то играть!

Федосья Ивановна. Да ведь он тебя любит... И уж не знаю, за мои ли молитвы, за твою ль простоту тебе бог дает... Ну, как это сказать?.. Ведь он все-таки не равный... все-таки барин... не то что Семен; тот сватается; ну, а он, скажем хоть так, тебя замуж берет.

Наташа. Ах! *(Закрывает лицо руками.)*

Медынов. Ну, давайте руку! Что тут долго разговаривать-то!

Наташа *(в смущении)*. После, после, не теперь!

Медынов. Чего еще ждать-то? Уж я ждал довольно. Не игрушки ведь это... Я вам руку даю... А у меня где рука, там и голова.

Наташа медленно подходит, берет руку Медынова и крепко сжимает ее.

Медынов. Ну, вот так-то; теперь крепко будет. Бабушка, целоваться не заставляйте, я стыдлив.

Федосья Ивановна. Ах, батюшка, да как хочешь.

Входят Пелагея Климовна и Семен.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Наташа, Медынов, Федосья Ивановна, Пелагея Климовна, Семен.

Пелагея Климовна *(у двери)*. Ах, ты... чтоб тебе пусто было! *(Выходит на середину.)* Уж как разобидел, уж как раскостил!

Семен. Да мало ль что он брешет; ничего он с вами не поделает. Одно слово — скорпион, но только все ехидство так при ём и останется.

Пелагея Климовна *(Наташе)*. Это ты что же, сударушка? Опять меня в дуры превозвела?

Федосья Ивановна. Да полно ты шуметь-то! Протри глаза да погляди хорошенько!

Медынов *(показывая Наташину руку)*. Видите? Вот она, тут!

Пелагея Климовна. Это что еще? Какие такие еще новости?

Медынов. Аль в зятья не гожусь? Не ожидали? Мало ль что бывает. Это чудо еще невеликое, и не то случается.

Пелагея Климовна. Ах, батюшка, да рада-радехонька. Что уж и говорить; дело это нехудое, а чего лучше требовать нельзя.

Медынов. Ну, так и нечего толковать! *(Разговаривает тихо с Наташей.)*

Семен. Это, значит, я сдуру-то на чужое веселье попал... что ж, видно, так тому и быть. Проздравляю. Потому, Наталья Михайловна, уж коли вам судьбу свою надо было найти — так уж лучше и, значит, душевнее Алексея Парфеновича во всем белом свете не сыскать! Выворачивалось у меня сердце наизнанку и, может, еще будет выворачиваться, а все же, так надо сказать, что слава богу.

Пелагея Климовна. Ну, уж теперь Щемилов со мной не разговаривай! Больно ему высоко до меня, много я его превозвышенней стала.

Семен. Проздравлять, так проздравлять. И сейчас сантуринского. *(Подходя к столу.)* Это оно, что ли?

Пелагея Климовна. Оно самое.

Семен *(берет рюмку)*. Чинно, тихо и с поклоном. Алексей Парфенович, Наталья Михайловна! Проздравляем и оченно много всякого благополучия желаем. Вот и конец!

Федосья Ивановна, Пелагея Климовна. Давай бог, давай бог!

КОММЕНТАРИЙ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

АПК	авторизованная писарская копия.
АТК	авторизованная театральная копия.
БА	беловой автограф.
ПК	писарская копия.
ТПК	театральная писарская копия.
ЦПК	цензурная писарская копия.
ЦТК	цензурная театральная копия.
ЧА	черновой автограф.

МЕСТА ХРАНЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

ГБЛ	Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГЦТМ	Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина.
ЛГТБ	Ленинградская государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского.
ММТ	Библиотека музея Московского Малого театра.
ПД	Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.
ЦГАЛИ	Центральный государственный архив литературы и искусства.
ЦГИАЛ	Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

КНИГИ, ГАЗЕТЫ

«Бирж. вед».	газета «Биржевые ведомости».
«Моск. вед.»	газета «Московские ведомости».
«Пб. газета»	газета «Петербургская газета».
«Пб. листок»	газета «Петербургский листок».
«Рус. вед.»	газета «Русские ведомости».
«Рус. слово»	газета «Русское слово».
«Рус. курьер»	газета «Русский курьер».
«Спб. вед.»	газета «Санктпетербургские ведомости».

Бурдин — А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин, Неизданные письма, М. — Пг., ГИЗ, 1923.

«Восп.» — «А. Н. Островский в воспоминаниях современников», М., изд-во «Художественная литература», 1966.

Даль — Вл. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1955.

«Лит. насл.» — А. Н. Островский, Литературное наследство, т. 88, кн. 1, М., «Наука», 1974.

«Переписка» — «Переписка А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева». — В кн.: «Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Литературный сб. 1», вып. 42, Кострома, 1928.

ПСС — А. Н. Островский, Полное собрание сочинений в 16-ти томах, М., Гослитиздат, 1949—1953.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ И ЕГО СОАВТОРЫ

1

В 8-й том Полного собрания сочинений А. Н. Островского входят пьесы, написанные им в 1876—1882 годах совместно с начинающими драматургами Н. Я. Соловьевым и П. М. Невежиным. Комедии «Счастливый день», «Женитьба Белугина», «Дикарка» и драма «Светит, да не греет» — результат соавторства Островского с Соловьевым; комедии «Блажь» и «Старое по-новому» — с Невежиным.

Само по себе творческое сотрудничество двух или нескольких писателей было до той поры редкостью в русской литературе, где только третьестепенные беллетристические произведения (как, например, романы Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой) да шуточные стихотворения писались иной раз несколькими лицами. Уже поэтому оно не могло не заинтересовать и даже несколько заинтриговать и критику и литературные и театральные круги. Что вынудило Островского обратиться к помощи сотрудников? Какова доля Островского в совместных произведениях? Улучшает или ухудшает мэтр пьесы своих молодых товарищей? Эти и многие другие вопросы, касавшиеся принципов сотрудничества великого драматурга с молодыми авторами, его условий и главных целей, дискутировались в критике и частной переписке, в досужих разговорах и всякого рода сплетнях. В соответствии с общим недоброжелательным отношением тогдашней критики к Островскому ответ на эти вопросы большей частью давался уклончиво-негативный или откровенно неблагоприятный.

Как известно, мнение о том, что Островский «исписался», потерял живое ощущение действительности и уже не в силах художественно осваивать пореформенную эпоху, оказалось в ту пору общепризнанным. На нем сходились как бойкие репортеры, так и серьезные критики, откровенные недоброжелатели и искренние почитатели драматурга. Даже И. А. Гончаров, давний поклонник и тонкий ценитель творчества Островского, считал в середине 70-х годов, что драматург завершил свое титаническое дело, создав «нашу Одиссею» *(И. А. Гончаров, Собр. соч. в 8-ми томах, т. 8, Гослитиздат, 1955, стр. 181)* — «бесконечный ряд живых картин или одну бесконечную картину» *(там же)* тысячелетней русской жизни. «Не

«исписался» Островский,— возражал откровенным недоброжелателям драматурга Гончаров,— а исписал всю московскую жизнь, не города Москвы, а жизнь московского, то есть великороссийского государства»*(там же, стр. 178—179)*, каким оно было «до Крымской кампании и Положения 19 февраля» *(там же, стр. 182)*. Но так как «темное царство» падает, то у его живописца и историка «как будто опускаются руки. Впереди у него ничего нет: новая Россия — не его дело» *(там же)*. «Он не пошел и не пойдет за новой Россией — в обновленных детях ее нет уже более героев Островского» *(там же, стр. 181)*.

В контексте таких суждений сотрудничество Островского с другими писателями не могло быть воспринято большинством иначе, как попытка стареющего художника с помощью молодых сил вдохнуть новую жизнь в свои произведения, укрепить связи с современностью, вывести на сцену героев пореформенной России и тем самым опровергнуть молву о своем «конце». «Очень понятно, что Его Превосходительство пишет при сотрудничестве,— повторял общее мнение один из провинциальных чиновников А. Ф. Жирардо.— Их карьера,— говорят,— кончена» *(ЦГАЛИ, ф. 463, оп. 1, № 48)*. В этом же плане высказывались и другие. В частности, публицист и критик правого направления К. Н. Леонтьев прямо утверждал, что в «литературном сожительстве» Островского и Соловьева последнему принадлежала роль земли, плодоносной почвы, питающей своими соками оскудевшую музу старого драматурга *(см.: К. Леонтьев, Собр. соч., т. 8, М., изд. В. М. Саблина, 1912, стр. 89)*.

Чуть ближе к истине были те из доброжелателей Островского, кто видел в его сотрудничестве с начинающими литераторами естественное, не чуждое, конечно, соображений престижа и даже тщеславия, но, впрочем, вполне понятное и извинительное стремление опытного художника иметь на склоне лет учеников. Подобное объяснение содержится, например, в воспоминаниях одного из друзей драматурга, В. М. Минорского: «Один вопрос, одно обстоятельство в известном смысле мучило и беспокоило нашего драматурга,— это вопрос о том, кому передать свой опыт драматического писателя. «Я знаю,— говаривал он,— что никаких записок не напишу, а как мне хочется найти человека, которому я мог бы передать все свое знание, весь свой опыт драматического писателя». И он искал такого человека. Этим исканием, очевидно, объясняется и его сотрудничество с Соловьевым, Невежиным: тут было не одно только желание прийти на помощь начинающим писателям, но, по-видимому, и затаенное желание найти человека, который мог бы быть его учеником» *(«Восп.», стр. 312)*.

По существу, сходная точка зрения формировалась и в серьезной критике 70—80-х годов. Естественно, она была более аргументирова-

на, обосновывалась развернутым анализом всего творческого пути драматурга и современным восприятием его пьес. Но конечный ее вывод заключался все в той же идее: Островский пытается найти учеников, тщетно надеясь создать школу, чтобы утвердить свою драматургическую систему и сохранить влияние на литературно-театральное движение эпохи. Вспоминая слова Н. А. Добролюбова о том, что Островский может и должен основать новую драматическую школу, критика 70-х годов довольно единодушно писала об ошибочности этого прогноза и предлагала богатый выбор соображений о том, почему этого не произошло.

Народническая и революционно-демократическая критика того времени с присущей ей узостью и наивно-утилитарным подходом к искусству находила, что Островский в своем творчестве не отражает новую эпоху, и в связи с этим отрицательно решала вопрос о его школе. Так А. М. Скабичевский в статьях «Особенности русской комедии» писал о том, что напрасно было бы ожидать от Островского создания новой школы драматургии, так как вся его заслуга «заключается только в том, что он довел до высшего развития и выражения ту самую школу комедии, которая существовала и до него» *(«Отечественные записки», 1875, № 2, стр. 201)*. По мнению Н. В. Шелгунова, Островский не только не создал своей школы, но и вообще не оказывает никакого воздействия на современную драматургию, поскольку его художественная система целиком связана с дореформенной порой и не способна отразить важнейшие явления новой эпохи: «...время Островского кончилось,— категорически заявлял Шелгунов,— а с ним ушла в прошлое и его художественная система» *(«Дело», 1875, № 2, стр. 8)*. Не менее определенно высказался и либерал-западник, поклонник позитивистской мысли и новой французской драмы П. Д. Боборыкин. В цикле статей «Островский и его сверстники» он пришел к выводу, что творчество Островского, как не отвечающее «коренным, существенным принципам» *(«Слово», 1878, № 9—10, стр. 129)* искусства драмы, не нашло сторонников даже среди сверстников драматурга и уж совсем не имеет шансов сохранить какое-то значение для последующих поколений писателей. Эти свои соображения Боборыкин объяснил так: «Причина, почему Островский и с помощью таких, довольно крупных, писателей (имеются в виду И. С. Тургенев, А. Ф. Писемский, А. А. Потехин.— *Л. Д., Ю. Ч.*) не мог образовать школы, очевидна: он слишком обособил свою наблюдательность, а сам был чрезвычайно плодовит количественно ⟨...⟩ Соперничать с ним было чрезвычайно трудно; все мотивы и оттенки нравов самодурного царства разработаны были им самим даже с множеством повторений. Жизнь же более развитых классов Островский задевал чрезвычайно мало и в этом смысле не показал никаких новых путей и приемов, не явился нисколько учи-

телем, основателем какой бы то ни было школы» *(там же, стр. 129—130)*.

Таким образом, вопрос о литературной школе, о способности писателя образовать школу оказался в руках критики 70-х годов своего рода мерилом масштаба Островского как художника. А единодушное и, как представлялось многим, вполне обоснованное мнение, что Островский школы не создал, повлекло за собой не только принижение значимости его пореформенного творчества, но и переоценку прошлых заслуг. Поэтому естественно, что соавторство великого драматурга с молодыми писателями было воспринято в критике как запоздалая и бесплодная попытка во что бы то ни стало распространить свое влияние на молодую поросль литературы и с ее помощью все-таки заложить основы своей школы, оставить после себя преемников и последователей.

В действительности все обстояло значительно сложнее. В конце своей деятельности Островский настойчиво искал достойных преемников дела всей его жизни, учеников, способных воспринять его многолетний театральный и драматургический опыт, единомышленников, разделявших его взгляды на пути развития самобытной русской драматургии, последователей, которые укрепили бы прогрессивный лагерь в литературе и с молодой энергией продолжили борьбу за демократический отечественный театр. Но писателя волновали не соображения престижа, не вопрос о «школе». Мысль о судьбах русского искусства была двигателем всей его деятельности последнего десятилетия.

Островский, как и критика 70—80-х годов, в своих записках, статьях и речах тоже изредка говорил о драматургической школе, но вкладывал он в это понятие значительно более широкое содержание. Под «русской школой драматического искусства» *(ПСС, XII, 123)* он понимал не какое-то временное объединение, связанное общностью тематики, отношения к действительности и творческих приемов, а те коренные художественные принципы русского драматического искусства, которые были выдвинуты еще Грибоедовым и Пушкиным, подхвачены Гоголем и развиты и закреплены Островским. Этими принципами для Островского были национальная самобытность, народность и реализм. Следование этим принципам, по Островскому, полнее всего определяет особенности русской драматической школы, находящейся в процессе становления и все время испытывающей сильное давление со стороны разного рода искусственных «школок».

Как же относился Островский к той полемике вокруг его «школы», которая заняла такое место в критике 70-х годов? Не будучи теоретиком, Островский уклонился от непосредственного участия в дискуссии. Но вопросы, затронутые критикой, были настолько

существенны для будущего русского театра, что оставить их вовсе без ответа Островский не хотел и не мог.

Свое понимание вопросов школы, преемственности в литературе, воздействия большого писателя на литературный процесс Островский изложил в «Застольном слове о Пушкине», произнесенном 7 июня 1880 года на обеде Московского общества любителей российской словесности во время торжеств по случаю открытия памятника Пушкину в Москве. В нем драматург и дал косвенный ответ своим критикам и недоброжелателям.

Прежде всего, с точки зрения драматурга, то представление о школе, из которого исходят критики, крайне узко, наивно и вообще заимствовано из опыта иностранных литератур. Оно отражает особенности развития западной, в частности французской литературы, где не редким было объединение посредственностей и эпигонов вокруг какой-то одной вершины, в то время как в России идет становление школы драматического искусства, которая для своего утверждения и развития нуждается не в кучке эпигонов, а в созвездии самобытных дарований. Во-вторых, степень воздействия того или иного большого писателя на литературное развитие становится очевидна, как правило, уже последующим поколениям, для которых художник, делающий важный шаг вперед, открывающий нечто новое и оригинальное, собственно и становится главным воспитателем. В-третьих, вопрос о преемственности между большими писателями, об ученичестве одного у другого решается еще более сложно, поскольку настоящий художник никогда не останавливается на достигнутом учителем, но всегда идет дальше, часто начиная там, где остановился учитель.

«Всякий великий писатель,— сказал Островский,— оставляет за собой школу, оставляет последователей, и Пушкин оставил школу и последователей. Что это за школа, что он дал своим последователям? Он завещал им искренность, самобытность, он завещал каждому быть самим собой, он дал всякой оригинальности смелость, дал смелость русскому писателю быть русским» *(ПСС, XIII, 166—167)*. Как видим, речь здесь идет не о персональной литературной школе великого писателя, хотя бы этим писателем был и сам Пушкин, а о национальной литературной школе, самобытные художественные принципы которой впервые были заявлены Пушкиным. В этом и состоит, по мнению Островского, самая важная и самая значительная заслуга Пушкина, то «благодеяние», которое оказано им русским писателям. Главный завет Пушкина своим продолжателям — самобытность, оригинальность. В следовании этому завету — важнейшая черта русской литературной школы, отличающая ее от зарубежных. Поэтому так трудно проследить черты преемственности между разными поколениями художников в русской литературе. Они не слишком бросаются в глаза, ибо основываются не на общности тематики и

творческих приемов, а на внутреннем единстве самобытного, непосредственного и искреннего отношения к действительности. Трудно следовать по пути, завещанному Пушкиным. Трудно потому, что представителю русской школы мало усвоить художественные достижения предшественников: нужно прибавить к ним свои. А для этого необходима самобытная личность, притом настолько интересная и значительная, «чтоб ей показываться и ею занимать» *(ПСС, XIII, 167)*. Но только на этом пути русская литература сохраняет свое своеобразие, проявляет «оригинальность русской наблюдательности, самобытный склад мысли» *(там же)*. Только на этом пути русская драматургия продолжает свое развитие.

Проблема «русской школы драматического искусства» никогда не существовала для Островского изолированно, но всегда являлась частью более общей проблемы — развития русского театра, его ближайшего и отдаленного будущего. Естественно, что при такой постановке вопроса не могло быть и речи о личном престиже или простой передаче многолетнего опыта. Островский прекрасно понимал, что, как и Пушкин, даже не дав прямых учеников, он может считаться главой целого этапа русской драматургии: «...тридцать пять лет в истории русской драматической литературы назовется моим именем»,— справедливо указывал он в 1881 году *(ПСС, XII, 152)*. И его волновали не соображения личного престижа, а практическое будущее нового театра, который требует вечно обновляемого, современного, близкого и понятного народу репертуара. Заботой об этом репертуаре, о будущем русского театра и вызывалось сотрудничество маститого драматурга с начинающими писателями.

Творческий интерес к деятельности современников, внимание к первым шагам в искусстве других всегда были свойственны Островскому. И, вспоминая в конце жизни о своем участии в судьбе других писателей, он имел полное право сказать: «У начинающих писателей только один и есть защитник — это я: я, как только стал на ноги, так и начал другим помогать» *(ПСС, XII, 251)*.

В 1850-х годах Островский ввел в литературу прозаика Е. Э. Дрианского и др. В 1874 году организовал в помощь драматургам, особенно молодым, Общество русских драматических писателей. Многие годы, по свидетельству секретаря Островского Н. А. Кропачева и других современников, драматург почти все свое свободное время отдавал просмотру пьес начинающих. А сам он писал об этом так: «Что я сделал для русской драматической литературы,— это оценится впоследствии. До сих пор у меня на столе меньше пяти чужих пьес никогда не бывает. Если в сотне глупых и пустых актов я найду хоть одно явление, талантливо написанное,— я уж и рад, и утешен; я сейчас разыскиваю автора, приближаю его к себе и начинаю учить. Когда какое-нибудь произведение выдается на сцене,—

актеры говорят, что тут непременно есть или моя рука, или мой совет. Не все слушают меня, но идут ко мне все, зная, что у меня найдут и науку, и помощь, и ласку» *(ПСС, XII, 251—252)*.

Островский помог продвинуться в литературу и на сцену В. А. Осипову, Н. Д. Павлову, А. С. Шабельской, Г. Г. Лукину и другим. Он приобщил к писательству М. П. Садовского и много сделал для начинающего И. А. Купчинского. Однако забота о других не была следствием только прекрасных душевных качеств Островского. Именно в 1870—1880-х годах во внимательном, бережном отношении к каждому, даже едва пробивающемуся ростку художественного дарования, в творческой опеке молодых драматургов у Островского все определеннее начинает проявляться новая черта. С интересом к молодежи соединяется глубокое беспокойство за судьбу русского театра, его национального репертуара, за судьбу русской драматургической школы. Сам Островский сформулировал это достаточно четко. В письме к Лукину он указывал: «...труды по исправлению чужой талантливо написанной пьесы частию вознаграждаются удовольствием видеть на родной сцене хорошее произведение» *(ПСС, XVI, 160)*. А в «Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время» (1881) ясно определил главную цель всех своих усилий последнего десятилетия: «У нас есть русская школа живописи, есть русская музыка, позволительно нам желать и русской школы драматического искусства» *(ПСС, XII, 123)*.

Национальная самобытность, народность и реализм — понятия, равнозначные для великого драматурга художественности,— таковы основные, главенствующие принципы русской школы драматического искусства, завещанные еще ее основоположниками — Пушкиным и Гоголем. Это принципы, которым Островский служил всю свою жизнь пером создателя целого народного театра. Это принципы, которым теперь Островский хочет служить еще и в качестве руководителя и наставника молодых русских литераторов.

Деятельность Островского как воспитателя плеяды молодых драматургов, или, лучше сказать, «академия» Островского (так определил свое положение «относительно драматических писателей и сцены» сам Островский *(ПСС, XII, 247)*,— не всегда учитываемый, но очень значимый, принципиальный момент последнего десятилетия жизни великого писателя. Став педагогом-практиком, Островский не взял на себя миссию педагога-теоретика и не написал никакого наставления по драматическому делу. Ведущим методом обучения в своей «академии» Островский избрал непосредственное сотрудничество с молодыми «стажерами». «Вольнослушателями» академии были многие. Но окончили ее только Н. Я. Соловьев и П. М. Невежин.

Соавторство с этими драматургами было по-настоящему творческим. Оно основывалось на близости идейно-эстетических позиций,

сходстве творческих устремлений, на общей борьбе за демократизм и реализм драматического искусства. Оно проходило в напряженных спорах, в сложных идейно-художественных исканиях и дало замечательный результат. Воспитывая молодых писателей в духе идейной принципиальности и высокой художественной требовательности, направляя развитие их таланта по пути критического реализма, Островский в то же время с чрезвычайной бережливостью относился к творческой индивидуальности каждого. Он стремился к тому, чтобы в его «академии» не подавлялась, не нивелировалась оригинальность молодого писателя, а, напротив, всемерно охранялась и развивалась.

Вот почему совместные с Соловьевым и Невежиным пьесы заметно выделяются среди других произведений Островского. По этой же причине эти писатели, окончившие «академию» Островского, не остались попутчиками великого драматурга, не превратились в его эпигонов, а продолжали искать свой путь в литературе.

2

Наиболее продолжительным, интересным и творчески результативным было сотрудничество Островского с Н. Я. Соловьевым. Сведения о Соловьеве скудны, иногда противоречивы. Поэтому возможен лишь более или менее четкий набросок его биографии и портрета.

Биография Николая Яковлевича Своловьева типична для разночинцев середины XIX века. Он родился в 1845 году в Рязани в семье архитектора и не обладал, по формулировке его «Аттестата», «имением ни родовым, ни благоприобретенным» *(ЦГАЛИ, ф. 463, оп. 2, № 1)*. После смерти отца семья переехала в Калугу, где по окончании в 1861 году гимназии Соловьев стал работать учителем арифметики и геометрии. В 1865 году юноше удалось покинуть Калугу и поступить вольнослушателем в Московский университет. Тогда же он попробовал себя и в литературе. Но первая его пьеса «Куда деваться?» не была одобрена Театрально-литературным комитетом и на сцену не попала. Подобная же участь постигла и следующие.

Недостаток средств вынудил Соловьева оставить в 1869 году университет и удовольствоваться скромным местом уездного учителя в маленьком городке Мосальске. Здесь он прожил пять лет. Неудачи на литературном поприще, нужда, болезнь матери, изнурительный труд — все это обусловило тот временный приступ религиозности, который побудил разочарованного в жизни молодого человека в 1874 году поступить послушником в Николо-Угрешский монастырь, находившийся недалеко от Москвы.

Здесь Соловьев снова обратился к творчеству. В октябре 1874 года он закончил пьесу «Разладица», в марте следующего — «Кто ожи-

дал?». Обе они были запрещены Театрально-литературным комитетом. Казалось бы, писательская судьба Соловьева была решена. Однако тогда же в монастыре временно укрывался от мирских забот известный литератор, критик и публицист К. Н. Леонтьев. Крайне консервативный в своих общественно-политических взглядах, противник демократического направления и поклонник красоты в искусстве, Леонтьев обладал бесспорным литературным вкусом и даром аналитика, умел понять своеобразие таланта писателя, что со всей очевидностью проявилось в его известной книге о Л. Н. Толстом. Разглядел он и дарование Соловьева. Для нас фигура Леонтьева любопытна по ряду причин. Во-первых, именно он сблизил Соловьева с Островским и затем пристально следил за их сотрудничеством. Во-вторых, он пытался влиять на это сотрудничество. И, наконец, тем, что переписка Леонтьева с Соловьевым позволяет представить характер молодого соавтора Островского, круг его интересов и убеждений.

В своих более поздних письмах (1876—1881 гг.), вспоминая о времени, проведенном в Угреше, Леонтьев очертил образ Соловьева достаточно полно и точно. Он увидел в Соловьеве типичного разночинца, в котором смешались «страдания, безденежье, подавленная гордость, сознание своего ума и оскорбленное самолюбие» [1]. Общаться с таким человеком было нелегко. «Вы выслушиваете слишком нетерпеливо,— жаловался Леонтьев,— а это всегда обидно, а сверх того, при каждой встрече Вы поднимаете вокруг себя такую бурю с этой водкой, огурцами, с гневом и злословием, что уж тут не до излияний». Но вместе с тем Леонтьев видел, что все это наносное, неорганичное — «напускная ржавчина какая-то».

Трения возникали не только из-за резкого нрава Соловьева. Причины их крылись в полном несходстве идеологических позиций монархиста Леонтьева и демократа Соловьева. Как вспоминал Леонтьев, на него часто обрушивалось «высокомерное презрение молодого прогрессиста и отрицателя», отрицавшего любимого Леонтьевым Фета и искренне симпатизировавшего Некрасову. «Нигилистическое упорство», пристрастие к «искусственому и желчному направлению», как называл Леонтьев критический реализм, «демократическая гордость» — пугали его в Соловьеве. Ему не хотелось, чтобы молодой человек сблизился с передовым лагерем.

Покинув в мае 1875 года монастырь, Леонтьев увез две последние пьесы Соловьева в Москву и показал их актеру Малого театра

---

[1] Цитаты из писем К. Н. Леонтьева даются по копиям, хранящимся в ЦГАЛИ (ф. 290, оп. 1, № 41); опубликованные письма цитируются по «Литературному наследству» (т. 88, кн. 1, М., «Наука», 1974) со ссылками на это издание в тексте.

И. В. Самарину. Несмотря на то, что пьесы ему понравились, Самарин не смог помочь их появлению на сцене. Тогда-то в голове опытного и умного литературно-политического бойца, каким был Леонтьев, окончательно оформился другой, более перспективный план. Он решил отдать Соловьева на литературную выучку к Островскому и таким путем ввести его в литературный и театральный мир. Слава, влияние, советы Островского должны были помочь Соловьеву в совершенствовании его дарования, в овладении мастерством, а также в утверждении на сцене и в литературных кругах. А затем, по мысли Леонтьева, молодой, но приобретший прочную репутацию писатель должен был примкнуть к консервативному лагерю и развиваться в угодном Леонтьеву, «истинном» направлении.

Ошибочность такого прогноза заключалась не только в силе влияния Островского, но и в той демократической закваске, которая с еще большей очевидностью, чем в разговорах, выказалась в ранней драматургии Соловьева. «Я провинциальный учитель; жизнь моя глухая и бедная,— писал он в 1870 году П. М. Садовскому,— лучшие минуты в ней, когда я имею силы для моего бедного творчества, я не присяжный драматург, я только человек, горячо любящий нашу русскую драматическую сцену. Пусть мое творчество бедно, погрешимо во многом, пусть ему не суждено будет никогда сделать жизненного шага, явиться на сцене — во всяком случае скажу сознательно-смело, что мое творчество честней таких, как, например, г. Дьяченко...» *(ГЦТМ, № 73786)*. Соловьев справедливо противопоставлял свои пьесы «антинигилистической», фальшивой и, по сути дела, примирительной по отношению к существующему строю драматургии.

Его пьесы 1866—1874 годов были еще очень несовершенны художественно, растянуты и мелодраматичны [1]. Но они отражают настойчивые творческие поиски молодого писателя, его стремление обратиться к драме социальных конфликтов. В них со всей очевидностью проявились симпатии автора к таким же труженикам, как он сам, и острое чувство времени. Разночинцы оказались здесь единственными и стойкими защитниками слабых и угнетенных («Куда деваться?»). Профанацию прогрессивных идеалов, пустоту и фразерство Соловьев, в отличие от создателей антинигилистических пасквилей, находил не у разночинной молодежи, а у дворянства, сделавшего эти идеалы удобной ширмой для своего праздного существования («Новый недоросль»). Нравственное оскудение дворянства, распад старой дворянской семьи отразил Соловьев в драме «Жизнь пережить — не поле перейти». От него не укрылись и такие процессы современности, которые появятся в литературе несколько позд-

---

[1] Писарские копии ранних пьес Соловьева хранятся в ЛГТБ.

нее: переход дворянских имений в руки их бывших управляющих. Наследником лучших традиций русской литературы с ее героинями, ищущими своего пути в жизни, выступал молодой писатель в «Разладице». Соловьев показал себя и умелым жанристом в сценках «Душевный человек», «Своего рода несчастье», «Слабые нервы» и психологом, пытавшимся проанализировать сложные душевные переживания в мелодраме «Незамужняя».

Начало нового этапа в его творчестве положила пьеса «Кто ожидал?», которую Леонтьев передал Островскому. Островский пьесу одобрил и предложил Соловьеву свою помощь.

3

«Женитьба Белугина» (1876—1878) и «Счастливый день» (1877) — первые совместные пьесы Островского и Соловьева, первые шаги их творческого содружества. Первые шаги, как известно, самые трудные. И содружество Соловьева с Островским не исключение из этого правила. Сближение между двумя художественными индивидуальностями, увлечение одного мыслью другого, идейные и художественные споры, неизбежно сопутствующие развитию замысла, трактовке образов и положений пьесы — весь этот процесс столь же сложно открывается взгляду исследователя, сколь сложным, вероятно, он был и сам по себе. Все, что можно по этому поводу сказать определенного, так это то, что «Счастливый день» дался соавторам сравнительно легко и был завершен быстро, а вот работа над «Женитьбой Белугина» потребовала большого общего труда. Но хотя вопросы творческой истории «Женитьбы Белугина» очень интересны и показательны, речь пойдет не о процессе создания, а лишь о его результате. Не будем уподобляться рецензентам, которые в свое время старательно отыскивали, что́ именно и в какой степени принадлежит каждому из соавторов, и склонны были все лучшее в комедии относить на счет Соловьева. Не последуем и за теми, кто находил в пьесе «видимые швы», а в сложном образе Андрея Белугина — не главное художественное достижение пьесы, а плод недосмотра, неорганичного соединения разных идейно-эстетических позиций соавторов. Взглянем на эту пьесу (а затем и на другие) как на произведение, которое, пройдя различные стадии своего становления, в итоге превратилось в нечто завершенное, цельное.

Фабула «Женитьбы Белугина» как будто достаточно традиционна. В основе ее история с одной стороны вынужденного, а с другой — желательного союза между дворянкой и купцом. Привычна и расстановка сил в комедии. В действие вовлечены дворяне и буржуазия. Дворянство — в точном согласии с исторической действительностью — разоряется и все очевиднее утрачивает свое былое по-

ложение. А фабриканты, заводчики и купцы все больше набирают силу, вступают в деловые взаимоотношения с иностранцами, обогащаются.

В скромной, небогатой квартирке Карминых протекают потолки. Но и за эту «дурную квартиру», как называет ее хозяйка, скоро платить будет нечем. А Белугины, Сыромятовы, Житовы отделывают заново свои роскошные особняки, раскатывают на рысаках, выписывают наряды из Парижа.

Впрочем, нового во всем этом ничего нет. Тема смены буржуазией дворянства — одна из самых ходовых в литературе 70-х годов. Очень отчетлива она в произведениях Л. Н. Толстого и М. Е. Салтыкова-Щедрина. А уж о второстепенной драматургии и говорить не приходится. Она, как могла, обыгрывала эту тему. «Жених из ножевой линии» А. М. Красовского, «Виноватая» А. А. Потехина, «Финансовый гений» А. Ф. Писемского, «Злоба дня» Н. А. Потехина и многие другие, казалось, охватили ее со всех сторон. Да и у самого Островского не далее как семь лет назад все это уже было в пьесе «Бешеные деньги». Только тогда Васильков, этот странный провинциал, то обаятельно щедрый, то прозаически расчетливый, неотесанный и в то же время образованный, то ли мелкий делец, то ли миллионер, представлял собой загадку для действующих лиц. Да он и был загадкой, редкостью, таинственным и одиноким незнакомцем в среде Чебоксаровых и Глумовых, Телятевых и Кучумовых. Теперь не то. Теперь Белугины и Сыромятовы даже численно превосходят Карминых и Агишина. И не приезжают они издалека, а живут в Москве или около Москвы, «живут постоянно», как сказано в ремарке.

Но не эти очевидные социально-экономические сдвиги занимают соавторов. Конечно, и в этой пьесе, как и в других пьесах самого Островского, много говорится о деньгах. Доходы Карминых интересуют старика Белугина, Агишин убеждает Елену принять предложение выгодного жениха, а богатство Андрея слегка кружит ей голову. Затем появляются семьдесят пять тысяч, привезенные Андреем в приданое Елене, «миллионное дело» — фабрика, огромное состояние нового жениха Тани Сыромятовой... И все-таки и разговоров этих поменьше, и играют они в комедии несколько иную роль. Герой уже не вынесет на сцену счеты и не займется проверкой расписок и всякого рода финансовых обязательств своей молодой жены. Напротив, с чрезвычайной деликатностью, тактично и в то же время застенчиво Андрей Белугин сам привезет приданое Елене, «чтобы не сказали...», то есть чтобы и разговоров не было о неравном браке, бесприданности, какой-то сделке. В пьесе будет проверяться не денежная, а человеческая стоимость героев. Взвешиваться будут не капиталы, а человеческие качества, человеческие возможности.

«Женитьба Белугина» — социально-психологическая комедия, исполненная пристального внимания прежде всего к новому в человеческой психологии, к тем изменениям во взглядах и настроениях людей, которые принесло с собой время. И на это обстоятельство весьма недвусмысленно обращают наше внимание сами авторы комедии, подчеркивая новизну всего совершающегося. «Наша комедия сейчас кончается, а будет у вас своя, новая... так и ожидайте...» — уже в первом акте заявляет Сыромятов.

Новизны в этой комедии и в самом деле будет достаточно. Расчетливые и скупые окажутся великодушными и щедрыми, а люди вроде бы возвышенного образа мыслей обнаружат насквозь практическую и даже корыстную сметку. Словом, неожиданного в комедии будет много. Недаром едва ли не основным «ключевым словом» к ней станет слово «сюрприз». Над сюрпризами нового времени размышляет Нина Александровна Кармина. «Какие, право, нынче эти люди смелые стали! Ну, как это возможно!..» — не то удивляется, не то возмущается она предложению Белугина. И почти теми же словами отзывается на странное для нее поведение собственной дочери: «Как нынче девушки-то, как посмотрю я, смелы стали, как решительно переступают они этот порог!»

Странно, неожиданно, необычно ведут себя в комедии почти все. Можно сказать, что чуть ли не каждое новое явление сопровождается очередным сюрпризом. Новое и неожиданное открывают персонажи в поведении друг друга. Новое и неожиданное открывают они и в самих себе.

Именно эта сторона комедии смутила в свое время критиков. Они писали о неоправданности многих положений пьесы, о несовпадении между характерами персонажей и их поступками. В достоинствах произведения они видели его недостатки. А между тем сила и значение школы Островского в том и заключались, что она очень чутко отзывалась на все изменения в русской действительности. Принципиальная особенность «пьес жизни», как это было указано еще Добролюбовым, их коренное отличие от современных им псевдопроблемных произведений выражались в том, что они следовали в своем содержании, в своей художественной структуре не отвлеченной, условной логике, а диалектически сложной логике самой жизни. Эта логика и отразилась как в основном конфликте комедии «Женитьба Белугина», так и в характерах героев, в их несводимости к какому-то одному, двум устойчивым признакам.

Елена Кармина — новый образ в русской драматургии 70-х годов. Она отчасти и только внешне напоминает вроде бы близкую ей по типу Лидию Чебоксарову («Бешеные деньги»). В Елене нет ни наивного хищничества предшественницы, ни ее развращенности, ни ее наглости. И не о беззаботной и праздной жизни она мечтает,

соглашаясь выйти замуж за Белугина, а о свободе. Деньги для нее еще не все. «За одну только богатую жизнь я бы никогда не отдала себя: я хочу быть свободна!»,— говорит она матери. И это не случайная фраза. В жажде жизни, в порывах к тому, чтобы взять от нее все, что она дает, в стремлении к полному самоосуществлению, к безграничной свободе, пока еще без оглядки на то, какова эта свобода и чем придется за нее расплачиваться,— важная и новая грань образа героини. Подобно Анне Карениной и многим другим женщинам литературы 70-х годов, Елена готова броситься в поток жизни, отдаться ее стихии и во имя собственного самоосуществления откинуть прочь все прежние понятия о допустимом и возможном, все ограничения, налагаемые общечеловеческой моралью. Но, конечно, эта тема у Елены Карминой, как героини комедии, возникает в несколько юмористическом освещении, впрочем, нимало не снимающем серьезности и остроты самой темы.

«Жизнь не стоит того, чтобы над ней задумываться: вся она — не что иное, как комедия»,— учит молодую девушку Агишин. Елена готова поверить ему, готова отнестись к жизни, как к шутке, в которой только тот и достигает осуществления своих желаний, кто воспринимает ее легко, без размышлений, без возвышенных претензий, без понятий о долге. Комичность этим попыткам Елены придает уже то, что ее учителем на пути «обольстительных сделок с совестью» оказывается Агишин, которого только такая молодая и, при всем уме, наивная девушка, как Елена, способна воспринимать всерьез. Салонный герой, вынужденный перекочевать в купеческие гостиные и приемные, «личность поизносившаяся, но еще интересная», «человек без определенного положения», Агишин представляет в пьесе ту стадию «изящного барства», когда оно уже окончательно выродилось. Исповедуя якобы эстетическое отношение к жизни, рисуясь своей артистичностью, Агишин на деле холоден, расчетлив и циничен ничуть не менее самых прозаических дельцов. Да и учителем Елены, вдохновителем главной интриги пьесы он становится из побуждений скорее денежных, чем сердечных.

Впрочем, как учитель, наставник Агишин особого успеха не достигает. И его жизненная философия не только привлекает, но и отталкивает Елену. Едва вступив на путь «сделок с совестью», Елена уже ощущает в себе «нравственное падение», сознает, что она начинает раздваиваться. И далее — на всем протяжении комедии,— пытаясь воплотить в жизнь взгляд на человеческое существование, как на шутку, игру, Елена плохо справляется с избранной ролью. Нарастающий разлад с самой собой, все более острое ощущение проступка, который она совершила, вынуждают героиню сделать окончательный выбор. В коллизии «свобода — нравственность», «само-

осуществление — человечность» побеждают нравственность и человечность.

Любопытно, что одним из важнейших моментов в этом окончательном выборе героини становится ее природная сущность, ее человеческое естество, словно бы бунтующее против понятий и идей нового времени. Литература 70-х годов, исследуя коллизии нового периода русской истории, вынуждена была все глубже погружаться в человеческую природу, проникать инструментом своего анализа в неизведанные прежде пласты человеческого «я» и вследствие этого говорить о таких сторонах человеческого существования, которых она раньше почти не касалась. Вот почему сцены близости между Анной и Вронским заняли такое узловое место в «Анне Карениной» Толстого. По этой же причине и вопрос о сущности брачных отношений между Еленой и Андреем вынесен в пьесе на сцену. Именно здесь, в человеческой натуре, в природе человеческого существа ищут и находят художники опору для своей веры в добрые задатки человека, в то, что, с какими бы обстоятельствами он ни столкнулся, доброе начало победит. Хотя Агишина меньше всего волнует вопрос о «верности» подруги, брак между Андреем и Еленой долгое время остается номинальным. И происходит это потому, что сделать из жизни легкую игру Елена не в состоянии. Так же как и Анна Каренина, Елена приходит в ужас от одной мысли о том, чтобы принадлежать обоим. «Я чувствовала и чувствую раскаяние, только я стараюсь заглушить его в себе — но не в силах! Когда я кинулась в эту жизнь, я увидала, что задача, которую я взяла на себя, мне невыносима, что я не та, какой я себя представляла, что я лучше!..— говорит Елена.— Я чувствую, чувствую всем моим существом, что могу принадлежать только одному, иначе... иначе гадко, отвратительно! Мое нравственное чувство возмущается при одной только мысли... Это просто отвращение! Я не знаю, какое это чувство: нравственное или физическое; но знаю, что без этого чувства человек не человек». Так хитроумная интрига Агишина рушится, столкнувшись с искренностью Елены.

Но не только природные человеческие качества Елены побуждают ее все время внутренне противиться Агишину. Главная роль в самоопределении Елены — да и во всей комедии — принадлежит Андрею Белугину. Купец в третьем поколении, человек большого сердца, нежной, тонко чувствующей души, Андрей Белугин воистину «обновленное дитя» «Новой России», если вспомнить терминологию Гончарова. В «Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время» Островский указал, что связывает определенные надежды с этим поколением, которое начинает «сознавать себя» и ищет «каких-нибудь идеалов» *(ПСС, XII, 112)*. Андрей Белугин и в самом деле сильно отличается, скажем, от Василькова.

Чувствительный Васильков, делая предложение Лидии Чебоксаровой, руководствуется не только своим чувством, но и тем, что ему «по его делам» нужна такая жена, как Лидия. Иное дело — герой совместной пьесы. Андрею Белугину и в голову не придет эксплуатировать красоту и светскость Елены Карминой в интересах «дела». Его чувство к Елене лишено даже тени каких-то расчетов и привходящих соображений. Оно настолько глубоко и бескорыстно, настолько необычно, что герой даже готов даровать своей жене полную свободу, убедившись в ее равнодушии к нему. Подчеркивая новизну и исключительность Андрея Белугина в его среде, соавторы отчетливо противопоставили его и родителям и Сыромятовым. Никто из друзей и родственников Андрея не в силах понять подлинности его любви. Для них это «пассаж», «дурость», «глупое дело», «бред» и даже «срам». Вместе с тем Андрей написан с абсолютной достоверностью, прочно укоренен в действительности, несет на себе многие черты сословной принадлежности. Просто он поднялся выше, вырос до сознания себя человеком. Именно поэтому Андрей постоянно ведет себя не так, как принято, удивляя этим окружающих.

Необычное поведение Андрея лишь в начале пьесы способно вызвать смех, выглядеть комедийным. Чем дальше развивается действие, тем отчетливее становится, что внешние, видимые черты находятся в обратном отношении к внутреннему, духовному содержанию. И духовное богатство Андрея, созидательная сила его любви в конце концов приводит к тому, что в поединке с Еленой победа достается не своенравию и хитрости, а простодушию и доброте. В этом русском варианте «укрощения строптивой», как назвали «Женитьбу Белугина» современники, Елена постоянно обнаруживает все новые достоинства в своем женихе, а потом и муже и в финале подчиняется его обаянию.

Высокая человечность, сознание ограниченности власти денег и своего особого положения среди окружающих дают Андрею Белугину право на место среди предшественников тех купеческих героев А. П. Чехова и М. Горького, которые в другую эпоху будут уже открыто тяготиться своим социальным положением.

Одновременно с «Женитьбой Белугина» Островский и Соловьев занимались и комедией «Счастливый день». И эта одновременность, конечно, не случайна. Небольшая забавная пьеска, по-видимому, была хорошим материалом для обучения, проверки и опробования драматургических приемов, освоения всевозможных художественных средств. Вероятно, поэтому «Счастливый день» своего рода маленькая энциклопедия комедийной техники: здесь есть занимательная интрига и остроумные диалоги, нелепые, смешные ситуации и расхожие словечки, водевильные положения и арии из нашумевших оперетт, отточенные реплики, пародии, злободневные намеки.

Вместе с тем веселая и легкая пьеса имеет вполне суровый подклад, затрагивает довольно серьезную проблему полной несостоятельности всех попыток новой администрации что-либо изменить в устоявшемся быте провинциальной России. «Счастливый день» противостоит, в сущности, все тому же «поздравительно-экономическому», как едко определил его еще Добролюбов *(Н. А. Добролюбов, Собр. соч. в 9-ти томах, т. 4, М., изд-во «Художественная литература», 1962, стр. 59)*, направлению в литературе и публицистике того времени, которое готово было каждое мероприятие властей выдавать за великий шаг страны по пути прогресса.

То, сколь безуспешны такие попытки, и показывает «Счастливый день». В который раз повторена в этой комедии ситуация гоголевского «Ревизора»: соавторы сугубо иронически представляют столкновение старых и новых сил администрации. Уже то, что у приехавшего выводить в отставку неудовлетворительно отправляющего свою должность уездного почтмейстера губернского начальника генерала Шургина голова больше занята женщинами, чем делом, снимает даже намек на какую-либо коллизию между честным губернским и замешанными в злоупотреблениях уездными деятелями. Но соавторы делают это мнимое столкновение еще более забавным, наделяя почтмейстера Сандырева, безграмотного и безответственного чиновника, общеевропейскими интересами, разглагольствованиями о судьбах человечества, об исторических задачах. Уездный «всеевропеец» и губернский женолюб, возможно, и сами бы договорились, если бы эту задачу не взяли на себя кокетливая дочь почтмейстера Настя и ее расторопная маменька.

Но глухая провинция увидена соавторами и в другом — предвосхищающем чеховские мотивы — качестве. Образы старшей дочери почтмейстера Липочки и уездного врача Нивина под комедийной оболочкой таят и драматическое содержание. Истомленная бездельем, сонная и ленивая, Липочка втайне мечтает о полезном труде, о деле, которое было бы нужно для других. А Нивин поначалу противится заедающей его прозе жизни. Соавторы показали его на переломе, в момент краха надежд, постепенного погружения в жизненное болото. И эта драма вынужденного примирения недюжинных натур с окружающей действительностью вносит грустную чеховскую ноту в комедийно-сатирическую картину застойного российского быта.

4

«Дикарка» выделяется, и довольно резко, не только в ряду совместных пьес и в позднем творчестве Островского, но и вообще в русской драматургии 1870-х годов. Это пьеса об исторических судьбах

России, о путях ее поступательного движения, о роли различных поколений и идей. Островский-бытовик, Островский-живописец и вроде бы непритязательный историк постепенных изменений в жизни страны, в понятиях и нравах ее обитателей, превращается здесь в поэта-теоретика, художника, утверждающего совершенно определенный и глубоко полемический взгляд по отношению к многим распространенным теориям, как сугубо охранительным, так и народническим, на процессы, совершающиеся в России. Такого рода повышенная идеологичность пьесы, содержащей контуры некоей концепции исторического развития России, во многом объясняется процессом ее создания, тем, что пьеса рождалась у соавторов, и прежде всего у Островского, в принципиальной и острой полемике с Леонтьевым, с его взглядами на прошлое и будущее родной страны.

Полемика эта, начавшаяся отнюдь не случайно, связанная множеством нитей со злободневными идеологическими спорами 70-х годов, в то же время оказалась и необходимым звеном в борьбе за демократическое развитие таланта Соловьева, за преодоление в его сознании, в его творчестве следов воздействия Леонтьева.

Следы эти были довольно явственны в ту пору, когда Соловьев приступил к будущей «Дикарке». В основу сюжета своего варианта пьесы (сначала она носила название «Без искупления», потом была переименована в «День расплаты») он положил недавний эпизод из жизни Леонтьева, его неудачный роман с молоденькой свояченицей Соловьева, стоивший стареющему аристократу семьи, определенного положения, душевного равновесия. Личная заинтересованность в этой истории, симпатии к душевной драме Леонтьева, наконец, просто большая близость к жизненному материалу не позволили Соловьеву разглядеть подлинный смысл происшедшего. В его трактовке судьба Ахметьева (как звали героя в первых вариантах), одного из последних представителей «изящного барства», «идеалиста и поэта в душе», превратилась в драму русского дворянства, роковым образом побежденного стихией прозы, расчета, «утилитарного реализма». Увлечение Ахметьева Варей у Соловьева — это последняя попытка Дон-Кихота остаться верным своему идеалу, служить Красоте.

Островский не принял подобного осмысления судьбы Ахметьева. В развернувшихся спорах между соавторами естественно были затронуты вопросы о роли дворянства, о типе эстетствующего «лишнего человека», о «деловых людях» новой формации, о том, что принесли стране первые и чего можно ждать от вторых. Так необходимость выяснения исторической роли известного литературного и общественного типа определила особую идейную насыщенность пьесы, ее несколько неожиданную художественную структуру, ее комедийный жанр.

Задачам критического анализа передового деятеля русского культурного слоя в его связях с историческим временем в наибольшей степени была подчинена художественная структура романов Тургенева. В таких его произведениях, как «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», наконец, «Новь», неизменной целью художника было выяснение вопроса о сущности и «социальной продуктивности» героя времени. Поэтому понятно, что, создавая пьесу со сходными художественными задачами, соавторы не могли пройти мимо опыта Тургенева и схему его романа как бы перенесли в свое детище. Об этом, кстати, проницательно писали многие современники. Не забывая о том, что пьеса не роман, нельзя все же не заметить, что «Дикарка» построена особенно четко и строго, почти схематично. «Это произведение полное, цельное, кованое»,— писал Островский *(ПСС, XV, 158)*. И эта стройность, эта кованность, как и в романах Тургенева, открывает возможность для символического истолкования ситуации пьесы.

Главная героиня поставлена в пьесе перед необходимостью выбора между Ашметьевым, Вершинским и Мальковым. Поэтому при всей конкретности ее индивидуально-психологического облика она воспринимается еще и как молодая Россия, стоящая на распутье и окруженная своими героями, каждый из которых хотел бы увлечь ее на совершенно определенный исторический путь. «Юный реформатор» Вершинский, в сущности, ненавидит и презирает все национальное. Для него все прошлое России — «историческая ошибка». Исправляя эту ошибку, он способен вырвать с корнем все, что ни на есть, «сравнять местность», переименовать все деревни и урочища, так как для него «русская старина и невежество — синонимы». Этот ретивый администратор во имя бредовой идеи «начать все сначала» может и впрямь, подобно Мамаю, всеразрушительным смерчем пройтись по стране.

Ашметьев, напротив, желал бы оставить все как есть. Для него в неразвитости, патриархальной отсталости, дикости скрывается бездна поэзии, и во имя этой поэзии он готов как угодно задержать начавшееся развитие. На все бесконечные вопросы Вари, на все ее попытки узнать: «Зачем, что, как?» — Ашметьев советует ей как можно дольше оставаться в неведении. «Твое неведение бесценно,— уговаривает он Варю,— это так редко, так ново, им налюбоваться нельзя». И в другом месте: «Оставайся как можно дольше такой дикаркой! Жен, матерей, экономок много, а ты, милая дикарка, ты редкость, ты дивное создание, счастливая случайность в будничной жизни». В этих словах старого жуира, в сущности, выражена и сатирически снижена главная идея исторической концепции Леонтьева, полагавшего, что чем дольше удастся удержать Россию в ее нынешнем состоянии, тем будет лучше.

Позиция Малькова принципиально иная. «Химик» и «мастеровой» Мальков одинаково не приемлет ни новую администрацию, ни старых эстетов. Скромный деятель и просветитель, он полагается только на свою науку «маленькое дело делать», строить школы и обучать людей трудиться, «хлеб добывать», что, впрочем, не мешает ему оставаться хорошим и добрым человеком, способным к большому чувству, а не смотрящим на брак, как на физиологическую потребность, подобно Вершинскому.

Нападая на ретивых администраторов нового времени и на тип «эстетствующих дармоедов», как назвал Ашметьева в одном из писем Островский *(ПСС, XV, 156)*, соавторы противопоставляли тому и другому Малькова. Их основной задачей, однако, было не утверждение «нового идеала», который «еще не сложился в жизни», а окончательное развенчание Вершинского и Ашметьева, типов «еще сильных и авторитетных», но уж никак не новых в литературе. Поэтому «Дикарка», вопреки первоначальному замыслу, закономерно превратилась в конце концов в комедию, жанр, единственно способный поставить последнюю точку в оценке того или иного общественного явления.

Впрочем, как и всегда у Островского, жанровое определение «Дикарки» не канонично. «Дикарка», конечно, комедия, но комедия сложного, полифонического звучания: в ней есть и мотивы сатирические, и откровенно юмористические, и лирическая, слегка окрашенная грустью струя. Вероятно, только в таких разных тонах и могла отразиться причудливая русская действительность, взятая в «Дикарке» в многообразии своих сторон.

Изображение пореформенной действительности выступает в «Дикарке» прежде всего как прямое обвинение миру Ашметьевых. Лишь немногие детали этой картины напоминают о былом благоденствии некогда прекрасной и богатой местности. Красота, правда, еще сохраняется. «Ну, и местоположение... я вам скажу!» — восхищается один из персонажей открывшимся перед ним видом. «На редкость, истинно на редкость...» — вторит ему другой. Но скоро придет черед и этой красоты. «Точно взбесились все, так и валят лес! У нас скоро пустыня будет, Аравия Счастливая!» — с горькой насмешкой над утопическими надеждами прошлого восклицает Зубарев. А тогда и намека не останется от сказочных времен Берендеева царства. Ни редкостного очарования густого старого парка, называемого в народе «Кокуй», в честь давнего назначения быть местом народных сборищ в праздник Ивана Купалы, ни последнего Берендеевского моста...

Разорение России — прямое следствие бездарного управления дворянства, так и не научившегося ничему, кроме умения «изящно проживать деньги». И сейчас, уже после реформы, эти люди, в сущ-

ности, делают все для того, чтобы хозяйство страны как можно дольше оставалось под тяжким грузом остатков крепостничества. Мировые посредники вроде Зубарева так составили уставные грамоты с крестьянами, так разделили землю, что крестьяне вынуждены работать на помещиков столько же, сколько и во времена крепостничества. «Никакой разницы»,— с торжеством заявляет старуха Ашметьева. Крестьян так обрезали, «что им курицу выгнать некуда»,— злорадно констатирует она, произнося фразу, которая широко пройдет по всей демократической литературе. Да и трудно найти другое столь же точное и емкое определение положения русского крестьянства, ограбленного и обманутого реформой 1861 года. Недаром ею воспользуются Толстой в «Плодах просвещения» и В. И. Ленин в работах по аграрному вопросу в России («К деревенской бедноте», 1903, «Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе», 1907, и др.). И эта азиатская эксплуатация крестьян по-прежнему осуществляется во имя того, чтобы «эстетические дармоеды» вроде Ашметьева проживали баснословные деньги за границей, растранжиривая, таким образом, национальное богатство. Антинародность — таково основное обвинение драматургов в адрес Ашметьева. Все, что сделали дворяне для России, исчерпывается попыткой заменить исконные названия иностранными («Кокуй» на «Бельвю») или даже отечественными, но порожденными сентиментальным славянофильством («Миловида»).

В сходном плане подаются в пьесе и те явления «переворотившейся» и «укладывающейся» жизни, которые связаны со всякого рода новыми учреждениями и их деятелями. Охранительная или, как ее в свое время называл Добролюбов, «поздравительно-экономическая» литература немало потрудилась над тем, чтобы представить земство образцовым институтом нового времени, способным справиться с задачами хозяйственного преобразования страны. Так, в пьесе В. А. Крылова «Земцы» («Змей Горыныч») всерьез доказывалось, что если в новых учреждениях заменить недобросовестных людей на порядочных, то все устроится. В «Дикарке», так же как в произведениях Салтыкова-Щедрина и «Анне Карениной» Толстого, земская суета изображена сугубо иронически. Бессильные сделать что-либо реальное, так как в их распоряжении нет ни власти, ни денег, земские деятели либо под любым предлогом пренебрегают своими обязанностями, либо рассматривают их как ступеньку на пути к карьере. Наиболее ярким представителем таких деятелей и является в пьесе Вершинский, либеральный болтун, для которого земство — только путь к чиновничьей карьере.

Однако главное в Вершинском даже не его карьеризм, не его цинизм и корыстная расчетливость. «Юный преобразователь» выведен в пьесе прежде всего человеком, исполненным презрения к

своему народу, ко всему национальному. Поэтому и его «реформы», «довольно радикальные», по насмешливому отзыву одного из героев, в сущности, сводятся к тому, чтобы «все урочища, все деревни назвать иначе, хоть по-немецки, а старые названия строго приказать забыть». Реформизм Вершинского здесь сатирически сближен с преобразованиями Ашметьевых, не менее строго отдававших подобные приказы, результат которых, однако, предвещает столь же плачевную будущность новым администраторам. Отличие Малькова от Вершинского и Ашметьева в том, что он естественно, органично связан с плодоносными слоями народной жизни.

Разговоры о пользе той или иной деятельности, об идеалах и принципах, о будущем России, вроде бы нарушающие живое и динамичное движение «Дикарки», на деле прекрасно выявляют идейные позиции и особенности характера каждого из героев, а следовательно, ведут действие. Почти во всех этих разговорах так или иначе принимает участие и героиня пьесы. И это естественно. Как и в романах Тургенева, выбор героини, ее решение соединить свою судьбу с судьбою одного из претендентов есть в то же время и окончательный итог в оценке каждого из них.

Такого рода идейно-художественная «функция» образа героини ничуть не мешает его полноте и выразительности. Варя принадлежит к числу наиболее пленительных женских образов русской литературы. Недаром Варю так любили во все времена играть русские актрисы. Наивная и вместе с тем неглупая, мечтательная и порывистая, взбалмошная и строгая Варя отличается редкостным богатством человеческих возможностей, каким-то бурным кипением разнородных сил. Не глубина характера, неизмененное свойство любимых героинь Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Гончарова, а противоречивая сложность, сочетание несовместимостей характеризуют героиню «Дикарки». Простота и искренность соединяются в ней с капризностью и своенравием, жажда радости и веселья — с нравственной глубиной, непосредственность — с первыми запросами самобытного ума. И в этом богатстве сил, брожении наклонностей, в резких порывах и сосредоточенных раздумьях сказывается главное в Варе — она дитя переходного времени. Этим она напоминает героиню Толстого Наташу Ростову. Как и Наташа Ростова первых книг «Войны и мира», Варя находится в том самом периоде своего существования, когда радостное кипение молодой жизни должно вот-вот перейти во что-то новое, еще неведомое, незнаемое. Девушкой на распутье появляется Варя в начале первого акта. И в русской песне, которую она напевает, в сарафане и платочке, подчеркивающих ее естественную народность, видна не только близость героини к родному приволью, но и ожидание перемен, ощущение рубежа.

Все еще наслаждаясь непосредственными радостями бытия, приходя в восторг от хороводов и танцев на лугу, от веселых игр и озорных шалостей, от молодых проказ, Варя в то же время уже тяготится своим неведением, своей необразованностью, которые мешают ей сознательно определить свою судьбу. «Зачем я такая дурочка, что не могу спорить! Ничего я не знаю: какие это люди есть, что это на свете ... Зачем, что, как?». Она не хочет больше «так ничего и не знать, ничего не понимать», «жить, как ночью». И именно эта жизненная позиция Вари побуждает ее в конце концов отдать свою руку и свое сердце Малькову.

Счастливый свадебный финал пьесы, вопреки традиции,— финал с многими неизвестными. С той или иной степенью достоверности можно ручаться только за то, что Мальков и в самом деле годика через два-три купит имение Ашметьева и с парком и с «Миловидой». Что же касается счастья, семейного согласия, то еще неизвестно, чем завершится союз Вари с Мальковым. Метания Вари от Малькова к Ашметьеву и обратно буквально накануне свадьбы можно истолковать и как неудовлетворенность прозаизмом Малькова и как молодую непоследовательность, последнюю девичью проказу перед венцом. Так или иначе, но Варе еще предстоит узнать, что такое Мальков и в какой мере он отвечает ее мечтам и надеждам. Да и сами драматурги отнюдь не считали, что Мальков — новый герой, обретенный Россией. Они соглашались с тем, что это фигура не столько взятая из реальной жизни, сколько заданная, сконструированная. Мальков и сам в финале пьесы признается, что на многое он не претендует: «Живем, как живется». Из чего следует, что больших надежд на него возлагать не приходится. Он лишь предвестие нового этапа в жизни страны, который продлится бог весть сколько. Соавторы достаточно скептически относятся ко всякого рода поверхностным историческим верованиям и не видят возможности для быстрого исхода из современной им кризисной ситуации.

5

В те же годы Соловьев написал две пьесы самостоятельно: «На пороге к делу» (1878) и «Просветитель» («Встревоженная тишина», 1879). Первая из них была поставлена, имела значительный успех и в то же время вызвала сильные нарекания со стороны народнической критики. Слишком уж очевидным становилось в пьесе, что задача народного просвещения вовсе не так легка, как это порой утверждалось теоретиками народничества. А судьба просветителей, «положительных идеалистов», «людей нового времени», готовых всецело отдаться делу улучшения жизни народа, но уже на пороге к нему вынужденных отступать и отказываться от многих иллюзий, выглядела совсем

безрадостной. Хорошо знакомый с судьбой и бытом провинциального учителя, сам в течение нескольких лет тянувший эту лямку, Соловьев не был склонен хоть в какой-то мере идеализировать общественную ситуацию в деревне. Поэтому и для своей Верочки Лониной он видит только одну возможность не погибнуть в борьбе с дикостью, нищетой и притеснениями начальства — это основать частную школу, не подчиненную скупым и невежественным сельским властям. В то же время Соловьев не склонен, подобно поздним народникам, возлагать особую вину на народ. Он трезво видит его отчаянное положение и этим положением объясняет пассивность крестьян, их покорность судьбе.

Зрительский успех пьесы «На пороге к делу» удивил иных театралов. И они с удовольствием распространили версию о том, что и в этой пьесе Соловьев прибегал к помощи Островского. Но Островский решительно отверг эти домыслы, а в письмах даже выговаривал Соловьеву за то, что он не показал пьесы и тем самым не позволил придать ей «законченную литературную форму» *(ПСС, XV, 136)*.

Критические дебаты о сотрудничестве Островского с Соловьевым начались сразу же после появления совместных пьес в печати и на сцене. Рецензенты не скупились на всякого рода домыслы и клеветнические измышления. Они с удовольствием смаковали пустые слухи о мнимой розни между соавторами, ради очередной сенсации охотно прибегали к фельетонным фантазиям и не упускали ни одной возможности лишний раз выказать свое недоброжелательство по отношению к великому драматургу. Друзья Соловьева сожалели, что он «разделил славу» с пережившим свое время патриархом, и побуждали его работать самостоятельно.

Первое место среди этих поклонников Соловьева, бесспорно, принадлежало Леонтьеву.

Казалось бы, план Леонтьева оправдал себя. Соловьев занял определенное место в репертуарной русской драматургии. Но в то же время идейно-художественное направление его творчества пока никак не отвечало заветным целям Леонтьева. Да и встав на свои ноги, Соловьев не торопился порывать со своим литературным наставником и возвращаться под крылышко к прежнему покровителю. Более того, он очевидно все дальше и дальше уходил от Леонтьева к Островскому. И после премьеры «Женитьбы Белугина» Леонтьев с особой настойчивостью начинает говорить Соловьеву о том, что его литературные силы полностью созрели, что он уже превосходит Островского даже и в литературно-технологическом плане, и необходимо, не откладывая, порывать с положением ученика. Особенно обеспокоила Леонтьева пьеса «На пороге к делу». Пронизанная передовыми демократическими идеями, она никак не отвечала надеждам критика. «Очень вместе с тем боюсь, чтобы Вы не ос-

тановились надолго на этом юмористическом отрицательном направлении»,— писал он Соловьеву в феврале 1879 года, а в марте приглашал приехать к себе для «спокойствия духа».

Убедившись, что такие частные увещевания ни к чему не ведут, что Соловьев усваивает от своего учителя не только технику, но и прогрессивные идеи «избитой и лукавой тенденции», Леонтьев решил выступить против этого союза публично. Его первая статья «Новый драматический писатель» была опубликована в декабрьском номере «Русского вестника» за 1879 год, журнала, который не сказал ни одного доброго слова об Островском. В ней Леонтьев высоко оценил талант молодого писателя: «В пьесах его именно есть то, что нужно: в них много энергии и нет своеобразных задач; в них есть сила потрясающего чувства и нет поражающей думы. В них много таланта, но еще мало опыта житейского, мало содержания» *(К. Леонтьев, Собр. соч., т. 8, стр. 69)*. Но вместе с тем он признал направление этого таланта неудовлетворительным, низводящим «драгоценный севрский фарфор» до уровня «уж слишком доступного фаянса с известными синими рисунками», и потребовал от молодого автора как можно скорее «*освободиться от литературных привычек именно того времени, которое дало* [ему] *успех*» *(там же)*.

Вполне определенно высказался Леонтьев и о сотрудничестве. «У каждого даровитого человека,— поучал он Островского,— есть свой стиль, своя умственная личность; изменяя постоянно этот естественный личный стиль внешним давлением, особенно давлением авторитета, можно безвозвратно испортить талант, еще не совсем созревший, и, не придав ему чужих могучих свойств, лишить его собственных, быть может, тоже драгоценных сил» *(там же, стр. 76)*. Вывод был еще более резким: «...если г. Островский воображал, что при его содействии выйдет изо всего этого какая-нибудь очень красивая амальгама, то он ошибся. Своего хорошего он нам тут не дал ничего: его нигде не видно, а порча чужого очень ясно видна...» *(там же, стр. 77)*.

Меньше чем через год Леонтьев вернулся к вопросу о сотрудничестве Островского и Соловьева. Он напечатал еще одну статью о «Дикарке» в реакционной газете «Варшавский дневник» *(1880, 8 и 14 марта)*. Статья называлась «Еще о «Дикарке» гг. Соловьева и Островского». Здесь на конкретном разборе пьесы, с привлечением соловьевских вариантов, критик показывал эту «порчу чужого», ничем, с его точки зрения, не обоснованное внесение демократической тенденции в произведение, исполненное изначально скорби по уходящему дворянству.

Людям, близким к Островскому, тоже иногда казалось, что сотрудничество отвлекает его от собственного творчества, а Соловьев недостаточно ценит оказанную помощь. Однако на самом деле отно-

шения между соавторами были иными, чем этого хотелось их друзьям и недругам. Со стороны Островского они всегда были исполнены забот о литературном и материальном будущем ученика, со стороны Соловьева — почтительного внимания и благодарности. Их обширная переписка — лучшее тому доказательство. В ней мало рассуждений по поводу радостей или трудностей совместной работы. Островский понимал, что соавторство — такое сложное явление, которое возможно только при личном доверии: «Сотрудничество возможно только тогда, когда участвующие в работе так сольются в одно лицо, что не только главная мысль, но и мельчайшая подробность каждому из них кажется своей, и он готов ее отстаивать, как свою» *(ПСС, XV, 154)*. В основном письма Островского к Соловьеву носят деловой характер. В них сообщается о репетициях пьес, об успехе спектаклей, о том, где удалось напечатать совместное произведение и каковы гонорары. Но за этим стоит постоянная дружеская опека, настоятельное желание во всем помогать Соловьеву. Соловьев в ответ называл свою встречу с Островским «единственным счастливым случаем» в своей жизни *(«Переписка», стр. 31)*, а время ученичества у него — «лучшей образовательной школой драматического писателя» *(там же, стр. 48)*.

6

«Светит, да не греет» (1880) — последняя совместная пьеса Островского и Соловьева. Многими нитями она связана с предыдущей. Уже в «Дикарке» при характеристике Вершинского говорилось о способности новых людей лишь «освещать» пошлость окружающего. Этот мотив получит развитие в новой пьесе. Так же как и в «Дикарке», действие драмы происходит в деревне, среди полей и лесов центральной части России, в старинной барской усадьбе. Только в новой пьесе еще очевиднее, что деревня перестала быть обителью спокойствия и патриархальности. Правда, здесь не чувствуется упругий ритм жизни буржуазного города, нет громких банкротств, скандальных афер, но общие для всей страны процессы обуржуазивания все интенсивнее проникают и сюда. Деревня разоряется, нищает и все больше попадает во власть кулаков, власть едва ли не более жесткую и беспощадную, чем крепостничество. Наиболее дальновидные крестьяне покидают родные места и отправляются на заработки в город. Другие достигают успеха в деревне. Сыновья Дерюгина промышляют подрядами в Одессе, а их батюшка постепенно прибирает к рукам имение разорившейся Реневой и уже строит планы о том, как «скрутит» своих односельчан.

В «Светит, да не греет», как и обычно в пьесах Островского, новые порядки не остаются только фоном. Они перерастают в важ-

нейшую сюжетную линию. Героиня драмы приезжает в родные места, чтобы продать потомственное имение; она ищет кого-нибудь, кто с вниманием отнесся бы к ее родному уголку, но в конце концов отдает все почти даром Дерюгину, своему бывшему крепостному. В этой сюжетной линии отражен характернейший факт пореформенной действительности — смена хозяев страны.

Но берут его соавторы с новой, неожиданной стороны. В отношениях Реневой и Дерюгина нет ни антагонизма, ни даже естественной неприязни. Казалось бы, человек, который будет владеть ее поместьем, хозяйничать там, где некогда все принадлежало ей, где прошли ее детство и юность, должен вызывать у Реневой враждебное и презрительное чувство. Но Ренева, в отличие, скажем, от Гурмыжской, ничем не проявляет своего пренебрежения к покупщику, она терпима и доброжелательна. В такой трактовке данной ситуации Островский и Соловьев — прямые предшественники Чехова, в «Вишневом саде» которого, как точно писал крупнейший советский исследователь А. П. Скафтымов, «нет ни враждебной агрессии купца, ни сопротивляющегося ему и борющегося за свои хозяйственные выгоды помещика» *(А. Скафтымов, Нравственные искания русских писателей, М., изд-во «Художественная литература», 1972, стр. 348)*.

Любовная коллизия драмы почти не связана с имущественно-хозяйственной, но и она составляет часть более широкого конфликта — конфликта новоприбывшего человека из другого мира со всем строем жизни омещанившейся провинции. Процесс омещанивания — оборотная сторона буржуазного «прогресса», захватывающего и деревню. Этот процесс, принесший с собой сытое самодовольство, страсть накопительства, сонную скуку земских заседаний, мелкие мысли, а то и полное отсутствие их, выразительно показан Островским и Соловьевым. Среди местного дворянства больше не осталось интеллигенции, людей, интересующихся наукой, способных мыслить и чувствовать. Большинство помещиков вступило в союз с «незатейливыми» купеческими дочками и под их влиянием ограничило свои интересы помолами и покосами, солениями и варениями. Такова судьба Залешина, когда-то претендовавшего на рыцарство, а теперь совсем опустившегося, приобретшего этакую купеческую округлость и вполне довольного уже тем, что его супруга-купчиха «тянет» на весах немногим меньше его.

По существу, и остальные обитатели деревни живут в болоте, только увязли они в нем по-разному: одни уже глубоко, другие еще могут вырваться. Рабачев, например, по временам испытывает смутное недовольство своим образом жизни, боясь, что ему уготовано будущее Залешина. Поэтому он медлит с женитьбой на Оле, считая, что в браке его ждет одна «канитель». Поэтому же он так

холоден, раздражителен и груб в разговорах с невестой, так легко расстается с ней ради другой.

Островский и Соловьев показали жизнь провинции с ее ленивой суетой, тоскливым самодовольством и разъедающей пошлостью просто, без нажима, не вводя ее в качестве темы в обличительные монологи. И в этом соавторы опять-таки шли художественными путями, открывавшими возможность для такого показа трагизма мелочей жизни, который будет полностью осуществлен в творчестве Чехова.

Однако, в отличие от Чехова, соавторы резко обнажают тоску жизни. Когда героиня пьесы — Ренева появляется в этом омертвелом мирке, она производит сильное впечатление на всех. Правда, деревенские жители не слишком определенны в своих попытках отдать себе отчет, чем же именно произвела такое впечатление на них Ренева. «Вот она какая! Откуда такая проявилась?» — удивляется Рабачев. «Она вот какая, она уговорит, кого хочешь!» — пугается Оля. И лишь Залешин чуть конкретнее в своих словах о Реневой: «Жизнь, понимаешь ты,— всю жизнь можно отдать за ласку такой женщины. К черту тогда все...» — говорит он Рабачеву.

Обаяние Реневой — это обаяние новой, свободной и смелой личности, не знающей и не признающей преград к осуществлению своих желаний. «Я не такая барышня, каких вы видели, я другая, совсем особенная»,— заявляет она Рабачеву. «Я для вас новость ⟨...⟩ Женщина вольная, как птица!» Она как вестник из какого-то иного мира, где живут, а не прозябают, где волнуются, чего-то ищут, к чему-то стремятся. Она — утверждение возможности, реальности такого мира. Среди скованных всякого рода условностями людей Ренева возникает как свободная и независимая личность. Кажущаяся полнота и насыщенность ее жизни, лишенной всякого расчета, боязливого заглядывания вперед, суетного взвешивания приобретений и утрат, как бы обнаруживают новую меру понимания бытия. Этой новой мерой, этой безоглядностью, высвобождающей все силы личности для интенсивного проживания настоящего момента, Ренева и покоряет окружающих, заставляя их подчиняться себе. При первом же разговоре с Реневой скрытная Оля невольно испытывает желание все рассказать новой «подруге». А Рабачев понимает, что именно такой вот смелой безоглядности ему не хватает в робкой, скованной предрассудками Оле.

Ренева — воистину новая личность нового времени. Ни одно из прежних понятий, ни одна из привычных норм не властны над нею. Никакие меркантильные выгоды не заставят ее остаться в имении. Никакие расчеты не вынудят ее выйти замуж за Худобаева, хотя в этом случае ей обеспечено спокойное и даже по-своему завидное существование одной из первых дам уезда. Свою одинокую и в общем-то скорбную судьбу она не променяет на сытость мещанского

благополучия. Но соавторы вовсе не закрывают глаза и на другие стороны своей героини. Никакой апологии нового человека в пьесе нет. Напротив. Уже в начале пьесы выясняется, что Ренева не только обитателей болота заставляет иначе взглянуть на свое житье, но и сама вынуждена задуматься над смыслом своей жизни. И эта попытка отдать самой себе отчет в принципах существования оканчивается безрадостно. «Не знаю, что я, зачем я?» — откровенно признается она, и этот мотив бессмысленности сугубо эгоистического существования все отчетливее звучит по мере развития действия пьесы. Подчеркивая этот момент, Островский и предложит своему соавтору назвать пьесу «Светит, да не греет» *(ПСС, XV, 187)*.

Любовная коллизия драмы внешне очень проста, ограничена традиционным «треугольником», но вместе с тем выходит за рамки обычной любовной истории. Она резко отличается от коллизий современных ей популярных мелодрам, с которыми критики щедро сравнивали «Светит, да не греет», разумеется, не в ее пользу. Драму Островского и Соловьева даже объявляли слабым сколком с нашумевшей «Майорши» И. В. Шпажинского, драматурга, эффектно приспосабливавшего идеи и образы Островского к вкусам буржуазной публики. Теперь Реневу называли измельчавшей героиней «Майорши», роковой разлучницей Фенечкой.

На самом деле социально-психологическая коллизия развивается в «Светит, да не греет» в подчеркнутой полемике с мелодрамой. В произведениях этого плана роковая женщина искусно и злонамеренно разбивала счастье двух людей. Схема эта воспроизводится и в данной пьесе. При первой встрече с Олей и Рабачевым Ренева рассказывает им о счастливой парочке, которую она видела у себя в саду и которая пробудила у одинокой женщины ревнивую зависть и желание погубить «это чужое счастье». В дальнейшем она действительно губит его, но губит случайно, даже не подозревая об этом. Никакой злонамеренности в ее поступках нет, кто именно невеста Рабачева, да и есть ли у него на самом деле невеста, она не знает. Смерть Оли рисуется в пьесе не как результат коварства одного лица, а как следствие ряда сложных причин. Так примитивная мелодраматическая схема опровергается более сложным и реальным представлением о жизни.

Как ни серьезен конфликт Реневой с Рабачевым, сам по себе он лишь открывал возможность трагического исхода. Другую возможность показывают линии Ренева — Залешин и Ренева — Худобаев, по существу, в сниженном виде дублирующие основную.

Поначалу «невидная и простенькая» Оля явно проигрывает рядом с красочной и своенравной Реневой. Ее трепетная поэтическая взволнованность, ее мягкий лиризм как-то скрадываются и попадают в тень, отбрасываемую яркой красотой Реневой. Для того чтобы

раскрыть духовное богатство Оли, драматурги после первой встречи более нигде не сводят противниц вместе. Их соперничество превращается в заочный поединок. Вслед за каждым новым свиданием Реневой и Рабачева идет сцена с участием Оли. Она служит своеобразным зеркалом, прямо и точно отражающим действительное содержание предыдущей встречи, тех изменений, которые произошли в результате ее. Если на самом свидании все усиливающаяся страсть Рабачева к Реневой затушевывается внешне безобидными фразами, то чуткая Оля всякий раз точно улавливает новую степень привязанности своего возлюбленного к другой. Ее разговоры с Рабачевым — своего рода комментарий к предыдущим сценам. Здесь-то и выясняется необыкновенная духовная красота девушки. Если у Реневой чувства красочны, но наигранны, то чувства Оли естественны и глубоки. До подлинного трагизма возвышается маленькая Оля в заключительной сцене с Рабачевым. Тихая мещаночка, едва-едва поднимавшаяся над общим уровнем, мечтавшая о новом, веселеньком домике с окнами на реку, начинает напоминать Ларису в «Бесприданнице» с ее словами о том, что любви в современном мире нет.

После «Светит, да не греет» пути Островского и Соловьева разошлись. Некоторая доля ответственности за это лежала на друзьях Соловьева. Но, скорее всего, и сам Островский считал, что направил ученика на верный путь. Действительно, отдалясь от наставника, Соловьев продолжал оставаться близким ему по своим идейно-творческим устремлениям, сохранял верность художественным принципам «академии» и продолжал внимательно выслушивать советы Островского.

В пьесах, созданных Соловьевым непосредственно за периодом сотрудничества с Островским (1883—1885), видны наблюдательность, чуткость к общественным сдвигам, прочные драматургические навыки: «Прославились!», «Ликвидация», «Медовый месяц», «Разрыв». Он иронически показывал тягу современного купечества к политиканству, полное разложение современного дворянства, психологически точно рисовал образы современных молодых женщин. Следующие его пьесы («Соперник», «Чрезвычайное происшествие», «Деньги есть, а счастья нет» и др.) были слабее предыдущих. Поздние письма Соловьева *(ГЦТМ, № 73605, 73808, 73812, 73825)* говорят о его крайне удрученном состоянии, болезненной реакции на критику и закулисные интриги. Вспоминая о последних годах жизни семьи, дочь Соловьева актриса В. Н. Светлова-Соловьева пишет о том, что в этом время «нужда стала неизменной спутницей» их дома, что отец, оторванный от театральной среды Москвы и Петербурга, все чаще бывал «молчаливым, угрюмым, уходившим бродить в одиночестве по лесу», здоровье его резко ухудшилось

(см.: *В. Н. Светлова-Соловьева, Драматург Н. Я. Соловьев.— Газета «Вперед» (Юхнов), 1961, 8 и 10 июня).* В 1898 году почти всеми забытый Соловьев умер. В историю русской драматургии и театра он вошел прежде всего как соавтор Островского.

7

Вторым соавтором Островского был Петр Михайлович Невежин. Он родился в 1841 году, воспитывался в Московском кадетском корпусе, по окончании которого участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. После ранения он вернулся в Москву и начал писать пьесы. Первые две не были одобрены цензурой. Когда была запрещена третья — «Блажь», он решил обратиться за помощью к Островскому. Как вспоминает Невежин, драматург выслушал его со вниманием и упрекнул: «Из вашего рассказа я узнаю в вас настоящего русского человека. Столько времени писать, затрагивать такие интересные вопросы и не отдаться всецело литературе» *(«Восп.», стр. 248)*. Прочтя оставленную ему «Блажь», Островский предложил Невежину сотрудничество. Это было в начале 1879 года. Однако вплотную заняться пьесой Невежина он смог только в 1880 году.

По своей ситуации «Блажь» напоминает «Лес» (1871). Стареющая барыня Сарытова, как и Гурмыжская, находит себе усладу в романе с молодым управляющим. А молодой человек — Баркалов, как и Буланов, пуст, развязен и глуп. От романа своей старшей сестры и крестной матери страдают крестницы-сестры Ольга и Настя. Уездная сваха и переносчица вестей Гурьевна унаследовала многие черты Улиты. Но именно при сходстве ситуаций становилось ясно, насколько обнищало и потеряло прежнюю властность дворянство. Сарытова уже не в коей мере не обладает ни доходами, ни уверенностью Гурмыжской. Новые отношения по-иному поворачивали действие и освещали характеры пьесы.

Борьба в комедии велась не против Сарытовой, а за нее. Задуманная и проведенная Ольгой интрига — переманить Баркалова на выгодное место управляющего к ее богатой тетке и тем самым спасти их собственное имение от полного упадка — скрыта не только от персонажей пьесы, но и от зрителей. Неожиданный и смелый план Ольги не только придавал пьесе особую занимательность, но и показывал последнюю степень падения Баркалова. В новой обстановке становятся возможными самые невероятные с точки зрения прошлого союзы. Ростовщик Лизгунов, не принятый в приличном обществе, считает себя в праве делать предложение Ольге. А маленький хищник нового времени, воспитанник Гурьевны Митрофан, пока еще по мелочам обирающий крестьян да вертящийся около приживалов типа Баркалова, хотя и с некоторой опаской пригляды-

вается к младшей — Насте, но все-таки не видит в браке с ней ничего невозможного. В «Блажи» меньше. чем в других совместных пьесах, чувствовалась рука Островского: пьеса была растянута, характеры не отличались глубиной.

Вторая пьеса Островского и Невежина — «Старое по-новому», само заглавие которой отражало ее проблематику и идейную направленность. Действие пьесы протекает в глухом уголке России, па постоялом дворе, в месте, сходном с тем, где когда-то разворачивались бурные события комедии «На бойком месте» (1863). И снова именно это сходство позволяло соавторам показать изменения в жизни страны. Первый этап накопительства, во многом связанный с риском, с сильными, «шекспировскими» страстями, с разбоем и наживой, прошел, сменился размеренным движением буржуазного «прогресса» и нивелировкой прежде глухих и страшноватых мест. Постоялый двор Федосьи Ивановны — уже не мрачный притон Бессудного. Это заброшенное, скучное место, куда лишь случай да хорошенькая внучка содержательницы двора приводят различных людей.

В центре пьесы оказывался выбор этой внучкой — Наташей своего избранника и вместе с ним пути в жизни. Ситуация «Дикарки» повторялась, спускаясь в более низкие слои общества и вовлекая в свою орбиту новых людей. Прасол Щемилов — один из наиболее реальных претендентов на руку Наташи — являл собой новые экономические силы в деревне. Перед ним одна цель — пользуясь неурожаями, как можно прочнее закабалить крестьян. Будучи не в состоянии отдать долги, крестьяне становились «вечными даровыми работниками» у Щемилова. Естественно, что желания Наташи помогать народу, открыть школу для деревенских ребятишек для него непонятны и неприемлемы.

Небогатый землевладелец Медынов давно уже оставил мысль «быть благодетелем всего человечества» и удовлетворился земской деятельностью, хотя и сам отзывается о ней с иронией: «В самом деле, двое, не то трое мужичонков благодетелем зовут». Он не может предложить Наташе ничего другого, как только честно и правдиво делать свое маленькое дело. Сын трактирщика, рыжий парень Семен Стойкин, давно и безнадежно влюбленный в Наташу, сам чувствует, насколько не хватает «полировки» его буйной и неотесанной душе.

Зато молодой дворянчик Евлампий Пикарцев выступает во всеоружии. На Наташу обрушивается апробированный, испытанный набор рассуждений о полезной деятельности, о правах и обязанностях, о собственном достоинстве. Все это было успешно испробовано предприимчивыми молодыми людьми на героинях пьес, подобных «Гражданскому браку» Н. И. Чернявского или «Паутине» И. А. Манна. Написанные ради обличения новых просветительских тенден-

ций, эти пьесы успешно защищали идею церковного брака и раскрывали ужасную судьбу молодых девушек, поверивших россказням нигилистов. У Островского и Невежина подобные разговоры приписывались вовсе не молодым вольнодумцам. Они велись дворянами и были, по меткому определению Медынова, старыми как мир способами обольщения неискушенных девушек: «Пикарцев — новый человек! — удивлялся Медынов.— Что в нем нового? Только платье, а мозгам да всей-то его душонке сто лет с хвостиком». Впрочем, и Наташа постепенно поняла пустоту и празднословие Евлампия. Четыре их диалога показывают последовательно ступени прозрения Наташи.

Строя свою пьесу намеренно схематично, дискредитируя сразу или постепенно каждого из претендентов на брак с Наташей, соавторы достаточно трезво оценивали безрадостную судьбу молодой девушки, охваченной страстным желанием «послужить людям». Не выдерживали проверки временем не только старозаветные желания «пожить всласть» с молодой хозяйкой, исповедуемые Щемиловым, но и идеи женской эмансипации или «теория малых дел». Наташа была в своих духовных запросах шире всего этого. Брак ее с Медыновым, как и брак Вари с Мальковым, означал лишь неизбежное, неизменимое на данном этапе течение жизни.

После «Старого по-новому» сотрудничество Островского с Невежиным распалось. Собственные пьесы Невежина (особенно такие, как «Друзья детства», «Вторая молодость», «Сестра Нина») пользовались неизменным успехом у самых широких слоев зрителей. В них ощущались хорошая драматургическая школа, умение вести действие, подметить тенденции времени и подать их в угодной буржуазной публике мелодраматической оболочке.

Первое издание своих пьес в двух томах (М., 1898—1901) Невежин посвятил памяти Островского, однако это почтение не помешало ему поместить там совместное «Старое по-новому» как собственное произведение, со значительными переделками текста, которые меняли его звучание. Невежин написал воспоминания об Островском (они были частично опубликованы в журнале «Театр и искусство» за 1906 год, а затем полностью в «Ежегоднике императорских театров» за 1909 и 1910 годы, перепечатаны в кн. «А. Н. Островский в воспоминаниях современников»). Они содержат ряд интересных страниц о совместной работе. Но намеренно неверны, когда Невежин описывает трения между Островским и Соловьевым. Умер Невежин в 1919 году.

«Женитьба Белугина», «Дикарка», «Светит, да не греет» и по сей день не сходят со сцены отечественного театра. Душевные искания

Елены Карминой и Андрея Белугина, Вари Зубаревой и Анны Реневой и сегодня волнуют зрителей, живущих свершениями иной эпохи. Так что же дало столь долгую жизнь этим произведениям? Живая близость к характерам и конфликтам 70-х годов их молодых современников или отточенная и полнокровная художественная работа мастера? Откуда идут завоевания совместной драматургии — от ее молодых творцов или от их стареющего соавтора? Сам Островский, словно бы предупреждая этот вопрос, дал удивительно глубокое решение загадки сотрудничества. По его словам, оно возможно только при полном слиянии двух индивидуальностей, когда не так уж важно, кому первому пришла в голову та или иная художественная мысль. В конечном итоге она в равной мере принадлежит обоим.

Но критика 70-х годов, не удовлетворенная подобным подходом, была, скорее, склонна считать, что все лучшее, живое в совместных пьесах принадлежит молодым соавторам великого драматурга, а тот лишь прикрепил к ним «пробку своей знаменитой фабрики». Так язвительно писал один из современников по этому поводу. В этом же духе, хотя и в более смягченной форме высказывались и другие. Много лет спустя, когда стали доступны для первого ознакомления рукописи и письма драматургов, возобладала другая тенденция — считать, что все лучшее, прогрессивное, художественно совершенное привнес в совместные пьесы один Островский.

Истина, однако, все-таки заключена в словах Островского. И внимательное изучение черновых рукописей и переписки позволяет утверждать, что совместные произведения не являются ни результатом механического соединения разных индивидуальностей, ни исключительной заслугой гения Островского.

Совместные пьесы занимают свое, особое место в русской драматургии последней четверти XIX века. Примыкая к творчеству Островского, они не сливаются с ним, а образуют особую группу произведений, вносящих новые черты в художественную картину пореформенной России и выявляющих новые тенденции в развитии русской драмы. Тенденции живые, перспективные, подхваченные творчеством и Чехова и Горького.

Л. Данилова,
Ю. Чирва

«СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ»

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1877, № 7, стр. 5—38, за подписью Щ.......

Рукописные источники:

«Счастливый день жизни. Всех устроила! Сцены в захолустье из минувшего невозвратно» Н. Я. Соловьева, черновой автограф *(ЧА$_1$) (ЦГАЛИ)*;

«Счастливый день» Н. Я. Соловьева, черновой автограф *(ЧА$_2$)*, заглавный лист отсутствует, имеет многочисленные исправления Островского. Дата: 7 июня 1876 г. Костромская губ. *(ПД)*;

тетрадь вставок Островского к рукописи Соловьева, им же написан заглавный лист, подпись Щ-ский *(ПД)*;

театральный цензурованный экземпляр *(ЦТК)*, содержит поздние цензурные исправления *(ЛГТБ)*;

режиссерский экземпляр *(ММТ)*.

Печатается по тексту «Отечественных записок» со следующими основными исправлениями по *ЧА$_2$*:

Стр. 10, строки 25—26
«я себе от чубука не вижу...» *вместо* «я себе не вижу».

Стр. 17, строка 3
«выдумываешь» *вместо* «выдумаешь».

Стр. 18, строки 31—32
«а и то он по головке поглаживал» *вместо* «а и то поглаживал».

Стр. 27, строка 15
«ждала радости, награды» *вместо* «ждала радости награды».

Стр. 27, строка 20—21
«я сделаю вас своим секретарем» *вместо* «я делаю вас своим секретарем» *(исправлено по смыслу)*.

Стр. 37, строка 3
«Именно, что — чудеса!» *вместо* «Именно, что чудесно!»

В начале лета 1876 г. Н. Я. Соловьев приехал в Щелыково и привез наброски комедии «Счастливый день». Здесь он продолжил над ней работу и закончил пьесу 7 июня 1876 г. Уехав из-за болезни матери, Соловьев оставил текст пьесы Островскому. Судя по упоминаниям в рукописи пунктов боев в период войны Сербии и Черногории с Турцией, Островский занимался ею в первой половине июля того же года. Затем внимание соавторов было отвлечено «Женитьбой Белугина», а о «Счастливом дне» вспомнили много позже. 4 апреля 1877 г. Островский написал Соловьеву, что «Счастливый день» просят для бенефисов *(ПСС, XV, 82)*, в мае передал его Салтыкову-

Щедрину для публикации в «Отечественных записках», в сентябре сообщал Соловьеву, что пьеса прошла цензуру и Театрально-литературный комитет *(ПСС, XV, 95)*.

По-видимому, Соловьев познакомился с исправлениями Островского только в публикации, поскольку 5 сентября 1877 г. писал: «Я читал «Счастливый день», — все, внесенное Вами, прекрасно, и пиеса вышла много оживленнее» *(«Переписка», стр. 37)*. Островский еще не решил, будет ли он выступать в печати совместно с Соловьевым, поэтому предпочел подписать пьесу псевдонимом Щ....... (Щелыковский).

Работа Островского над «Счастливым днем» была довольно значительной. Он внимательно прочел текст Соловьева, выправил отдельные явления, реплики, выражения, а наиболее важные вставки занес в отдельную тетрадь. Он переименовал почтмейстера из Снигирева в Сандырева, отчасти связав его фамилию с профессией («сандарак — смолка, которой писцы протирали скоблюшки, чтобы письмо не растекалось», *Д а л ь, т. IV, стр. 137)*, генерала Шульгина в Шургина, уделил внимание языку действующих лиц. Но, главное, правка Островского приближала пьесу к современности.

У Соловьева действие пьесы происходило в период франко-прусской войны, о чем свидетельствовало упоминание почтмейстером примет времени: разгрома французской армии в сентябре 1870 г., падения Парижа, взятия в плен Наполеона III и планов Бисмарка. Островский перенес действие в 1876 г., во время обострения национально-освободительной борьбы славянских народов против владычества Турции. В связи с этим он заново написал в первом акте почти все первое явление — до слов Сандырева: «Каша из горшка ушла, что ли?» и четыре последних реплики. В шестом явлении вычеркнул начало, где шла речь о Наполеоне.

Другие вставки Островского более резко, чем это было в варианте Соловьева, подчеркивали атмосферу тяжкого положения дел в Российской империи, произвола и беззакония. Островский исправил разговор Сандыревых с почтальоном Михаленко (во втором явлении первого действия) и добавил здесь кусок от слов Сандыревой: «Что ж это?» до ее же реплики: «Вы только посудите, что у нас на руках». Островскому принадлежит бо́льшая часть третьего явления первого действия — от слов Солдатки: «И ведь какие озорники!» до конца.

Во втором действии (явление седьмое) у Островского развивалась тема взаимоотношений почтмейстера и Михаленко (добавлены реплики Шургина и Сандырева от слов: «Как — человеколюбие?» до «Странная филантропия»). В двенадцатом явлении была добавлена реплика Михаленко о «святой воде». В первом явлении третьего действия была усилена растерянность Сандыревой и тема общей неразберихи (Островский дописал начало от слов Сандыревой: «Много детей, очень много!» и финал от реплики: «Ну, что ж я могу»).

Остальные переделки касались характеров дочерей почтмейстера и их судеб. В четвертом явлении первого действия Островский написал новое начало от слов Сандыревой: «не к лицу она нам с тобой», содержавшее сетования Липочки на бесцельность жизни, а также большую часть пятого явления (от слов Липочки: «сделайте такую милость»), где девушка томилась от скуки и безделья и собиралась идти в портнихи, чтобы делать «что-нибудь нужное, полезное». (Мотив, характерный для литературы 60—70-х годов.) В шестом явлении Островский добавил часть беседы Сандыревой с Нивиным

(от слов Нивина: «Так вы хотите лечить ее?» до его же: «как рукой снимет»). В восьмом явлении Островский вставил две реплики (вопрос Насти: «Сестрица! Не почивать ли?» и ответ Липочки: «Может быть... Лучше спать, чем пустяки болтать»). В седьмом явлении третьего действия, где судьба Липочки завершалась замужеством, Островский включил реплику Нивина о «вариациях» в скуке и написал новый финал (от слов Липочки: «А теперь надо поверить вам?»).

Во втором действии правка Островского подчеркивала успешное выполнение Настей возложенной на нее миссии обольщения генерала. В третьем явлении были дописаны три последние реплики. В четвертом добавлено начало, где Настя достаточно цинично заявляла матери: «Я свое дело знаю» и значительные куски диалога Насти с Ивановым (от ее слов: «К кому, к нам?» до ответа Иванова: «Я не знаю-с, должно быть, тоже-с», от вопроса Насти: «В кого же вы влюблены?» — до слов Иванова: «еще не было случая-с» и конец от слов Насти: «Вот и представьте мое положение!»). В третьем действии Островский дописал финал десятого явления от реплики Насти: «Мы, мама, с Петром Степанычем за музыкой послали».

Премьера «Счастливого дня» состоялась в Москве, в Малом театре, 28 октября 1877 г., в бенефис М. А. Дурново, со следующим составом исполнителей: Сандырев — С. В. Шумский, Сандырева — С. П. Акимова, Липочка — Е. С. Шумская, Настя — В. П. Музиль-Бороздина, Нивин — М. П. Садовский, Шургин — В. А. Макшеев, Иванов — Н. И. Музиль, Михаленко — М. А. Дурново, Солдатка — Х. И. Таланова, Мещанин — Н. М. Никифоров.

В Александринском театре комедия впервые шла в бенефис А. М. Читау, игравшей Сандыреву, 14 ноября 1877 г. Остальные роли исполняли: Сандырев — Ф. А. Бурдин, Липочка — Е. И. Левкеева (Левкеева 2-я), Настя — М. Г. Савина, Нивин — А. С. Полонский, Шургин — К. А. Варламов, Иванов — Н. Ф. Сазонов, Михаленко — И. Ф. Горбунов, Солдатка — П. П. Павлова (Павлова 2-я), Мещанин — П. А. Петровский (Петровский 1-й).

Московская премьера прошла удачно: «артистов вызывали после каждого акта и некоторых даже после сцен» *(ПСС, XV, 95)*. Островский не возлагал больших надежд на успех пьесы в Александринском театре. Еще в сентябре 1877 г. он писал Соловьеву: «Наперед надо знать, что всякая талантливая бытовая вещь в Петербурге на сцене будет испорчена, а в газетах облаяна, и не огорчаться этим» *(там же)*. Однако и в Петербурге пьеса прошла с успехом *(ПСС, XV, 103)*, хотя, по отзыву Ф. Н. Плевако, Читау «шаржировала», но зато Левкеева была прекрасна *(ПСС, XV, 104)*.

После успешных постановок критика заговорила о художественных достоинствах пьесы. Обычно относившийся к Островскому не слишком доброжелательно В. П. Буренин на этот раз писал в «Русских ведомостях» о том, что «типы, выведенные автором,— типы не особенно старые, а в частностях своих и вовсе-таки еще не эксплоатированные на сцене», относя к ним Липочку, Нивина и почтмейстера *(1877, 30 октября)*. Известный драматург и театральный критик Н. А. Потехин (Р-цы С-во Т-до), достаточно придирчиво разбиравший современную драматургию, находил, что «автор жизненно, правдиво и без особых задач и драматических притязаний нарисовал картинку быта провинциального чиновничьего семейства»,

и отмечал в молодом драматурге «наблюдательность, знание сцены и литературное дарование» *(«Спб. вед.», 1877, 18 ноября)*. Рецензент, скрывшийся под псевдонимом Икс, писал в «Современных известиях», что в литературном отношении «Счастливый день» — «вещица весьма недурная», что «лица, выведенные автором, типичны и некоторые не лишены даже новизны», но как драматическое произведение пьеса слаба *(1877, 11 ноября)*. Поскольку в печати «Счастливый день» был подписан псевдонимом, а на афишах появился анонимно, упреки и похвалы адресовались просто «автору».

Позднее в обзоре «Петербургская сцена» рецензент «Слова» осудил автора за то, что он изобразил Настю «если не симпатичною, то во всяком случае не отталкивающей» *(1878, № 3, стр. 148)*. Третьестепенный драматург и критик П. П. Штеллер тоже хотел увидеть в Насте представительницу того типа девушек, для которых «дни холодного ее падения никогда не были счастливыми днями» *(«Искусство», 1883, № 27, стр. 310)*.

Первые сценические постановки пьесы в печати были одобрены. Буренин особенно выделял Шумскую, но и в целом находил, что пьеса была разыграна «безукоризненно» *(«Рус. вед.», 1877, 30 октября)*. Потехин приветствовал Савину, Сазонова и особенно Варламова: «Его штатский генерал вышел хоть куда, все сцены проведены им умно, с выдержкою и без обычных рутинных кунштюков» *(«Спб. вед.», 1877, 18 ноября)*. Икс с похвалой отзывался о большинстве московских исполнителей, кроме бенефицианта: о Шумском, который играл «со свойственным ему мастерством», безукоризненной Шумской и Садовском: «Все сцены между г. Садовским и г-жой Шумской прошли замечательно естественно и живо» *(«Современные известия», 1877, 11 ноября)*.

При жизни Островского пьеса прошла в Москве, в Малом театре, 15 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 12 раз (последний спектакль состоялся в Москве 14 января 1879 г., в Петербурге — 20 декабря 1879 г.).

Впоследствии пьеса не раз запрещалась к постановке в народных театрах из-за своей социальной направленности (см. цензорские заключения на экземплярах пьесы в ЛГТБ. Цензорские купюры и рапорты опубликованы в кн.: *«Театральное наследство», М., «Искусство», 1956, стр. 399)*.

Стр. 8

Малый Зворник — небольшая турецкая крепость на правом берегу реки Дрины (в Боснии, входит в современную Югославию), в районе которой в начале июля 1876 г. шли ожесточенные бои между сербами и турками, крепость не раз переходила из рук в руки.

Питсбург — город в Соединенных Штатах Америки, штат Пенсильвания.

Стр. 11

Бурса — духовное училище, семинария.

Стр. 12

Фуражируют — добывают продовольствие.

Инвалидный — начальник роты инвалидов, несшей внутреннюю стражу в уездных городах.

Великий Извор — крепость на правом берегу реки Тимок (в Сербии, входит в современную Югославию), в районе которой 8 июля 1876 г. велись активные военные действия между сербами и турками.

Стр. 17
«Когда я был аркадским принцем...» — знаменитые в 1860—1870-е годы куплеты Ваньки-Стикса из оперетты Ж. Оффенбаха «Орфей в аду», русский текст В. А. Крылова.

Стр. 25
«Ведь лебедь был моим папашей» — слова арии Елены из комической оперы Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена», популярной в 1870-е годы, русский текст В. А. Крылова.

Стр. 28
...счастье... «близко» и «возможно» — перефраз из восьмой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

«ЖЕНИТЬБА БЕЛУГИНА»

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1878, № 5, май, стр. 5—92, за подписью — Н. Соловьев.

Рукописные источники:

«Кто ожидал!» Н. Я. Соловьева, писарская копия *(ПК)* первого варианта «Женитьбы Белугина» с незначительными исправлениями рукой Островского и резолюцией Театрально-литературного комитета: «По журналу Театрально-литературного комитета 2 августа 1875 г. не одобрено к представлению» *(ПД)*;

«Конец — делу венец», черновой автограф рукой Соловьева *($ЧА_1$)* второго варианта «Женитьбы Белугина», дд. II—V; заглавный лист и первое действие утеряны; датирована Соловьевым 13 сентября 1876 г., содержит многочисленные исправления и вычеркивания рукой Островского *(ПД)*;

«Конец — делу венец», черновой автограф рукой Островского *($ЧА_2$)* третьего варианта «Женитьбы Белугина», рукопись содержит отсылки к предшествовавшему варианту *(ПД)*;

«Конец — делу венец», беловой автограф рукой Соловьева *(БА)* третьего варианта «Женитьбы Белугина», имеет некоторые исправления рукой Островского, им же изменено название на «Женитьбу Белугина» *(ПД)*;

черновой автограф V д. рукой Островского *($ЧА_3$)*, содержит отсылки к беловому автографу Соловьева *(ПД)*;

театральная писарская копия *($ТПК_1$)*, режиссерский экземпляр Александринского театра, с пометками режиссеров и зарисовками планов сценического оформления пьесы *(ЛГТБ)*;

театральная писарская копия *($ТПК_2$)*, суфлерский экземпляр, с многочисленными пометками суфлеров *(ЛГТБ)*;

театральная цензурованная писарская копия *(ЦТК)*, она же — режиссерский экземпляр Малого театра *(ММТ)*;

авторизованная театральная цензорская копия *(АТК)*, описана в обзоре Н. А. Пыпина «А. Н. Островский в собраниях театральной библиотеки им. А. В. Луначарского» *(«Театральное наследие. Сборник первый», Л., изд. Гос. академич. театра драмы, 1934, стр. 188)*, приведен ряд исправлений Островского (в настоящее время в *ЛГТБ* утеряна).

Печатается по тексту «Отечественных записок» со следующими основными исправлениями по рукописным источникам:

Стр. 43, строка 39
«здравствуй!» *вместо* «здравствуйте!» (по всем рукописным источникам, кроме *ПК* и *ЧА*$_1$, где первый акт отсутствует).

Стр. 46, строка 9
«что в Сибирь ссылают...» *вместо* «что...» (по всем рукописным источникам, кроме *ПК* и *ЧА*$_1$).

Стр. 46, строки 30—31
«По-приятельски, нечего сказать, по-приятельски!.. Удружил!» *вместо* «По-приятельски, удружил!» (по всем рукописным источникам, кроме *ПК* и *ЧА*$_1$).

Стр. 48, строка 41
«честней самому-то» *вместо* «честней самому...» (по всем рукописным источникам, кроме *ПК* и *ЧА*$_1$).

Стр. 49, строка 33
«Я кругом виноват перед тобой!» *вместо* «Я кругом виноват пред тобою!» (по всем рукописным источникам, кроме *ПК* и *ЧА*$_1$).

Стр. 58, строка 31
«через час» *вместо* «чрез час» (по всем рукописным источникам, кроме *ПК*).

Стр. 77, строка 32
«Как жестки эти слова!» *вместо* «Как жестоки эти слова!» (по всем рукописным источникам, кроме *ПК*, по тексту журнала и всех дореволюционных изданий; во всех советских изданиях — «жестоки»).

Стр. 95, строка 14
«Довольно, разыграл дурака» *вместо* «Довольно разыгрывал дурака» (по *ЧА*$_2$, *БА*, *ТПК*$_1$, *ТПК*$_2$, *ЦТК*).

Стр. 98, строка 14
«Я скажу вам» *вместо* «Я скажу всем» (по *ЧА*$_2$, *БА*, *ТПК*$_1$, *ТПК*$_2$, *ЦТК*).

Стр. 114, строки 13—14
«с хорошей-то женой» *вместо* с «хорошенькой женой» (по *ЧА*$_3$, *ТПК*$_1$, *ТПК*$_2$, *ЦТК*, указано как авторская правка в *АТК* в обзоре Пыпина).

Комедия «Женитьба Белугина» имеет сложную творческую историю.

9 марта 1875 г. Н. Я. Соловьев вчерне закончил комедию в пяти действиях, шести картинах «Кто ожидал!» В июне она была переписана писарем и представлена на рассмотрение Театрально-литературного комитета. Отзыв от 2 августа 1875 г. оказался неодобрительным и сводился к тому, что «Кто ожидал!» во многом напоминает идущую на сцене «Злобу дня» Н. А. Потехина и «при бедности вымысла слишком растянута» *(ЦГИАЛ)*.

В упреках была доля справедливости, но в целом приговор звучал излишне категорически. Комедия Соловьева обладала достоинствами, которые и привлекли к ней внимание опытного драматурга. Ее прислал Островскому в начале 1876 г. К. Н. Леонтьев, и 7 февраля, ознакомившись с ней, Островский отвечал: «Пьеса «Кто ожидал!» имеет большой интерес, но для того, чтоб иметь успех, требует, по моему мнению, значительной переделки. Если б я мог

видеть автора и переговорить с ним обстоятельно, я бы охотно предложил ему свое содействие» *(ПСС, XV, 59)*. Этим письмом и было положено начало сотрудничеству драматургов.

Сюжет комедии «Кто ожидал!» был во многом близок к окончательному, известному сюжету «Женитьбы Белугина». Мотив женитьбы богатого купца на дворянке не был нов для литературы того времени. Однако от ремесленных произведений многих современников комедия Соловьева отличалась правдивыми характерами и простотой интриги. Ее автор обнаружил в купеческом слое новые черты, на которые тогда же обращал внимание Островский: свежесть чувств, серьезный склад ума, стремление к идеалам. В образе Андрея Белугина им была прекрасно намечена сильная и страстная русская натура с ее широтой и размахом, чуткостью и незащищенностью. В своем бескорыстии Андрей противостоял всем другим лицам пьесы: приятелю Гумбину (в следующих редакциях Сыромятову) с его деляческим отношением к любви, «домостроевским» родителям, промотавшемуся Лонскому (Агееву, Агишину) и Елене, которые не представляют себе жизни без «золотой пыли». Для него же не существовало «таких богатств», которые могли бы сравниться с его любимой. Поэтому, упрекая жену в измене, он прежде всего страдал из-за своего поруганного чувства, не ставя ни во что капиталы: «Вот и поезжайте в Петербург, за границу ⟨...⟩ тешьтесь, наслаждайтесь! Состояние у вас есть,— отпировать свое можете!.. Если не достанет — я еще готов... а меня забудьте, что я и на свете есть...» *(ПК, д. IV, явл. 9)*.

Вместе с тем комедия была еще достаточно несовершенна: местами очень растянута, неточна во многих сюжетных ходах, прямолинейна. Лонской почти не действовал в пьесе — он исчезал после второго действия и появлялся лишь в конце, чтобы выслушать отповедь примирившейся с мужем Елены.

Не вполне последовательно раскрывал Соловьев характер молодого Белугина. Удачно наметив его положительные черты, начинающий автор в то же время ставил их в зависимость от патриархальных нравов его сословия. К решительным шагам Андрея побуждали не только собственные переживания, но и гневная речь отца, назвавшего сына «отреченцем». Лишь тогда Андрей в полной мере осознавал горечь своего положения: «Да... да... отреченец! Я забыл, все забыл!.. Оскорбил дедов, отцов, отрекся от всего! Жалкий, несчастный, безумный!» *(ПК, д. IV, явл. 4)*. Прозревшая Елена вместе с мужем приходила на поклон к старикам Белугиным, а Андрей обещал «служить обществу гласным в городской Управе», поскольку «в наше время везде, на каждом деле, нужны настоящие и честные люди» и «можно и в мучной лавке сидя — принести пользу и заслужить уважение от общества» *(ПК, д. V, к. 1, явл. 5)*.

В начале мая 1876 г., оправившись от тифа, Соловьев приехал в Щелыково и там провел все лето, работая над новым вариантом пьесы. И хотя по рукописям нам трудно судить о роли Островского в создании этого варианта, работа бесспорно проходила при тесном общении драматургов. «...работаю много, но пьесы не пишу никакой»,— сообщал Островский В. И. Родиславскому 29 июня 1876 г., имея в виду совместное творчество *(ПСС, XV, 66)*.

Новый вариант был закончен в Щелыкове в середине сентября 1876 г. и, по-видимому, назывался «Конец — делу венец» по словам из последнего монолога старика Белугина (заглавный лист и 1-е действие в рукописи отсутствуют — *ПД*). По сравнению с «Кто

ожидал!» пьеса значительно изменилась. Ей была придана сюжетная и композиционная стройность. В основе конфликта лежало уже не столкновение дворянства и купечества, а поединок людей различных мироощущений, несхожих представлений о ценностях жизни.

Соловьев сначала был недоволен совместной работой. «Из Москвы я уехал со страшным мраком на душе, явился сюда, Островский ждал меня, ждала и не ожиданная мною работа, ломка опять почти всей моей пьесы, по его плану!» — жаловался он Леонтьеву 7 сентября 1876 г. Но в том же письме видно, что Соловьев все-таки понял, что Островский в процессе совместного творчества хотел развить в произведении Соловьева лучшие его задатки: «Пьеса теперь почти готова, и получила она только другое освещение, а душа ее та же» *(«Лит. насл.», стр. 570)*.

В «Кто ожидал!» Лонской и Елен хорошо понимали друг друга. Теперь же Агеев (как стал именоваться Лонской) искусно, опытной рукой направлял Елен по намеченному им пути, и почти навязывал ей решение о браке. А она уже некоторым усилием воли заставляла себя подчиниться его плану. Убедившись же в моральной растленности Агеева, поняв, что все его заботы о ее «добром имени» не что иное, как хитрая тактика опытного соблазнителя, не желающего себя ничем связывать, Елен порывала с ним.

В новом варианте получили более ясное выражение прямота, страстность и бескорыстие Андрея Белугина (теперь уже не лавочника, а фабриканта). Показателен в этом отношении монолог, который он произносил в конце четвертого акта, содержащий следующие слова: «Вы уезжайте с ним, ну, в Петербург, за границу — надолго, навсегда... средства у вас есть теперь — отпировать свое можете... мало будет... еще возьмете... я ли пожалею денег пустых для вас, когда душу свою принес, сердце отдал!» *($ЧА_1$, д. IV, явл. 9)*.

Однако и в этом варианте все-таки присутствовал мотив благодетельности исконных купеческих нравов. Это проявлялось и в смятении Андрея после упреков отца в непочтении к предкам, и в том, что Елен просила прощенья у старших Белугиных и выражала надежду на их помощь в становлении новой семьи, и в финале, где именно Гаврила Пантелеич приглашал всех на пир по случаю успешного завершения этой «чудно́й» и «странной» истории. Разочарование Елен в Агееве усиливалось ироническим рассказом Сыромятова о поисках обедневшим дворянином миллионной невесты.

Островский значительно выправил текст второго варианта. Он переименовал Стрелиных в Карминых, Агеева в «сниженного» Агишина, «офранцуженную» Елен сделал Еленой. Во втором акте (первый до нас не дошел) Островский совсем вычеркнул ряд явлений: монологи Елен и Агеева, разговор Елен с Агеевым, монолог Андрея, сцену помолвки (явл. 1, 4, 5, 7, 9). Остальные (явл. 2, 3, 6), казавшиеся ему более приемлемыми, выправил. В третьем акте он сохранил лишь вторую половину — явления, связанные с посещением Белугиными дома невесты, и финал, где Елен пробует свои силы в приручении жениха (явл. 6—10 и 15). В четвертом акте значительной была правка в диалогах Андрея с матерью, отцом и Агеевым (явл. 2, 3, 8). В большей степени Островского удовлетворили диалоги Елен с матерью, Агеевым и Андреем (явл. 5, 7, 9). Пятый акт показался ему совсем слабым: здесь много вычеркиваний во всех явлениях. Однако позитивная программа была неясна и Островскому.

Так была подготовлена почва для третьего варианта, который создавался в Щелыкове в сентябре того же 1876 г. Обычно его при-

писывают Соловьеву, считая, что молодой драматург внес туда все поправки Островского и заменил новыми зачеркнутые места *(см. ПСС, X, 475)*. Однако это не так. Как видно из черновой рукописи Островского *(ПД)*, он сам переделал все не устраивавшие его места второго варианта, а в отдельных случаях дал отсылки к уже правленному тексту второго варианта. Соловьев же просто переписал набело черновик Островского, дополнив его недостававшими явлениями из второго варианта.

Приведем примеры некоторых изменений в пьесе, которые в основном касались ее композиционной стройности и уточняли характеры действующих лиц (сравнение дается по *ЧА*$_1$ и *БА*, действия и явления, кроме особо оговоренных, совпадают). Агишин, в отличие от Агеева, раскрывал свои взгляды не в монологах, а в более уместных разговорах с Ниной Александровной (д. II, явл. 4; д. III, явл. 5). В Елене была усилена ее способность к перерождению. Вместо полной веры в Агеева появилось мучительное сознание своей раздвоенности (д. II, явл. 5), вместо спокойного рассуждения о том, как после свадьбы надо будет поскорее «познакомить» Андрея «с его ролью», «охладить его до... до... ну, до обыденного полуразочарования», возникла тревожная реплика Елены: «как жестки эти слова!» (*ЧА*$_1$, д. III, явл. 4; *БА*, д. III, явл. 6).

Чувства Андрея получили большую яркость выражения. Вручая Елене подарок, он уже не просто говорил, смущаясь: «Нет-с, ведь мы так — что взглянет на нас» (*ЧА*$_1$, д. III, явл. 1), а отстаивал свой вкус (*БА*, д. III, явл. 3). Его монолог в момент ожидания ответа не содержал рассуждений о возможном самоубийстве — «один миг, и кончен Андрей» (д. II, явл. 7), стал проще и потому убедительнее. Ряд поправок Островского во многом снимал славянофильскую окраску образа Андрея и делал его более независимым от родителей не только материально, но и духовно.

Островский находил, что получилась «вещь очень сильная» *(ПСС, XV, 70)*, и считал ее пригодной к выпуску в свет. 19 сентября 1876 г. Островский писал М. П. Садовскому, что вскоре пришлет ему комедию Соловьева для передачи на конкурс в Общество русских драматических писателей *(ПСС, XV, 73)*. Она называлась по-прежнему «Конец — делу венец» и была представлена под девизом «Не радуйся нашедши, не плачь потерявши». Прохождение по всем ступеням было долгим. 8 февраля 1877 г. Островский сообщал Соловьеву: «Большая пьеса в Петербурге и освободится из мытарства не ранее марта» *(ПСС, XV, 78)*. 11 марта Ф. А. Бурдин прислал Островскому решение жюри, в котором говорилось, что комедия Соловьева признана лучшей, но премии ей не назначено *(Бурдин, стр. 216)*. 2 апреля 1877 г. об этом же появилось сообщение в «Московских ведомостях». Позднее газеты писали «о крайне претенциозном условии конкурса», вследствие которого комедия не получила премии *(«Рус. вед.», 1878, 1 января)*.

Однако Островский утешал Соловьева: «И комиссией, и судьями пьеса Ваша «Конец — делу венец» признана лучшей, но премии ей не назначено, не огорчайтесь этим, Вы ровно ничего не потеряете. Теперь дорога на сцену ей открыта» *(ПСС, XV, 82)*. Но, перечитав пьесу летом 1877 г., драматург нашел в ней значительные просчеты и писал Соловьеву 5 июля: «... конец ее и слаб и сладковат, и должен весьма повредить успеху. Поэтому я два последние акта переделываю совершенно, что к осени будет готово» *(ПСС, XV, 89—90)*.

Островский снова прочел пьесу и сделал небольшие поправки в первых трех актах. В основном же он работал над двумя последними актами. В четвертом сделал небольшие исправления и пометки почти во всех явлениях, здесь же указал на необходимость включения первого объяснения Андрея с женой (в «Женитьбе Белугина» явление 3, соответственно остальные были перенумерованы), а также некоторых других вставок. В пятом акте Островский зачеркнул разговор Андрея с слугой (явл. 2), рассказ Сыромятова о похождениях Агишина (явл. 4), слова Тани об Андрее (явл. 5), ревнивый монолог Елены (явл. 6), ее покаянную речь, обращенную к старикам Белугиным: «Вы сердитесь на меня, что я отняла у вас сына. Да, я виновата перед вами, очень виновата! 〈...〉Без вашей любви я в этом доме сирота! Пожалейте меня!..» (*БА*, д. V, явл. 7), и финал, когда после отповеди Агишину Елена приглашала его посмотреть, как вскоре она огранит «этот брильянт» и заблестит со своим Андреем Гаврилычем (*БА*, д. V, явл. 10).

Этот правленный Островским текст вряд ли можно считать четвертой редакцией «Женитьбы Белугина», так как в основном он отражает негативную правку драматурга. Четвертая редакция — окончательная. В четвертом акте Островский написал третье явление, в диалоге Андрея с матерью (явл. 4) — кусок от слов Настасьи Петровны: «как фабрику-то распустил» до реплики Андрея: «как Сыромятовы поживают?», в пятом явлении добавил часть от слов Андрея: «Коли им неугодно» до приказа Гаврилы Пантелеича: «Приходи вниз завтра пораньше» и финал. Несмотря на то, что вставки, казалось бы, подчеркивали озабоченность Андрея своим благосостоянием («Нет, как можно-с, дело миллионное»), они вместе с тем оттеняли его человеческие качества: отзывчивость на ласку, способность к сопереживанию, чувство собственного достоинства. Здесь Островский снял слегка заискивающие слова Андрея о фабрике: «Нынче время другое, многие господа занимаются» (*БА*), а независимость Андрея от родительских устоев подчеркнул довольно равнодушным его отношением к «купеческим предкам». В восьмом явлении Елена в разговоре с матерью стала проявлять гораздо больше «родственного чувства» к мужу. Островский изменил кусок от слов Елены: «Я замечаю» до слов Нины Александровны: «Ты его уважаешь», убрав таким образом все суждения Елены о том, как «противен» ей муж.

Пятый акт, в сущности, был написан Островским заново, лишь незначительное количество мест пришло туда из предшествовавшего варианта. Все это в корне меняло его смысл: перерождение Елены происходило при активном вмешательстве Андрея, который употреблял ряд «педагогических» приемов для воспитания жены. Разрыв Елены с Агишиным выглядел здесь как закономерное разрешение их лживо-романтических отношений. Пьесу кончал уже не старик Белугин, а Андрей.

К пьесе долго подбиралось название. «Конец — делу венец» не годилось, так как отводило слишком много роли старикам Белугиным. Предложенное же самим Островским: «Расчет», или «Ошибка в расчете» (*ПСС, XV, 95*) — не удовлетворяло потому, что выдвигало на первый план судьбу Елены. 5 октября 1877 г. Соловьев заметил в письме к Островскому: «Или уже так обозначить: «Женитьба Андрея Белугина» (*«Переписка», стр. 38*; в тексте ошибочно — Белухина). Островский вскоре утвердил это название (*ПСС, XV, 104—105*). А 19 декабря сообщал Соловьеву о дальнейшей судьбе пьесы

на театре и в печати: «Теперь она литографируется. Когда получите литографированный экземпляр, Вы увидите, какие перемены я в ней сделал» *(ПСС, XV, 105).*

На афишах театров, а затем и в печати «Женитьба Белугина» значилась под фамилией одного Соловьева, что делало возможными домыслы о сотрудничестве и давало повод для очередных нападок на Островского. Театральный обозреватель «Нового времени» А. Д. Курепин писал о том, что до него дошли слухи о недовольстве Соловьева «разделением славы», и замечал, что «в присутствии руки опытного драматурга тут сомневаться нельзя» *(«Новое время», 1878, 7 января).* В других отзывах откровенно звучала апологетика молодого драматурга — желание противопоставить его Островскому. В рецензии злобствующего Б. М. Маркевича, подписанной псевдонимом Волна, указывалось, что «Женитьба Белугина» явно превосходит комедии Островского «по сценичности своей, по развитию характеров и интересу постепенного драматического хода» *(«Голос», 1878, 29 января).* Уведомляя Соловьева о толках по поводу пьесы в Петербурге, Леонтьев писал ему: «Вот уже вас о сю пору ставят выше Островского ⟨...⟩ Из статей вы видите, что способность к сценическому движению у вас признана большей, чем у Островского» *(«Лит. насл.», стр. 571).* В. П. Буренин, хотя, напротив, объявлял талант молодого писателя «подражательным, ученическим», в то же время переадресовывал все свои упреки Островскому как учителю *(«Новое время», 1878, 26 мая).*

Поскольку в театральных и литературных кругах последние два акта комедии приписывали одному Островскому, в критике спешили высказать ими свое неудовольствие. «Незнакомец» (А. С. Суворин), например, находил, что финал пьесы совсем противоречит образу Андрея Белугина: «Это натура искренняя, страстная, честная, неспособная играть комедию» *(«Новое время», 1878, 20 января).* Зубоскальный и поверхностный театральный критик А. А. Соколов, имевший постоянный псевдоним «Театральный нигилист», иронически замечал, что в финале «Женитьба Белугина» превращается в водевиль «Капризница, или Как все хорошо устроилось» *(«Пб. листок», 1878, 14 января).* Редкими были суждения другого рода, когда говорилось, что последняя часть «проникнута идеальным характером, и процесс нравственного возрождения Белугина в глазах его жены изображен в ней не только правдиво, но и с оттенком поэтического творчества» *(«Всемирная иллюстрация», 1879, т. 19, № 4, стр. 66).*

Ряд отзывов о пьесе был отрицательным безотносительно к проблеме сотрудничества. Р-цы С-во Т-до (Н. А. Потехин) писал: «Живых людей нет, отношения все вымышлены, язык деланный, знания среды, жизни, людей — никакого; характеров, психологического анализа и в помине нет, а происшествий бездна» *(«Спб. вед.», 1878, 13 января).* Возможно, на такую резкую оценку Потехина повлияло явное превосходство «Женитьбы Белугина» над его собственной «Злобой дня». «Пять скучнейших, мертвых актов», «живые нитки, которыми она сшита» увидел в пьесе анонимный рецензент «Петербургской газеты» *(1878, 15 января).*

Холодно отзываясь о комедии, газеты во многом отразили недоумение критики и растерянность публики. Ни одно из собственных произведений Островского не вызывало такого количества сравнений и ассоциаций, как «Женитьба Белугина». Ее соотносили с попу-

лярной в 1850-е годы комедией Э. Ожье «Габриэль» (*«Всемирная иллюстрация», 1879, т. 19, № 4*). Сравнивали ее с немецким мещанским романом Е. Вернера «В добрый час» (*«Пб. листок», 1878, 14 января*); позднее — с французским романом Ж. Онэ «Горнозаводчик» (*«Суфлер», 1885, 28 февраля*). И конечно, рядом с «Женитьбой Белугина» зачастую возникало «Укрощение строптивой» (*«Новое время», 1878, 13 января*). Очевидно, что непривычное, не совсем понятное старались осмыслить с помощью традиционного.

Премьера «Женитьбы Белугина» состоялась в Москве, в Малом театре, 26 декабря 1877 г., в бенефис Н. А. Никулиной, игравшей Елену. Остальные роли исполняли: Гаврила Пантелеич Белугин — К. В. Берг, Настасья Петровна — С. П. Акимова, Андрей Белугин — М. П. Садовский, Кармина — Н. М. Медведева, Агишин — М. А. Решимов, Сыромятов — Н. И. Музиль, Таня — Н. С. Васильева, Прохор — В. А. Макшеев.

Островский, как обычно, принимал активное участие в постановке — «сделал считку, бывал на репетициях и, кроме того, читал отдельно роли артистам». «Зато хлопоты мои вознаградились,— писал он Бурдину в том же письме,— пьеса прошла с огромным успехом: Садовского вызывали не только после каждого действия, но и после каждой сцены. Теперь это дело кончено, пьеса утвердилась на сцене надолго» (*ПСС, XV, 106*).

В Александринском театре «Женитьба Белугина» была впервые сыграна в бенефис М. Г. Савиной, 11 января 1878 г. Состав исполнителей был следующий: Гаврила Пантелеич Белугин — Ф. А. Бурдин, Настасья Петровна — А. М. Читау, Андрей Белугин — Н. Ф. Сазонов, Кармина — Е. Н. Жулева, Елена — М. Г. Савина, Агишин — А. А. Нильский, Сыромятов — И. Ф. Горбунов, Таня — Е. Г. Стремлянова, Прохор — В. Г. Васильев. 12 января 1878 г. Бурдин сообщал Островскому о громадном успехе «Женитьбы Белугина», прекрасной игре Савиной и Сазонова и бесконечных вызовах автора. Однако в том же письме он сетовал на Горбунова, который пренебрег замечаниями Островского насчет костюма, был одет в «модный пиджак, светлые брюки», отчего пропал весь его контраст с Сазоновым. «Вот что значит, нет режиссера», — печально заключал Бурдин (*Б у р д и н, стр. 242*). Островский писал Соловьеву о громадном успехе «Женитьбы Белугина» в Петербурге, которую второй раз взял Горбунов для своего бенефиса (*ПСС, XV, 107*). Публика действительно приняла пьесу восторженно: билетов нельзя было достать, на ближайшие после премьер представления была установлена предварительная запись.

Образ Андрея Белугина принес огромную популярность первым его исполнителям: Садовскому и Сазонову. Дочь Бурдина утверждала, что он и создавался с некоторой ориентацией на Сазонова, который был в этой роли идеален (*«Восп.», стр. 323*). Все газеты сходились на том, что актер был «превосходен», «исключительно хорош» и т. п. «В игре г. Сазонова, — писал Суворин, — Белугин выходит цельным типом, страстным, искренним, честным русским человеком, который требует таких же отношений к себе. Все места, запечатленные этим характером, выходят у г. Сазонова бесподобно, а в сцене четвертого акта он возвышается до значительной степени трагизма» (*«Новое время», 1878, 20 января*). Сазонов играл Андрея Белугина в течение многих лет. Вот как вспоминал Н. Н. Ходотов

сцену, в которой Андрей — Сазонов делал предложение Елене — Савиной: «До сих пор перед моими глазами стоит Сазонов с типичной купеческой ухваткой и русским говорком, с букетом в руках, в белых перчатках, во фраке, который, видимо, стесняет его немилосердно. И так жалко становится милого, славного Андрюшу Белугина. Он млеет, готов сквозь землю провалиться от направленных на него смеющихся обольстительных савинских глаз» *(Н. Н. Ходотов, Близкое-далекое, Л.— М., «Искусство», 1962, стр. 38)*.

И все-таки петербуржец Сазонов был менее «воплощенным купчиком», чем москвич Садовский *(«Суфлер», 1880, 10 августа)*. Как писал Д. В. Аверкиев, «лицо» у Садовского «вышло полное, целое, выдержанное во всех моментах роли»: «То был вначале честный малый, мешковатый и неловкий, влюбленный без ума, порою простодушно грубый, словом, комическая сторона Белугина была передана превосходно, с соблюдением должной меры; когда Андрею волей-неволей приходится взглянуть посерьезнее на все, что его окружает, решить трудное дело всей жизни, когда в нем просыпаются здоровые и серьезные чувства и дума,— какие мужественные и серьезные ноты звучали в голосе г. Садовского. Он точно вырос. И что важно: перед нами был все тот же Андрей, тот же человек, которого вы сперва узнали с комической стороны» *(«Моск. вед.», 1878, 18 января)*. Среди крупнейших исполнителей роли Андрея Белугина были М. Т. Иванов-Козельский, М. В. Дальский, И. И. Судьбинин, Н. К. Яковлев.

Внутренняя сложность Елены делала невозможным однолинейное исполнение роли. В Малом театре она не удалась комедийной Никулиной. Но в Петербурге Савина получила полное признание публики и критики. Один из рецензентов писал о той «душевной милоте», «которую тонкая игра артистки дает прозревать сквозь весь наносный гной и хлам ее пустого светского воспитания» *(«Голос», 1878, 29 января)*. Другой признавал, что она «была безукоризненно хороша» *(«Голос», 1878, 13 января)*. Только Суворин заметил, что Савина «блистала не столько игрой, сколько костюмами» *(«Новое время», 1878, 20 января)*. Но тут же был опровергнут Бурдиным, который писал Островскому о пристрастности этого высказывания: «Более увлекательной бабенки нельзя и представить» *(Бурдин, стр. 243)*. Савина играла роль Елены Карминой до 1900 г. и всегда превосходила других исполнительниц (О. Н. Миткевич, Л. Н. Шувалову, Н. Л. Тираспольскую).

«Женитьба Белугина» была одной из самых популярных пьес на русской сцене. (См. сведения об успехе пьесы в столицах и провинции в обзоре: *В. Филиппов, Театр Островского.* — В кн.: *Островский, Дневники и письма. Театр Островского, Л., «Academia», 1937.)*

При жизни Островского пьеса прошла в Москве, в Малом театре, 42 раза, в Петербурге, в Александринском театре,— 69 раз (последний спектакль состоялся в Москве 27 ноября 1885 г., в Петербурге — 7 мая 1885 г.).

Стр. 53

...на цепь-то посадить — эта угроза имела реальное основание: еще в середине XIX века юродивых и умалишенных, случалось, сажали на цепь.

Променад — прогулка, разгул (*франц.* promenade).

Стр. 71
Теневая — сторублевая ассигнация.

Именные билеты — банковские кредитные билеты на определенное имя.

Стр. 72
...у Фульда-с — ювелирный магазин в Москве.

Стр. 73
à la diable, à la капуль — модные прически 1870-х годов.

Стр. 77
«Вы этого хотели, вы этого хотели, Жорж Данден» — выражение из комедии Ж.-Б. Мольера «Жорж Данден» (д. I, явл. 9), герой которой, богатый крестьянин, женившийся на дочери дворянина, все время испытывает уколы самолюбия.

Стр. 83
Стрельна — известный московский загородный ресторан, место купеческих кутежей.

Стр. 84
Крестовская — застава в Москве, за которой находилась Марьина роща, район увеселений.

Стр. 85
Ажитация — волнение (*франц.* agitation).

«ДИКАРКА»

Впервые опубликовано в журнале «Вестник Европы», 1880, № 1, стр. 5—109. За подписью — А. Островский и Н. Соловьев.

Рукописные источники:

«Без искупления» Н. Я. Соловьева, черновой автограф первого варианта «Дикарки» *($ЧА_1$)*, рукопись рукой Соловьева. Дата: 6 июля 1877 г., Мосальск *(ГБЛ)*;

«День расплаты» Н. Я. Соловьева, беловой автограф второго варианта «Дикарки» *(БА)*, рукопись рукой Соловьева. Дата: 9 августа 1878 г.; содержит небольшие стилистические пометы рукой Островского; некоторые явления (д. I, явл. 1, 2; д. IV, явл. 2) имеют вторую редакцию Соловьева *(ПД)*;

«Дикарка», черновой автограф рукой Островского *($ЧА_2$)*, характеристика действующих лиц, разметка лиц по явлениям, наброски отдельных выражений. Дата: 26 сентября 1879 г., Щелыково *(ПД)*;

«Дикарка», авторизованная театральная копия *(АТК)*, режиссерский экземпляр Малого театра *(ММТ)*;

«Дикарка», писарская копия *(ТПК)*, режиссерский экземпляр Александринского театра *(ЛГТБ)*. По сравнению с печатным текстом содержит некоторые сокращения и изменения текста, связанные со смягчением социальной направленности пьесы: в третьем явлении первого действия сокращен монолог Анны Степановны от слов: «Да, мой друг, разговоры их для меня невыносимы» и изменена ответная реплика Ашметьева на: «Да, я понимаю!.. Но что касается доходности нашего имения, то кажется, мы не очень много

потеряли при новом порядке вещей». В четвертом явлении первого действия изменены две реплики Анны Степановны на: «Хорош помещик, он не знает, что у него в имении делается»; и «Ах! пожалуйста! В этом случае нам уж не до гуманности»; в седьмом явлении первого действия Вершинский говорил, что смотрит на брак как на «экономическую потребность»; в первом явлении третьего действия есть сокращения в двух репликах Вари и Мавры Денисовны.

Печатается по тексту «Вестника Европы» со следующими основными исправлениями по рукописным источникам:

Стр. 128, строки 25—27

«Скоро день погаснет ясный, *вместо* Солнце красное зайдет. Ай, калина! ай, малина!»	«Скоро день настанет ясный, Солнце красное взойдет. Ай, малина! Ай, малина!» (по *ЧА*$_2$, *АТК*).

Стр. 130, строки 11—12

«А то мужчины, говорят, спорят, а мы сидим» *вместо* «А то сидят, и мы сидим» (по *ЧА*$_2$, *АТК*).

Стр. 151, строка 11

«Да вертушка-то» *вместо* «Вертушка-то» (по *ЧА*$_2$, *АТК*).

«Дикарка» была третьей совместной пьесой Островского и Соловьева. Соловьев задумал ее еще в начале 1877 г., о чем свидетельствуют письма к нему Леонтьева *(ЦГАЛИ)*, а в июле того же года вчерне окончил драму «Без искупления», первый ее вариант. Но она не считалась автором завершенной. Лишь в середине декабря он писал Островскому о том, что пьеса готова. Вскоре он привез «Без искупления» в Москву. Пьеса вызвала живой обмен мнениями, был составлен «сценариум», по которому должна была вестись дальнейшая работа. Переписка драматургов первой половины 1878 г. свидетельствует о том, что оба они были в ту пору очень озабочены новой пьесой. 23 января Островский писал соавтору: «Думайте больше о «Дикарке» и сообщайте мне все, что Вы придумаете для нее. Я сам об ней постоянно думаю, мысль богатая» *(ПСС, XV, 107)*. В марте возвращался к пьесе: «Она непременно должна быть сценична и иметь большой успех, иначе Вы погубите Вашу литературную карьеру...» *(ПСС, XV, 111)*. В следующем: «...думайте, работайте, старайтесь захватить больше жизненной правды» *(ПСС, XV, 112)*.

Однако переделка давалась Соловьеву с трудом. Сам он объяснял это так: «Я очень занят теперь новой пьесой ⟨...⟩ Но когда я вторично взялся за нее и подумал, то ни силы, ни права не нашел в себе переламывать внутреннее движение пьесы и касаться главного лица, придавая ему новые оттенки ⟨...⟩ Если я не напишу новую пьесу по составленному нами сценариуму, то, повторяю искренно, это происходит именно оттого, что новая моя пьеса какая-то «интимная» для меня» (*«Переписка», стр. 42)*.

В письмах к Леонтьеву он высказывался об этом более откровенно: «Я не буду писать «Без искупления» по рецепту Островского»,— писал он 26 января 1878 г. (*«Лит. насл.», стр. 571)*. Правда, через месяц тон уже несколько снижается, и Соловьев сообщает

Леонтьеву лишь о том, что он хотел бы сохранить в пьесе «вполне драматический конец» *(там же, стр. 572)* и «русского парня для потехи с Варькой» (это уже в марте 1878 г., *там же*). В мае Соловьев прислал Островскому новый план, в июле сообщил, что заканчивает пьесу, а 9 августа поставил последнюю точку в «Дне расплаты», варианте, который казался Леонтьеву написанным под влиянием Островского: «... вы все переделали вопреки моему вкусу и по вкусу Островского» *(«Лит. насл.», стр. 572)*.

Вслед за этим Соловьев получил приглашение поехать в Щелыково и вместе посмотреть пьесу. Однако привезенный вариант не удовлетворил Островского. Он прочитал его, сделал ряд карандашных пометок, а о произведении в целом с неудовольствием писал 26 августа 1878 г. Бурдину: «Соловьев приехал и привез только зародыш пьесы, только материал, над которым надо долго и прилежно работать, а, может быть, и бросить и взять другой сюжет» *(ПСС, XV, 121)*. Он беспокоился о будущем Соловьева, понимал, что ему теперь «надо написать что-нибудь очень хорошее». Он приветствовал желание Соловьева довести пьесу до конца собственными силами, но указывал автору на недостаточное владение мастерством: «В год Вы можете прибáвить к «Дикарке» несколько подробностей интересных и психологически верных, но пьесы цельной и сильной Вы не сделаете. «Дикарка» и через год останется материалом, из которого нужно строить пьесу» *(ПСС, XV, 127)*. Осенью того же года драматург писал жене: «Соловьев «Дикарку» откладывает до будущего года» *(«Лит. насл.», стр. 116)*.

Летом 1879 г. Островский сам занялся «Дикаркой» и, по собственным словам, «работал все лето, а думал два года» *(ПСС, XV, 154)*. В августе были закончены первые два акта. «...я пишу ее всю снова, с первой строки и до конца, новые сцены, новое расположение, новые лица»,— сообщал он соавтору *(ПСС, XV, 151)*. 26 сентября 1879 г. Островский завершил пьесу. Чувствуя значительность переделки, Соловьев спрашивал своего старшего друга, будет ли он иметь право на «Дикарку»: «В таком виде она, конечно, больше Ваша, нежели моя» *(«Переписка», стр. 62)*. Смысл некоторых изменений остался ему неясен, и он спросил об этом Островского. Островский ответил ему рядом писем, в которых подробно объяснял новую ситуацию и образы пьесы. Однако еще до их получения Соловьев принял всю переработку: «У меня был только нестройный материал; Вы сделали из него замечательно хорошую пьесу, у меня были лица более или менее случайные, так же как и развитие; Вы мои лица возвели в типы и развили пьесу стройно, последовательно, с поразительною психическою верностью!» *(«Переписка», стр. 65)*.

В сюжете первых вариантов «Дикарки» было ощутимо влияние идей и личности Леонтьева, который послужил прототипом главного героя, а фабула пьесы легко соотносилась с фактами его биографии (см. письма Леонтьева к Соловьеву — *ЦГАЛИ, ф. 290, оп. 1, № 41)*.

Очевидно, сюжет «Без искупления» детально обсуждался Соловьевым и Леонтьевым, поскольку в 1880 г., выражая в печати свое неудовольствие «Дикаркой», именно его Леонтьев выдавал за идеал. В разборе критика передавался не только сюжет драмы, но и очень точно ее дух *(К. Леонтьев, Собр. соч., т. 8, М., 1912)*.

После длительного отсутствия в свое имение из-за границы возвращается стареющий барин Ахметьев. Его жена Марья Петров-

на, любящая мужа и обожающая свою молоденькую подругу Варю, невольно содействует их сближению. Невинное кокетство девушки скоро переходит в увлечение, а покровительство Ахметьева перерастает в сильную страсть. Варя отказывает жениху. Вот как описывал Леонтьев идиллические картины этого сельского романа, протекающего на фоне деревенской природы: «Я вижу Варю, кончающую букет для Ахметьева. Я вижу крестьян в цветных рубашках с косами. Я ввожу и смешное в эту цветущую русскую картину» *(там же, стр. 108)*. Но вскоре у Ахметьева появляется соперник. «Я бы ввел на сцену,— продолжал Леонтьев,— юношу, очень молодого, пожалуй, только немножко хмурого волонтера-помещика, вернувшегося из Сербии; в русской безрукавке, в черногорской круглой шапочке, уже раненого *там*, немножко даже недоучепного, но вовсе не прогрессиста ⟨...⟩ красавца и лихого; он умеет водить хороводы, выучился петь сербские песни» *(там же)*. Эта пара как нельзя больше подходит друг к другу. Ахметьев переживает глубокую духовную драму и решает искупить перед женой свои прошлые грехи. Но финал драмы трагичен: «Ахметьев выкатил бы на сцену в кресле *уснувшую навеки* Марью Петровну и, стоя перед ней на коленях, старался бы с отчаянием ее разбудить ⟨...⟩ И вдруг в эту минуту ужасающего безмолвия — на балконе, из сада раздалась бы русская веселая песня, и вошли бы Варя с молодым красавцем, женихом своим, нарядные, веселые, рука об руку... и остановились бы... В такой драме было бы слышно и высокое присутствие *религиозной мысли» (там же)*.

От драмы «Без искупления» второй вариант («День расплаты») отличался тем, что в нем вместо сербского волонтера действовал сын богатого крестьянина Дмитрий Рязанцев, и менее драматическим финалом: жена Ахметьева уходила в монастырь [1].

Из однолинейной пьесы, в основе которой лежал любовный конфликт, Островский превратил совместную комедию в остросоциальное произведение, насыщенное приметами времени. Недовольство помещиков отменой крепостного права, тяжелое положение обезземеленных крестьян, итоги земской реформы — вот круг вопросов, затронутых в «Дикарке». Это неоднократно служило основанием для ее запрещения к постановке в народных театрах (см. цензорский рапорт — *ПСС, X, 483)*.

Островский изменил и атмосферу действия в пьесе, подчеркнув в доме Ашметьевых «не строгий порядок», как это было у Соловьева, а полный упадок. Изменилась в «Дикарке» и характеристика многих персонажей. Ахметьев был задуман Соловьевым как фигура трагическая, как человек, глубоко переживающий свою оторванность от родины, свою невозможность приспособиться к новым временам. В «Дикарке» Ашметьев — пустой фразер, порождение эпохи дворянского упадка. Характеристика героя пьесы менялась на всем ее протяжении, начиная с афиши. В «Дне расплаты» Ахметьев был обозначен как представительный барин, «в речи которого слышится еще энергия и внутренняя борьба». В «Дикарке» он превратился в

---

[1] Подробное сопоставление «Дня расплаты» и «Дикарки» приведено в моей статье «К творческой истории комедии А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева «Дикарка» *(«Записки о театре Лен. гос. театрального института им. Островского», Л.—М., «Искусство», 1960)*.

заметно «израсходовавшегося господина» Ашметьева. Это вызвало глубокое недовольство Леонтьева: «Например, зачем это Ашметьев? Это напоминает с умыслом какие-то *ошметки*. Измените хоть одну букву, скажите, Ахметьев, и *вы услышите хорошую дворянскую фамилию татарского рода.*— Совсем не то. Потом, зачем непременно этому Ахметьеву быть слабым и смешным селадоном?.. Это не есть специфический признак таких людей ⟨...⟩ Он может даже и *делом* быть занят серьезным, но в сердце предпочитать поэзию этому *делу*» *(К. Леонтьев, Собр. соч., т. 8, стр. 107)*. По ходу пьесы он утратил искренность своих чувств как по отношению к близким, так и к родине и, сохранив некоторые свои привлекательные черты, такие, как «мягкость в обращении, уступчивость и сознание своих слабостей» *(ПСС, XV, 156)*, в основном предстал «тунеядцем, воспитывающим свое эстетическое чувство на крестьянские деньги» *(ПСС, XV, 157)*. В романе с Варей «большая и сильная страсть» Ахметьева последовательно превращалась в заурядную интрижку «накоротке» Ашметьева.

Мать героя превратилась из «старухи со следами былого изящества» в откровенную крепостницу, противницу новых, «враждебных» ей времен. Из современных трезвых молодых людей только Вершинский имел большое сходство с удавшимся Соловьеву Варжинским из «Дня расплаты». Марья Петровна вместо глубоко религиозной, страстно любящей мужа женщины предстала современной владелицей лучшей в губернии молочной фермы — «пандан и дополнение к Малькову» *(ПСС, XV, 156)*. Буржуа Мальков заменил необузданного русачка Дмитрия Рязанцева.

Более других сохранила черты своей предшественницы из «Дня расплаты» героиня пьесы Варя. Соловьевым был удачно очерчен пленительный женский образ. Именно от его Вари унаследовала Варя-«дикарка» живость ума, наблюдательность, жажду глубокого чувства, искренность и пытливость. Только дав Варе нового избранника, Островский тем самым изменил и перспективы ее будущего.

Современная критика приняла «Дикарку» достаточно прохладно. «Если это фотографические «карточки с натуры», то прекрасно; если же в ней проводится мысль о том, что России нужны труженики, а не трутни, то мысль эта не новая и выражена она слишком слабо»,— писал анонимный рецензент газеты «Голос» *(1879, 6 ноября)*. «Театральный нигилист» (А. А. Соколов) упрекал соавторов в неоправданности заглавия и безыдейности пьесы *(«Пб. листок», 1879, 13 ноября)*.

Более положительно оценил «Дикарку» «Незнакомец» (А. С. Суворин), он нашел ее достаточно оригинальной, поскольку «потребность в молодой, горячей любви» была вложена в натуру горячую, самостоятельную, своевольную, если хотите, «дикую». Но и ему казалось, что в комедии «мало движения» *(«Новое время», 1879, 14 ноября)*. С удовлетворением писал Н. Ростислав (публицист, театральный критик и драматург Ф. М. Толстой) об изображении в комедии «бытовой, современной картины, в которой выступила на первый план своеобразная, очаровательная личность дикарки, представляющая сама по себе продукт современной пореформенной жизни России». Ашметьев казался ему «продуктом нового времени, но продуктом аристократическим» *(«Спб. вед.», 1879, 20 ноября)*. Известный литературный критик П. В. Анненков в письме к редактору «Вестника Европы», историку и журналисту М. М. Стасюле-

вичу назвал «Дикарку» «прелестной вещью», хотя тут же указал на ее недостаточную драматичность (письмо от 19 января 1880 г. — В кн.: *«М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 3, Спб., 1912, стр. 377).*

В критике был силен мотив поисков сходства «Дикарки» с произведениями Тургенева. «Варенька Зубарева — не кто иная, как развенчанная Ася. Ашметьев — не кто иной, как наполовину Рудин, наполовину старик Кирсанов из «Отцов и детей», только более жалкий, низменный, грубый»,— писалось в анонимной рецензии «Слова» *(1879, № 12, стр. 207).* «Ашметьев — тип Павла Петровича», но «размененный на мелкую монету» *(«Голос», 1879, 6 ноября).* «Ашметьев это слабый тургеневский герой, всем уступающий: Варе, жене, даже Малькову. Это слабый тургеневский герой, но еще вдобавок иначе освещенный, преломленный сквозь призму Малькова и двух лакеев... (см. начало комедии)», — писал Леонтьев *(Собр. соч., т. 8, стр. 105).* Крупнейший театральный критик, теоретик драмы и драматург Д. В. Аверкиев, напротив, призывал не искать в Ашметьеве сходства с Кирсановым, а видеть в нем «типичного представителя людей 40-х годов «среднего разбора» *(«Голос», 1879, 14 ноября).*

В «Суфлере» отзывались о «Дикарке» как о произведении «скучном и растянутом» *(1879, 8 ноября)*, а А. А. Соколов шутливо сравнивал роман Ашметьева и Вари с романом Мазепы и Марии *(там же, 13 ноября).* Упрекали соавторов в недостаточном знании пореформенной жизни *(«Рус. курьер», 1880, 9 февраля).* Приписывали, как это делал Буренин, успех комедии низменным вкусам публики *(«Новое время», 1880, 25 января)* или иронизировали по поводу того, что комедия сочинена для доказательства «мировой истины», что «старичкам не следует завлекать молодых девиц» *(«Пб. газета», 1879, 14 ноября).*

Премьера «Дикарки» состоялась в Малом театре 2 ноября 1879 г., в бенефис Н. А. Никулиной, игравшей роль Вари. Остальные роли исполняли: Анна Степановна — Н. М. Медведева, Ашметьев — И. В. Самарин, Марья Петровна — М. Н. Ермолова, Зубарев — Н. И. Музиль, Вершинский — М. А. Решимов, Мальков — М. П. Садовский, Боев — В. А. Макшеев, Мавра Денисовна — С. П. Акимова, Гаврило — К. П. Колосов, Сысой — Д. В. Живокини.

В Александринском театре «Дикарка» в первый раз шла 12 ноября 1879 г., в бенефис Е. М. Левкеевой (Левкеевой 1-й), игравшей Мавру Денисовну. В остальных ролях были заняты: Анна Степановна — А. М. Читау, Ашметьев — И. П. Киселевский, Марья Петровна — А. М. Дюжикова, Зубарев — А. А. Нильский, Варя — М. Г. Савина, Вершинский — М. М. Петипа, Мальков — Н. Ф. Сазонов, Боев — Ф. А. Бурдин, Гаврило — П. А. Петровский, Сысой — А. А. Алексеев.

Островский принимал немалое участие в обеих постановках (см. *«Лит. насл.», стр. 118—119*). Обе были достаточно удачными и получили в целом положительные отзывы в прессе. По поводу московской премьеры писали, что «артисты на этот раз превзошли себя» *(«Голос», 1879, 6 ноября).* «Пьеса имела успех и очень понравилась»,— сообщал 3 ноября 1879 г. Островский Соловьеву *(ПСС, XV, 166).* А 13 ноября писал из Петербурга жене: «... «Дикарка» имела большой успех: Савину после каждой сцены и после каждого

акта вызывали много раз ⟨...⟩ авторов вызывали громко, всем театром...» («*Лит. насл.*», *стр. 120*). О том, что в Петербурге публика «дружно приветствовала авторов», говорилось и в «Санктпетербургских ведомостях» (*1879, 14 ноября*). Отдельные исполнители получили в прессе развернутые суждения об их игре.

Роль Ашметьева требовала известного такта от исполнителей, недаром Островский писал о том, что у Ашметьева в последнем акте, хотя и нет силы, чувствуются «мягкость в обращении, уступчивость и сознание своих слабостей и проступков» (*ПСС, XV, 156*). Критика и сам Островский («*Лит. насл.*», *стр. 120*) не приняли Ашметьева — Киселевского, игравшего роль в Александринском театре вместо намеченного драматургом А. А. Нильского, резко отказавшегося от нее («*Лит. насл.*», *стр. 366*). Актер характерный, среди лучших созданий которого был Скалозуб, Киселевский безоговорочно и грубо развенчивал Ашметьева. «Он не понял даже того,— писал Суворин, — что положение Ашметьева в III акте перед страстью Вари напоминает положение Рудина перед Натальей. Конечно, Ашметьев пониже Рудина, но он человек образованный и воспитанный, он может показаться апатичным и пошлым публике, но в душе его непременно драма и борьба, недаром же он так много любил и так много его любили» («*Новое время*», *1879, 14 ноября*). Об этом же писали и другие газеты (см., например, «*Молва*», *1880, 12 сентября*).

Совсем иначе вел роль Самарин. «Самарин с неподражаемым искусством передал тип скучающего и фланирующего барина»,— писали в «Голосе» (*1879, 6 ноября*). «Не менее удался г. Самарину Ашметьев в «Дикарке»: этот идеалист, жуир, селадон, барин 40-х годов, умеющий лишь проживать деньги, в исполнении артиста является настоящим джентльменом, каждый жест, каждое движение которого отличаются благородством»,— вторили ему в «Молве» (*1880, 12 августа*).

Без шаржирования вел эту роль К. С. Станиславский (1894, Общество искусства и литературы). Последующие исполнители играли Ашметьева резко обличительно.

Передачи сложности образов требовал Островский и от остальных исполнителей. Поэтому его так испугало предложение Бурдина взять на роль А. С. Полонского, основанное на том, что актер «похож на птицу». «Да разве в этом главное? — в отчаянии писал он в Петербург. — Вершинский значительный губернский чиновник из Петербурга, т. е. вице-губернатор, значит, человек с известным тоном и с известными манерами. Как же возможен тут Полонский? У него тон постоянно фальшив, неловкость и неуклюжесть режет глаза, и манеры непозволительные» (*ПСС, XV, 159—160*). По настоянию Островского на роль был приглашен М. М. Петипа, который и был одобрен критикой (см. «*Спб. вед.*», *1879, 20 ноября*).

Пленительный образ Вари не удался Никулиной, зато его прекрасно передавала Савина. Ее героиня была не только прелестной русской девушкой, «лучезарной», с первого же выхода покоряющей зрителей, но она была думающей, трезво оценивающей окружающих, пытливой и чуткой (см. «*Голос*», *1879, 14 и 15 ноября*, «*Спб. вед.*», *1879, 14 и 20 ноября*). Как вспоминал впоследствии А. Р. Кугель, трудно было превзойти Савину в роли Вари: «Это было внешне взбалмошное, но внутренне дисциплинированное и нравственное молодое существо» («*Театр и искусство*», *1915, № 37, стр. 688*; см. также: *М. И. Велизарий, Путь провинциаль-*

ной актрисы, Л.— М., «Искусство», 1937, стр. 57—58). Значительной вехой в сценической истории пьесы было исполнение роли Вари В. Ф. Комиссаржевской (1899 г.).

При жизни Островского пьеса прошла в Москве, в Малом театре, 20 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 43 раза (последний спектакль в Москве состоялся 18 мая 1882 г., в Петербурге — 16 сентября 1882 г.).

Стр. 123
...об этой реформе... — о крестьянской реформе 1861 г.

Стр. 124
Мировой посредник — правительственная должность, учрежденная в России в связи с реформой 1861 г. Мировые посредники разрешали вопросы поземельных отношений помещиков и крестьян.

Уставные грамоты — акты, определявшие отношения временнообязанных крестьян с помещиками в связи с реформой 1861 г., в них определялся размер земельного надела и крестьянской повинности.

...деньгами нудить — тянуть деньги.

Стр. 125
Четвертак — 25 копеек.

...франк-то прежде в лáпотках ходил, а теперь в сапожках щеголяет.— В 1870-х годах курс кредитного рубля в России все время стоял ниже паритета, после русско-турецкой войны (в 1879 г.) рубль равнялся 63 коп. золотом. Отсюда нарушалось и его соотношение с иностранной валютой.

Стр. 126
Предводитель — предводитель дворянства, выборный представитель дворянства (губернии, уезда).

Председатель земской управы — глава местного самоуправления, избиравшийся в России с 1864 г., должность была платная.

Стр. 128
«Собирайтесь, девки красны...» — песня на слова П. А. Вяземского (1817). С 1830-х годов входит в песенники. Музыка А. П. Лодий (1854) или И. В. Васильева (1859) (см. *«Песни и романсы русских поэтов, М., «Советский писатель», 1965 («Библиотека поэта», большая серия)*.

Стр. 129
Пóмочь — совместные крестьянские полевые работы *(обл.)*.

Стр. 132
Мы начинали Шиллером, а кончаем Шопенгауэром.— Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт, революционный романтик, певец свободы и гуманизма; Шопенгауэр Артур (1788—1860) — немецкий философ-идеалист, смотрел на жизнь как на страдание. Ашметьев здесь говорит о достаточно распространенном пути людей «сороковых годов», которые, столкнувшись с деловой эпохой 1860-х годов, перешли от романтической увлеченности к скептицизму.

Стр. 141
Гласный — член земского собрания.

Окладный лист — лист денежного обложения, налога.

Стр. 142
Сукцион — искаженное «аукцион», продажа с публичных торгов.

Стр. 144
Радужная — сторублевая ассигнация.

Стр. 157
Крашенинный сарафанчик — из грубого крашеного крестьянского холста.

Пулька — партия игры в преферанс.

Рамсик — карточная игра.

Стр. 159
...лоском и положили... — наповал.

Стр. 164
Пикан — острый, пряный.

Стр. 174
«А он, мятежный...» — строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Парус».

Стр. 180
...один тип у Занда.— Ашметьев имеет в виду сходство Малькова с образами преуспевающих и бездушных буржуа в романах французской писательницы Жорж Санд (1814—1876). Это же сходство отмечал К. Н. Леонтьев: «*Мальков*, которому гг. Соловьев и Островский вручили свою Варвару это именно и есть такой *средний* европеец, сохранивший в себе изо всего русского только известного рода *напускную* искусственную грубость ⟨...⟩ Все истинные художники, все поэты, все мыслители, одаренные эстетическим чувством, не любили этого *среднего человека* ⟨...⟩ Жорж Занд во всех *лучших* романах своих ненавидела *чистоутилитарных людей...*» *(К. Леонтьев, Собр. соч., т. 8, стр. 95—96).*

«СВЕТИТ, ДА НЕ ГРЕЕТ»

Впервые опубликовано в журнале «Огонек», 1881, том V, № 6, стр. 102—106; № 7, стр. 122—126; № 8, стр. 142—146; № 9, стр. 162—165; № 10, стр. 182—186. За подписью — А. Островский и Н. Соловьев.

Рукописные источники:

«Чужое счастье» (название условное) Н. Я. Соловьева, черновой автограф первого варианта «Светит, да не греет» *($ЧА_1$)*. Дата: 1 июля 1880 г., Дагестанская обл., урочище Дашлагар *(ЦГАЛИ)*;

«Разбитое счастье» (название условное) Н. Я. Соловьева, черновой автограф второго варианта «Светит, да не греет» *($ЧА_2$)*, рукопись написана различными почерками, вторая половина — рукой Соловьева. Дата: 13 августа 1880 г. Имеет многочисленные исправ-

ления и вставки рукой Островского, им же добавлена дата: 13 октября 1880 г. *(ПД)*;

«Светит, да не греет», цензурованная театральная копия *(ЦТК)* Александринского театра *(ЛГТБ)*.

Печатается по тексту журнала «Огонек» со следующими основными исправлениями по $ЧА_2$:

Стр. 217, строки 11—12
после слов Рабачева: «В саду будем работать вместе» *добавлено*: «Ты будешь помогать мне?» (восстановлена зачеркнутая Островским фраза, без которой непонятна следующая реплика Оли).

Стр. 218, строка 32
«но все-таки такую» *вместо* «но все такую».

Стр. 222, строка 13
«мне все одно» *вместо* «мне все равно!».

Стр. 231, строки 17—18
«мне нечего беречь, нечего жалеть» *вместо* «мне нечего жалеть, нечего беречь».

Стр. 243, строка 16
«Я смотрел на нее» *вместо* «Я посмотрел на нее».

Стр. 243, строки 29—30
«Ах, нет, нет, постойте! Я с ума сошел» *вместо* «Ах, нет, нет, я с ума сошел».

Драма «Светит, да не греет» имеет три редакции. Первая, условно называемая «Чужое счастье», была закончена Соловьевым 1 июля 1880 г. во время поездки по Кавказу, о чем он сразу же сообщал Островскому: «Вчерне я уже набросал новую пиесу; теперь коечто отделать нужно ⟨...⟩ по дороге я желал бы непременно заехать к Вам ненадолго, чтобы переговорить и подумать вместе о новой пиесе» *(«Переписка», стр. 76)*. Всю первую половину августа 1880 г. Соловьев в Щелыкове работал над вторым вариантом — драмой, ориентировочно называемой им «Разбитое счастье».

Эти два варианта в основном принадлежали Соловьеву. Однако беседы о пьесе велись задолго до его приезда в Щелыково. Еще в июне 1880 г. Островский писал ему: «Я много думал о Вашей пьесе,— вот два главные замечания: надо стараться, чтобы она не походила на «Дикарку»... *(ПСС, XV, 181)*. Вторая редакция драмы создавалась при тесном дружеском общении драматургов, и невозможно представить себе, чтобы они не вели длительных бесед по ее поводу, тщательно не обсуждали всех изменений. Так, с самого начала драма оказалась произведением совместным.

Уезжая, Соловьев оставил «Разбитое счастье» для окончательной отделки Островскому. В конце августа драматург сообщал соавтору: «...работы очень и очень довольно. Я теперь кончил 1-й акт. После успеха «Белугина» и «Дикарки» торопиться нельзя работой. Надо положить все силы, какие есть, в этот труд» *(ПСС, XV, 183)*. 13 октября 1880 г. драма «Светит, да не греет» была закончена.

Основные сюжетные линии и драматические коллизии были намечены уже в первом варианте. Характеризуя его, Соловьев писал Островскому: «В этой пьесе есть кое-что общее с «Дикаркой», но лица

и положения совершенно новые» (*«Переписка», стр. 77*). Это «общее» заключалось в показе жизни пореформенной провинции, разорения дворянства и процветания новых общественных сил. Героиня «Чужого счастья» хорошо понимала безвыходность своего положения и постепенно приходила к мысли о необходимости продать свое имение кулаку-крестьянину Дерюгину. В пьесе в целом была видна попытка противопоставить героиню окружающей среде. Однако любовная коллизия отдавала откровенной мелодрамой. Трагический исход романа являлся в значительной степени результатом действия злых, «роковых» сил, в равной степени сокрушивших всех участников любовной истории.

В «Разбитом счастье» уже в значительной степени присутствовали те элементы, которые затем выделили «Светит, да не греет» из привычной драматургической системы. Отношения Реевой (как там звалась героиня) и Дерюгина стали более деловыми и реальными. Ярче была передана атмосфера спячки провинциальной жизни, четче проведено столкновение героини с окружающими. Ее образ получал социально-психологическое обоснование, а сложность ее характера была проведена точнее. Уже не высший «рок» обуславливал драму героев. Соловьев видел причину разрыва между Олей и ее возлюбленным — Озерским, препятствие к их браку в лице «станового», за которого отец прочил дочку: боязнь отказа уязвляла гордого юношу. А смысл центрального образа в письме к Островскому от 5 октября 1880 г. разъяснял так: «Эта новая пиеса представлялась мне драматическим эпизодом из жизни такой женщины, как Реева (везде и во всем она бездольна), она появилась озлобленная, страждущая, неудовлетворенная, одних возмутила, других растерзала и сама остается потрясенная в конце, но все-таки еще не сломленная ⟨...⟩ она именно блеснет, осветит, но не согреет, так же как и с ней распорядилась судьба» (*«Переписка», стр. 81*). Таким образом, работа Островского, не меняя замысла пьесы, вела к более совершенной его передаче [1].

Уже в вариантах Соловьева изображение новых порядков составляло важную сюжетную линию пьесы. Островский это усилил. Он во многом выправил те места, которые касались взаимоотношений между кулаком и легко уступающей ему свои хозяйственные привилегии помещицей. В диалогах с Дашей и Реневой Дерюгин вел себя без прежнего подобострастия и приниженности[2]. Ренева не проявляла ни сентиментальности, ни особенного сожаления о продаже. Нежные слова Реевой: «Вздумала... хотела еще раз взглянуть на этот уголок — тут родилась... здесь прошла моя юность!» сменились у Реневой на небрежное: «Да, опять на родине!» А пылкий монолог о любви к имению, тревога за его дальнейшую судьбу в руках «грубого и беспощадного» барышника — на равнодушное замечание о том, что не хотелось, чтобы были порублены рощи и старые деревья (д. I, явл. 3; цитаты даются по *ЧА*$_2$).

---

[1] Подробнее сопоставление «Разбитого счастья» и «Светит, да не греет» сделано в моем сообщении: «Островский и Н. Я. Соловьев в работе над пьесой «Светит, да не греет» (*«Литературное наследство. А. Н. Островский», т. 88, кн. 1, М., «Наука», 1974*).

[2] Персонажи пьесы были переименованы: Реева — в Реневу, Озерский — в Рабачева, Завалишин — в Залешина, Худосоков — в Худобаева (см. ПСС, XV, 189).

В окончательном варианте шире, чем в предшествовавшем, был показан процесс обуржуазивания русской деревни. Поэтому Островский убрал бывшее у Соловьева соображение Дерюгина о возможности перехода имения в руки крестьян: «Главная сила, чтобы мужиков не допустить, а то налетят, по клокам расхватят!» и заменил рассуждением Дерюгина о собственном барствовании за спиной нерадивого Худобаева (д. I, явл. 4). Желание всегда извлекать из всего выгоду заставляет Дерюгина и в прекрасную летнюю ночь думать о том, сколько можно наловить в реке рыбы — эти слова были добавлены Островским (д. IV, явл. 1).

Новые порядки отразились на судьбе главных и второстепенных лиц драмы. Прежний поклонник Реневой Залешин говорит, что женился на своей Авдотье Васильевне «в минуту жизни трудную», а не по легкомыслию, как Завалишин у Соловьева. А женившись, совсем опустился. Супруга отлично сознает свою власть над ним. Ее слова с оттенком нежности, обращенные к вернувшемуся Завалишину, преобразовались у Островского в твердую фразу: «Потому что кому вы нужны?» (д. V, явл. 6). Вместе с тем Островский совсем не огрублял Залешина. Именно в его уста он вложил точную характеристику героини, отраженную в заглавии пьесы (д. III, явл. 3), и заставил ясно оценить свое положение (д. V, явл. 7).

Островский уделил много внимания и истокам разлада между Рабачевым и Олей, взаимоотношениям влюбленных. Восьмое явление первого действия от слов Оли: «Ну, увидит кто-нибудь» до конца было написано им. Вместо ласково-тревожного утверждения Озерского: «Откажет — я увезу... я на руках тебя унесу» — появились нотки раздражения и сомнения: «Еще наживемся в браке-то...»

Островский в письме от 2 октября 1880 г. так объяснял Соловьеву смысл своих изменений: «Озерский — человек с горячей головой и с горячим сердцем, но не развитой и не очень умный,— любовь его к Оле — простое чувственное побуждение. В минуту просветления, в 4-м акте, у него мелькнуло в голове, что жизнь его с Олей будет таким же болотом, как жизнь Завалишина с женой. Вот драматизм его положения: он между двух женщин, одной выше, другой ниже; он отталкивает ту, которая ниже его, а которая выше сама отталкивает его» *(ПСС, XV, 187)*. Однако в процессе работы Островский усложнил характеристику своих героев. В Рабачеве осталась предполагавшаяся ранее порывистость («эти порывы надо провести в пьесе, чтоб оправдать последний порыв»,— из того же письма), но появилась еще и та душевная нескладность, которую Островский отразил в его фамилии: «Рабач значит коренастое, кряжистое дерево, но вместе с тем суковатое и неукладистое» *(ПСС, XV, 189)*,— и которая ему мешает разглядеть душевную тонкость своей первой избранницы. В Оле Островский усилил привлекательные и поэтичные черты. С этим были связаны и его слова в письме к Соловьеву: «Станового я совсем вон; по-моему, перспектива быть женой станового только нарушает поэтичность характера Оли и ничего не придает пьесе» *(ПСС, XV, 189)*. В диалогах с Рабачевым и Залешиным новая Оля предстает более цельной, чем ее предшественница из «Разбитого счастья». Островскому принадлежит четвертое явление третьего действия (от слов Оли: «Ты ведь и тогда то же говорил» до слов Рабачева: «Осенью у меня будут деньги»), где отчетливо выражается сила ее любви. Велика была правка и в восьмом явлении. Оно было написано заново до конца от слов Оли: «Но страшно мне что-то, страшно». Завершала его не надежда на справедливость:

«Да верю ему! И бог милосерден! Он сохранит», а тоскливое напутствие: «Боря! Боря! Ты так и знай! Что с тобой расстаться, что с жизнью — мне все одно!»

Островским была написана вся вторая половина третьего явления четвертого действия (от слов Залешина: «Что это вы?», исключая лишь ответную реплику Оли). Значительно переделал он последнюю встречу Оли с возлюбленным (д. IV, явл. 5). Ослепленный недавним свиданием с Реневой, Рабачев вел себя более холодно, чем мучившийся Озерский, который обращался в «Разбитом счастье» к Оле со словами: «Стою перед тобой... жду приговора себе! Ты мой страшный судья! Ну, прокляни меня!»

Наибольшей сложностью отличался образ Реневой. На всем протяжении пьесы Островский подчеркивал двойственность характера героини. Снимая с нее тот романтически-сентиментальный флер, которым она была окутана у Соловьева, он вместе с тем усиливал ее страдания. К ее словам о бросившем ее возлюбленном Островский добавил замечания не просто о «мелких и пустых» поклонниках, как это было в «Разбитом счастье», а подчеркнул их корыстную заинтересованность Реневой (д. I, явл. 6). Он заставил ее острее чувствовать свое одиночество (д. I, явл. 9) и в то же время сделал более откровенной, сознающей непрочность своего романа с Рабачевым (д. II, явл. 11; д. IV, явл. 2 и 4), подчеркнул ее желание дать их надуманной любви соответствующую рамку, добавив слова: «Вода, ракитник, белый песок! ⟨...⟩ Едем! (д. IV, явл. 2).

Островский вычеркнул сочувственные слова героини о «бедных стариках» — Ильиче и Степаниде (д. I, явл. 3). В диалоге с Олей (д. II, явл. 5) он значительно переделал всю вторую часть, где Ренева представала уже не заинтересованной судьбой девушки («Отчего вы так вздохнули, моя голубка? ⟨. . .⟩ Ваше юное сердце, может быть, страдает, а поделиться не с кем?»), а выказывала лишь праздное любопытство. Такой Реневой вечером на свидании с Рабачевым вовсе ни к чему вспоминать об Олином «горе сердечном», а достаточно лишь вскользь упомянуть о ней (д. IV, явл. 2).

В соответствии с логикой развития характеров Островский изменил и финал драмы (д. V, явл. 9, 10, 11). Здесь Ренева уже совсем не хотела брать на себя ответственность за гибель Оли, как это делала ее предшественница из «Чужого счастья», или даже страдать по этому поводу, как Реева, а легко перекладывала вину на плечи Рабачева. Пьеса кончалась не обмороком героини, а словами нового хозяина имения Дерюгина.

В печати отзывы о пьесе были противоречивыми. Сторонники канонического построения драмы находили в ней много недочетов. Аверкиев писал, что «главное действие занимает сравнительно мало места», а много — побочное *(«Голос», 1880, 17 ноября)*. Уже не раз упрекавший и Островского в эпичности его произведений Боборыкин находил, что здесь талант Соловьева, «молодого писателя с инстинктом драмы, с наклонностью к наблюдательности и бытовому языку», начал «падать» *(«Рус. вед.», 1880, 11 ноября)*. Для него — сторонника бытового театра — новая пьеса была слишком расплывчата, неконкретна. В критике сравнивали «Светит, да не греет» с «Майоршей» Шпажинского, упрекая соавторов чуть ли не в подражании *(«Искусство», 1883, № 29, стр. 333)*.

Но более тонкие и проницательные, менее приверженные к театральным устоям писали иначе. Р-ци С-во Т-до (Н. А. Потехин) отмечал, что «содержание драмы прежде всего поражает жизненной

правдивостью, простотой постройки и отсутствием всякого стремления к сценическим внешним эффектам ⟨...⟩ В пьесе нет ни одного банального, шаблонного лица, все сцены реальны, не подогнаны для эффекта, а вытекают логично из самого хода действия, обусловлены развитием характеров» (*«Спб. вед.», 1880, 17 ноября*). Столь же высоко оценил драму «король критиков», как называл его Вл. И. Немирович-Данченко, С. Васильев (С. В. Флеров), дававший еженедельные театральные обзоры в «Московских ведомостях». «Новая драма гг. Островского и Соловьева,— писал он,— именно и привлекает тем, что она захватывает жизнь в основных, так сказать, элементарных законах ее отношений, а не в искусственных, случайных, вымученных комбинациях», и далее: «Вы чувствуете себя среди русской природы, среди русских людей, среди действительного течения русской жизни» (*«Моск. вед.», 1880, 17 ноября*). «Незнакомец» (А. С. Суворин) писал: «Надо быть человеком совсем без сердца, без ума, без нравственного чувства, без литературного вкуса, чтобы не видеть в этой комедии достоинств, не видеть ярко очерченных некоторых характеров, не чувствовать поэзии и правды некоторых сцен» (*«Новое время», 1880, 16 ноября*).

Премьера «Светит, да не греет» состоялась в Малом театре 6 ноября 1880 г., в бенефис М. П. Садовского. Роли исполняли: Ренева — Н. А. Никулина, Залешин — В. А. Макшеев, Авдотья Васильевна — О. О. Садовская, Дерюгин — И. Н. Греков, Рабачев — М. П. Садовский, Оля Василькова — М. Н. Ермолова, Худобаев — Н. И. Музиль, Даша — В. П. Музиль-Бороздина, Ильич — Н. М. Никифоров, Степанида — С. П. Акимова.

В Петербурге, в Александринском театре, премьера была на несколько дней позже — 14 ноября 1880 г., в бенефис Ф. А. Бурдина, игравшего Худобаева. Остальные роли исполняли: Ренева — А. И. Абаринова, Залешин — А. А. Нильский, Авдотья Васильевна — Е. И. Левкеева (Левкеева 2-я), Дерюгин — В. Н. Давыдов, Рабачев — Н. Ф. Сазонов, Оля Василькова — М. Г. Савина, Даша — М. Лелева, Ильич — М. Т. Трофимов, Степанида — П. К. Громова.

На премьере в Малом театре «Светит, да не греет» была принята холодно. В тот же вечер Островский писал Бурдину: «Дожили! «Светит, да не греет» решительного успеха не имела, хотя за акты и за отдельные сцены артистов вызывали довольно много» (*ПСС, XV, 194*). Критика была настроена скептически. В отчете о премьере одна из газет писала, что спектакль игрался так, словно актеры всеми силами старались выказать свое пренебрежение к пьесе, доведя ее до уровня душераздирательной мелодрамы (*«Голос», 1880, 11 ноября*). Немирович-Данченко замечал, что «артисты приложили все старания, чтобы утопить пьесу» (*«Рус. курьер», 1880, 8 ноября*).

М. П. Садовский был склонен обвинять в этом Никулину, которая была, по его словам из письма к Соловьеву, «гадка и негодна до последней возможности, это какая-то богоделенка, а не блестящая, все освещающая барыня» (*ЦГАЛИ*). Но самой большей неудачей пьесы был он сам в роли Рабачева. «Садовский совсем погубил свою роль и тем повредил успеху пьесы ⟨...⟩ — сообщал Островский Соловьеву,— в сцене с Реневой Садовский при уходе ухитрился произвести всеобщий смех, в 5-м акте он так неловко упал на колени и так плохо произнес последний монолог, что опять возбудил смех» (*ПСС, XV, 194*).

Правда, после первого провала спектакль скоро несколько выровнился. Но Островский все равно с горечью говорил своему секретарю Кропачеву: «Потребую снять долой с репертуара» (*«Восп.», стр. 208*). Единственная, кем остался доволен Островский, была Оля — Ермолова (*ПСС, XV, 194*). Однако критика не совсем разделяла этот взгляд. Оля казалась ей слишком героизированной, интересным находили только четвертый акт, где актриса достигала высот подлинного драматизма, в остальном упрекали ее за отсутствие непосредственности (*«Рус. вед.», 1880, 11 ноября; «Рус. курьер», 1881, 15 мая*).

В Петербурге публика и пресса также ожидали громкого скандала. Однако перед зрителями предстала пьеса добротно, хотя и без прозрений сыгранная актерами, ей был оказан хороший прием. «Пусть будет тебе маленьким утешением большой успех «Светит, да не греет»,— писал Островскому Бурдин,— успех, о котором мы не смели и думать после повальной ругани московских корреспондентов ⟨...⟩ Публика собралась предубежденная, слушала пиесу сначала очень сдержанно, с третьего акта одушевление росло, а после конца разразилась бесчисленными вызовами автора и артистов» (*Бурдин, стр. 319—320*). Правда, холодноватая Абаринова вела роль Реневой без блеска. «Артистка с бóльшим драматическим талантом справилась бы с этими порывами, передала бы их сильно и рельефно,— писал Суворин,— но у г-жи Абариновой не хватает для этого достаточной силы и расчета, более тонких переходов вспыхивающей страсти» (*«Новое время», 1880, 16 ноября*). Нильский — Залешин «взял слишком грубый тон, он старался смешить во что бы то ни стало» (*там же*). Одно внешнее изображение женского кокетства находил у Абариновой Потехин, а Нильского упрекал в ненужном комиковании (*«Спб. вед.», 1880, 17 ноября*). Зато очень хороши были Оля в исполнении Савиной и Рабачев — Сазонов (*там же*).

Савина сама выбрала себе роль Оли вместо назначенной ей Островским роли Реневой, объясняя это так: «Ренева светит, а Оля греет, первое легче, чем второе, и потому я беру более трудное» (*«Восп.», стр. 406*).

Критика приняла Савину — Олю восторженно. «Это полное воспроизведение поэтической личности, воспроизведение тонкое и изящное, истинно-драматическое и задушевное», «это особенный поэтический тип, скромный, простой, чистый и задушевный, который остается в памяти цельным и прекрасным образом»,— восхищался Суворин (*«Новое время», 1880, 16 ноября*). Столь же высокого мнения об игре Савиной был постоянный театральный обозреватель «Новостей и биржевой газеты» В. О. Михневич: «В исполнении артистки на этот раз мы видели перед собой образ очаровательно-поэтического существа, свежего, невинного и благоухающего, как полевой цветок. Оля — вся соткана из трогательного простосердечия, любви, преданности и душевной, какой-то сияющей чистоты ⟨...⟩ Это один из восхитительнейших женских типов, какие только нам случалось видеть на нашей сцене» (*1880, 16 ноября*). В. Н. Давыдов позднее вспоминал, как прекрасно проводила Савина многие сцены и особенно ту, где ее Оля навсегда расставалась с Рабачевым (см.: *В. Н. Давыдов, «Рассказ о прошлом», Л.— М., «Искусство», 1962, стр. 219*).

Из последующих спектаклей заслуживает упоминания постановка 1892 г. в Обществе искусства и литературы, где Рабачева играл К. С. Станиславский. Среди исполнительниц роли Реневой

в других спектаклях выделялась В. А. Мичурина-Самойлова, Оли — В. Ф. Комиссаржевская.

При жизни Островского пьеса прошла в Москве, в Малом театре, 9 раз, в Петербурге, в Александринском театре, — 29 раз (последний спектакль состоялся в Москве 20 сентября 1885 г., в Петербурге — 20 февраля 1886 г.).

Стр. 185
Антик — старина, древность.

Стр. 194
Орать — пахать.

Стр. 196
«*Вечерний звон. Как много дум наводит он...*» — романс на стихи И. И. Козлова, перевод из Томаса Мура. В песенниках — с 1830-х годов. Наиболее распространенная музыка А. А. Алябьева (см. «*Песни и романсы русских поэтов*», *М*., «*Советский писатель*», *1965* («*Библиотека поэта*», *большая серия*).

Стр. 200
Декохт — искаженное «декокт», отвар из лекарственных трав.

Стр. 202
Миланские мушки — лечебное средство.

Стр. 222
Киса́ — кожаный или суконный мешочек, затягивающийся шнурками.

Стр. 223
Миряне — члены сельской общины.

Стр. 224
«*На заре ты ее не буди...*» — романс А. Е. Варламова на стихи А. А. Фета. Популярен с 1840-х годов (см. «*Песни и романсы русских поэтов*, *М*., «*Советский писатель*», *1965* («*Библиотека поэта*», *большая серия*).

Стр. 227
Геката — богиня Луны.

Стр. 229
Троицын день — церковный праздник в честь святой троицы, время его передвигалось в зависимости от пасхи и приходилось на конец мая — первую половину июня.

Стр. 239
...*запел Лазаря!* — прикинулся бедным, несчастным, как нищий Лазарь, который беспомощно лежал у ворот жестокого богача (выражение из Евангелия).

Валдайчик — колокольчик.

«БЛАЖЬ»

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1881, № 3, стр. 5—76, за подписями: А. Н. Островский и П. М. Невежин.

Рукописные источники:

авторизованная театральная копия (*АТК*), заглавный лист и правка рукой Островского, с цензорским разрешением и купюрами (*ЛГТБ*);

театральная писарская копия *(ЦТК)*, цензурованный экземпляр, он же суфлерский *(ЛГТБ)*;

театральная писарская копия *(ТПК*$_1$*)*, режиссерский экземпляр Александринского театра *(ЛГТБ)*;

театральная писарская копия *(ТПК*$_2$*)*, режиссерский экземпляр Малого театра *(ММТ)*.

Печатается по тексту «Отечественных записок» со следующими основными исправлениями по *АТК* и *ТПК*$_1$ и восстановлением цензорских купюр:

Стр. 250, строка 11
«мужа Сарытовой» *вместо* «отца Сарытовой» (по *АТК*, *ТПК*$_1$).

Стр. 263, строка 13
«Последний раз! Даю клятву!.. Молю вас!» *вместо* «Даю клятву! Последний раз... молю вас!» (по *АТК*, *ТПК*$_1$).

Стр. 266, строка 40
«Б о н д ы р е в (Ольге и Насте). Ну вас, отвяжитесь!» *вместо* «Б о н д ы р е в. Ну вас, отвяжитесь! (Ольге и Насте)» (по *АТК*, *ТПК*$_1$).

Стр. 269, строки 7—8
«и притворяться перед тобой я также не хочу» *вместо* «я также не хочу притворяться перед тобой!» (по *АТК*, *ТПК*$_1$).

Стр. 301, строки 40—41
«Нужна была женщина — хорошо, а не нужна стала — ее можно бросить» *вместо* «Нужна была, хорошо, а не нужна стала, можно бросить» (восстановлена цензорская купюра — по *АТК*, *ТПК*$_1$).

Стр. 302, строки 13—18
«Вы просто душою моложе своих лет ∽ попался» (восстановлена цензорская купюра — по *АТК*, *ТПК*$_1$).

Стр. 302, строка 19
После слов Сарытовой «Боже мой!» *добавлено* «Какая низкая клевета!» (восстановлена цензорская купюра — по *АТК*, *ТПК*$_1$).

Стр. 302, строка 32
«сожаленья от меня» *вместо* «сожаленья» (по *АТК*, *ТПК*$_1$).

Стр. 302, строки 39—40
После слов «так низко» *добавлено* «Кто пошел по этой дорожке, тому недолго и совсем потеряться!» (восстановлена цензорская купюра — по *АТК*, *ТПК*$_1$).

Стр. 303, строки 4—5
После слов «всего хорошего» *добавлено* «а, главное, не попадать еще на таких молодцов, как я» (восстановлена цензорская купюра — по *АТК*, *ТПК*$_1$).

В конце 1879 г. Невежин обратился за помощью к Островскому и принес ему комедию «Блажь», которая была ранее запрещена цензурой, поскольку «чиновники увидели в сюжете стремление подорвать престиж родительской власти» *(«Восп.», стр. 248)*. Островский, которому он рассказал сюжет этой пьесы, одобрил сценарий, но при-

бавил: «Едва ли вам удастся поладить с цензурой» *(там же)*. Тогда Невежин обратился к нему: «Помогите мне. Без ваших указаний я решительно пропаду. Может быть, вы мне окажете большую честь и, переработав пьесу, удостоите меня чести быть вашим сотрудником» *(там же, стр. 248—249)*. Через несколько дней Островский ответил согласием.

Хотя пьеса была передана Островскому в декабре 1879 г. *(см. «Неизданные письма», стр. 238)*, он приступил к работе над ней только осенью 1880 г. 12 ноября он писал Невежину: «Не угодно ли Вам написать 9-е явление (по новому сценарию 7-е), сцену Ольги и Насти ⟨...⟩ Не затрудняйтесь над целостностью сцены, набросайте что-нибудь, Вам эти лица знакомее, Вы их держали в голове больше, чем я. Набросайте хоть несколько фраз, остальное я сделаю» *(ПСС, XV, 196)*. Речь идет о встрече Ольги с Настей. «Чтобы обойти цензурный гнет, Островский обратил мать в сестру от первого брака. Таким образом идея пьесы была убита. Взамен этого Александр Николаевич внес в мою работу живые сцены»,— вспоминал Невежин *(«Восп.», стр. 249)*. Впрочем, Невежин волновался напрасно — сделав Сарытову крестной матерью своих сестер, Островский позволил девушкам называть ее мамой.

Пьеса с трудом проходила цензуру, особенно много вычеркиваний оказалось в последнем диалоге Сарытовой и Баркалова (д. IV, явл. 7). 22 декабря 1880 г. Островский спрашивал Бурдина о восстановлении цензорских исключений *(ПСС, XV, 203)*. Друг отвечал ему, что все в порядке *(Б у р д и н, стр. 324)*. Однако, как видно из театральных копий и изданий, это было не так — большинство из вычеркнутого не вернулось ни в сценический, ни в печатный текст.

«Блажь» была поставлена в Москве, в Малом театре, 26 декабря 1880 г., в бенефис Н. М. Медведевой, игравшей Сарытову. Остальные роли исполняли: Ольга — М. Н. Ермолова, Настя — М. В. Ильинская, Бондырев — В. А. Макшеев, Бондырева — О. О. Садовская, Баркалов — М. П. Садовский, Гурьевна — С. П. Акимова, Митрофан — Н. И. Музиль, Лизгунов — И. Н. Греков, Марья — Васильева.

В Петербурге, в Александринском театре, пьеса шла в первый раз в бенефис И. Ф. Горбунова, игравшего Митрофана, 16 января 1881 г. Остальные роли исполняли: Сарытова — А. М. Читау, Ольга — А. М. Дюжикова, Настя — М. Г. Савина (после первых спектаклей — Н. С. Васильева), Бондырев — А. А. Нильский, Бондырева — Е. Н. Жулева, Баркалов — М. М. Петипа, Гурьевна — В. В. Стрельская, Лизгунов — В. Н. Давыдов, Марья — А. И. Ручкина.

После премьер рецензенты, особенно московские, обрушились на пьесу. Боборыкин нашел, что автор вышел за пределы, допускаемые в драматических произведениях (на соавторство внимания не обращалось, хотя на афишах стояли две фамилии), что мотив комедии «затаскан», и спрашивал: «И по какому праву заставляет он нас в течение четырех действий смотреть на то, как пошляк-содержанец цинически надувает чувствительно сентиментальную и старую барыню?» *(«Рус. вед.», 1881, 4 января)*. Столь же неодобрительно отнесся к «Блажи» С. Васильев (С. В. Флеров). Он дал уничижительный ее разбор, критиковал нелепость интриги, вялость действия и ничтожность характеров *(«Моск. вед.», 1881, 6 января)*.

В Петербурге пьеса тоже не вызвала удовлетворения. «В новой комедии нет ни литературных, ни сценических достоинств»,— писал рецензент «Петербургской газеты», скрывшийся под псевдонимом Новый *(1881, 18 января)*. Более мирно принял ее А. П. (А. Н. Плещеев, поэт-петрашевец и театральный критик). Соглашаясь с тем, что пьеса местами груба и плохо развязана, он вместе с тем отмечал: «Вы уже с первых сцен видите, что перед вами настоящая русская действительность, что лица, изображенные здесь, не куклы, не сочиненные по книжкам и другим пьесам, что это живые люди, и что быт, в который вводят вас авторы, хорошо знаком им» *(«Молва», 1881, 18 января)*. В «Новом времени» в анонимной заметке отмечалось, что «по мысли своей эта комедия заслуживает серьезного внимания» *(1881, 14 января)*, а рецензент той же газеты Н. находил, что здесь «есть намеки на новые характеры, есть удачные сцены, она вызывает на размышления» *(1881, 18 января)*. А. Иванов (известный театральный критик и адвокат А. И. Урусов) также выступил в защиту «Блажи»: «Некоторые рецензенты сочли нужным протестовать во имя нравственности против подобного сюжета. Я должен признаться, что не разделяю этого воззрения ⟨...⟩ Находят возмутительными последние сцены, где юный негодяй читает мораль своей любовнице, расставаясь с нею. Да, эти сцены возмутительны, но и произносящий эти тирады юнец возмутителен — в этой возмутительности и заключается мораль пьесы» *(«Порядок», 1881, 22 января)*.

Спектакль Малого театра не обрадовал Островского, хотя постепенно постановка выравнивалась *(ПСС, XVI, 9)*. Рецензенты находили, что Медведева выбрала роль для бенефиса неудачно. Из исполнителей больше всех одобряли Садовскую *(«Рус. вед.», 1881, 4 января; «Моск. вед.», 1881, 6 января)*. В Петербурге Островский сам «сделал считку» *(«Лит. насл.», стр. 124)*, но затем отошел от постановки и с беспокойством спрашивал Бурдина о репетициях, просил сообщить о премьере *(ПСС, XVI, 7—8)*. Бурдин отвечал, что пьеса не произвела на него и петербургскую публику приятного впечатления из-за растянутости и отсутствия интереса: «Лучше других играла Жулева, Горбунов по обыкновению даже не потрудился одеться, а вышел на сцену, как дома, в модных брюках и щегольских ботинках, в собственном виде, нисколько не загримировавшись» *(Б у р д и н, стр. 328)*.

Рецензент Новый писал о том, что «актеры все старались»: «Г-жа Савина в крошечной роли наивной девушки доказала, что артистку можно судить даже и по двум словам, сказанным ею на сцене ⟨...⟩ Жулева создала верный тип энергичной, правдивой, но грубой женщины» *(«Пб. газета», 1881, 18 января)*. Не одобрил он только Читау, которая «пересаливала», и Горбунова. А. Н. Плещеев писал о том, что «Блажь» была исполнена «прекрасно, с большой старательностью и необыкновенным ансамблем» *(«Молва», 1881, 18 января)*.

При жизни Островского пьеса прошла в Москве, в Малом театре, 9 раз, в Петербурге, в Александринском театре, — 8 раз (последний спектакль состоялся в Москве 22 февраля 1881 г., в Петербурге — 7 октября 1881 г.).

Стр. 251
Вакансия (правильно вакации) — каникулы.

Стр. 256
Кулафюра — искаженное «куафюра», высокая женская прическа.

Стр. 257
Четверик — мера сыпучих тел, четвертая часть четверти (26 л).
Стр. 258
Осьминка — небольшая мера сыпучих тел (объем колеблется).
Стр. 259
Опека — контролируемая государством охрана имущественных прав и интересов несовершеннолетних лиц.
Стр. 265
Бурнус — женское пальто.
Стр. 275
...Лазаря-то петь! — прикидываться нищим (см. комм. к стр. 239).
Стр. 279
Бламанже — сладкое блюдо (здесь — мешанина).

Стр. 280
Протори — издержки, расходы, убытки.

Стр. 287
Очистительная — оправдание, избавление от неприятного.

Стр. 294
Опоек, опойка — тонкая мягкая кожа из шкуры молочного теленка; опойковая физиономия — глупая, невыразительная.

Стр. 296
Сам-двенадцать — в двенадцать раз.

Сам-друг — вдвое.

«СТАРОЕ ПО-НОВОМУ»

Впервые опубликовано в Полном собрании сочинений А. Н. Островского, т. X, М., Гослитиздат, 1951, стр. 411—461. До этого все издания воспроизводили исправленный П. М. Невежиным текст совместной пьесы; в таком же искаженном виде она и ставилась.

Рукописные источники:

черновой автограф Невежина *(ЧА)* с большой правкой Островского *(ГЦТМ)*;

режиссерский экземпляр Малого театра (литография) *(ММТ)*;

суфлерский экземпляр Малого театра (литография) с правкой Невежина *(ММТ)*;

режиссерский экземпляр Александринского театра *(ТПК)*, текст совпадает с литографированным *(ЛГТБ)*;

суфлерский экземпляр Александринского театра (литография) *(ЛГТБ)*.

Печатается по тексту, опубликованному в *ПСС*, со следующими исправлениями по *ЧА*:

Стр. 312, строки 3—4
После слов: «другая музыка подходит» *вставлено* «Хочу, стало быть, всласть пожить».

Стр. 329, строка 39
«Что в вас-то особенного?» *вместо* «Что в вас особенного?»

Стр. 340, строка 10
«красными словами» *вместо* «красивыми словами».

Невежин написал «Старое по-новому» в первой половине 1881 г. По-видимому, пьеса была передана Островскому летом 1881 г., поскольку 14 сентября Невежин спрашивал драматурга о том, разберется ли он в присланной рукописи. 15 декабря Невежин интересовался участью «Старого по-новому» (*«Неизданные письма»*, *стр. 268 и 272)*. Однако когда пьеса попала к Потехину, популярному драматургу, бывшему в ту пору управляющим драматическими труппами театров и членом Театрально-литературного комитета, она была еще произведением одного Невежина. В июле 1882 г. Потехин писал Островскому: «Относительно П. М. Невежина. По его просьбе прочитавши его комедию, я уведомил, что, по личному моему мнению, пьеса эта вряд ли может рассчитывать на постановку в Петербурге ⟨...⟩ Пьеса показалась мне очень слабою и по замыслу и по исполнению, сделанною притом грубо, аляповато и, главное, скучно. Может быть, если бы по ней прошлась рука такого опытного и большого художника, как ты, мертвое тело ожило бы, заговорило живым языком и сделалось способно к движению» *(там же*, *стр. 465—466)*.

Тогда же Невежин забрал пьесу и снова просил у Островского помощи. Работа драматурга была очень значительной, как об этом можно судить по рукописи Невежина, подвергшейся большой правке. Описание ее и сопоставление вариантов произведены в статье: Н. П. Кашин, Рукописи-автографы Островского. (См.: *А. Н. Островский*, *Дневники и письма. Театр Островского*, *М.— Л.*, *«Academia»*, *1937*, *стр. 238—252.)*

Отметим основные вставки Островского в невежинский текст (даются по *ЧА)*. В первом действии Островскому принадлежит вся вторая половина четвертого явления (от слов Пелагеи Климовны: «Уж что говорить!»). В пятом явлении — часть от слов Медынова: «Думать, думать!» до его же: «Грызите да мечтайте». В шестом явлении Островский вставил реплику Пикарцева: «Это значит ∽ венец творения», часть реплики Евлампия: «Эта манера ∽ брошена», кусок от слов Пикарцева: «Но по крайней мере» до его же: «право, несносный». В седьмом явлении Островским написан почти весь текст (от слов Наташи: «Где же это, где?» до слов Евлампия: «возвышенных стремлений» и заключительная реплика Евлампия, кроме первой фразы). Девятое явление принадлежит ему целиком.

Во втором действии Островский переписал почти все седьмое явление (от слов Наташи: «Ай, опять только намеки!»). Большие вставки были сделаны им в восьмом явлении (от слов Медынова: «Ничего не делаете» до его же: «с толку сбивать» — и последние четыре реплики). В девятом явлении Островским добавлены куски от слов Наташи: «не оставляете меня в покое» до ответа Медынова: «Насквозь видно» и от слов Медынова: «Отсталый?» до реплики Наташи: «Завидовать нехорошо, стыдно... гадко!», а также финальный диалог Медынова и Семена. В третьем действии Островский написал заново третье явление (от слов Федосьи Ивановны «Про какие она шашни говорит?»), явления четвертое, пятое и седьмое.

В четвертом действии Островскому в первом явлении принадлежат первые четыре реплики и часть от слов Пелагеи Климовны: «А вот без вас-то» до ее же слов: «Да, уж конечно». Им же целиком написаны второе, третье, шестое и седьмое явления. Помимо этого, невежинский текст был во многом исправлен Островским и в других местах.

В своей работе над текстом Островский углубил социальную и психологическую характеристику персонажей. Прасол Щеми-

лов под пером Островского приобрел откровенные черты нового деревенского предпринимателя, ловко пользующегося ради обогащения нищетой современного крестьянства (д. I, явл. 4). В последнем разговоре Щемилова с Наташей (д. IV, явл. 5) драматург усилил страх кулака перед организацией школ в деревне из опасения, что это снимет его с «хорошего счета» у начальства.

Иное освещение получил в окончательной редакции пьесы образ небогатого землевладельца Медынова. Островский придал ему некоторые черты Рабачева и Малькова и в то же время сделал созвучным новому времени. Сам Медынов не способен ответить на запросы Наташи, у него нет уже убежденности, что его благотворительность в деревне, его работа — действительно то, что является настоящим делом. Вместо патетических речей о труде, о пользе работы, которые произносил он у Невежина: «У всякого из нас кой-какие вопросы заползали в голову, да что толку. Мы на них сейчас лекарство: возьмем косу или лопату, да как понатрудим себе плечо — ну, тут сейчас вопросы и отлетели» (д. I, явл. 5) или: «Мы вот землю копаем, в черном теле живем, под солнцем печемся — хлеб добываем, кормим вас...» (д. II, явл. 8), — в новом Медынове появилось скептическое отношение к своей деятельности, высказанное им в беседе с Наташей: «В самом деле, двое, не то трое мужичонков благодетелем зовут» (д. I, явл. 5) или даже в ответе Евлампию: «А чем же дурно это занятие? Уж все-таки лучше и честнее, чем деревенских девок с толку сбивать» (д. II, явл. 8). Вместе с тем Островский лишил Медынова настырности, желания «не дремать» (д. II, явл. 9) в поединке с Евлампием, придал ему больше чувства собственного достоинства в отношениях с Наташей (д. I, явл. 9) и к Наташе (д. III, явл. 5).

Намеченный Невежиным образ «современного», а на самом деле старого как мир обольстителя Евлампия приобрел под пером Островского резко сатирические черты. Четыре его диалога с Наташей — доказательство пустоты эпигонов 60-х годов, важно называющих себя «людьми дела». Вместо абстрактных рассуждений о счастье, о том, что «жизнь требует движения, а вы хотите сидеть здесь в тине» (д. I, явл. 7), как это было у Невежина, в окончательном тексте появились реплики в защиту независимости, долга и женской деятельности (д. I, явл. 7). Столь же пародийно-саморазоблачительными стали слова Евлампия (д. II, явл. 7) о том, что «болтать о серьезных делах» он считает «непростительным малодушием», сменившие маловыразительный невежинский текст: «Прекрасно, прекрасно. Это большой шаг вперед. Вижу, что жизнь начинает вас затрагивать» (д. II, явл. 7). Островскому также принадлежат и два других объяснения Евлампия с Наташей (д. III, явл. 7 и д. IV, явл. 2), где он окончательно выдавал перед девушкой свое нравственное убожество.

Наташе в окончательном варианте была придана бо́льшая цельность и независимость. Из ее диалога с бабушкой (д. III, явл. 3) становилось ясно, как сложился такой характер. Именно Федосья Ивановна учила внучку разбираться в окружающих, привила девушке чувство любви к людям и долга. Собственное достоинство, желание самой во всем разобраться и проявила Наташа в разговорах с Евлампием и Медыновым (д. I, явл. 9; д. II, явл. 9; д. IV, явл. 6) и бабушкой (д. IV, явл. 3).

Невежина не вполне устроил правленный Островским текст. В литографированном издании (1882) пьеса появилась с некоторыми изменениями. Невежин исключил, в частности, диалог бабушки с

внучкой (д. III, явл. 3). Насколько он был важен для Островского, показывает то, что драматург включил слова о работе сестер милосердия в пьесу «Без вины виноватые», передав их Кручининой (д. II, явл. 4). Многие слова Невежин исправил на более ординарные: например, «забросить (в вас первые мысли о другой, новой жизни)» (д. I, явл. 7) он изменил на «возбудить».

Игралась пьеса именно по этим литографированным экземплярам, то есть по искаженному Невежиным тексту, причем, как это видно из суфлерского экземпляра Малого театра, он еще продолжал править и этот текст. Так финал разговора Федосьи Ивановны с Медыновым (д. III, явл. 5) уже в литографии звучал несколько иначе, чем у Островского. После реплики Медынова: «красными словами!» следовало продолжение: «Обидно, бабушка. Верно, кто честнее, тот и страдает». Но этого показалось Невежину мало, и он прибавил в сценический текст: «Э, да что толковать попусту. Близок локоть, да не укусишь... Прощайте, бабушка. (Сильно.) Ударюсь домой, возьмусь за работу, авось хоть малость отойдет от сердца!» Невежин брал реванш за купюры Островского о пользе труда. Включив «Старое по-новому» в свои «Драматические сочинения» (М., 1898), Невежин уже совсем перекраивал текст по своему усмотрению.

В октябре 1882 г. Островский извещал Бурдина, что Невежин при его содействии кончил «пьесу очень хорошую» и собирается ее ставить *(ПСС, XVI, 45)*. А вслед за этим обратился к директору императорских театров И. А. Всеволожскому с рекомендацией: «...она писана под постоянным моим наблюдением и представляет произведение хорошее по мысли, не лишенное художественных достоинств и живого интереса» — и выражал надежду, что она будет очень уместна на сценах столичных театров *(ПСС, XVI, 46)*.

Ставилось «Старое по-новому» как произведение одного Невежина. Премьера пьесы состоялась в Москве, в Малом театре, 21 ноября 1882 г. со следующим составом исполнителей: Семушкина — Н. М. Медведева, Пелагея Климовна — О. О. Садовская, Наташа — Г. Н. Федотова, Медынов — М. П. Садовский, Щемилов — Д. В. Живокини, Семен — Н. И. Музиль, Пикарцев — В. А. Макшеев, Пикарцева — С. П. Акимова, Евлампий — М. А. Решимов.

В Александринском театре пьеса намечалась на декабрь, но дирекция изменила свое решение, и «Старое по-новому» было сыграно в первый раз только через год — 11 ноября 1883 г. Роли исполняли: Семушкина — Е. Т. Сабурова, Пелагея Климовна — М. М. Александрова, Наташа — М. Г. Савина, Медынов — А. П. Ленский, Щемилов — В. Н. Давыдов, Семен — Н. И. Арди, Пикарцев — Н. Н. Зубов, Пикарцева — Е. Н. Жулева, Евлампий — М. М. Петипа.

Критика отозвалась о достоинствах пьесы сдержанно. Рецензент «Голоса» нашел ее «двадцать пятой вариацией» на тему поисков русской женщиной своего пути, причем вариацией далеко не лучшей: «Впечатления пьеса г. Невежина не производит на зрителя никакого» *(1882, 30 ноября)*. Слабой и скучной вещью назвал ее рецензент «Нового времени» *(1883, 12 ноября)*. Столь же скупыми и неблагожелательными были и другие отзывы.

Спектакли успеха не имели. В Москве, по отзывам одних, выделялся только Музиль в роли Семена *(«Голос», 1882, 30 ноября)*. Другие находили удачными Федотову — Наташу, Садовскую — Пелагею Климовну и Решимова — Евлампия: «Аплодисменты почти не прерывались в течение спектакля...» *(«Новое время», 1882, 30 ноября)*.

Сам Островский считал, что в Москве пьеса все-таки имела успех в противовес петербургскому спектаклю, разыгранному небрежно. Особенно огорчало драматурга распределение ролей и то, что бабушку не играла Жулева: «...роль бабушки отдана какой-то бесцветной актрисе, пьеса поставлена более, чем небрежно...» *(ПСС, XII, 236)*.

При жизни Островского пьеса прошла в Москве, в Малом театре, 16 раз, в Петербурге, в Александринском театре, кроме премьеры — еще один раз (15 ноября 1883 г.). Последний спектакль состоялся в Москве 21 ноября 1883 г.

Стр. 307
Прасол — торговец, скупающий продукты оптом.

Стр. 310
С пудовку — весом в пуд.

Стр. 311
Осмулишь — обмажешь.

Стр. 312
Бурнусец — см. комм. к стр. 269.

Стр. 338
Подтоп — разлив воды.

Стр. 352
«*Не белы-то снеги...*» — популярная русская народная песня, опубликована М. И. Бернардом в сборнике «Русские народные песни» *(Спб., 1847)*, затем входила в другие собрания. В советское время печаталась в сборнике «Русские народные песни» *(М., Госвоениздат, 1937)*.

Стр. 356
Сантуринское — род вина.

Л. Данилова

СОДЕРЖАНИЕ

Островский А. Н.

О-77 Полное собрание сочинений. В 12-ти т. Под общ. ред. Г. И. Владыкина [и др.]. Т. 8. Пьесы, написанные в соавторстве (1876—1882). Подг. текста Л. Даниловой. Коммент. Л. Даниловой и др. М., «Искусство», 1977.

431 с.; 1 л. портр.

В настоящий том входят пьесы, написанные А. Н. Островским в 1876—1882 гг., совместно с драматургами Н. Я. Соловьевым — комедии «Счастливый день», «Женитьба Белугина», «Дикарка» и драма «Светит, да не греет», и П. М. Невежиным — комедии «Блажь» и «Старое по-новому».

О $\frac{70600\text{-}032}{025(01)\text{-}77}$ **подписное** **Р1**

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ТОМ 8

Редактор И. С. Гракова
Художественный редактор Л. И. Орлова
Технический редактор Н. С. Еремина
Корректор Н. Я. Корнеева

Сдано в набор 16/VIII 1976 г. Подписано в печать 14/I 1977 г. Формат издания $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 22,786. Уч.-изд. л. 22,84. Изд. № 12976. Тираж 80 000 экз. Заказ 640. Цена 1 р. 60 к. Издательство «Искусство», 103051 Москва, Цветной бульвар, 25. Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

1 р. 60 к.